

Рис. 277 ^d / 1862, 9

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕБНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

»Добра хочю братья и Русскія Земля.«
Владимиръ Мономахъ.

1862

Ж О В Т Е Н Ъ

(СЕНТЯБРЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША И ТИШЕНА И К^о.

Per. 277 d - 1862, 9

Одобрено цензурою ноября 1-го, 1862 г.

5/18/5/300

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

VIII.

Н. И. КОСТОМАРОВУ,

(по поводу Мыслей Южнорусса в майской книжкѣ
Основы 1862 г.)

Ваше благородное слово услышано и оцѣнено. Великое вамъ спасибо уже за одно то, что вы, какъ кажется, первый рѣшились высказать прямо, — и ясно и убѣдительно — потребность, которую многие давно знали и никто явно не рѣшался признать. Читая вашу статью, приходится соглашаться съ вами отъ первой и до послѣдней строчки.

Да, вы сказали неопровержимую истину: «народъ южнорусскій, дѣйствительно, своимъ уваженіемъ къ законности и порядку, своимъ постояннымъ сознаниемъ необходимости органической связи съ великорусскимъ, заслужилъ отъ власти столько довѣрія, чтобы не считали его языка и саморазвитія зловердными для цѣльности государства.»

Но неужели существуютъ еще на бѣломъ свѣтѣ такіе «защитники государственнаго единства, которые думаютъ, что для спокойствія государства необходимо насильственно подвести къ одному знаменателю всѣ народные обычаи и приемы жизни, для того, чтобы когда-нибудь въ будущемъ русскія народности не подверглись опасности расторженія?» Оспаривать такихъ господъ — тоже самое, что убѣждать нашихъ пашюшекъ въ невозможности явленія привидѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, эзачѣмъ народу желать отторгаться отъ государства, когда это государство его удовлетворяетъ?»

Захотимъ ли мы лопить сами-себя союза, и подвергнуть наше благополучіе риску безразсудной и безцѣльной игры, въ которую мы только и можемъ что проиграть навѣрное? Мы, степняки, и подумать о такихъ вещахъ не можемъ безъ ужаса. Нашъ простой и, понаружности, простоватый народъ, съ свойственнымъ ему безошибочнымъ инстинктомъ, давно понялъ необходимость свободного, братскаго, тѣснѣйшаго и, притомъ, вѣчнаго соединенія двухъ великихъ половинъ. Въ его разсказахъ, слово *Ляхъ* пропозносится до-сихъ-поръ съ непобѣдимымъ отвращеніемъ, слово *Москаль* — часто съ насмѣшкою, съ ироніей... но тутъ нельзя найти и малѣйшаго слѣда политической нерасположенности.

Можетъ, нѣкоторыя вспомнить при этомъ, что Россія *заразила* насъ крѣпостнымъ правомъ? Да, на этотъ разъ именно можно употребить это выраженіе: она дѣйствительно насъ заразила, потому, что и сама, къ-несчастью, страшно страдала этимъ недугомъ. Но теперь правительство и тутъ обязываетъ насъ къ живѣйшей признательности, давая намъ полную возможность избавиться окончательно отъ заразы.

Какъ бы то ни было, отъ крѣпостнаго ли ига, или отъ другихъ вліятельныхъ обстоятельствъ, но нравственность нашего народа пала, надо признаться, очень глубоко, и для блага всѣхъ и каждаго еѣ надо поднять во что бы то ни обошлось.

Поднять еѣ можно только добросовѣстнымъ просвѣщеніемъ и самодѣятельностью народа; мы на себѣ-самихъ видѣли горькіе плоды чуждыхъ и насильственныхъ прививокъ. Нашъ народъ хочетъ учиться и жаждетъ знанія. Почти нѣтъ у насъ и одного казеннаго селенія, гдѣ бы не было народной школы, давно уже готовой. *Нѣкоторые помѣщики успѣли уже устроить, въ своихъ имѣніяхъ, бесплатныя школы, и многіе, очень многіе непремѣнно устроятъ ихъ, какъ только приведутъ свои дѣла въ порядокъ, покончивши съ Уставными Грамотами* (1).

Въ такія школы родители довольно охотно посылаютъ своихъ

(1) Мы были бы весьма благодарны за указаніе лицъ, устроившихъ школы у себя въ имѣніяхъ: почтенная имена ихъ должны быть всѣмъ извѣстны. *Ред.*

дѣтей: но школярская зубрительная метода обученія до сихъ поръ приносила самые ничтожные плоды. Виною тому — недостатокъ хорошихъ учителей, еще болѣе — недостатокъ руководствъ, примененныхъ къ умственнымъ средствамъ нашего народа, а еще болѣе — изложеніе ихъ на языкѣ не-родномъ, которому надо сперва выучиться. Я самъ, до 10-лѣтняго возраста, умѣлъ говорить только на своемъ родномъ — украинскомъ, *хочлацкомъ* — языкѣ, и хорошо помню, съ какими несносными усиліями долженъ былъ зубрить разныя російскія руководства, потому-что не понималъ словъ, въ нихъ напечатанныхъ. Спасибо еще земляку-учителю, который во-время спѣшилъ ко мнѣ на помощь и толковалъ значеніе каждаго. Тѣ же самыя явленія ежедневно повторяются въ нашихъ школахъ, съ тою только печальною разницею, что не всегда учитель хочетъ и можетъ помочь ученикамъ. —

Итакъ, первоначальное обученіе дѣтей должно производиться на родномъ языкѣ. Да и что можетъ быть естественнѣе первоначальнаго преподаванія на языкѣ, на которомъ дѣти выучились выражать свои первыя свѣжія впечатлѣнія? Только тѣ знанія, которыя переданы бывають *оптыямъ* на родномъ языкѣ — остаются въ ихъ головѣ на весь вѣкъ *живымъ* капиталомъ. Прибавимъ къ этому и напомнимъ многимъ, что нашъ простой людъ только въ дѣтствѣ и можетъ учиться. Позже — ему нѣтъ времени: — надо работать.

Конечно, съ пожертвованіемъ времени и трудовъ — на счетъ объема приобретаемыхъ знаній — можно учить народъ нашъ по теперешней методѣ и по готовымъ уже руководствамъ; можно даже измѣнить въ немъ характеръ своеобразности и сдѣлать его чѣмъ-то безцвѣтнымъ, безличнымъ....

Но неужели же въ самомъ дѣлѣ Богъ отказалъ въ своемъ благословеніи нашему народу, и навсѣмъ, что составляетъ его неотъемлемое сокровище и утѣшеніе, лежитъ печать отверженія? Отъ заключительныхъ словъ вашей статьи *похолоднуло на сѣрці!*

Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, нашъ народъ хуже другихъ Славянъ, и нашъ языкъ хуже языковъ, ему родственныхъ? Чѣмъ же онъ доказалъ свою неспособность къ жизни, и заслужилъ медленной, неизбежной смерти?

Въ послѣднее время, напротивъ, его внутреннее своеобразное богатство показало такую жизненность, которая способна не только развиваться, но и другихъ обгонять... Если Татары и Ев-

рен могутъ и учиться на своихъ собственныхъ языкахъ и сохранять свои нравы и обычаи, то намъ тѣмъ-болѣе не должно мѣшкать въ томъ же самоѣ. Наше правительство начинаетъ смотрѣть на всѣ народы имперіи одинаково правосудно. Южноруссы въ этомъ увѣрены...

Вы справедливо замѣтили, что образованіе нашего народа должно совершаться въ православно-христіанскомъ духѣ. Впрочемъ, ученія въ другомъ духѣ нашъ народъ и не приметъ, въ этомъ можно быть увѣреннымъ заранѣе. Просвѣтителю народа должны сѣять чистую пшеницу, соответствующую почвѣ: плодородная почва готова и ждетъ только ихъ труда. Хорошіе руководства и учителя необходимы.

Вы совѣтуете дѣятелямъ нашей словесности «предаться предварительному изученію и трезвому труду для составленія научныхъ книгъ, необходимыхъ народу» — и за этотъ совѣтъ нельзя не сказать вамъ «спасибо».

Но пускай и тѣ, которые воспѣваютъ «стоиці та могили, та чорнобривихъ дівчатъ» — воспѣваютъ ихъ на здорывѣ. Они несутъ свою ленту на алтарь народности. Ихъ пѣніе и рассказы, помимо поэтического достоинства, могутъ быть полезны какъ обработка языка и обогащеніе словаря. — Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нихъ примутъ вашъ совѣтъ и (у кого станетъ на то способности и знанія) будутъ со временемъ полезны народу и на поприщѣ науки. Но вѣдь это современемъ... а руководства нужны уже и теперь. Позвольте же мнѣ сказать, что трудъ составленія первыхъ руководствъ для народа долженъ пасть на ученыхъ и притомъ на тѣхъ, которыхъ мы особенно уважаемъ, славою которыхъ гордимся — какъ славою нашего народа; скажу вамъ прямо, что этотъ трудъ на первый разъ должны взять на себя вы, Н. И., г. Кулишъ и вамъ подобные. Въ готовыхъ научныхъ вашихъ познаніяхъ и въ знаніи языка никто изъ насъ не сомнѣвается, а въ умѣнн распоряжаться матеріаломъ и популярности пзложенія съ вами врядъ ли кто можетъ сравниться. Конечно, сильно вліяніе вашего *слова* на всѣхъ нашихъ пишущихъ людей; но примѣръ — будетъ сильнѣе въ этомъ случаѣ.

Притомъ, первому трудно прокладывать дорогу и не на такомъ поприщѣ; по готовымъ слѣдамъ легко уже пойдутъ многіе. Пріимите мои слова прямо, такъ-какъ я ихъ высказываю (мѣстить

я не намѣрею нпкому): составленіе первыхъ руководствъ для нашего народа—дѣло весьма и весьма нелегкое, и возможно только для такихъ, какъ вы. Изыкъ ихъ долженъ быть образцовымъ.

Но прежде всего, въ наше время, нужны деньги. Пусть редакція *Основы* объявитъ у себя постоянный пріемъ жертвованій на изданіе народныхъ руководствъ, съ республикованіемъ, пожалуй, фамилій жертвователей. (1) И дѣло пойдетъ.

Не знаю, кого вамъ угодно было подразумѣвать подъ «народолюбцами, охотно одѣвающимися, для забавы, въ quasi - національный костюмъ» и проч. Сколько мнѣ извѣстно, —ваше купечество если и одѣвается въ полуціональный костюмъ, то ужъ никакъ не для забавы.... Вы можете, если вамъ угодно, сомнѣваться въ человѣчныхъ стремленіяхъ всѣхъ насъ, помѣщиковъ и землевладѣльцевъ вообще; но я думаю, вы повѣрите хоть тому напримѣръ, что между нами есть очень много людей яснопонимающихъ—что съ распространіемъ правильнаго образованія въ народѣ, разовьется всякого рода промышленность, а слѣд. улучшится и земледѣліе, а слѣдов. и наши земли, поднявшись въ цѣнѣ, станутъ давать большую ренту; — что только образованіе научитъ нашъ народъ смотреть прямо на вещи, заставитъ его безпристрастно взглянуть на бывшія между нами отношенія и на теперешнія наши, относительно его, дѣйствія, и так. обр., окончательно примиритъ его съ нами; — и что только, вслѣдствіе всего этого, слово *пань* и *политицикъ* утратитъ наконецъ, часто несправедливо, придаваемыя многими изъ насъ—значеніе — въ литературѣ — чего-то смѣшного и даже оскорбительнаго, въ народѣ — чего-то вполне ненавистнаго.

Повторяю еще разъ: — вы можете сомнѣваться; но не смотря на теперешній страшный неурожай и на колеблющееся положеніе (теперь, покамѣсть) хозяйства нашего, — *на такое дѣло, какъ образованіе народа, мы денегъ дадимъ и ошибку вашу докижемъ дѣломъ.*

Изюмскаго уѣзда землевладѣлецъ Димитрій Запара.

Хуторъ Крипчкя
24 сентября 1862 г.

(1) О пожертвованіяхъ уже заявлено въ *Основы*. Желающіе могутъ доставлять и рукописи и деньги на имя *Николая Павловича Костомарова, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, 9-я линія, домъ Карманова.*

IX.

ПО-ПОВОДУ НАРОДНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Спѣшу откликнуться изъ «Рідної України» — на ожиданіе «Основы» высказанное по поводу «Мыслей Южнорусса» въ 5 книжкѣ.

Привѣтствуя всей душой предложеніе Н. П. Костомарова и *щирою украинця*, г. Погарского, думаю, что оно не можетъ не шевельнуть глубоко всякаго честнообразованнаго украинца, и спѣшу сообщить редакціи свои мысли. Для успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, какъ приобрѣтеніе средствъ для изданія учебниковъ, на южнорусскомъ языкѣ — *Основы* необходимо *дуже іолосно, на всю Україну, обізвѣтись*, — напечатать приглашеніе къ подпискѣ отдельными листками, для удобнѣйшаго распространенія и при другихъ журналахъ и газетахъ: *це було бь дуже и дуже добре діло*.

Явятся средства — найдутся, навѣрное, и люди, могущіе и желающіе взяться за благородный трудъ составленія этихъ, — совершенно ни чѣмъ незамѣнимыхъ для успѣха народнаго образованія, — учебниковъ «на рідній мові».

Успѣхи подписки въ пользу пострадавшихъ отъ пожаровъ въ Петербургѣ и въ пользу Черногорцевъ, кажется, могутъ внушить надежду на готовность общества — поддерживать всякое честное дѣло. Съ своей стороны, общаю помочь этому предиріятію — ежегоднымъ взносомъ 50 р. ср; содѣйствиємъ, въ здѣшней мѣстности, подпискѣ въ пользу этого истинно-полезнаго начинанія, и, наконецъ, покупкой и распространеніємъ учебныхъ книгъ.

Г. Лебеднѣцъ.

Аркадій Іовинъ.

По поводу объявленнаго въ *Основы* приглашенія къ подпискѣ на изданія книгъ научнаго содержанія на южнорусскомъ нарѣчій, получено мною: отъ г. Недобровского 50 р., отъ г. Костомарова 50 р., отъ г. Померанскаго 5 р., отъ г. Ольбрахта 6 р., отъ г. Хенцынскаго 5 р., отъ г. Москальскаго 3 р., отъ учениковъ Черниговской гимназіи 19 р., всего 138 р.

Н. Костомаровъ.

Додатокъ одъ редакціи. Опрічь сіхъ грошей, на учебники записали:

в.-п. д. Давиденко	100 карб.
— — Н Н Н Н Н	100 —
— — Кульжинський Ст. . . .	35 —
— — Кульжинський Ол. . . .	10 —
— — Червиченко.	25 —
— — Рудановський Л. . . .	10 —
— — Моховиківъ П.	10 —
— — Лисеевъ Ив.	10 —
— — Романовський З.	5 —
— — Гольманъ Ол.	5 —
— — Пóда Ив	3 —
— — Демѣнтьевъ.	5 —
— — Савицький В.	5 —
— — Васильевъ Он	2 —
— — Пригара М.	5 —
— — Петровъ Мик.	5 —
— — Остроградський.	5 —

усёго, съ прежніми 538 карб.

Чутка до насъ дошла, що й у Москві, наша громада, не съ пустими руками.

Х.

ЧЕМУ И КАКЪ УЧИТЬ НАШЪ НАРОДЪ.

Въ кievскомъ журналѣ *»Руководство для Сельскихъ Пастырей«* и въ *»Кievскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ«* помѣщены замѣчанія на письма нашего корреспондента изъ г. Таращи, о народныхъ школахъ. Предоставляя самому корреспонденту отвѣчать подробно своимъ порицателямъ, мы разберемъ замѣчанія ихъ, касающіяся общаго вопроса о народномъ обученіи.

Нашъ корреспондентъ писалъ: *»Преподаваніе начинается съ церковно-славянской азбуки, а не съ русской, не говоря о народной южно-русской. Это общій недостатокъ почти всѣхъ школъ, открытыхъ при церквахъ, хотя учредители школъ считаютъ это достоинствомъ.«*

Ему отвѣчаютъ: *»Позвольте спросить васъ, господишъ авторъ, какая*

будетъ разница въ томъ, что я научился читать, произнося: *азъ, буки, вѣди*, и т. п., а вы достигнете того же читая: *а, бе, ве, ге, и т. д.* Скажите: легче ли и скорѣе достигается цѣль? но вы сами не нападаете на церковнославянскую азбуку съ этой стороны; нѣтъ, вы ставите ей въ упрекъ титла, азы и буки, которые, по-вашему, только для того и годны, чтобы вспоминать прибаутки, въ родѣ приведенныхъ вами.»

Разница между обученіемъ грамотѣ по *букиазба* и обученіемъ по *беаба* существуетъ, — хотя, собственно говоря, эти способы принадлежать къ одному и тому же разряду, — разряду притупляющихъ способъ обученія; но первый, съ своими титлами, слоготитлами и соединеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, весьма неудобныхъ для неокрѣпшаго еще дѣтскаго органа рѣчи, обладаетъ качествомъ притупленія головы въ десять разъ больше, чѣмъ второй.

Нашъ корреспондентъ хотѣлъ не замѣны *букиазба* на *беаба*, а чтобы «не набивалъ голову ребенка совершенно непонятными ему словами и названіями, чтобы не приучали его къ машинальному зубренію, безъ всякаго участія ума и воображенія, чтобы не останавливали такимъ-образомъ развитія ребенка.» Кто мало-мальски знакомъ съ современнымъ состояніемъ искусства обученія грамотѣ въ Россіи, тотъ знаетъ, что посредствомъ церковнославянскихъ букварей того достигнуть нельзя. Напротивъ, русская современная письменность владѣетъ очень хорошими способами обученія. Практичность и цѣлесообразность этихъ способъ повѣрена и доказана долгимъ опытомъ другихъ народовъ. Вотъ-почему корреспондентъ нашъ предпочитаетъ церковнославянскую грамотѣ русскую. Всякъ, кто возьмется добросовѣстно за обученіе русской грамотѣ, естественно, отыщетъ всѣ усовершенствованные на русскомъ языкѣ способы обученія.

Что корреспондентъ нашъ, говоря о церковно-славянской азбукѣ, указывалъ не на одни титла, а на всю совокупность недостатковъ этой азбуки и неразлучнаго съ нею труднѣйшаго изъ труднѣйшихъ способъ обученія, видно изъ словъ его: «Преподаваніе начинается съ славянской, а не съ русской, *не говоря уже о народной, тжмо-русской.*» Очевидно, что авторъ южно-русскую азбуку и южно-русскій родной языкъ считаетъ самымъ-удобнымъ орудіемъ для обученія южно-русскаго народа грамотѣ, и что ихъ онъ предпочитаетъ не только церковно-славянской азбукѣ и славянскому языку, но и великорусской азбукѣ и великорусскому языку.

Г. А. Воскресенскій прямо не возражаетъ противъ необходимости и законности обучать нашихъ братьевъ на родномъ языкѣ; онъ прибѣгаетъ къ самому выгодному для себя и въ тоже время самому недобросовѣстному способу возраженія; онъ силится доказать, будто Н. Пав.

Костомаровъ, первый авторитетъ въ дѣлѣ просвѣщенія украинскаго народа, убѣждаетъ, что «почти нѣтъ еще возможности вполнѣ ввести въ употребленіе *обученіе грамотъ* южно-русскаго народа на національномъ языкѣ!» Нельзя не удивляться отвагѣ и искусству г. А. Воскресенскаго въ изобрѣтеніи доказательствъ; нѣтъ ничего легче и нѣтъ ничего доказательнѣе какъ сказать противнику: вы хотите обучать вашъ народъ на его природномъ языкѣ; вы хотите невозможнаго: не я это говорю, а говорить одинъ изъ лучшихъ знатоковъ вашей національности... Но — правда ли это?

Статью Н. Ив. Костомарова «О преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ» (*Основа*, май 1862 г.), мы читали нѣсколько разъ до появленія ея въ печати и всякій разъ выносили убѣжденіе, что авторъ, отнесшійся къ дѣлу съ полнымъ безпристрастіемъ и знаніемъ, именно хочетъ, чтобы южно-русскій народъ учился на своемъ языкѣ, такъ-какъ родной языкъ есть превосходное орудіе человѣческаго образованія. Мы перечитывали статью по напечатаніи и выносили тоже убѣжденіе; прочитали ее въ эту минуту, и не нашли ни малѣйшаго основанія переимѣнять свои мысли объ этомъ предметѣ. «Намъ нужно,» говоритъ Н. И. Костомаровъ, «преподаваніе науки на нашемъ родномъ языкѣ, преподаваніе не тѣмъ, которые уже привыкли не только говорить, но и мыслить на общерусскомъ языкѣ, но тому народу, для котораго родной языкъ до-сихъ-поръ *удобнѣйшая и легчайшая форма передачи и выраженія мыслей.*»

Главная мысль статьи Н. Ив. Костомарова, которую перетолковываетъ по-своему А. Воскресенскій, слѣдующая: «родной языкъ есть удобнѣйшее орудіе для передачи народу человѣческаго образованія. Южно-русская литература имѣетъ много хорошихъ произведеній, содержаніе которыхъ взято у народа. Произведенія эти, хотя и доступны народу и полезны для него, но они слишкомъ недостаточны для его образованія. Необходимы книги научныя. «Уже ли въ этихъ мысляхъ есть самонадѣйшій намекъ на то, что для обученія южно-русскаго народа даже *грамотъ* на его родномъ языкѣ «еще не приспѣло время?» Нѣтъ, подобное толкованіе мыслей профессора—есть или злостное, или тупое. Одно, что вытекаетъ изъ его мыслей, это обязанность для южно-русскихъ дѣятелей—немедленно же приступить къ изданію научныхъ книгъ, потому что если мы не дадимъ ему средствъ и способовъ учиться *на своемъ языкѣ*, онъ станетъ учиться на чужомъ — и наша народность извратится, развиваясь по чужимъ образцамъ.

Педагогика и вообще обученіе народа въ-частности есть опытная наука, а не произведеніе праздныхъ теорій, изобрѣтенныхъ людьми кабинетными. Можно изобрѣсть самыя краснорѣчивыя и теоретически-

сильныя доказательства въ пользу самыхъ невыносимыхъ для жизни народной учений; можно, напримѣръ, доказывать, какъ это и было, что науку слѣдуетъ преподавать на латинскомъ языкѣ, и т. п. Но только жизнь и ея опыты могутъ рѣшить споръ; только люди, стоящіе у са-мого дѣла, наблюдавшіе за примѣненіемъ способовъ достиженія цѣли, въ состояніи представить истинно-сильныя доказательства. Такъ и въ дѣлѣ обученія южно-русскаго народа. Сами мы, лично, глубоко убѣждены, что только обученіе на его родномъ языкѣ можетъ принести ему пользу. Но, при рѣшеніи этого вопроса, основываемся не на собственномъ убѣжденіи, неопровержимомъ и дорогомъ лично для насъ однихъ, не на силѣ теоретическихъ доказательствъ, которыя мы можемъ почерпнуть изъ общаго права каждаго народа на всестороннее пользованіе своимъ языкомъ, а на мнѣніи и опытѣ людей, занимавшихся обученіемъ южно-русскаго народа. Выписываемъ мнѣніе ихъ, записанное въ протоколѣ бывшаго, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, засѣданія комитета грамотности. Изъ записокъ, полученныхъ Комитетомъ Грамотности изъ Кіева и Полтавы, видно, что, при обученіи малороссійскаго населенія грамотѣ и первоначальнымъ научнымъ свѣдѣніямъ, приходится встрѣчаться съ обстоятельствомъ, которое замедляетъ успѣхъ грамотности, и самую грамотность дѣлаетъ не только бесполезною, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вредно. Это — способъ обученія на великорусскомъ языкѣ.

Ученики съ трудомъ понимаютъ этотъ языкъ. Такимъ образомъ, въ одной изъ полтавскихъ школъ, считавшей у себя 157 учениковъ, 114 положительно требовали обученія на малороссійскомъ языкѣ, а надо замѣтить, что въ числѣ 157 учениковъ было еще 23 великорусса. Посѣтившій школу вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ сел. Мачихахъ, Полтавскаго уѣзда, членъ Комитета Грамотности, г. Конисскій, просилъ самую лучшую ученицу прочесть что-нибудь. Дѣвочка бѣгло прочла *о судьяхъ*. Г. Конисскій просилъ рассказать прочитанное, но получилъ отвѣтъ, что она не сможетъ, потому что не учила на память; тогда ей дали *траматку* Кулиша, указали въ ней тоже самое мѣсто: дѣвочка прочла его и рассказала удовлетворительно. Совершенно тоже самое случилось и съ самымъ лучшимъ ученикомъ. Посѣтивъ школу вѣдомства государственныхъ имуществъ въ сел. Старыхъ-Санжарахъ, Полтавскаго уѣзда, г. Конисскій, далъ одному изъ учениковъ, посѣщающему школу 4-й годъ, прочесть изъ священнои исторіи главу объ Іосифѣ, и потомъ просилъ рассказать прочитанное; но мальчикъ не могъ рассказать ни слова; когда же прочелъ тоже самое на своемъ родномъ языкѣ, то передалъ прочитанное удовлетворительно. Другой мальчикъ, посѣщающій школу 3-й годъ и прочитавшій уже 3 раза всю

книгу *Наума*, не могъ рассказать изъ нея ни одного слова на томъ основаніи, что этой книги не училъ еще наизусть. Третій ученикъ, на вопросъ г. Конисскаго: кто былъ первымъ царемъ еврейскимъ? не могъ отвѣтить, но когда г. Конисскій сказалъ: расскажите о царяхъ, онъ залепеталъ: «два сына Самуила предалися лихоимству». — Знаете ли вы, что значить лихоимство? спросилъ г. Конисскій. — Нѣтъ, не знаю. — А хабари знаете? — Знаю. — Дѣвочки еще болѣе неразвиты. Ни одна не могла сказать, какъ звали мать Иисуса Христа и кто такой Иисусъ, хотя каждая отъ слова до слова знаетъ, наизусть, свящ. исторію по книгѣ. — Ни одна дѣвочка не понимаетъ словъ: *плоть*, *туча*, *амецъ*; нужно было перевести слова эти на родной языкъ дѣтей — и тогда они ихъ поняли. Неразвитость дѣтей еще рельефнѣе выразилась ариеметикою. Самые лучшіе ученики, зная, что $3 \times 4 = 12$, что 4 въ 16 содержится 4 раза, не знаютъ, сколько будетъ, если три раза взять по четыре, и сколько будетъ въ частномъ, если 16 раздѣлить на 4.

Все это въ сущности *исудивительно*: различіе между языками великорусскимъ и южнорусскимъ немалое. Извѣстно, что, кромѣ кореннаго различія въ синтаксическихъ оборотахъ обоихъ языковъ, въ великорусскомъ есть множество и такихъ словъ, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ въ южнорусскомъ, или они имѣютъ въ немъ другое значеніе. — Причина этому, конечно, въ совершенно-различной исторіи этихъ языковъ.

Южноруссы, обучаясь грамотѣ на языкѣ великорусскомъ, приобрѣтаютъ уродливый говоръ, не похожій ни на тотъ, ни на другой языкъ. — При полубразованности, уродливый говоръ служитъ поводомъ въ выдѣленію ихъ изъ своихъ семействъ и вообще изъ своей среды; на односельянъ они смотрятъ свысока, и занятія хохлацкія — мужицкія считаютъ для себя низкими. Отъ этого грамотность отнимаетъ отъ сельскихъ занятій рабочія руки, ибо многіе грамотные ищутъ для себя занятій, по усвоенному ими понятію, болѣе благородныхъ, какъ-то: тяжбы по судамъ, ябедничества и т. п. Такимъ образомъ, обученіе на великорусскомъ языкѣ вноситъ нравственную порчу и составляетъ главную причину того, что сельское населеніе смотритъ на грамотность неблагопріятно.

Южнорусскій край находится подъ вліяніемъ польской проаганды, которая заботится, главнымъ образомъ, о распространеніи въ немъ своей грамотности, а затѣмъ, письменности и свойственныхъ ей исключительныхъ понятій. — Противодѣйствіемъ этому можетъ служить только развитіе мѣстной народности, такъ-какъ, при численнѣхъ

неудобствахъ грамотности на великорусскомъ языкѣ, трудно противо-
дѣйствовать польскому обученію.

Не смотря на то, что удовлетвореніе всѣмъ высшимъ потребно-
стямъ своимъ, какъ-то: проповѣдь, судъ и образованіе, народъ при-
нималъ доселѣ не на своемъ языкѣ, его родной языкъ сохранился
у него во всей полнотѣ, и прививаемыя ему чуждыя формы повели
только къ непониманію высшихъ общественныхъ проявленій жизни,
или къ тому, что народъ относился къ нимъ враждебно, какъ къ
началу, совершенно ему чуждому и непонятному. — Какъ трудно
изясниться на великорусскомъ языкѣ, испытало само правительство
при введеніи въ дѣйствіе Положеніи 19-го февраля, и потому-то нѣко-
торыя правительственныя лица, напр.: кievскій гражданскій губер-
наторъ и екатеринославское губернскае по крестьянскимъ дѣламъ при-
сутствіе принуждены были, даже въ письменныхъ обращеніяхъ своихъ
къ населенію, прибѣгать къ языку южнорусскому.

Въ-силу всего этого, нельзя не признать настоятельно необходи-
мымъ дозволеніе обучать въ народныхъ школахъ на родномъ языкѣ и
внести въ списокъ книгъ, допущенныхъ къ употребленію въ народныхъ
училищахъ — учебныя книги на этомъ языкѣ.

Въ-заключеніе, необходимо прибавить, что дурной успѣхъ препода-
ванія въ двухъ вышеупомянутыхъ сельскихъ школахъ произходить не
только отъ употребленія великорусскаго языка, но и отъ дурной ме-
тоды обученія. Такъ, въ санжаровской школѣ, обучаютъ грамотѣ по
методу—азъ, буки, отчего послѣ 4, 5 мѣсяцевъ ученія, мальчики еще
не знаютъ азбуки. — Преподаватель не знаетъ о существованіи новѣй-
шихъ методовъ. — Тѣлесное наказаніе въ большомъ ходу, но еще въ
большемъ исправка—для умѣнья вставать всѣмъ разомъ, если въ шко-
лу войдетъ голова, писарь и т. п.

Итакъ, мысль, будто для южнорусскаго народа еще не приспѣло
время образованія на родномъ языкѣ, потому только, что нѣтъ науч-
ныхъ книгъ на южно-русскомъ языкѣ, принадлежитъ безраздѣльно г.
А. Воскресенскому, тому самому, который предпочитаетъ обученіе на-
рода на церковно-славянскомъ языкѣ всякому другому. Но утверждая
это, г. возражатель самъ себѣ противорѣчить: онъ принимаетъ недо-
статокъ научныхъ книгъ за основаніе невозможности обучать южно-
русскій народъ на его родномъ языкѣ и забываетъ, что это основаніе
еще болѣе приѣмнимо къ церковно-славянской письменности. О науч-
ныхъ книгахъ, столь необходимыхъ для народа, при господствѣ цер-
ковно-славянской письменности въ приходскихъ школахъ, не можетъ
быть и рѣчи. Посмотримъ, на-сколько соответствуютъ воспитательной
цѣли тѣ церковно-славянскія книги, по которымъ обучаютъ теперь.

Псалтырь, Часословъ и другія церковно-славянскія книги, принятыя въ приходскихъ школахъ, не смотря на ихъ важное, церковное и догматическое, значеніе, — въ педагогическомъ отношеніи не приносятъ дѣталь надлежащей пользы, такъ-какъ, и по изложенію и по содержанію, книги эти доступны только людямъ возмужалымъ, да притомъ людямъ опытнымъ, знающимъ жизнь и — языкъ ц.-славянскій.

Защитники церковно-славянскихъ школъ, готовы противорѣчить нашему положенію — и это въ порядкѣ вещей. Мы только спросимъ ихъ, для уясненія этого важнаго вопроса, къ чему, по ихъ мнѣнію, должна стремиться народная школа? Достигаетъ ли она цѣли, если выучить ребенка читать съ быстротою барабаннаго боя: *вскую шаташася языцы; или блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ; отъ юности моя мнози борють мѣ страсти*, и т. д., тогда-какъ ребенокъ не можетъ объяснить ни одного слова изъ того, что онъ прочиталъ? Если защитники обученія на церковно-славянскомъ языкѣ думаютъ, что достигаетъ, — тогда, конечно, они правы, гоня изъ школы всякую живую рѣчь и всякое живое слово и объясненіе; тогда самые лучшіе народные учителя тѣ дьячки и бакаляры, которые, до 1840 года, были единственными учителями приходскихъ школъ, ученики которыхъ, подражая имъ самимъ, до-сихъ-поръ оглашаютъ наши церкви чтеніемъ, скорѣе похожимъ на залипаніе барабана и трещетки, чѣмъ на разумное человѣческое чтеніе.

Нашъ взглядъ на назначеніе народныхъ школъ — другой. По нашему мнѣнію, школа должна научить отрока читать не одинъ Псалтырь или Часословъ, а вообще научить хорошо читать всякую книгу, и научить не механически, не по памяти, а со смысломъ, чтобы мальчикъ понималъ то, что читаетъ; чтобы онъ могъ объяснить каждое произнесенное имъ слово, передать прочитанное не книжными, а собственными словами. Но возможно ли это въ томъ случаѣ, когда книгой для первоначальнаго чтенія будетъ служить Псалтырь, Часословъ или другія, имъ подобныя, книги? Авторитетъ, религіозное и церковное значеніе этихъ книгъ, признано всеми; люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій этого не оспариваютъ. Но справьтесъ хоть съ отцами церкви, авторитетъ которыхъ защитники обученія по церковно-славянски ставятъ выше авторитета всѣхъ педагоговъ въ мірѣ, — справьтесъ, что говорятъ они о Псалтырѣ. Они считаютъ ее книгой исполненной глубокой мудрости, но доступною пониманію людей наиболѣе успѣвшихъ въ боговѣдѣніи, людей испытывавшихъ много въ жизни, видѣвшихъ добро и зло, словомъ — книгою, назначенною не для пониманія и руководства отрока, а для зрѣлаго и опытнаго мужа. Сами отцы церкви писали на Псалтырь большіе комментаріи и часто терлись въ догад-

какъ, какой имѣетъ смыслъ то или другое мѣсто, — на что указываютъ псалмопѣвецъ тѣми или другими словами. Что думали объ этой книгѣ отцы церкви, тоже скажетъ и всякій, хорошо знакомый съ нею, тоже говорить и опытъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ, чтеніе и объясненіе книгъ священнаго писанія, въ томъ числѣ и Псалтыри, считается однимъ изъ главныхъ предметовъ; въ-продолженіи шести лѣтъ идетъ преподаваніе этого предмета, какъ науки. И что же? самые даровитые, неполамъ съ грѣхомъ, могутъ объяснять книги Ветхаго Завѣта, въ томъ числѣ и Псалтырь; большинство же вовсе, или почти вовсе, ихъ не понимаетъ. Причина очевидная: книги Ветхаго Завѣта созданы для народа, складъ ума, понятія, бытъ, историческія судьбы котораго слишкомъ своеобразны и слишкомъ исключительны для того, чтобы ихъ легко могъ понимать современный намъ человѣкъ. И такія-то книги назначаютъ для первоначальнаго чтенія сельскому отроку! Послѣ этого, для ознакомленія съ природою, слѣдуетъ давать ребенку *Космосъ*, Гумбольдта, или начинать обученіе языку съ грамматики Боппа, или В. Гумбольдта!

Г. А. Воскресенскій говоритъ далѣе: «Знаете ли вы, *господинъ авторъ*, духъ того народа, объ образованіи котораго заботитесь и, по своей заботѣ, нападаете на настоящихъ его учителей, — знаете ли, *какого именно* образованія жаждетъ онъ? Народъ нашъ до-сихъ-поръ считаетъ дѣло обученія грамотѣ дѣломъ Божиимъ, начинаетъ его съ крестомъ и молитвою, и потому, прежде всего, желаетъ грамоты церковной, т. е. чтобы дитя прежде всего умѣло читать молитвы и церковныя книги.»

Что народъ чрезвычайно-высоко цѣнить церковную грамоту, — это не подлежитъ сомнѣнію; что онъ ищетъ познанія вѣры — и это справедливо; что ему необходимо религіозное образованіе — никто не станетъ возражать противъ этого. Народъ нашъ *благочестивъ*, не смотря даже на то, что о благочестіи его до-сихъ-поръ мало кто заботился. Большинство священниковъ исполняетъ церковныя обряды и требы (погребеніе, крещеніе и пр.), занято своимъ хозяйствомъ, судьбою своего семейства, часто многочисленнаго, безпризорнаго и безпомощнаго — по недостатку средствъ, — вообще занято дѣлами житейскими, — какъ всякій гражданинъ. О причетникахъ — дьячкахъ и пономаряхъ — мы не говоримъ: эти люди по образованію стоятъ, большею частью, на одной ступени съ земледѣльцами, и не въ состояніи внести въ сельскій бытъ ничего хорошаго. Четыре года назадъ мы очень интересовались состояніемъ обученія въ школахъ министерства государственныхъ имуществъ, школахъ, заведенныхъ въ 40-хъ годахъ и состоящихъ подъ руководствомъ сельскаго духовенства; намъ удалось посѣтить нѣсколько десятковъ такихъ

школь въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ; въ большинствѣ этихъ школь преподаваніемъ занимались дьячки и исключенные семинаристы, которыхъ нанимали отъ себя *настоящіе учителя* — священники. Во всѣхъ этихъ школахъ обученіе было чисто-формальное: заучиваніе на память священной исторіи и катихизиса и чтеніе безъ всякаго пониманія такихъ (недоступныхъ для пониманія дитяти) книгъ, какъ: *Удобныйшій путь въ царствіе небесное*; самые лучшіе ученики весьма быстро произносили выученное на память, но очень сбивчиво и крайне-неудовлетворительно, отвѣчали на простые вопросы изъ священной исторіи и катихизиса; другіе же, можно полагать — *девятнадцать двадцатыхъ*, не только не могли дать отвѣта на вопросы не-книжные, но не умѣли даже и *пробарабанить*, по общепринятому правилу, выученнаго. Состояніе этихъ школь не измѣнилось, какъ подтверждаетъ вышеприведенная выписка изъ протоколовъ Комитета Грамотности. Всѣ, сколько-нибудь знакомые съ народомъ, соглашаются, что школьное обученіе религіи у нашего народа стоитъ на очень низкой степени: у поселанина можно видѣть иногда Псалтырь, Часословъ, но почти никогда Евангелія, столь необходимаго для образованія народа. И не смотря на все это, народъ южнорусскій очень религіозенъ; въ немъ самомъ, какъ въ крѣпкомъ обществѣ людей съ извѣстными нравственными потребностями, съ извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, хранится неизсякаемый источникъ религіозныхъ вѣрованій и преданій; изъ-рода въ-родъ, изъ-поколѣнія въ-поколѣніе передаетъ онъ рассказы изъ жизни Христа, Матери Божіей и любимыхъ святыхъ; весь его бытъ проникнутъ религіознымъ характеромъ; вѣрить онъ сильно, вѣрить всѣмъ существомъ, а не по заказу только, не по-принципу. Религіозность его чуждается того сухого, безжизненнаго доктринаризма, который составляетъ отличительный признакъ *почивающихъ на законѣ*, лицемеріе и бесплодность вѣры которыхъ такъ-сильно обличалъ великій учитель Христосъ; онъ ее хранитъ, какъ часть самого-себя, какъ нѣчто такое, отъ чего онъ отрѣшиться не можетъ безъ ущерба всему своему существу, — а не для тѣхъ постороннихъ, виѣшнихъ, случайныхъ цѣлей, которыя измѣются въ-виду у людей, давно утратившихъ вѣру и поддерживающихъ религію по-принципу. Благочестіе южнорусскаго народа остается неизблѣмымъ при равнодушіи къ этой внутренней народной потребности однихъ, и при недостаточномъ уваженіи къ ней другихъ.

Но тѣ очень ошибаются, которые утверждаютъ, что народъ южнорусскій и не хочетъ, и не ищетъ, и даже не нуждается въ другихъ знаніяхъ, кромѣ знаній религіозныхъ. Утверждающій это недругъ народа; онъ завѣдомо, или безвѣдомо, хочетъ, чтобы народъ оставался въ младенческомъ состояніи относительно своихъ гражданскихъ и об-

нственныхъ обязанностей, относительно пониманія окружающей его природы и людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло; тотъ прямо обрекаетъ его на жалкую роль, на вѣчную зависимость отъ случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, отъ людей, или равнодушныхъ къ нему, или враждебныхъ, или имѣющихъ, по отношенію къ нему, свои затейныя мысли, вѣшнія дѣла, а не прямое его благо. Люди, желающіе ограничить образованіе народа умѣньемъ — механически читать Псалтырь и Часословъ, забываютъ, что крестьянина сильно, жизненно занимаютъ многіе гражданскіе вопросы, какъ хозяина, какъ отца семейства, какъ прихожанина, какъ члена сельскаго общества, какъ наконецъ, должностное лицо *громады*. Люди партій, люди привилегированныхъ сословій, люди казарменнаго, монастырскаго и кабинетнаго образованія, до-гроба забывающіе *книжную мудрости*, иногда *лжи*, горожане, встрѣчающіеся съ народомъ только мимоходомъ, обыкновенно имѣютъ самое превратное и самое низкое понятіе о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ сельскаго населенія, восхищаясь въ тоже время собственнымъ развитіемъ, собственной *цивилизациею*. Между-тѣмъ, вообще говоря, земледѣльца волнуютъ тѣ же самыя вопросы, занимаютъ тѣ же самыя предметы, какъ и человѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому образованному обществу, — только не въ такомъ объемѣ и не съ такою подробностію. Его — всегда, а теперь тѣмъ болѣе — занималъ вопросъ о поземельной собственности, о податяхъ; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдуетъ о явленіяхъ природы, о внутреннихъ и вѣшнихъ потребностяхъ человѣка, и на все у него есть свое послынное разрѣшеніе. Но иные, давно равнодушные къ религіи, хотѣли бы, при всемъ этомъ, чтобы народъ имѣлъ только религіозное образованіе; и сами всецѣло преданные своимъ дѣламъ, настаиваютъ на томъ, чтобы онъ ежеминутно помышлялъ о небѣ и какъ можно меньше думалъ о дѣлахъ жителей-скихъ...

Думаютъ обыкновенно, что если народъ будетъ только религіозенъ, то будетъ и хорошимъ гражданиномъ; хотятъ, чтобы религія составляла для него все, а все остальное въ жизни — имѣло бы второстепенное значеніе. Да сельское населеніе не можетъ не быть религіозно; религія одна изъ стихій его жизни, — значить она должна и будетъ составлять главное основаніе его образованія. Но какъ же забывать, что религіозность не можетъ обнять всего быта поселяннина, что не она одна наполняетъ всю его душу, не она руководитъ его поведеніемъ! Развѣ не каждый день встрѣчаются намъ примѣры, что молящійся, соблюдающій посты, вѣрующій во всѣ догматы и исполняющій всѣ обряды, безчестно поступаетъ въ гражданскомъ отношеніи: лжетъ, обманываетъ, воруетъ, пьянствуетъ, дерется, притѣсняетъ жену, дѣтей?! Развѣ исторія не говоритъ намъ

объ ужасныхъ преступленіяхъ — пыткахъ, сожиганіяхъ, безжалостномъ преслѣдованіи невинныхъ людей тѣми самими средневѣковыми подвижниками, которые всѣмъ существомъ своимъ преданы были религіи и, между-тѣмъ, терзая своихъ братьевъ о Христѣ, думали — приносить тѣмъ службу Человѣколюбцу? Развѣ не первосвященники, не религіозные учителя преслѣдовали и распяли Христа за его ученіе, исполненное высокихъ непреложныхъ истинъ, за его пламенную любовь къ народу? Въ религіозности народнои важно то содержаніе и то направленіе, которое даетъ ей гражданская жизнь; значить религіозность, влія на быть гражданскій, въ свою очередь проникается имъ и, тѣмъ или другимъ образомъ, такъ-сказать становится въ зависимость отъ него, значить успѣхъ общаго образованія народа будетъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ и успѣхомъ его въ истинномъ благочестіи. Чѣмъ лучше народъ будетъ знать предметы, близко его касающіеся, какъ-то явленія природы, общественныя дѣла, людей его окружающихъ; чѣмъ лучшей онъ будетъ гражданинъ и хозяинъ, тѣмъ лучшей онъ будетъ и христіанинъ, тѣмъ религіозность его станетъ сознательнѣе, дѣятельнѣе. Народу нужны не одні молитвы, не одні церковныя книги; не всякій, говорящій: Господи, Господи! угоденъ Богу. Народу нужно такое образованіе, которое дало бы ему возможность понимать молитвы, а не произносить ихъ только; ему нужно преподавать такую грамотность, которая бы развила въ извѣстной степени его способности и поселила въ немъ охоту къ чтенію; его нужно вести къ тому, чтобы у него были нѣкоторыя книги настольными, напримѣръ—евангеліе, книга о явленіяхъ природы, и обо всемъ, что близко его сердцу, что можетъ занимать его умъ, что — воспитывая и образуя его—способствуетъ ему быть достойнымъ семейнымъ, громадяниномъ, прихожаниномъ, однимъ словомъ — любящимъ и вѣрнымъ сыномъ родной земли. И мы и наши противники согласны въ томъ, что потребность религіознаго образованія у южно-русскаго народа велика. Но наши противники думаютъ, что научить поселянину молитвамъ, механическому чтенію псалтиря и часослова — значить сдѣлать его религіознымъ; а наше глубокое убѣжденіе, что этого недостаточно: нужно образовать въ немъ способность читать и понимать вообще книги, нужно составить учебники и распространить ихъ между народомъ: тогда можно ручаться, что народъ самъ найдетъ богатый источникъ для своего религіознаго образованія: онъ станетъ читать евангеліе, эту великую наставницу народовъ, которая до сихъ поръ остается мало ему извѣстною, не смотря на то, что нѣкоторые религіозные монополисты такъ, повидимому, много хлопочуть о религіозности народа.

»До послѣдней поры, народъ и не думалъ даже о томъ, что мож-

но учиться не по церковному букварю, не по часослову и псалтыри, а по другим каким-то книгамъ. Столько-то бралось за выучение букваря, столько-то за часословъ, столько-то за псалтырь, и т. п. кто-бы то ни былъ учитель — дьячекъ ли, отставной ли солдатъ,— всё они учили по указаннымъ книгамъ, и *другія книги* никогда не упоминались при условіяхъ о платѣ за наученіе грамотѣ.»

Такъ продолжаетъ г. Воскресенскій, желая доказать всю законность, съ образовательной точки зрѣнія, обученія народа по-церковно-славянски. Станный способъ доказывать состоятельность чего бы то ни было! Этимъ способомъ можно доказать разумность и законность всѣхъ отживающихъ учреждений, всѣхъ осужденныхъ и правительствомъ и обществомъ явленій жизни. Большинство чиновниковъ и народъ не знаютъ, а первые и не желаютъ другихъ формъ судопроизводства, кромѣ существующихъ у насъ; наши домашніе ходатаи по дѣламъ съ полѣйшимъ недоброжелательствомъ ожидаютъ новыхъ судебныхъ реформъ; большинство помѣщиковъ крѣпко не желали освобожденія крестьянъ, предсказывали ужасныя послѣдствія, увѣрили Христомъ-Богомъ, что крестьянамъ жить подъ ихъ властью чрезвычайно хорошо, выгодно, и удобно, что только нѣкоторые изъ нихъ безпокойнаго поведенія, лѣнныя и никуда негодныя, желаютъ переменъ; воспитатели духовнаго юношества считаютъ наилучшею педагогическою системою господствующую въ семинаріяхъ средневѣковую схоластику, и большинство семинарскаго юношества, незнакомое ни съ лучшими учебниками, ни съ лучшими методами обученія, вѣрятъ въ превосходство семинарской схоластики и считаютъ такія руководства какъ Шрекка, Райковскаго послѣднимъ словомъ науки. Ужели изъ незнанія, непониманія, неупоминанія того, чего еще нѣтъ, слѣдуетъ заключать, что всё, что есть, хорошо? Народъ знаетъ псалтырь, часословъ, упоминаетъ объ нихъ въ условіяхъ, заключаемыхъ съ дьячками объ обученіи дѣтей грамотѣ, и не знаетъ и не упоминаетъ о *другихъ какихъ-то книгахъ*, напримѣръ, о евангеліи. По логикѣ г. А. Воскресенскаго, не слѣдуетъ обучать народъ грамотѣ и по евангелію, и дѣлать эту книгу ежедневною наставницею поселянину... Между народомъ обращается гадательная книга «Премудрый Соломонъ»; въ книгу эту онъ очень вѣритъ, изреченія ея считаетъ велѣніями свыше, — и въ тоже время онъ не знаетъ ни одной книги, гдѣ бы изложены были ясно и просто, понятія о его гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, гдѣ бы разъяснено было — кто онъ, гдѣ живетъ, какъ жили люди прежде; гдѣ бы сказано было, что судьба человѣка зависитъ не отъ вліянія какой-нибудь планеты, а отъ законовъ искони положенныхъ, отъ него самого, и того общества, среди котораго онъ живетъ. По логикѣ г. А. Воскресенскаго,

нужно поддерживать любовь и вѣру народа въ *Премудраго Соломона!* Народъ имѣетъ самыя невѣрныя понятія о самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ природы — о громѣ, молніи, снѣгѣ, появленіи болѣзней и пр., и не подозрѣваетъ существованія другихъ понятій; подражая возражателю, не слѣдуетъ распространять между народомъ здравыхъ понятій о природѣ, о хозяйствѣ и т. п.!

Г. А. Воскресенскій, утверждая, что у народа нѣтъ ни мысли о возможности учиться не по церковному букварю, не по часослову и псалтырю, ни свѣдѣній о существованіи другихъ книгъ, говоритъ это потому, что ему извѣстны только сельскіе приходскіе школы и ученики этихъ школъ; о воскресныхъ же школахъ, существовавшихъ въ городахъ, онъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній и никакого поэтому понятія, а равно и объ ученикахъ этихъ школъ. Иначе онъ бы этого не говорилъ, потому что ученики воскресныхъ школъ, познакомившись съ многими другими книгами, читали нѣкоторыя изъ нихъ съ жадностію, — читали евангеліе, рассказы изъ русской исторіи, бесѣды о явленіяхъ природы, наконецъ рассказы изъ сельскаго быта, и т. п., и въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, извѣстны книги и кромѣ псалтыря и часослова. Мы не говоримъ уже о крестьянахъ, промышляющихъ въ большихъ городахъ: нерѣдко случается видѣть въ рукахъ торговца, сидящаго на перекресткѣ, *Народную Бесѣду*, *Народное Чтеніе*, и другія, и если онъ не знаетъ, напримѣръ, евангелія, не читаетъ какихъ-нибудь общепользныхъ книгъ, то не его уже вина, что тѣ, которые обязаны были популяризировать первое и написать вторыя, этого не сдѣлали.

Г. А. Воскресенскій говоритъ: »новомодные просвѣтителы признаютъ богѣ разумнымъ и полезнымъ прежде всего кормить дѣтей баснями да сказками, которыя одиѣ будто бы способствуютъ развитію ребенка, питаютъ его умъ и воображеніе.« Чтобы судить, что считают полезнымъ и разумнымъ новомодные просвѣтителы, мы сопоставимъ ихъ съ старомодными: пусть само дѣло за себя говоритъ, и покажетъ, насколько правъ критикъ нашего корреспондента изъ Таращи. Старомодные просвѣтителы, къ которымъ принадлежатъ г. А. Воскресенскій, желаютъ: начинать обученіе грамотѣ съ церковнославянской грамматики и вести его чрезъ Часословъ и Псалтырь; новомодные просвѣтителы желаютъ: начать съ букварей на народномъ языкѣ, составленныхъ по правиламъ современной педагогики, и вести обученіе чрезъ чтеніе евангелія, переведеннаго на народный языкъ, общепонятныхъ книгъ о явленіяхъ природы, народныхъ думъ, рассказовъ и избранныхъ стихотвореній лучшихъ писателей. Старомодные просвѣтителы довольствуются механическимъ обученіемъ чтенію, не требуя и не считая необходимымъ пониманіе читаннаго; они не разборчивы на книги для дѣтскаго

чтенія; новомодные просвѣтителѣ не только не довольствуются обученіемъ такому чтенію, но считаютъ его положительно вреднымъ для развитія головы крестьянскаго мальчишка и подобную грамоту не приносящую настоящей пользы народу; оттого они очень осторожны въ выборѣ книгъ и стараются или выбирать понятныя, или, за неизмѣніемъ ихъ, вновь составлять. Старомодные просвѣтителѣ думаютъ ограничиться одною школою, и вынесенное оттуда механическое умѣнье читать Псалтырь и Часословъ они считаютъ знаніемъ, достаточнымъ для поселяннина на всю жизнь; новомодные просвѣтителѣ хотятъ развить въ крестьянскомъ мальчикѣ способность читать и понимать и охоту къ чтенію на-столько, чтобы мальчикъ и по выходѣ изъ школы продолжалъ, по собственному побужденію, читать такія книги, какъ евангеліе, и чтобы такимъ образомъ дать ему въ руки средства къ дальнѣйшему нравственному и умственному самоусовершенствованію. Старомодные просвѣтителѣ не обращаютъ никакого вниманія на улучшеніе нравственныхъ правилъ ребенка;—дѣйствуютъ на дѣтей страхомъ, наказываютъ ихъ тѣлесно за ничтожныя шалости, приучаютъ ихъ къ пассивному повиновенію, и довольствуются виѣшнею выправкою ихъ поведенія; новомодные просвѣтителѣ, вмѣстѣ съ обученіемъ, стараются развить въ ребенкѣ чувство нравственнаго долга и сознаніе, что ложь, сквернословіе, драка, воровство и др. дѣтскіе пороки унижительно для человѣка и противны Богу и людямъ; они хорошимъ ласковымъ обращеніемъ съ нимъ смягчаютъ его нравъ и зараждаютъ въ немъ лучшія привычки. И такъ, мысль г. Воскресенскаго, будто *новомодные* просвѣтителѣ считаютъ болѣе разумнымъ и полезнымъ прежде всего *кормить* дѣтей баснями да сказками, есть карриатура, искаженіе, желаніе человѣка партіи уронить репутацію честныхъ дѣятелей не его прихода, и на истинность претендовать не можетъ.

»Народъ отдаетъ дѣтей своихъ въ науку преимущественно духовнымъ;« »скоро заводятся и наполняются учениками тѣ школы, гдѣ объ открытіи ихъ заботится духовенство и само занимается обученіемъ;« »народъ знаетъ чистоту намѣреній духовенства и не сомнѣвается въ пользѣ сообщаемаго имъ образованія, тогда-какъ на другихъ учителей онъ смотритъ недовѣрчиво и потому неохотно посылаетъ дѣтей своихъ въ ихъ школы;« »современныя дѣтописи не представляютъ намъ фактовъ, чтобы недуховныя лица имѣли въ домахъ своихъ обширныя школы для обученія простаго народа грамотѣ, тогда-какъ о духовенствѣ много сообщено намъ такихъ свѣдѣній.« Многое изъ сказаннаго здѣсь было бы справедливо, еслибы было высказано четыре года назадъ, то есть прежде того достопамятнаго дня, когда образованные люди всѣхъ сословій и половъ начали сознавать давно-лежавшую на нихъ, до тѣхъ

поръ пренебрегаемую ими, обязанность обучать народъ грамотѣ, народъ, тяжкому труду котораго они не мало обязаны своимъ собственнымъ образованіемъ. До того времени народъ, дѣйствительно, зналъ преимущественно одного учителя—духовенство, съ рѣдкими исключениями; до тѣхъ поръ ему и въ голову не приходило, чтобы его учителемъ могъ быть помѣщикъ, чиновникъ, небогатый дворянинъ, студентъ, гимназистъ—и онъ былъ правъ; всѣ упомянутые господа прежде считали ниже своего званія братья за обученіе *чернаго* народа и каждый изъ нихъ, въ свободное время, (а свободнаго время у нѣкоторыхъ изъ нихъ было очень много), предавался разнымъ приятнымъ занятіямъ: картежной игрѣ, кутежамъ, салонной болтовнѣ, танцамъ, каждодневному хожденію по гостямъ, просто ничего-недѣланію, лѣни и апатіи. Народъ, естественно, заключалъ изъ этого, что не дворянское дѣло обучать грамотѣ сельскихъ ребятишекъ,—что удовольствія и преуспѣяніе въ дворянскихъ обычаяхъ, нравахъ и достоинствахъ,—вотъ истинно дворянское занятіе. Но какъ только образованныя сословія сдѣлали поворотъ къ лучшему, стали заниматься образованіемъ народа и заводить школы, народъ, хотя съ недоумѣніемъ сначала смотрѣлъ на это явленіе, какъ и свойственно всякому человѣку смотрѣть на все новое, но не замедлилъ послать своихъ дѣтей въ воскресныя школы, которыя скоро наполнились и размножились. Мы не будемъ утверждать, что эти школы были образцомъ совершенства, что въ нихъ все шло какъ нельзя лучше, все всегда и вездѣ соответствовало потребностямъ народа, что при учрежденіи и веденіи ихъ не было колебаній въ ревности, прилѣжаніи и энергіи дѣятелей народнаго образованія. Такъ самоувѣренно могутъ говорить о своихъ приходскихъ сельскихъ школахъ г. А. Воскресенскій и прочіе писатели статей въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Скажемъ только, что, не смотря на разныя препятствія, на неустановленность убѣжденій и броженіе въ самомъ обществѣ, въ три-четыре года сдѣлано было очень много, и школамъ, заводимымъ самимъ обществомъ, предстояла великая будущность—будущность національнаго, дорогаго и для образованныхъ классовъ и для народа, учрежденія. Что народъ съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этимъ школамъ, доказательствомъ служатъ статистическія данныя, которыя постоянно обнародовались въ разныхъ газетахъ и должны быть извѣстны всякому интересующемуся народнымъ образованіемъ.

Г. А. Воскресенскій и другіе, державшіеся однихъ съ нимъ воззрѣній, давно уже гласятъ о необыкновенномъ успѣхѣ сельскихъ приходскихъ школъ, заведенныхъ духовенствомъ въ югозападномъ краѣ. Что нѣкоторые священники воспользовались свободно и непринужденно приглашеніемъ своего начальства — завѣсть при церквяхъ школы, — это

неоспоримо; что немногіе изъ нихъ съ энергіею, умѣньемъ и успѣхомъ занимаютъ образованіемъ сельскаго населенія, — и это подтверждается фактами. Но мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что вообще эти школы въ неудовлетворительномъ положеніи; что очень многіе священники ими тяготеютъ и заводятъ ихъ въ исполненіе только воли начальства, а не собственнаго своего желанія; что многіе рады были бы сдать своихъ учениковъ учителямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; что, наконецъ, поставленные между обязанностію, на нихъ возложенною, и дѣйствительностію, которая не даетъ имъ возможности быть хорошими сельскими учителями, они принуждены въ отчетахъ показывать болѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть, изъ опасенія — навлечь гнѣвъ и немилость начальства. Отсюда объясняется та круглая и красивая цифра приходскихъ сельскихъ школъ и учениковъ въ нихъ, которая безпрестанно выставляется въ печати, какъ доказательство необычайнаго успѣха. Мы это говоримъ не къ тому, чтобы упрекать нашихъ сельскихъ священниковъ; мы хорошо знаемъ ихъ затруднительное — хозяйственное, общественное и нравственное — положеніе, и не сдѣлаемъ несправедливости. Наша цѣль — возстановить истину, — потому что только истина поучительна во всемъ — и, тѣмъ болѣе, въ дѣлѣ образованія народа... Неоткуда было въ 3—4 года произойти, въ положеніи и направленіи духовенства, такой перемены, которая породила вдругъ множество школъ и множество учениковъ воспитываемыхъ сельскимъ духовенствомъ. Еще четыре года назадъ каждый видѣлъ незавидное положеніе школъ министерства государственныхъ имуществъ съ учителями-священниками; получая отъ казны вознагражденіе, они, большею частію, нанимали, вмѣсто себя, для занятій въ этихъ школахъ, дьячковъ, пономарей и исключенныхъ семинаристовъ, и поддерживали во всей чистотѣ преподаваніе грамотъ, по старой методѣ, съ *зубреніемъ* священной исторіи и катихизиса, съ системою *устрашенія*, со всемъ, что возбуждало нелюбовь и недовѣріе къ нимъ южно-русскаго селянина. Кому также неизвѣстно, что матеріальное положеніе нашихъ сельскихъ священниковъ насколько не улучшилось, и что они также теперь, какъ и прежде, изо дня въ день бьются изъ-за приобрѣтенія куска хлѣба, — постоянно и тяжело озабочены участію своей семьи, воспитаніемъ своихъ сыновей (о дочеряхъ трудно и думать!), для чего прилежно занимаются хозяйствомъ, исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей по приходу, отправленіемъ церковныхъ службъ, а иногда и какой-нибудь общественной должности: благочиннаго, депутата и проч. Занятый и поглощенный собственными дѣлами, стѣсненный и озабоченный семействомъ и его образованіемъ, часто воспитанный самъ на бесплодной и мертвящей схоластикѣ, не ставшій еще ни въ тѣсное отношеніе съ поселяниномъ, чтобы дѣятельно любить его, ни

въ довѣрчивую связь съ помѣщикомъ и вообще образованнымъ сословіемъ, чтобы мѣняться свѣдѣніями, наблюденіями и мыслями и не глоснуть въ однообразіи и замкнутости, нашъ сельскій священникъ не имѣлъ ни времени, ни охоты, ни средствъ, ни даже сознанія необходимости сдѣлаться школьнымъ сельскимъ учителемъ. Если можно было отъ него чего желать для народнаго образованія—такъ это обученія евангельскимъ истинамъ. Но ожидать, а тѣмъ болѣе—требовать отъ сельскаго священника преданности дѣлу народнаго учительства въ школахъ, при настоящемъ положеніи семьи его и его самаго, значило бы требовать невозможнаго, значило бы возлагать на человѣка бремена неудобноносимыя... Мы и не требуемъ, и не ожидаемъ, а слѣдовательно, и не можемъ повѣрить *всѣмъ* поразительнымъ заявленіямъ объ подвигахъ и успѣхахъ духовенства, выставляемымъ въ ущербъ заслугъ свѣтскихъ людей.

Съ недавнихъ поръ повелся обычай у господъ, раздѣляющихъ убѣжденія г. А. Воскресенскаго, твердить о недовѣрчивости народа къ учителямъ не изъ духовенства. Эти господа ограничиваются только голыми фразами о недовѣрчивости и не приводятъ ни одного факта въ подтвержденіе. Невольно приходитъ мысль, что эти господа свою собственную недовѣрчивость желали бы навязать народу, что они рады были бы, еслибъ народъ дѣйствительно не довѣрялъ учителямъ не изъ духовенства. Недовѣрчивость г. А. Воскресенскаго и господъ одинаковыхъ съ нимъ убѣждений естественна и для насъ понятна; это—недовѣрчивость партіи, недвѣрчивость кружка съ опредѣленными ученіями и опредѣленными дѣлами, это—естественное слѣдствіе высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, о непогрѣшимости своихъ убѣждений, о *чистотѣ своихъ намъреній*. Изъ какихъ же побужденій станеть не довѣрять народъ людямъ, желающимъ оказать ему помощь въ обученіи грамотѣ, если эти люди не подали ему къ тому повода? Не довѣряетъ народъ пану въ хозяйственныхъ дѣлахъ, въ поземельныхъ отношеніяхъ,—это понятно для всякаго, кто знаетъ, чѣмъ былъ панъ для земледѣльца. Недовѣрчиво народъ встрѣчаетъ и каждаго одѣтаго по-нѣмецки, нескоро съ нимъ сближается, не спѣшитъ открыть ему своихъ заветныхъ думъ, своихъ радостей и своей печали, любви и ненависти, по той же самой причинѣ. Но въ немъ нѣтъ ничего похожаго на недвѣрчивость г. А. Воскресенскаго къ людямъ не-духовнымъ, желающимъ обучать его грамотѣ, на не довѣрчивость вслѣдствіе того, что *чистота намъреній* составляетъ будто бы исключительную собственность одного духовенства. Народу чужды наши споры, наши симпатіи и антипатіи, наша философія; онъ чрезвычайно самостоятеленъ въ движеніяхъ своего сердца. Явились воскресныя школы—и онъ сталъ посылать туда своихъ дѣтей; школы эти

такъ не долго существовали, что они не могли пустить глубокихъ корней, не могли приобрести ту любовь народа, которая даетъ себя чувствовать когда касаются любимыхъ его учреждений. Но, повторяемъ, статистики этихъ школъ свидѣтельствуетъ, что народъ не питалъ къ нимъ недо- вѣрія. Вотъ примѣръ, что народъ имѣетъ свои взгляды и не раздѣляетъ недо- вѣрчивости господъ, принадлежащихъ къ разнымъ цехамъ и корпо- раціямъ. Въ одной изъ южно-русскихъ губерній, въ раскольниковскомъ посадѣ, частный учитель, носящій даже не русскую фамилію, завелъ школу, въ которой было около 50 учениковъ и которая имѣла получила организацію съ вмѣшательствомъ и контролемъ администраціи. А меж- ду тѣмъ—общепринятое убѣжденіе, что раскольники самый недо- вѣрчивый народъ.

Нашъ корреспондентъ изъ Таращи выразилъ мнѣніе, что хорошо было бы удѣлять на народныя школы часть занасныхъ церковныхъ особливо мо- настырскихъ суммъ,—мнѣніе самое невинное и стоящее того, чтобы об- ратить на него вниманіе при устройствѣ народныхъ школъ. »Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости« заговорили объ этомъ мнѣніи какъ о посяга- тельствѣ на церковную собственность, а о высказавшемъ его, какъ о че- ловѣкѣ, который готовъ, пожалуй, наложить руку на всякую собственность. »А! вы социалистъ, вы отвергаете собственность, вы хотите завладѣть Божиимъ добромъ.« Видно, что писавшій въ Кіевск. Вѣдом. свою замѣтку, владѣеть полнѣйшимъ невѣжествомъ относительно общественныхъ во- просовъ, и о социализмѣ знаетъ не больше кіевской торговли: иначе онъ не сталъ бы понятіе это употреблять безъ смысла. Въ мнѣніи тарашинскаго корреспондента относительно вспомошествованія изъ цер- ковныхъ суммъ народнымъ школамъ, нѣтъ ничего такого, чего бы не было до сихъ поръ въ общественныхъ понятіяхъ и въ практикѣ. Изъ цер- ковныхъ суммъ дѣлаютъ разные расходы, наприм. при сдачѣ въ духовное правленіе приходорасходныхъ и метрическихъ книгъ, отчетовъ о церков- ныхъ суммахъ, при проѣздѣ благочинныхъ и др. Положимъ, что эти рас- ходы не могутъ служить примѣромъ. Но есть другіе, всѣми признан- ные; напримѣръ—расходъ на образованіе духовнаго юношества. Если же на церковныя суммы воспитывается духовное юношество, то отчего же изъ этого источника нельзя поддерживать обученіе народа грамотѣ вообще и религіи въ-частности? Эта мысль можетъ притти всякому, и общество, не рискуя впасть въ святотатство, вправѣ объ этомъ говорить. Или вы считаете церковную собственность—собственностію духовенства и самую религіозность народа хотите направить на пользу одного ду- ховнаго сословія? Или вы только на словахъ такъ горячо стоите за образованіе народа, а на дѣлѣ не хотите даже спокойно говорить объ изысканіи средствъ къ осуществленію этого дѣла, и готовы причислить

потребує образованія къ мірскимъ второстепеннимъ потребностямъ, котрымъ вы, на словахъ, оказываєте такое презрѣніе? Или вы считаєте беззаконіємъ даже мысль о возможности поддерживать школы изъ церковныхъ суммъ, и, напротивъ, желаете, чтобы приходы учредили школы и ввѣрили ихъ управленіе священникамъ, назначивъ имъ за это хорошій окладъ?.. Но пора, наконецъ, подумать и о пользахъ народа...

А. ГОРОДИСЬКИЙ.

XI.

СУДЪ ЧЕХІВЪ НАДЪ СОБОЮ.

Недавно, въ однімъ лпсті ірзъкого щодѣнника, — *»Народні Листи,«* Чехи на весь свѣтъ оголосили свої грѣхи и недостатки. Добрий тó знакъ, коли народъ не боїтця въ вічі собі заглянути и смѣливо оповідати всю свою негідь!.. Треба й намъ, Українцямъ, мати таку одвагу. Колись, нашъ славний Шевченко вже бувъ заглянувъ у нашу історію; и зъ ёго гарячого сердца вирвалось гірке слово правди:

Я ридіаю, якъ згадаю
Діла незабути
Дідівъ нашихъ... страшні діла!
Якъ-бї їхъ забути
Я оддавъ би весѣлого
Віку половину!...

и це слово було для насъ спасѣннимъ словомъ... повело воно насъ до каєтця и до поправи... Прочтаймо жъ теперъ, якъ судять себе наші побратіми — Чехи, — прислѣхаймось добре до їхъ гіркої мови, — чи не почувемо тїі спасєнної правди, щó й до насъ, теперешніхъ Українцівъ, прікласти можна:

»Нема, та мабуть и не було, у Европі такого народу, щобъ на ёго сипалось стільки поприку, лайки и глузування, якъ на Чеський народъ. У книжечкахъ, щоденникахъ, оповіданняхъ, топчуть въ багнюку ёго честь и славу: у позорницяхъ преставляють ёго, кенкують и сміютьця; у Німецькихъ щодєннихъ писанняхъ напалась на ёго цілісінька арава підкуплєнихъ и не підкуплєнихъ писакъ, та й воює тимъ, щó знущаетця надъ нами зъ злобою такою, щó й не слїхано.

Та й у самихъ палатахъ государственныхъ, частина людей, що дёржютця тільки себе в своєї особної думки, — вискакують проти Чеськихъ депутатівъ съ такими річима, що ці річі здаютьця намъ лунною одъ тії великої нелюбви, яку виказують намъ німецькі псання тихъ таки писакъ, що хочуть загарбати насъ, згромадять до-купи та й підвеств підъ одинъ народъ изъ Шімцями. И зъ гортані саміи государської Австріяцької старшині, що, намъ здаетця, повнина бъ була, по совісті, однаково й міцно обороняти честь кожного народу въ Имперії — и одъ неї чували ми таке конкування й посьміхъ надъ нами, що кожному Чехові, хто має й чує въ собі хочъ искру народної гордоци, отъ соромá кровь до лиця приливáе... Народъ Чеський наче бъ-то якийсь відомий зюдій, що въ ёго кожнѣ — п прилюдне й нишкомъ — має право встромити пожа ядовітої ненависти.

Таке жалібно, але відоме, діло, така річъ повинна збити зъ пантелику кожного чоловіка, якъ-щó вінъ про щó думáє. Поневолі задумáється: яка тому причина? Де затаїлось те джерелó, изъ якого такъ багато ллетця зюби та гніву на ввесь же - то народъ, що бувъ колись такий славетний!

Тільки дві вини може щёму бути: або наші вороги зло мислять на насъ, або жъ ми самі дуже мизёрні, а може—и те и друге.

Нашимъ ворогамъ не позичати лихихъ думокъ проти насъ: сё всякому ясно. Вони вже дуже, дуже часто ваяютьця зъ нами мерзенними брехнями и усякими поганими на насъ вигадками. Та й е таки, справді, за щó насъ нелюбити зъ давніхъ-давнѣнь, бо такъ воно, собі на лихо, склалося. Нашъ Чеський народъ колись-то такий спільний та гордий, теперъ дуже, дуже підупавъ, зробивсь народомъ підвласнимъ, завоеванимъ и въ великій немощі хилився вже до домовини. Надъ ёго ліжкомъ, де вінъ канавъ, стояли вже радісні наслідники, ждучи посліднього стукоту лицарського чеського серця.

Вони вже заздалегди раділи, що отъ-отъ загарбають гарну Чеську землю. И справді жъ гарна для нихъ була земелька наша! По самій середині Европи простяглася вона, а Богъ наділивъ її, наче свою любов, самимъ найдорогішими подарунками. До-тóго, наче клиномъ зайшла вона въ самісіньке серце Німецького краю: отъ, сусіда нашъ и не зможе війкъ, щобъ не зачепити нашої країни, коли задумáє зібгати та скувати собі ціле, міцне

та велике німецьке царство, — не зможе, поки на Чеській землі житиме й пануватиме чужий людь, племя Чеське, що само виткнулось упередь... а за нимъ же то стоить безкрає море Славянства!

Якъ скеля стоить Чеський край міжъ моремъ Німецькимъ и Славянськимъ, и Німецькимъ флямъ ніякъ не можна перехопітись у велике море Славянське... розбризкуютьця обь скелі Чеськихъ гір! Тимъ-то сусіда нашъ пильно придивлявся до присмертного народу Чеського, ажъ нетерпіяча ёго брала, чекаючи, коли-то вінъ сканає.

Та ба! надія їхня—пішла за водою! Уже й дзвонили на сходь-душі и збералися провадити ёго до могільки, та дзвінъ той стався наче гóлосомъ того янголя, що звістивъ про воскресіння: бо, замість смерти, народъ Чеський знову народився на світь бóжий!

Прочнувшись, вінъ почавъ питать у тихъ, що вже заздалегідь загарбували худобу недужого, ставъ про великі добра свої питати и почавъ щóтомъ видирати у здірцівъ свою батьківщину. Наслідники наскли раківъ, піймали облизня, — отъ, відъ тóго й настала въ їхъ сёрці та пекельна ненависть замість до-часної надії.

Та це жъ намъ не соромъ и не нагана, що сусіди не люблять насъ съ тої причини: це значить, що ми знову живемó и держимо при собі свою батьківщину. Тимъ, щó піймали облизня, може-таки колись одійде одъ сёрця и, якъ пропаде въ їхъ послідня надія загарбати наше, то може вони й утихомирятця и перестануть любити насъ... якъ собака палицю.

А отъ есть инші людці, що імъ нічого було и сподіватися одъ насъ, коли бъ ми й сканали, — ми їхъ нічимъ и не зневажили, але вони все-таки насъ не люблять и мають насъ за біднихъ та мизёрнихъ; коли ми силкуємось щó робити, то вони ажъ плечима здвигаютъ и одвертаютьця одъ насъ, жалкуючи про нашу мизерію та неспромóжність.

Чому се воно тákъ? Оттуть уже першъ усе́го подивимось на себе та роздивимось, якъ ми живемó, щó ми робимо при всякімъ случаю и припадкові, розпитаємось міжъ собою гарненько, чи не завелюся въ нашихъ власнихъ народніхъ житті чогó поганого? Чи не за те, щó е въ насъ негарного, зневажають насъ, ганяють, або жалкують обь насъ? Спитаймо-лишъ по-правді, свою совість, не потураючи собі, — які ми люде?

Оттоді ми й побачимо, що в нас є дуже погані нарові, негарна вдача; що видъ нашого народу поцяцькований плямами стародавнєї хвороби зостались шрами одъ тихъ ранъ, що, колись, трохи не задушили насъ... Поки ми не счистимо зъ себе тихъ поганихъ плямъ, ажъ по́ти імена Чеського народу не ся́тимо такъ, якъ ся́ють імення иншихъ народівъ въ Евро́пі.

Придвімося жъ пильно до сіхъ плямъ, — до своєї поганої хвороби, осудимо себе на щпрій правді и поміркуюймо, якъ намъ поправитьця. Найпершъ, нема в насъ того, що підніма́ иншихъ людей на великі и безсмертні діла, нема в нашого народу тихъ криль, що, звутьця *народнєю гордістю*; нема в насъ тіі народнєї гордоци, що, ради неї, Венгеръ визнає себе Венгеромъ передъ усімъ світомъ; нема и нема тіі гордоци, зъ якою живе Хранцузъ, Авглянинъ, Італьянецъ, або й Ляхъ, міжъ иншими народами, що ні́ оди́нь зъ нихъ ні́коли в світі не провінявъ би свого народнєго прозвища ні на яке в світі инше прозвище. А ми багато що бачимо такихъ Чехівъ, що відрікаютьця одъ рідної землі, одъ свого народу, одъ батьківъ своїхъ, не хочуть зватися Чехами и по-чеський, роблятьця перевертнями и звутьця Німцями, або кимъ-иншимъ.

Та не тільки що народнєї, а нема в насъ и *громадильскої гордоци*, — нема того, щобъ думати: що отъ — я чоловікъ якъ усі громадяне, що тимъ и мене треба поважати; що лучче я не піддамся нікому, лучче якъ-небудь житиму по-сво́іму, аніжъ продамся за багатство, титули або панство; нема в насъ и думки тієї, що краще заробляти собі шматокъ хліба гіркою та чесною працею, аніжъ вдатися в розкішша та жити в пишнімъ рабстві.

Оттимъ-то, що в насъ нема ціі гордості, тимъ воно́ й лучаетця, що ми отдаємо́ себе цілкомъ в чужу волю и безуставку ганяємось за панствомъ та чинами, щобъ мати мундиръ та вигідне місце, тішимо себе, якъ малі діти, цяцька́ми, не питаючись, чи воно́ жъ усе оце не скуе нашу живу́ душу и волю, та чи не звяже ру́ки и думку нашу, — чи робить се честь и вигіду нашому народові?

Тимъ-то воно́ й бува такъ, що усякий, и чужоземський, урядъ, — коли схоже, то тільки гукне, — заразъ и знайде цілісінкі юрби Чехівъ, що готові прислугівувати скрізь усякому

урядові, в по чужій думці, яка бь тамъ вона ни була. А що съ того, — можна бачити въ Венграхъ и вишихъ краяхъ, чи дуже то поважають нашъ народъ за такую вдачу.

Чехамъ не достає ще міцного, непорушного відержу въ кожнімъ ділі, за яке бересся, хоча бь тобі що й суперечливо: — чи лучитця вноді що й не дошмиги, чи присікаютця до тебе, ганяють та привнічують, то щобъ не лякатися, а твердо, не хилячись, стояти; и коли на тебе не по правді буває напастъ яка, то лучче нехай тебе ворогъ стрілами засипле, аніжъ тобі поступитися хочъ на ступінь свого діла. Дуже палка натура нашого люду, швидко вінъ розпалюетця високимъ полемьямъ, та що жь, коли й манесенький дощикъ може погасити те полемья, а тоді, замість храбрости та усплку, ми жалкуемо, бідкаімось та горюємо по-жіночий. Нехай набіжить хочъ манесенька хмарка суперечної думки на небі спільного життя людського, то вже й загнала тая хмарка, въ затишний кутокъ, самихъ завзятихъ лицарівъ нашихъ...

Въ Чеськімъ народі нема того, щобъ коли вже памітивъ собі яку мету, задумавъ яке діло, то щобъ уже полицарський не одступавсь відъ ёго. Ато буває цілісіньке море словъ и балачки, та зъ того моря не виринає ніякого спражнёго діла; вляжутця філі великихъ глаголівъ, та й стане пустисенько якъ и перше бувало. А що жь може й спасти насъ, якъ не спражня праця, не спражне діло?

Та буде вже! и сёго, здаетця, доволі... Не хочетця далі розкутувати нашихъ ранъ, щобъ ми не показались надто вже брідкими и мерзёніми, щобъ ми й самі не перелякались свого недуга. Але жь ми повинні тямити й памятати своєї хвороби, коли не хочемо щобъ вона вьїлася въ самий мозокъ костей нашихъ, коли не хочемо тинятися ані то дужими, ані при смерті.

Найгірший народові ворогъ бува той, хто лестиво вихваляє насъ, щобъ ми не по-правді про себе думали; и, зновъ, найвірнійший другъ народу той, хто не боїтця правди и сміло розкриває ёго болячки. Ми повинні бачити свою власну душевну негідь, повинні підійматися на усякі зусілля, щобъ швидко одкараскатися одъ всякого зла: бо вже на небі, по-надъ усімъ Европськимъ краємъ, то тамъ, то инде, показуютця чорні хмарки, що мабуть злетятця й зберутця надъ нами въ велику тучу. Але намъ

нічого лякатись. Тепера лучаютьця усякі шури-бурі п супо-
рѣччя нашимъ думамъ про всяке добро громадзького життя, лу-
чаютьця в рантові дощі, — та після нихъ сонечко сає ще тепліше п
краще ніжъ перше.»

ПЛѢНЪ И СМЕРТЬ Я. Г. КУХАРЕНКА.

Читатели *Основы*, безъ-сомнѣнія, раздѣляютъ съ нами душевную горестъ о несчастной потерѣ, понесенной нами въ лицѣ Наказнаго Отамана Черноморскаго Войска, *Якова Герасимовича Кухаренка*: 19-го сентября его постигъ плѣнъ, а потомъ — смерть въ плѣну у Черкесовъ.

»Де ни взялася орда —
Порубала козака,
Порубала — посікла
И у полоня занала.«

Ужасныя страданія, которыми сопровождалось плѣненіе, были выше силъ самаго бодрого человѣка, какими мы лично знали Якова Герасимовича: и онъ угасъ вдали отъ родины, отъ неутѣшной семьи, отъ товарищей-козаковъ-Черноморцевъ...

»Он не добре козацька голова знала,
Що безъ війська козацького умерала!«

Такъ вѣкогда погибали славные *лицарі-козаки* — за честь, славу, за братерство рідної України.«

Въ Я. Г. Кухаревкѣ украинолюбцы теряютъ щірого и даровитаго украинскаго писателя и знатока Запорожской и Черноморской старины; имя его дорого также и по любви къ нему Шевченка, къ которому Я. Г. при первой возможности, обратился съ дѣятельнымъ участіемъ, когда нашъ »Кобзарь« находился

въ Орской крѣпости (¹). Кто прочелъ (написанный еще въ 1836 году) *»Черноморський Побитъ«* (оперетта), *»Пластунъ,«* *»Віці и Чабанъ»* и *»Вороній Кіль«* тотъ не могъ не оцѣнить превосходнаго знанія изображаемаго быта, знанія украинскаго языка и того неподдѣльнаго юмора, которымъ отличался Я. Г. Кухаренко.

Основья намъ особенно чувствительна потеря Я. Г. еще въ томъ отношеніи, что онъ намѣревался написать о многомъ, что хранила его память, изъ военнаго и гражданскаго быта родной *Черноморіи*, и все написанное сообщать въ *Основу*, съ тою теплою и навсегда-памятною намъ любовью и безкорыстіемъ, съ которыми онъ лично передалъ поименованныя выше статьи, также 2-ую часть *»Черноморського Побиту«* и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть *»Ч. Побиту,«* Я. Г. думалъ-было исправить, —отчего и замедлилось ея напечатаніе; тепорь мы напечатаетъ въ томъ видѣ, какъ получили.

Всякій разъ, встрѣчая здѣсь и провозжая родныхъ земляковъ отсюда Петербургска громада сильнѣе чувствуетъ, какого блага лишена она вдали отъ родины; что же должна была она почувствовать, проводивъ мысленно одного изъ друзей своихъ въ вѣчное жилище?.. Въ общей горести, всѣ Украинцы составляли одну семью, и положили отслужить по усопшемъ панихиду, а на одномъ изъ Шевченковыхъ вечеровъ, поминули дорогаго своего соотечественника, —вопна и писателя, —по козацкому обычаю, извѣстной героической пѣсней, въ которой имя *Морозенка*, при пѣніи, замѣнялось именемъ *Кухаренка*...

»Онъ, хоте загинула козацька голубонька,
Та не загинула слава!»

Сообщаемъ подробности плѣна, смерти и перевезенія тѣла Я. Г. Кухаренка въ Екатеринодаръ, изъ статьи г. Павла Барилка, напечатанной въ 236 № *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*; въ ней (пишетъ намъ обязательный авторъ) «заканчуются первыя краткія свѣдѣнія; дальнѣйшія подробности ожидаются и собираются, и предполагаемая затѣмъ статья съ біографическимъ

(¹) См. начало *Дневника* и письма Т. Гр. къ Я. Г. Кухаренку, въ майской и октябрьской книжкахъ *Основы* 1861 г.

очеркомъ покойнаго, по желанію его сыновей, предназначается для *Основык* (1).

»Въ среднихъ числахъ минувшаго сентября, вызванные г. командующимъ войсками Кубанской Области, по дѣламъ службы, начальники закубанскихъ отрядовъ, генералъ-маіоры Бабичъ и Кухаренко, спустя нѣсколько часовъ одинъ за другимъ, слѣдовали почтовымъ трактомъ по Кубани, вдоль старой кавказской линіи, изъ Черноморія въ Ставрополь. Генералъ Бабичъ пробѣжалъ благополучно, генералъ Кухаренко, того же 19-го числа, въ 11 часовъ ночи, миновавъ уже Казанскую Станицу, близъ упраздненнаго поста Романова, ѣхавшій въ почтовомъ экипажѣ, съ зятемъ своимъ, капитаномъ конно-ракетной баттарей, Г. В. Югансономъ, и съ однимъ вѣстовымъ козакомъ, безъ конвоя—(такъ-какъ издавна старая кордонная линія эта, оставаясь позади передовыхъ — лабинской и бѣлорѣчинской, сильныхъ кордонами, батарейками и пикетами, считается безоасною)—подвергся внезапному нападенію партіи конныхъ Абадзехъ и взять въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми; причежь, системы Кольта револьверъ генерала Кухаренка выстрѣла перваго не далъ или осѣкся, а за вторымъ взводомъ, по роковому случаю, изъ неприятельской залпа пуля попала подъ курокъ, съ такою силою (какъ передаютъ подробности горцы), что разсѣкло генералу руку, а другая пуля пробила на немъ одежду и контузила въ бедро; козакъ же тяжело-раненъ. Генералъ, однако, бросивъ пистолетъ, выскочилъ изъ экипажа и успѣлъ обнажить шашку, но былъ обезоруженъ, и оба плѣнника, связанные—руки назадъ, ноги подъ лошадь—посажены на ночтовыхъ лошадей, и на поводу, окруженные неприятелемъ, принуждены были двѣ ночи мчаться почти двухсотъ-верстное разстояніе сквозь всѣ кордонныя линіи, днемъ скрываясь въ лѣсу, на рѣкѣ Фарсѣ. Здѣсь, на раздыхѣ, генералъ—выдавшій себя за лекаря, чему Абадзехи не повѣрили—при имени сына, пронесенномъ однимъ изъ нихъ, хорошо-знающимъ его, со слезами сознался, кто онъ и его то-

(1) Приписывъ искреннюю благодарность отъ себя и отъ всѣхъ Украинцевъ за доброе желаніе, и съ пестерѣніемъ будемъ ожидать исполненія. Всякая подробность изъ жизни Я.Г. будетъ любопытна; все, что онъ писалъ, также получаетъ теперь особенную цѣну, потому что уже не повторится *тѣмле Українське ёго слово.**

варшцъ. Извѣстность между горскими племенами генерала Кухаренка и его сына, Степана, подъ этимъ краткимъ именемъ хорошо-знакомаго многимъ пзъ ихъ, также какъ и одному изъ восьми Абадзехъ, тотчасъ же побудила послѣдняго къ сожалѣнію и раскаянію, и много помогла перемѣнѣ обращенія съ плѣнниками, хотя, впоследствии, остальные заподозрили его въ пзмѣнѣ. Измученный быстрымъ бѣгомъ по оврагамъ и трубоцямъ, неоднократно падешемъ вмѣстѣ съ лошадыю, и переправами черезъ рѣки вплавь, въ холодную воду, Я. Г. Кухаренко, страдавшій, въ послѣднее время, кашлемъ катаральнаго свойства, вмѣстѣ съ товарищемъ своей неволи, только къ утру второй ночи послѣ физическаго и моральнаго изнеможенія, очутились въ абадзехскомъ аулѣ пл. правильнѣе, хуторѣ, при р. Люкъ, пропавшемъ въ недоступной трущобѣ, въ восьми верстахъ отъ укрѣпленія Майкопскаго, откуда, черезъ закубанскихъ черкесъ и получены въ Екатеринодарѣ первыя краткія объ этомъ извѣстія, поразившія всѣхъ пзмѣненіемъ. Добавляли, что плѣнниковъ содержать хорошо, но требуютъ 22.000 р. сер. выкупу, что генералъ, при нападеніи и защитѣ раненый, опасно-боленъ.... Молва о плѣнномъ русскомъ генералѣ, невидѣнномъ многими изъ горцевъ въблизи, какъ небывалое никогда въ горахъ событіе, и, къ тому же, извѣстность имени Кухаренка у черкесъ, привлекли къ нему любопытныхъ и недавнихъ еще враговъ, изъ Убуховъ и дальнихъ Шапсугъ — и тѣ, возвращаясь, распространяли по всѣмъ ауламъ вѣсти, изъ-за Кубани быстро-перешедшія въ Екатеринодаръ, возбуждая общее сожалѣніе о плѣнникахъ и горячее участіе всѣхъ къ семейству генерала. Болѣе-достоверныхъ подробностей пока нѣтъ, такъ-какъ на-мѣстѣ происшествія найдены только пустой тарантасъ, портфель, убитый ящикъ, въ нѣкоторомъ разстояніи пзрубленный козакъ, и еще далѣе по слѣдамъ—нѣсколько обороненныхъ вещей генерала: погонь, пуговицы, 600 р. кредитными билетами, орденъ Влад. 3-й ст., указывавшіе дорогу плѣнныхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ всѣхъ этихъ слуховъ, подтвержденныхъ допсесіемъ о происшествіи, еще-болѣе поразила всѣхъ, безъ различія личностей, вѣсть пзъ Майкопа: что 26-го числа. утромъ, генералъ Кухаренко въ плѣну умеръ.... за тѣло его требуютъ 6,000 р. сер.; капитанъ Югансоиъ былъ при управленіи, но послѣ того за нимъ усиленъ надзоръ, съ угрозами

оковъ и продажи Убыхамъ... Еще при первой вѣсти о плѣнѣ отца и зятя, сынъ генерала, есаулъ С. Я. Кухаренко, котораго имя, гостеприимство и знакомства между горцами извѣстны отъ Анапы до земли Абадзехъ, съ двумя изъ преданнѣйшихъ ему молодыхъ султановъ бжедухскихъ, немедленно поспѣшилъ въ Майкопъ, благодаря содѣйствию г. наказнаго атамана; туда же прибылъ, въ абадзехскій отрядъ, г. командующій войскамъ Кубанской Области. Есаулъ Кухаренко рѣшился во что бы то ни стало, съѣсть самому, вмѣсто больного отца, плѣнникомъ, но когда онъ прибылъ въ Майкопъ—отца уже не было въ живыхъ. По просьбѣ сына о выкупѣ тѣла отца и плѣннаго зятя, г. командующій, изъ участія къ семьѣ покойнаго генерала, позволилъ согласиться на размѣнъ за нихъ двадцати плѣнныхъ горцевъ. Пущены были въ-ходъ всѣ тонкости и извороты особой дипломатики съ горцами, при чемъ есаулъ Кухаренко велъ дѣло съ тактомъ и полнымъ знаніемъ духа горцевъ. Нужны были терпѣніе и настойчивость одолѣть разногласіе всѣхъ восьми участниковъ въ добычѣ, и когда къ одному, знавшему Степана, присоединились еще трое и образовались двѣ стороны, то споры ихъ на переговорахъ доходили до оружія и угрозъ зарубить тѣло.... Съ трудомъ добившись согласія, до размѣна, въ залогъ точнаго исполненія условій, есаулъ Кухаренко далъ оружіе свое и оружіе вѣрныхъ бжедухскихъ друзей своихъ, наполовину оцѣненное въ 2,000 руб. ср.; сверхъ-того, одинъ изъ преданныхъ ему бжедухскихъ фокотлей, Гапакъ, изъ аула Гобукай, съѣлъ заложникомъ лично самъ, а другой, абадзехскій воркъ, далъ въ залогъ еще семью крестьянъ. Такимъ-образомъ, послѣ шести дней самыхъ дѣятельныхъ переговоровъ о выкупѣ бранныхъ останковъ покойнаго, капитанъ Югансонъ остался въ плѣну до размѣна на плѣнныхъ чоркесъ, а тѣло усопшаго генерала выдано; и сынъ имѣлъ утѣшеніе, сопровождая отъ Майкопа въ Черноморію гробъ отца, слышать и видѣть повсюду толпы народа, встрѣчающія его, задушевныя сожалѣнія и набожныя слова козаковъ, солдатъ, женщинъ, станичнаго духовенства — у границъ, укрѣпленій, церквей — вездѣ свѣдѣвшихъ встрѣтить и проводить покойнаго благодушнымъ напутствіемъ, или панихидами о душѣ его. Наконецъ, чрезъ 14 дней отъ плѣна, утромъ 4-го октября, въ снѣгъ и холодъ, первые и ранніе въ Черноморіи, тѣло покойнаго генерала привезено въ Екатеринодаръ

и поставлено въ войсковой соборной церкви, безъ малѣйшихъ слѣдовъ и знаковъ разложенія, безъ черты страданія на лицѣ, съ выраженіемъ только строгой мысли или глубокаго сна...

Многочисленное семейство покойнаго, полагавшее въ немъ одномъ всѣ лучшія свои надежды, убитое первою вѣстью о пѣвѣ и неожиданное послѣдняго ужаснаго удара, испытало всю глубину человѣческой скорби и страданій.

Вся Черноморія, отъ мала до велика, знаетъ и никогда не забудетъ имя Якова Герасимовича Кухаренка, какъ рідного сына и благого батька и нѣтъ въ ней ни одного, кто бы онъ ни былъ, хотя бы заклятый противникъ по майскому — 61 года — вопросу о переселеніи за Кубань (раздѣлившему генерала съ прежними односторонниками его, въ главѣ которыхъ онъ былъ сперва передовымъ и несъ ихъ общее знамя, пока считалъ это разумнымъ) — ни одного, кто бы, въ настоящія минуты, способенъ примирить и враговъ, надъ прахомъ перваго изъ доблестныхъ бойцовъ за Черноморію, при взглядѣ на спокойное лицо усоншаго, послѣ честнаго и неравнаго боя, не нашелъ бы добраго о немъ слова, не вздохнулъ бы со болѣзнью о его жребіи, не задумался бы съ участіемъ о его семьѣ, и не отдалъ бы строгой справедливости даровитому и безкорыстному челоуѣку и начальнику, превосходному семьянину и неутомимому сельскому хозяину; а Украина и лучшіе изъ патріотовъ ея и всего козачества не забудутъ въ немъ потерю, быть-можетъ, единственнаго и послѣдняго въ войскѣ нашемъ истиннаго знатока и цѣнителя козацкой славы, запорожской старины и черноморскаго быта.

Сегодня, 6-го октября, въ часъ дня при солнечной погодѣ, послѣ сорока-восьми часовъ снѣжнаго холода, тѣло покойнаго Я. Г. Кухаренка предано землѣ на Екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ, съ подобающею военною почестью.

Предсмертная воля умирающаго въ пѣвѣ о погребеніи праха его въ дорогой ему Черноморіи, на козацкой сторонѣ, исполнилась.

П. Барилко.

Прилагаемъ отрывокъ полученнаго нами стихотворенія, въ которомъ
выражається впечатлѣніе, произведенное въ Екатеринодарѣ первою
вѣстью о плѣнѣ Я. Г. Кухаренка.

У пятницу (1) на базарі
Всі заговорили,
Що Черкеси Кухаренка
Взяли-полонили!..
Задзвонили до ранніі
Богу помолитьця;
Рознеслися слухи тяжкі, —
Людь чогось боитьця...
Зажурвились старі й малі —
Народъ галасуе...
Пита одинъ у другого:
»Чого людь сумуе?..
Чого бстрахъ на всіхъ найшовъ?..
— Чого? — ти не звѣєшь:
Еперала Кухаренка
Узявъ Черкесь...
Его съ зѣтемъ захопїли,
Обоухъ полонїли,
А поштаря и козакá
Тамъ-же и убїли!.. —
Пішовъ гоминъ у народі,
Братъ брата питає,
Роспїтуютъ... розказуютъ...
А ніхто не знає,
Чи то правда, чи неправда...
Инций не їме віри,
Щобъ старого Кухаренка

---

(1) 21 Септября.

Взяли бузувіри!..
 Людь сумус и гвалтус:
 »Взяли.... полонили...
 Кухаренка, та ще й зъ зятємъ
 Въ кайдани забрили!..
 Затужили Чорноморці:
 »Ой, Боже нашъ, Боже!..
 Ой, хто теперъ у пригоді
 Намъ біднимъ поможє!?«
 Отакъ чувъ я на базарі;
 На улиці жъ бачивъ (1) —
 Ідуть вѣрхи три Черкеси
 И питають »Бабчі. (2)«
 Підїхали до будінка
 Вельможного пана,
 Исъ коників не злізають —
 Мабуть, така шана!..
 Я дивився пзъ кріпости:
 Якъ вони стояли,
 Вийшовъ хлопець,—щось сказавъ імъ,
 Вони й поскакали,
 До будинку Кухаренківъ —
 Звістку, мабуть, дали...
 Кажуть, — діти, буцїмъ, звали—
 Та не чула мати...
 У вівторокъ (3) пройшла чутка—
 Люди говорили,
 Що Черкеси сорокъ тисячъ
 На вікупъ просїли....

Слободзький українець Дмитренко Бутъ.

(1) 22 Сентября

(2) Генераль-Маіоръ Бабичъ.

(3) 25 Сентября

КОБЗАРЬ.

LXX.

Коло гаю, въ чїстїмъ полі,
На самій могїлі,
Дві тополї високї
Одна одну хїлить.
И безъ вітру гойдаютьця,
Мовъ ббрютця въ полі...
Ого сестри-чарївнїці
Оттїї тополї.

Закохалися обїдві
Въ одного Пвана;
А Пванъ — козакъ звчайний —
Обохъ їх не гавивъ,
И лицявся то съ тїєю,
То зъ дрўгою лїбо. —
Поки въ яру, у-вечерї,
Пїдъ зелєнимъ дїбомъ
Не зїшлися усі грїбе...
— Отакъ-то ти, катї!
Знущася надъ сестрами... —

И пішли шукати
Трути-зілля, щобъ Пвана
Завтра отруїти.
Найшли зілля, накопали
И стали варїти;

Заплакали, заридали,
 Та нема́ де́ дітись —
 Треба варити!..

Наварили:

Ивана струїли,
 Й поховали коло гаю,
 Вь полі на могилі.

И байдуже?.. Ні, не дуже!
 Бо сестри ходили
 Що-день Божий вранці-рано
 Плакати надь Іваномъ,
 Поки й самі потруїлись
 Тимъ зіллямъ поганимъ.

А Богъ людамъ на-науку
 Поставивъ їхъ вь полі,
 На могилі, тополями, —
 И тіі тополі
 Надь Іваномъ, на могилі,
 Коло того гаю
 И безъ вітру гойдаютьця,
 И вітеръ гойдає. —

Т. ШЕВЧЕНКО.

LXX.

НА ЗАРЬ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ДІЯ

ТАРАСА ШЕВЧЕНКА (1).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Хома Кичатий, сотникъ.

Галя, дочь его.

Стеха, молодая влюшница у Кичатаго.

Назарь Стодоля, другъ его.

Гнать Карпъ, другъ его.

Хозяйка на вечерницахъ.

Слѣпой кобзарь, жида-музыканты, молодые козаки и дѣвушки и сваты отъ чигиринскаго полковника.

Дѣйствіе происходитъ въ XVI-мъ столѣтїи, близь Чигирина, въ козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечеръ. Внутренность свѣтлицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Всторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ; кругомъ скамьи подъ бархатомъ, окаймленныя золотомъ. На столѣ стоятъ флаги, кубки и разныя кушанья; горятъ восковыя свѣчи. СТЕХА убираетъ столъ.

СТЕХА (*отходитъ отъ стола*). Усѣ! здаетьця, що все. Стривай лишень, чп не забула чога. Рпба, мясо, баранина, сви-
нина, ковбаса, вишнївка, сливянка, медъ, венгерське — усѣ, усѣ.

(1) Подъ этимъ заглавіемъ сохранился драматическій опытъ незабвеннаго нашего поэта, судя по сценическимъ объясненїямъ на великорусскомъ языкѣ, предназначенный для Петербургскаго театра. При всей своей ли-

Тутъ и істинне и випити. Колибъ-лишень гості. Та щбъ вони такъ довго барятыця? И надоумило жъ сїдоусого у таке свято, коли добрі люде тїльки колядують, сподіватьця гостей, та й ще якихъ гостей! старостівъ одъ такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачимо, щбъ-то зъ того буде. Негрїте залїзо не зогнешъ. А якъ-би не крився та пораявся бъ зо мною отакъ тижнівъ за два до святъ, то певна уже була бъ річъ; а то схаменувся на самісінькій святъ-вечірѣ та й ластитьця: «и сяка й така, и добра, і розумна ти, Стехо: поможи! Я вже тобі и се и те, и трейте й десяте». Побачимо, побачимо, якъ попадетьця нашому телаті вовка шїматн. (*Помолчає*) Не сказавши ні слова доцї,

тературной слабости, это сочиненіе, принадлежащее первому періоду дѣятельности Т. Гр. Шевченка, весьма дорого для изученія постепеннаго развитія таланта «Кобзаря», прямое призваніе котораго была — поэзія лирическая: какъ лирической поэтъ, Шевченко стоитъ наравнѣ съ величайшими народными поэтами. Замѣчательна также разница между произведеніями Шевченка прозаическими и стихотворными; прозою онъ писалъ весьма мало, и поэтической его языкъ гораздо выше прозаическаго. *Ред.*

Примѣчаніе П. А. Кулиша. — *Галя* названа была сперва *Лукією*, но потомъ это имя переправлено во всей пьесѣ; только въ монологахъ, писанныхъ рукою автора, осталось вездѣ, по недосмотру поправлявшаго, *Лукія*. — Подлинникъ «Н. Стодоля» принадлежитъ Н. Д. Бѣлозерскому. Онъ написанъ на желтоватой писчей бумагѣ въ четверку. Тетрадь очень засалена, и запачкана, въ одномъ мѣстѣ, въ срединѣ, порохомъ или нагаромъ изъ сальной свѣчи. Въ концѣ, рукою исправлявшаго пьесу, написано; «*Зачаєтьсѣ опускаєтьсѣ, свистъ раздаєтьсѣ*». Другою рукою, къ слову «*Кїнець*» прибавлено: «*Бѣгу слїва*». Далѣе слѣдуетъ рукою переписчика: «18^ч/₁₁» Вычтя изъ «1/», (ноября 9-го) число, выставленное на заглавномъ листѣ, а именно «18^ч/₁₁» (октября 24). увидимъ что «*Назаръ Стодоля*» написанъ (или надиктованъ и дописанъ) въ-теченіе шестнадцати дней. — У Н. Д. Бѣлозерскаго находится также переводъ «*Назара Стодоля*» на в-русскій языкъ (второй актъ его потерявъ). Въ этомъ переводѣ, послѣ словъ Назара къ Галѣ (въ концѣ): «*О мое сердце! доля моя!*» пьеса оканчивалась убїеніемъ Хомя и готовностью къ смерти Игната; по это мѣсто потомъ перечеркнуто, и рукою автора написанъ конецъ сообразно украинскому подлиннику, съ небольшими отмѣнами. Украинскій подлинникъ былъ, повиданому, оставленъ авторомъ безъ вниманія, по крайней мѣрѣ — на время. Обѣ рукописи отданы были авторомъ для храненія одному малороссійскому пану. Въ 1847 году, павъ, страха ради, запрятавъ ихъ въ *стриху* (соломенную крышу) и только черезъ нѣсколько лѣтъ осмѣлился явить ихъ свѣту, по убѣжденію одного земляка, который взялъ ихъ къ себѣ, потомъ передалъ Л. М. Жемчужникову, зтогъ мнѣ, а я, снявъ для себя копію, уступилъ ихъ цѣнителю и самому праху, покрывающаго историческіе памятники. П. К.

за кого и якъ хоче віддати, думає, що наша сестра — коза: поженешъ, куди схочешъ. Э, ні! стривай лишень, голубчику. »Ублагай ііс, каже. Та и що такі той погавий хорунжий? А полковникъ хочъ старий — нехай ёму добре снитъця — такъ же пань!... Оце бъ то вона й стямлася! Іншому дзусъ, а я — такъ візьмусь. Дівці двіку не довго збитъ зъ пантелюку, а ще таку, якъ моя панночка — и-п! Та вже жъ, якъ кажуть, піймавъ не піймавъ, а погнастьця можна. Тоді, якъ тее-то, вже жъ и погуляю!... А вона поплаче, посумує, а далі й нічогісінько. Та й Назаръ таки не разъ спасибі скаже. *(Изъ боковихъ дверей виходить Галя.)*

Стеха. А що? якъ прибрано?.. Тимъ бо й ба!

Галя. Що це ти, Стехо, робишъ? Хиба у насъ сёгодні гості, чи що?

Стеха. Та ще й які гості, якъ-би ви знали!

Галя. Які жъ тамъ гості и відкіля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чи не зъ Чигирина?.. Такъ?

Стеха. Изъ Чигирина, та хто такій?

Галя. Які-небудь старшинні?

Стеха. То-то бо й є, що не старшини, п...

Галя. Та хто жъ такій? Може... та ні! сёгодні не такій день. А міні батюшка учора и говоривъ щось таке.

Стеха. Говоривъ, та не договоривъ. А я знаю, — тільки не скажу.

Галя *(обнимає Стеху)*. Стехо, голубочко, ластівко моя! скажи, не мучъ мене.

Стеха. А що дасте? скажу...

Галя. Ще сережки, або перстінъ, або що хочешъ подарую, тільки скажи.

Стеха. Нічого не треба; дайте тільки свій байбаракъ надіти сёгодні на вечорниці.

Галя. Добре, надивай, та такъ, щобъ батюшка часомъ не побачивъ.

Стеха. Оце ще! хіба жъ я справді дурна? Слухайте жъ. *(Въ помолосу)* Сёгодні прийдуть старості.

Галя *(въ восторгъ)*. Відъ Назара! відъ Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачиче, відъ кого.

Галля. Хіба жь не відъ Назара, Стехо? Що жь, оце мене в справді лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тільки такъ кажу.

Галля. Ні, ти щось знаошъ, та не хочешъ сказати.

Стеха *(лукаво)*. Я нічого не знаю. Де міні, кляшниці, відати про панські діла?

Галля. Ты смієся зъ мене! Я заплачу, ій-Богу заплачу, и батюсці скажу.

Стеха. Що жь ви скажете?

Галля. Що ти мене перелякала... Теперечки не дамъ баббарака. А що, поживилась?

Стеха. Оце, які бо ви боязкі! вже в повірили!

Галля. Ну, що жь? відъ Назара?

Стеха. Та відъ кого жь більшъ? вже накъ не відъ старого Молочая, нашого полковника.

Галля. Цуръ ёму, який нехороший! Якъ приїде до насъ, то я заразъ изъ хати втіаю. Міні навдивовіжу, якъ ще ёго козаки слухають. Тільки у ёго, паскудного, и мови, шо про наливку та про вареники.

Стеха. А хіба жь се й не добре?

Галля. Звісно! козаку, та ще й полковнику! Ось мій Назаръ, мій чорнобривий, усе про війну та про походи, про Наливайка, Острицю, та про спне море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ-що слухала бъ не наслухалась ёго, та все дивилась би въ ёго карі очі. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухаєтесь, ще й налюбуетесь. Опісля, може, и обридне.

Галля. О, крїй Боже! До самої смерти, поки вму, все дивилась би та слухала ёго. Скажи міні, Стехо, чи ти любила кола, чи обнімала кола козацький станъ високїй, що... дріжать руки, мліе серце? А коли цілуєшъ... що тоді? Якъ се, мабутъ, любо! якъ се весело! *(Въ восторгъ поєтъ и пляшетъ.)*

Гой, гой, гой!

Що зо мною, що я?

Полюбила козака —

Немаю покоя.

Я ёго боявся...
Що жь опісля сталося?
На вулиці пострічалась
Та й поцілувалась.

А мати уздріла...
Яке тобі діло!
Відавайте заміжъ,
Коли надоіла!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ кого це вивчилися?

Галля. Та одъ тебе жь. Хиба ти забула, якъ на вулиці, на тій неділі, танцювала? Тоді ще батюшки не було дома... згадала?

Стеха. Коли се? Оце ще видумали! *(Стучатся въ дверь.)*

Галля *(торопливо.)* Охъ, лишечко! хтось иде! *(убігаєть.)*

Стеха. Хто тамъ?

Хома *(за дверью.)* Я, я! відчиний мерщій.

(Стеха отворяєть дверь. Входить Хома, отряхиваясь.)

Хома. Що? не було? Оце жь яка хуртовина!

Стеха. Кого не було?

Хома. Кого? гостей!

Стеха. Якихъ гостей? одъ пол...

Хома. Ць!... эге жь.

Стеха. Ні, не було.

Хома. Гляди жь, ані телень!... Отець Данило, спасибі, розрививъ. Не забудь тільки завтра вранці послать ёму вишнівки. Знаєшъ? тієї, що недавно доливали. Нехай собі пьє на здоровья. Та що се їхъ нема такъ довго? Чи не злякались, бува, завірюхи? А вітеръ пиначе стиха.

Стеха. Злякаютьця вони! дежъ пакъ! И въ горобину нічь прийдуть для такої панночки, якъ наша.

Хома. Звичайно, звичайно.

Стеха. Ище пакъ такой старий... а панночка...

Хома. Сама ти стара, сороко безхвоста!

Стеха. Дивись! заразъ и розсердились. Хиба я на васъ?

Хома. Такъ що жь, що не на мене? такъ на мого... ну... полюковника.

Стеха. Э, бачъ що! А панночка? чи ви жь зъ нею говорили? що вона?

Хома. А що вона? її діло таке: що зветяць, те й роби. Воно ще молоде, дурне; а твое діло навчить її, врозумить, що лю-

Совъ и все таке прочее... дурниця, нікчемне. Ти вже, думаю, розумієш?

Стеха. Та се розумію, та зъ якого кінця почати, не знаю. Вона, бачите, полюбила Назара такъ, що й сказати не можна. Ось и сегодні міні говорила. Молв, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я виїшла заміжъ за Назара, — половину добра свого віддамъ!

Хома. А ти й повірила!

Стеха. А чому жъ и ні? вона така добренька.

Хома. Дурна ти, дурна! А якъ жé я самъ тобі все добро віддамъ, тоді щó буде? га? Щó ти думаєш? (*ласкаєть єе*). То то бо и є, дурочка ти безсеревна!

Стеха. Щó міні робить, коли я дурочка?

Хома. А то, щó велють. Чуєш? усе, щó въ мене є, твое.

Стеха. Не треба міні вашого добра; я и безъ нёго була бъ щаслива, якъ-би ви не забули бідної Стехи и тоді, коли зробитеся великимъ паномъ. Я васъ такъ вірно люблю, такъ вбиваюся за вами, а ви... (*притворно ірустить.*)

Хома. Отъ же и нагадали козі смерть! Зновъ своє. Сказавъ, такъ и зроблю.

Стеха. Чи мало щó люде обіцають, коли імъ припаде нужда?

Хома. Годі не-знати-щó базікати. Підп лишень до Галі та поговори зъ нею хорошенько по-своєму, и коли тее... то завтра и міжъ нами онéе.

Стеха. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле. И я тільки гріхъ на душу візьму.

Хома. Який тутъ гріхъ? Дурниця все те!

Стеха. Забожітьця, що женитесь, тоді ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, нічого не буде, ій-Богу!

Хома. Отъ же ій-Богу, далєбі!

Стеха. Женитесь?

Хома. Эге!

Стеха. На міні?

Хома. Якъ коржа, такъ коржа! — Якъ спечемо, такъ и дамо. Уже ти міні въ печінкахъ сидишь зъ своїми витребеньками.

Стеха. Які тутъ витребеньки?

Хома. Ну, добре, добре! тільки слухай. Треба діло сконпо-

нувати такъ, щобъ вона не знала, відъ кого старости; а то—чого доброго — усє піде шкереберть.

Стеха. Та вже міні не вчитьця, якъ діломъ повернуть. Наговорю такого дива моїй панноці — щò твій кобзарь. Старий, скажу, чоловікъ, якъ подумаешъ, усімъ, усімъ лучче відъ молодого. Молодий... та що й казати? нікуди не годитьця, а до того ще докучливий та ревнивий, а старий тихий-тихий и покірний.

Хома. Такъ, такъ! О, ти дівка розумна! Иди жъ до Галі, та гляди — гарненько побалакай зъ нею.

Стеха. А потімъ, чи можна міні буде піти на вечірницю? Я вже зовсімъ упоралась. Пустіть, будьте ласкаві, хочъ въ послідній разочокъ.

Хома. У тебе тільки й на думці, що вечірниця. О, вже міні та Мотовилуха!

Стеха. Мотовилуха? Чи не казала вамъ вона, стара паплюга, чого? Щò жъ, що я зъ козаками танцюю? А якъ ви жартуєте зъ молодиями, такъ я й нічого!

Хома. Иди жъ, иди, та покличъ міні Галю, а затимъ сама полагодь рушники.

Стеха. Та вже усє напоготові. (*Уходить.*)

Хома. Злпгався я зъ дияволомъ... (*Оглядывається.*) Щò жъ? не можна безъ цєго. У такому ділі якъ ни верти, треба або чорта, або жінки. (*Немного помолчавъ*) Чого доброго! ще, може, й мене обдурить, тоді и остався на віки вічні въ дурняхъ. Та ні, лиха матері! Аби бъ тільки ти міні своїми хитрощами помогла породивтьця зъ полковникомъ, а тамъ уже що буде — побачимо. Ишъ ти, мужичка! куди кирпу гне! Стривай! (*Продолжительное молчаніе.*) Думай собі, голубко, та гадай, що... а воно зовсімъ не такъ буде. Запнъ тільки удочку, сама рибка піде. Шутки: — тєсть полковника!... А щò далі — се наше діло. Аби бъ черезъ порігъ, то ми й за порігъ глянемъ. У якпхъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чигирні, гуляй собі зъ полковничою булавою! и слава, и почотъ, и червінци до себе гарбай: все твое. А пущє всєго червінци. Ихъ люде по духу чують; хочъ не показуй, все кланятимутьця... Ха-ха-ха! отъ тобі й сотникъ! Ще въ Брацькімъ, серце мое чуло, що зъ мене буде великий панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се називали мене двулч-

нимъ. Дурні, дурні! Хіба жъ якъ говоримъ про огонь, такъ и лізти въ огонь? або якъ про чорнобриву сироту, такъ и женитьця на ій? Брехня! відъ огня подальшъ. Женись не на чорнихъ бровахъ, не на карихъ очахъ, а на хуторахъ и млинахъ, такъ и будешъ чоловікомъ, а не дурнемъ. (*Входить Галя.*)

Галя (*весело.*) Добровечіръ, батюшка! Де це ви такъ довго барились? Ви мене кликали, чи що?

Хома. Та клякавъ, клякавъ. (*Осматриваєть ее.*) Що ти не всі стрічки почіпляла? Та нехай! поки буде и сіхъ. Послухай. Міні треба поговорити зъ тобою объ важнімъ ділі. Ти знаєшъ, ми сёгодні старостівъ сподіваємось?

Галя. Сёгодні! на первий день празника, — на самісіньке Різдво?

Хома. Такъ що жъ? Отець Данило, спасибі, розрішивъ. Гляди жъ, не піднеси гарбуза.

Галя. Якъ се можна! Хіба вінъ дуже старий, чи що? Ось послушайте, якої несентивці наговорила міні Стеха. Сміхъ та й годі!

Хома. А що тобі вона наговорила?

Галя. Каже, буцімъ-то старі... та ні, не скажу, далєбі не скажу, бо ка-зна-що! Вона й сама не знає, що говорить.

Хома. Хіба жъ не правда? Старий чоловікъ краще молодого.

Галя. Та й вона те жъ казала.

Хома. А тобі якъ здається?

Галя. Якъ таки можна? то старий, а то молодий.

Хома. Такъ потвоєму молодий — краще?

Галя. Ото жъ пакъ!

Хома. Поміркуй-лишень гарненько, такъ и побачишъ, що батькова правда, а не твоя. Ну, що молодий? Хіба те, що чорні уси? та й тільки жъ. Не вікъ тобі нимъ любоватьця: прийде пора — треба подумати объ чімъ и другімъ. Може, коли захочетьця почоту, поваження, поклонівъ. Кому жъ се звичайніше? полковниці... се я такъ приміромъ говорю.. а не якої небудь жінці хорунжого; бо у ёго тільки й худоби, тільки й добра, що чорний усь. Повіръ міні, дочко, на тебе ніхто и дивитьця не захоче.

Галя. Та я й не хочу, щобъ на мене другі дивились.

Хома. Не-знать-що верзешъ ти! Хіба ти думаєшъ, що не

обрідне цілісінький вікъ дивитьця на тебе одну? Хйба ти одна на Божімъ світі? Е й кращї тебе. Того и гляди, шо розлюбить.

Галя. Назарь? мене? О, ні! ні, ніколи на світі!

Хома. Я й не кажу, що воно справді такъ буде, а такъ, наприкладъ, — щобъ ти тямла, що ми всі на одивъ штатъ шитї.

Галя. О, ні! не всі! вінъ не такій, вінъ не розлюбить.

Хома. А що жъ? хйба вінъ тобі побожився?

Галя. Атожъ!

Хома. А ти й повірла!

Галя. Я и безъ божби повірила бъ.

Хома. Дурне ти, дурне! Чи знаешъ же ти, що хто багацько обіщає, той нічого не дає? Ой, схаменись та послухай батьківського совіту. Добре, що я вже такій—що обіщавъ, те й зроблю. Ну, не дай я тобі приданого, — що тоді, га? Пожалуй, вінъ и такъ тебе візьме: мало якихъ дурнівъ нема на світі! та що жъ въ тїмъ? Подумай, що тоді ти робитимешъ?

Галя. Те, що и всі роблять — заробляла бъ.

Хома. А що лучче: чи самій робити, чи дивитися якъ другї на тебе роблять?

Галя. Якъ кому.

Хома. То-то и горе, що ти ще дурне. Я тобі бъ и багацько де-чого сказавъ, та ніколи: того и гляди, що старости на норїгъ. А чи есть у тебе рушники?

Галя (*весело.*) Е, е! Якъ я рада! въ мене серце не на місті! Чи й вамъ такъ весело?

Хома. Весело, дуже весело. Иди жъ та не забудь сказати, що коли придуть колядовати, такъ щобъ гнали їхъ у потилицю.

Галя. За що жъ? Се жъ діло законне! та воно жъ и разъ тільки въ году!

Хома. А старости разъ на віку.

Галя. Справді, щобъ не помішались... Ще й законної речі не дадуть сповнитъ. Такъ побіжу жъ я и скажу, щобъ заперли ворота и фіртку. (*Уходить.*)

Хома (*ходить задумавшись.*) Здається, діло добре йде. Вона думатиме, що Назарь свата, зъ-дуру и согласитьця; старости не промовлятьця; вісілля можна одкінути ажъ геть до того тижня; а

черезъ таку годину и нашого брата, мужика, угомонішъ, щобъ не брикався, не то що дівку. Коли бъ тільки який гаспидъ не привієть того горобця безперого! тоді пиши пропало. Наробить бѣшкету! *(Съ важністю)* А подумашъ и те: яке ёму діло до Галі? Се жъ моя дитина, мое добро, слідователно моя власть, моя и сила надъ нею. Я отець, я царь її. Та цуръ ёму, пекъ! Се діло ще не таке, щобъ объ ёму довго думати. Не дуже треба площати, бо береженого Богъ береже, або — якъ тамъ що кажуть — ривнішъ згладишъ, тівнішъ ляжешъ.

Галя *(вбѣгаєть съ восторжъ.)* Приїхали, приїхали!

Хома *(вздрумуєть.)* Оце жъ, якъ ти мене злякала! Піди у свою кімнату та прийдешъ, якъ клянну.

Галя. Чого у кімнату? Я тутъ зостанусь, нікто не побачить.

Хома. Незвичайно: законъ не велить.

Галя. Ну, такъ я піду. *(Уходить.)*

(Хома съ важністю садитя за столь. За дверью стучать три раза. Входятъ два свата съ хльбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хльбъ на столь.)

Свати. Дай, Боже, вечіръ добрий, вельможний пане!

Хома. Добривечіръ и вамъ. *(Даєть знакъ свату. Тотъ кланяєтья. Хома шепчєть єму на ухо и потомъ продолжєєть):* Добривечіръ, люде добрі! Просимо сідати; будте гостями. А відкіля се васъ Богъ несе? чи здалека, чи, зблизька? Може, ви охотники які? може рибалки, або, може, вольнні козаки?

Сватъ *(тихо покашлєєть).* И рибалки и вольнні козаки. Ми люде німецькві, ідемо зъ землі турецької. Разъ дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: »Що вамъ дивитьця на погоду? ходімъ лишень шукати звіриногo сліду». Отъ и пішли. Ходили-ходили, нічого не знайшли. Ажъ гулькъ—назустрічъ намъ іде князь, підніма у гору плечі и говорить намъ такі речі: »Эй ви, охотники, ловці, молодці! будте ласкаві, покажіте дружбу. Трапилась міні кунця — красна дівця; не імъ, не пью и не сплю відъ того часу, а все думая, якъ-би її достати. Поможіть міні її піймати; тоді чого душа ваша забажа, усе просіте, усе дамъ: хочъ десять городівъ, або тридєвять кладівъ, або чого хочетєс. Ну, намъ того й треба. Пішли ми по слідамъ по всімъ городамъ, по усіхъ усюдахъ, и у Німещину, и у Турєщину; всі царства й госуларства пройшли, а все кунці

не знайшли. Отъ ми и кажемо князю: »Що за диво та звірюка? хвѣа де кращої нема? Ходімъ другої шукати«. Такъ де тобі! нашъ князь и слухати не хоче. »Де вже, каже, «я не зъїздивъ, въ якихъ царствахъ, въ якихъ государствахъ, не бувавъ, а такої куньци, сирічъ красної дівци, не видавъ.« Пішли ми впятъ до сліду, и якъ разъ у се село зайшли; якъ ёго дражнють, не знаемо. Тутъ впятъ випала пороша. Ми, ловці-молодці, ну слідить, ну ходить; сёгодні вранці встали и таки на слідъ напали. Певно, що звірь нашъ пішовъ у двіръ вашъ, а зъ двору въ хату та й сівъ у кімнату; тутъ и мусимо піймати; тутъ застряла наша куньця, въ вашій хаті красная дівця. Оце жъ нашому слову кінець, а ви дайте ділу вінець. Проби, оддайте нашому князю куньцю, вашу красну дівцю. Кажіть же діломъ, чи оддасте, чи нехай ще підросте?

Хомл. *(притворно съ сердцемъ.)* Що за напастъ така! Відкіля се ви біду таку накликаете! Галю! чи чуешъ? Галю! порай же, будь ласкава, що мінї робити зъ оціми ловцями-молодцами.

(Галѣ виходить на-середину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцами передникъ.)

Хомл. Бачите ви, ловці-молодці, чога ви натворили? мене старого зъ дочкою пристидили!.. Гай-гай! такъ ось же що ми зробимо: хлѣбъ святой приймаемо, доброго слова не цураемося, а за те, щобъ ви насъ не лякали, буцімъ ми передержуемо куньцю, або красну дівцю, васъ повяжемо. Прийшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прикладать. Ну, годі жъ тобі, дочко, посупившись стояти; чи нема въ тебе чимъ сіхъ ловцівъ-молодцівъ повязати? чуешъ бо, Галю? А, може, рушниківъ нема? може, нічого не придбала? Не вмѣла прѣсти, не вмѣла шити—вѣжи жъ чимъ знаешъ, — хочъ мотузкомъ, коли ще й вінъ е.

(Галѣ уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный свѣтами; потомъ подходит къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и подноситъ свѣтамъ—сперва одному, потомъ другому. Свѣты, взявши полотенца, кланяются Хомлю.)

Свѣтъ. Спасибі жъ батькові, що свою дитину рано будивъ и

усякому добру учивъ. Спасибі й тобі, дівко, що рано вставала, тонку пряжу прямиа. придане придбала.

(Галля береть полотенця и перевязываєть через плечо одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываєть на двери.)

Хома *(къ Галль)*. Догадався, догадався! Ти хочешъ и князя звязати. Нехай завтра обоє ёго звяжемо. Бачъ, мабутъ, злякався, що не показався. Стривай, попадєся, во втєчєшь!

Сватъ. Вінь и самъ прилетить, якъ зачує, що такъ похваляєтьсє.

Хома. Ну, поки вже долетить, намъ нічого ждати. Проспмо сідати. Що тамъ є, поімо; що дадутъ, попьємо та побалакаємъ дє-що. А тимъ-часомъ, ти, Галю, не гуляй, въ корці меду наливай та гостямъ піднеси хліба-солн, проси зъ привітомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятыся за столъ. Галля принимаєть отъ отца чару и флягу и подносить старшему свату. Сватъ не принимаєть).

Сватъ. Ми вамъ такої халепп натворили, що боімосє, щобъ ви насъ не потруїли... Призволяйтєся самп. *(Кланяєтьсє.)*

(Галля, посматривая на отца робко и стыдливо, подносить къ зубамъ и подаєть свату.)

Сватъ *(поднявъ чару)*. Тепєра такъ! Пошли жъ, Боже, нашихъ молодимъ щастєя и багатства и доброго здоровья, щобъ и ввуківъ женити и правнуківъ дождати...

(Свата прєриваєть хоръ колядниковъ подъ окнами. Всє слушаютъ со вниманіємъ. Хома съ досадою покручиваєть усы; Галля весєло посматриваєть на окно. Сватъ, впродолженіє колядки, повторяєть) «Гарно колядуютъ нашє козакє!»

КОЛЯДКА.

Бачить же Богъ, бачить Творецъ,
 Що миръ погпбає,
 Архангола Гавриїла
 Въ Назаретъ послпає.
 Благовістивъ въ Назареті —
 Стала слава у вертепі.
 О, прекрасний Вихлїнеме!
 Отверзи врата Эдєма.

Хома (къ Галль, съ сердцемъ.) Я жъ тобі наказувавъ, щобъ нікого не пускали! Задумалась, забула!

(Входить Назарь съ молодими козаками).

Назарь. Дай, Боже, вечіръ добрий! помогай-бі вамъ на все добре!

(Всь козаки повторяють тожє. Назарь, не снімая шапки, въ ужасъ останавливается; поглядываетъ то на гостей, то на Галю. Всь молчатъ.)

Хома (смишавшись). Спасибі, спасибі... Милости просимо. Просимо сидати.

(Молчаніє продолжается. Галль, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара.)

Назарь. Сядемо, сядемо, аби було дѣ: ми гости непрохані. Може, помішали; дакъ ми и пійдемо, відкіля прийшли. (Смотритъ на сватовъ.) Такъ бачъ, черезъ що полковникъ пославъ мене зъ грамотами въ Гулий-Поле! (Глядя на Галю.) Весело, весело! наливай швидче горілки, и я випью за твое здоровья! Не лякайся, не лякайся, наливай.

(Галль, въ ужасъ, роняетъ поднось и флягу.)

Хома (въ бѣшенствѣ). Хто сміє знущатьця надъ моею дочкою!

Назарь. Я! хѣба не бачишь? я, Назарь Стодоля! той самий, за кого ти вчора обіщавъ видать дочку свою, той самий, якого ти знавъ ще зъ тієї пори, якъ вінъ тебе вирвавъ изпідъ ножа гайдамаки! Згадай ище, що я той самий, хто й самому гетьману не дасть себе на посміхъ! Пізнавъ?

Хома. Пізнавъ. (равнодушно): Що дальшь?

Галля. Хѣба жъ не ти приславъ?

Хома. Мовчп! геть собі!

Назарь (останавливаетъ Галю). Стривай, стій тутъ! И тебе обманюють?

Хома. Не обманюю, а такъ якъ батько велю. Вона просвата-на за чигривнського полковника.

Назарь (съ презрѣніемъ). Полковника! Учора була моя, сѣгодні полковникова, а завтра чья буде? Чувешъ, Галю?

Галля (надея на руки Назара). Чую! О, чомъ міні не поза-кладаю!

Сватъ. Осмілююсь доложитъ...

Назарь. Мовчп, поганецъ, шипотиннику!

Хома. Віддай міні дочку мою. (*Робко підходить кь Назару.*)

Назаръ. Геть, Юда!

Хома (*въ ужасъ*). Прохоръ, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ є? Возьміть єго харцизяку—вінь уbye мене!

Назаръ. Нехай Богъ тебе побье, дітопродавець! (*кь Галю*) Галю! серце мое! промовъ міні хоть одно слово: ти не знала—за кого? скажи: не знала?

Галля (*приходить въ себя.*) Не знала, ій-Богу, не знала!

Назаръ (*кь Хомъ.*) Чи чуешъ ти?

Хома. Не чую; я оглухъ!

Назаръ (*кь іостямъ*). Люде добрі, коли ви не оглухли, такъ послушайте. Вінь мене називавъ своїмъ сномъ, а я єго своїмъ батькомъ, и вінь се чувъ тоді, а сёгодні оглухъ. Де жъ єго правда? Чп чесний же вінь чоловікъ? правдивий, га?

(*Гости молчать.*)

Гнатъ (*підходить кь Назару*). Вінь не чоловікъ. Кинь єго: таке ледащо не стоить путнёго слова! (*Береть єю за руку*)

Назаръ. Стривай! ні, вінь чоловікъ, вінь називавъ мене сномъ. (*Кь Хомъ*) Правда?

Хома. Не тобі вчпти, якъ міні кого називати. Я її батько, а не твій: такъ у моїй волі оддати її за кого схочу.

Назаръ. А якъ жé вона не захоче, тоді що?

Хома. Я заставлю.

Назаръ. Чп можна жъ кого заставить утопитьця або повісптьця? Хйба ти Богъ, що маешъ силу чудеса творить? Хйба ти дьяволь, коли ти не маешъ жалю до рідної своєї дитини? Ти бачишъ, у неї є серце, и ти замісь єго кладешъ каміноку. Слухай: и ти жъ колпсь бувъ молодимъ, и ти жъ мавъ колп-небудь радість в горі. Скажи, щó чуло, щó казало твоє серце, коли тобою кепкували?

Хома. Го-во-ри!..

Назаръ (*въ изступленіи*). Такъ ти глузуешъ надо мною! Хйба я не стопчу тебе якъ жабу? Брехунъ! (*Быстро підходить кь нему и хватаєть єю за горло.*)

Галля (*схвативъ руку Назара*). Щó ти робишъ? Убий мене, ва, ріжъ.

(*Назаръ молча опускаєть руки.*)

Хома (*подб'ягаєть кь сватамь*). Ви бачили? хогівъ мене задушпті!

(*Сваты молчатъ*).

Гнатъ (*кь Назару*). Ми не такъ расплатимося, вишимъ часомъ. Ходімъ зъ сѣго базарю.

Назарь. Не піду! мене відсіль ноги не вynesуть.

Гнатъ. Ну, такъ торгуйсь. Може дешевше уступлять.

Галля. Боже мій, Боже мій! вони знущаютьця надо мною!

Хома. Не знущаютьця, а торгуютьця.

Гнатъ. Годі, брате; ходімъ: ми опізнались.

Назарь. Стривай, не опізнались. (*Подходить кь Хомь*).

Прости мене, я згарячу забувся. Ти добрий чоловікъ. Прости, або заріжъ мене, тільки не кажи, що вона не моя, не кажи! Дивись: я гетьману ніколи не кланявся. (*Падаєть на колѣни*). Для спасення своєї душі, коли у тебе у серці є Богъ, для угоди всіхъ святихъ, коли ти віруєшь у кого, для спасення твоєї дитини, коли вона тобі мила, зглянься на мене! Нехай старости зъ своїмъ хлібомъ йдуть до-дому. Христомъ Богомъ молю, не занапасти її, бідної! Кращої її нема; за що ти хочешъ її убити? Нà голову мою! Возьми її, розбий обухомъ, — не треба міні її: тільки дай дощці своїй ще пожити на світі, не заїдай її віку, вона не виновата!

(*Хома дрожа поспматриваєть на гостей*).

Гнатъ (*быстро подб'ягаєть кь Назару*). Кого ти просишь? кому кланяєся? передъ кимъ падаєшь? Я на тебе після сѣго й дивитьця не хочу; прощай!.. Кланяєстьця дяволу! Вінъ тебе кпячою смолою напоить! (*Хочетъ ийти*).

Назарь (*удерживаєть ею*). Постій, дай ще слово скажу.

Галля (*обнимая ноги отца*). Ви покійній матері, якъ вона умирала, біля домовниці обіщали мене видать за Назара. Що жъ ви робите? чімъ я васъ прогнівляла? за що мене хочете убить? Хиба жъ я не дочка ваша? (*Заливається слезами*).

Назарь. Камінь! залізо! ти огню хочешъ! Буде огонь, буде! для тебе все неключо визову... ти жди мене. (*Галль*) Бідна, бідна! въ тебе нема батька, въ тебе катъ єсть, а не батько! Бідненька, серденько мое, пташечко моя безирпютна! (*Цьлуєть еє*). А я ще біднійший тебе: у мене й ката нема, нікому и зарізати! Прощай, мое серце, прощай! не забаримось побачитьця. (*Галля безмолвна*

падаєть на руки Назара. Онъ цѣлуєть: Хома силитя вырвать ее. Назаръ отпалкиваетъ его и снова цѣлуєть Галю.)

Назаръ (къ сватамъ). Роскажіть полковнику, щѣ бачили и щѣ чули. Скажіть, щѣ ёго молода ври вашнхъ очахъ цѣлувалася зо мною. (Галя обнимаєть его и цѣлуєть). Бачите, бачите! Прощай же, мое сердце, моя голубочко! (Цѣлуєть ее). Я знаю, щѣ мѣні робить. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподѣвався.

(Галя падаєть безъ чувствъ. Назаръ, закривъ лицо руками, удаляется. Гнать и козаки зи нимъ. Хома и сваты подбѣгаютъ къ Галль.)

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хати, опрятно убранной. На столѣ горять свѣчи. Хозяйка врибираєть около печки.

Хозяйка. Господи, Господи! якъ подумаєшь, коли ще ми дѣували, зачуєшь де-небудь вечорницѣ, такъ ажъ тони трещать; а теперь... отъ, скоро и третїі пѣвнїі заспѣвають, а вечорницѣ ще ѿ не зачинались. Нехай воно хочъ и свято. звѣсно—колядують, а все таки часъ би. Ні, щѣ ни кажи, а свѣтъ перемѣнився. Хоть би и Запорозці... ну, якї вони Запорозці? Тьфу на їхъ хистъ та ѿ годї! Чи такі були попереду? Якъ налетять було зъ своєї Сїчи, такъ щѣ твої орли-соколи! Було якъ схонить тебе котрий, такъ до землі не допустять, такъ и носить... Ой-ой-ой! кудя то все дѣвалось?

(Покачавши грустно головою, поєть)

Зоря зъ місяцемъ надъ долиною
 Пострічалася;
 Дожидалася до білої зорї,
 Не дїждалася;
 Я додому прийшла, гірко плакала,
 Не молнлася, —
 Нерозумная, неутїшная,
 Положилася.
 Оя не спала жъ я, все верзлась мѣні
 Нічка темная,
 И вишневий садъ, очї карїі,
 Брови чорнїі.
 На зорї-зорї я прочнудася

И сказала такъ:
 За Дунай-ріку чорнобривий твій
 На гнідїмъ коні
 Полетїв орломъ!.. Я все плакала,
 Все сміялася.
 И додому козаки, зза Дунай-ріки,
 Заверталися.
 На вернувся мій... молоді літа
 За щб трачу я?
 Зоря зъ місяцемъ пострічалася —
 И заплачу я.

Точнісінько моя доля! ниначе сю пісню про мене зложили. Де мої молоді літа? и слїду нема, мовъ поверхъ води поплили. *(Шомолчавъ.)* Щб жъ се сираваді ніхто не йде? А вже міні ся навіжена Стеха! пішла за дівкамп, та десь и застріяла съ козаками. Извела жъ їхъ нечиста мати докупп! Нехай би сей Кічатий бувъ парубокъ, а тожъ уже старий чоловікъ... Не взявъ бы вінъ собі въ клошницї не молоду, а розумну, вірну, дотепну до всякого діла та стареньку! а то... якъ та дзига, такъ и снує. Якъ-то вінъ дочку свою ще пристроїть? Бачъ, у полковницї лізе! Чи довго жъ то вона буде любитися ёго лиспою замісь ясного місяця? Охъ, охъ! старі, старі! сидїть би вамъ тїлько на печі та жувать калачї; такъ ні, давай їмъ жінку, та ще молоду. Якъ же бачъ, чи не такъ!.. Отъ Стодоля молодець! я ёго знаю, вінъ протопче стежку черезъ полковничий садокъ. Та й дурний би бувъ, колибъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!... Заразь, заразь! Наслу! *(Отворяеть дверь).*

(Входять Назарь и Инатъ).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Відкія се, якою дорогою, якимъ вітромъ, якимъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не питайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признатъця, и не пристало твоїй ппці. Чого жъ ти такъ насупилась?

Хозяйка. Сїдайте, будьте ласкаві, сїдайте!

Гнатъ. Ну, годї жъ, не сердься. Мало чого зъ язика не силыве! Не вже треба пероймать, щб поверхъ води пливє? У тебе сєгодні вечорницї?

Хозяйка. Хиба жъ наші вечорницї для васъ? Ви такъ тїлько прїйшли—посміятъця.

Гнатъ. Такъ-таки и посміємося, коли буде весело.

Хозяйка *(для на Назара).* Буде весело, та не всімъ.

Гнатъ. Ну, се вже опісля побачимо. А коли—кѣ намъ чого-небудь такого, для чого чарки роблять, та й зубамъ пошукай роботи. Проклятий скряга и повечеряти не давъ. Ну, чого жъ ти ротъ роззявила? мерщій!

Хозяйка. Заразъ. *(Отходя)*. Бідненький Назаръ! *(Доставъ съ полки флягу съ виномъ и закуску и ставить на столь)*. *(Назаръ печально смотрить на Игнату)*.

Гнатъ *(къ хозяйкѣ)*. Теперъ же знаєшъ що? візьми мітлу та мети, внясни хорошенько місяць: бачъ, якъ насупило! А ми тймъ часомъ побалакаємъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хiba и відьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткни пальці въ уха. Чи второпала?

Хозяйка. А!... ви хочете нишкомъ побалакати. Добре, я піду по Стеху. *(Надъваєть свиту и уходитъ)*.

Гнатъ *(посмотрѣвъ ей всльодъ)*. Пішла. Ну, що жъ дивися на мене, мовъ не пізнаєшъ?

Назаръ. Теперъ би й рідного батька не пізнавъ.

Гнатъ. Розумні люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у, хаті мужикъ. *(Наливаєть рюмку и подносить)*. Не хочешъ? якъ хочешъ! а я совітувавъ би чарочку - другу Адамовихъ слізокъ, якъ казавъ було отець экономъ. Не забудь Братський ма-настиръ?

Назаръ. Ні, скажи лучче, на що ти мене повівъ сюди?

Гнатъ. На те, щобъ побалакати зъ тобою, якъ зъ козакомъ, а не зъ бабою. За козацьку волю и розумъ! *(Выпиваетъ)*.

Назаръ. Щасливий ти чоловік!

Гнатъ. Ти щасливішый мене.

Назаръ. О, якъ-би ти посвдівъ у моій шкурі! Ходімъ. Игнату, міні тутъ душно.

Гнатъ. Стривай, ще рано. Подивимся, якъ люде добрі веселятьця, та посовітуємся, куди йти.

Назаръ. Міні одно, куди ни поведешъ.

Гнатъ. Ти влять баба. Чи пристали жъ козаку такі речі?

Назаръ. Гірко міні, Гнате! ти смієсся, а въ мене печінки верне. Хiba жъ мое горе смішить тебе?

Гнатъ. Смішпть.

Назаръ. А я думавъ—ти добрий чоловікъ.

Гнатъ. А я думавъ—ти козакъ, а ти, бачу, баба. Ну, скажи міні, чого ти дурієшь? де твій розумъ? Чи стоїть же жінка, хочъ-би вона була дочка німецького цезаря, чи стоїть вона такого дорогого добра, якъ чоловічий розумъ?

Назарь. Стоїть.

Гнатъ. Брехня! Ти знаєшь, въ яку ціну поставивъ царь Соломонъ золотий плугъ. Вінъ каже, що при нужді шматокъ хліба дорожче золота. А я скажу: чарка горілки козаку мільйша усіхъ жінокъ на світі.

Назарь. Ти мене, Игнате, морочишь, а міні теперъ треба щирого друга.

Гнатъ. Добре. Я віш и есть, бо кажу правду. А коли хочешъ, то й брехать почну для тебе. Все, що хочешъ.

Назарь. Не смійся, а діломъ кажи, що робить міні. Тобі можна и говорити и думати.

Гнатъ. Ось-що. Першъ усёго, випий горілки. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. *(Наливаєть рюмку.)* Чи не забувъ ще ти, якъ розумно розсужда латинський віршникъ... якъ пакъ ёго... ну той, за якого мене въ Брацві випарили різками, якъ отець ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудрі вірші. Вінъ каже: «Дурниця все, опрічь горілки, а иноді и жінка підъ руку». Оце такъ! *(Вотпиваєть.)*

Назарь *(презрительно)*. Бідний ти сердечний чоловікъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ кряхта е добра, а въ тебе нема й того, що має й скотина. О, якъ-би ти змігъ заглянуть сюди *(указує на сердце)*, куди самъ Богъ не загляда! Та ні! може, ти тільки морочишь мене; може, ти тільки такъ кажешъ. Другъ ти мій добрий, вірний мій, ти жъ таки плакавъ коли-небудь: плачъ зо мною теперъ; хочъ прикився та плачъ. Не мучь мене: въ мене відъ горя сердце рветьця! Нехай вже ті сміютьця, що живуть у пеклі: імъ любо; а ти жъ таки чоловікъ. *(Съ участіємъ смотритъ на него.)*

Гнатъ. Такъ, я чоловікъ; а ти й справді баба, ще разъ тобі скажу: ка-зна зачимъ влпаеєсья.

Назарь. Нема у тебе сердца, камінь ти!

Гнатъ. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я нещасніший одъ тебе, нещасніший одъ твоєї собаки: вона лашитця до тебе, а ти її кохаєшь; а я?.. И я дурний, колись любивъ и къ гадинамъ

жінкамъ ласкався, ридавъ гарячими слізами, радъ бувъ в жизнь оддати за нихъ... в що взъ того? чи хочешъ знати?

Назаръ. Не треба, не хочу, не говори! у тебе нема Бога въ серці.

Гнатъ. А бувъ колісь, та мохомъ серце обросло, якъ той гнилий вікчемий пенъ дубовий. Прийде в твоя пора, все згадаешъ. (*Ласково*) Годі жъ тобі, годі! не дивись такъ хмарно: да-лебі не полегша. Дурниця все в товариство, в любовь, — цуръ їмъ! нема їхъ на світі. Одні дурні в діти вірять латвійськимъ віршамъ. А лучче поговоримъ о долі, а тимъ часомъ налетять сороки чорноброві, випьемъ, пожартуемъ, в вірь міні — вся дурь изъ голови вилетить. Я се знаю: мене ляхо навчило.

Назаръ (*встає за стола*). Та в я извідавъ горе, та нічому не навчвся; тебе жъ не хочу слухать: ти злійший дявола. (*Хочеть ийти*).

Гнатъ. Куди жъ ти?

Назаръ. Зъ тобою холодно, піду у некло погрітьця.

Гнатъ. Стривай, ти самъ не знайдешъ. Я шляхъ тобі покажу.

Назаръ. Найду й самъ.

Гнатъ (*удерживаєть его*). Ти в справді хочешъ ити? Скажений, ти зъ глузду зъїхавъ!

Назаръ. Я нікому не дамъ себе въ обиду, в дурного совіту не послухаю. Пусти мене.

Гнатъ. Насплю прочунився. Та куди жъ ти, навіжений?

Назаръ. (*вспльичиво*). Мовчи, а то тутъ тобі в ампнь.

Гнатъ (*не выпускаєть руки Назара*). Такъ в я зумію, та що потімъ? Зъ холоднимъ мертвецемъ у домовину?

Назаръ. Хоть до чорта у некло! Пусти мене, я піду у Чигиринъ до полковника.

Гнатъ. Чого?

Назаръ. Убью ёго!

Гнатъ. А якъ не вбьешъ, тоді що? чи не мусишъ ублагать ёго відкшутьця відъ Галі? га?

Назаръ. Такъ, чи не такъ, а я піду.

Гнатъ. До дявола въ гості! Чи не лучче жъ, замість пузагого полковника, обняти тонкий та гуцкий станъ Галі? Не

хмурся та послухай, та роби такъ, якъ я тобі скажу, бо ти сьогодні нічого путнього не придумаєшъ.

Назарь. Що дальше?

Игнатъ (*осматриваясь*). Чи глухі тутъ стіни? (*Въ помоло-са*) Украдьмо Галя, отъ в все. Чи добре?

Назарь (*немного помолчавъ, жметъ руку Гната*). Прости мене...

Гнатъ. Ну, що ще?

Назарь. Ти певний другъ!

Гнатъ. Ну, обь сѣму послі. Кажи, такъ, чи не такъ?

Назарь. Такъ! Я весь твій: говори, приказуй.

Гнатъ. Слухай же. Вона, звісно, виходила до тебе коли-небудь пізно вечоромъ у садокъ, хотъ, й не одна?

Назарь. Зъ клюшницю.

Гнатъ. Суца коханка! Чи не завалаясь у тебе въ кишені який червінець?

Назарь. Два.

Гнатъ. Ще лучче. Се жъ буде клюшниці на сережки, а плахту на словахъ обіцай. Тільки домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жінки наголо всі цокотухи: не для їх вигадано слово *мовчати*; до того ще й дорожче запросять.

Назарь. Нічого не пожалую, усе віддамъ, що въ мене є. Де тільки клюшницю побачу?

Гнатъ. Вона буде тутъ. Адже ти чувъ, якъ ласка хазайка Стеху, за те що довго баритьця? Гляди жъ, зробишъ тутъ усе якъ треба, а я дождатиму васъ крій старої корчми зъ тройкою добрихъ воронихъ. Знаєшъ, за садкомъ, на старій дорозі?

Назарь. Знаю.

Гнатъ. Сю корчму в днемъ люде хрпстючысь обходять, а вночі ніхто не посміє; такъ кращого місця нічого й шукати; тільки нѳрайтесь моторнішъ.

Назарь. А якъ вона не захоче, — що тоді?

Гнатъ. Хто? клюшниця, чв...

Назарь. Та й та. й друга.

Гнатъ. Захочуть обидві, тільки ти зумій согласити. Клюшниця за червінця піде колядовать хотъ до самого сатани; а Галя въ одній соропці піде за тобою на край світа; а якъ се дуже далеко, такъ ти спровадь її на Запоріжже, а тамъ в самъ геть-

манъ не більший одъ чабана. Адаже ти не випсுவавсь пзъ Запорозцівъ?

Назаръ. Ні.

Гнатъ. Такъ якого жъ злидня ще хотіть? А хто пакъ у тебе куріннимъ отаманомъ?

Назаръ. Сокорина.

Гнатъ. Знаю! о, голінний, завзятий чоловікъ! въ кірці води дявола утопить, не то-що въ Дніпрі. А! здастьця, хтось иде.

Назаръ. О, якъ-би твоє, брате, слово та Богу въ уха!

Гнатъ. Нема нічого на світі логше: тільки повеселій, будь козакомъ. Мовчи (*Громко*) Ну, випємо жъ чарочку за шинкарочку. (*Пють.*)

Хозяйка. Якъ же я утомилась! на силу найшла її прокляту Стеху!

Гнатъ. А що, змахнула пилъ зъ місяця?

Хозяйка. Смійтесь, а воно и справді погода утихомирилась.

Гнатъ. Оце жъ тобі за труди. (*Подаєть чарку.*)

Хозяйка. Цуръ ёму, якъ я втомилась!.. Ні, спасибі, не підь силу... Хва вже для васъ. (*Пробуєть понемножку. Гнатъ знаками просить. Она, въ притворстві усилий и кривляній, выпиваєть, а остальныхъ капли хлещетъ въ потолокъ.*) Щобъ во-роги мовчали й сусіде не знали! (*Отдаєть чарку.*)

Гнатъ (*подносить Назару; тотъ отказывается знакомъ*). Не хочешъ—якъ хочешъ. А міві здастьця, що в на світі нема такого горя, якого бъ не можна було утопити въ чарці горілки. Чарка, друга и—чорта у воду. Такъ, Катерино?

Хозяйка. Якъ кому вишому, то й кварта не поможе.

Гнатъ (*Назару*). А ти справді не будешъ пить?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольному воля, а спасеному рай. За твоє жъ здоровья! (*Выпиваєть.*) Праведно співастьця въ тій пісні, що каже, колпбъ мужику не жінка, не знавъ би вінъ скупи, колпбъ не горілка, де дівать би муки? Такъ у горілку її прокляту, у горілку! Розумний чоловікъ тебе видумавъ, такъ! (*Къ Назару*) Та на тебе бридко и дивитьця. Ну, ще жъ одну та й годі вже. (*Наливаєть.*) Чи втямки тобі, якъ ми втікали зъ Брацького на Запоріжже та на дорозі зустріли одну чорнобривеньку, и ти чуть-чуть бувъ не промінявъ запорозької волі на її чорні брови? Бачъ?

ти забувъ; а я, такъ все запрошедше знаю, та й що́ буде, од-гадаю.

Стеха (*вбѣгаетъ второпяхъ*). Охъ моя матюночко, якъ утомилась! Шучочки? оббігала усі усюди! (*Осмаприваясь*): Ахъ, Боже мій! я и не бачу. Добривечірѣ вамъ! Отъ, вже й не думала, й не гадала! Спасибі, спасибі! не погнушались нашихъ слобідськихъ вечерниць. Такъ уже й не здивуйте: у насъ усе аби-якъ: не те що у васъ у Чигирині.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годі бо вамъ сміятыця.

Хозяйка. Чи прийде жъ хто?

Стеха. Якъ же? усі придуть.

(*Гнатъ береть за руку хозяйку и отводитъ всторону. Назаръ встаєтъ изза стола и подходитъ къ Стехѣ*).

Гнатъ (*къ хозяйкѣ*). У мене щось голова розболілась; піду подивлюсь, який місяць. Чуєшъ? а про кобзаря, мабуть, в забули. Збігай лишень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ти звала Кирика?

Стеха. Моя матюночко! и забула. Я заразъ збігаю.

Гнатъ. Виять де нібудь застрянешъ... Збігай лучче сама.

Хозяйка. Добре. (*Хозяйка и Гнатъ уходятъ*.)

Назаръ (*береть за руку Стеху*). У мене в прозьба до тебе, Стехо.

Стеха. Знаю, знаю, яка прозьба: — сказати панноцці, щобъ вийшла до васъ, якъ панъ засне; та теперъ тільки не те вже, що перше було. Адже ви сами знаєте, що незабаромъ зробилось.

Назаръ. Се не помішає; міні тільки одно словечко сказати. (*Даєтъ ей червонецъ*), На тобі; ще й плахта буде, коли услужишъ.

Стеха (*принимаетъ червонецъ*). Не придумаю, якъ би се зробити. Лиха годна те, що старий цілісіньку нічъ очей не заплющить. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просила! ві, такъ на свойму поставивъ старий сатана.

Назаръ. Такъ ти зробишъ? дожидати?

Стеха. Зроблю, зроблю, тільки...

Назаръ. Не бійсь! більшъ копи лиха не буде. А коли хочешъ, такъ и ти зъ нами. Ну-лишень, чкурнемъ.

Стеха. Куди зъ вами?

Назарь. Туди, де лучче жити, де будешь ти павією; а не клюшницєю: чи второпала?

Стеха. Глядіть, чи не дурите ви мене? Исправді думають, що якъ вони багаті, такъ усе и їхъ.

Гнатъ (*за сценой*). Катре, Катре! а погляди, що се на місяці?

Голосъ хозяйки. Хйба не знаете? братъ брата на вила піднавъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далєбі я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хаті розкажу, я змерзла.

(*Впродолженіе этого разговора Назарь объясняется со Стехой знаками и шопотомъ. Стеха дѣлаєть утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка*).

Стеха. А хйба жъ ви сѣго не знаете?

Гнатъ. Або забувъ, або и зовсімъ не знавъ; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачите, якъ воно. Якъ Христа дочитались, старший братъ на великѣ-день, коли ще добрі люди на утрєні стояли, пішовъ підквнуть воламъ сїна, та замість сїна проткнувъ вилами свого меншого брата: такъ їхъ Богъ такъ и поставивъ укупці на місяці, на видъ усѣму хрищеному миру, щобъ бачили, що и скотині грїхъ їсти у такий великий празникъ, поки пасокъ не посвящать, а не то що людямъ.

Хозяйка (*насмѣшливо*). Ачъ якъ мудро прочитала!

Гнатъ. Чудо не дївка! розумна и красива. (*Обнимаєть Стеху*.)

Стеха (*притворно*). Що се, які справді безсидві оці городські козакі! усе бъ імъ знущатьця надъ нами та й тільки. (*Гнатъ цѣлуєть ее*.) Ну! отъ ще вдумали що! иначе се звичайно! Пустіть, далєбі закричу.

(*Съ шумомъ входятъ козаки и дѣвушки*.)

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна. и тутъ успіла. А старий Кичатнї!...

Стеха (*выриваясь*). Ну, що? поживились? Не бійсь, таки не довелось поцілувати. Хто тамъ горло дере, що успіла? Вони тільки такъ, нічого не зробили.

Гнатъ (*къ козакамъ*). Ну, хто у васъ отаманъ? Чи єсть музики?

Голоса. И кобзарь и музикн.

Гнатъ. А оставне: випить и закусить?

Голоса. Якъ безъ сѣго? Усе е.

Гнатъ. А, та й бравіи жъ молодці! шó твої Чигиринці. (*Къ дьвушкамъ*) Котора жъ нзъ васъ піде зо мною танцювати?

Голоса. Пропустіть, пропустіть—музкки йдуть.

(*Входять музыканты-жиды. Впереди слпной старикъ съ кобзою. Дьвушки и козаки въ безпорядкѣ разступаются. Впродолженіе суматохи Назарь разговариваетъ съ Гнатомъ.*)

Гнатъ. Будь бо веселіший, не показуй виду. Стеха зуміе одкараскатыця одъ нихъ, тільки намъ зъ тобою треба попереду утікати. Я, пожадуй, хочъ и заразъ піду, а ти зостанься тутъ поки, -- такъ, для виду. Та чувешъ: не дуже довго женихайся, а мерціи въ корчму; я тамъ буду.

Назарь. Добре, тільки и ти проворніше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дивпсь, старпні знакомі! Кузьма, якимъ се побитомъ тутъ опинилсь?

Одинъ нзъ козаковъ. Зъ хуторівъ до церкви, а вечірниці по духу чуємо.

Гнатъ. Молодці! А ви, жидова, якъ сюди зайшли?

Жидъ. А такъ, сляхомъ. У Цигирині нема заробітку, а ми процули, сцо у нава Кицатого весілля буде, такъ в приїсли сюди.

Гнатъ (*всторону*). Жидівське ухо! (*Громко*) А нуте жъ! учистьте запорозького козачка. (*Къ козакамъ*) А зъ васъ хто бойчішпій? ударь, я подивлюсь, чи такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжі. (*Тихо Назару*) Годі, не дурій. Я жъ кажу, усе буде добре.

Назарь. Чи буде, чи ні, тільки зділай милость, не бався тутъ, пди швидче.

Гнатъ. Поспіємо ще зъ козамп на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнимъ: все зонсуешъ. Подпвмся козачка та й годі.

(*Удаляються въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканти заиграли. Одинъ козакъ выскакиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачокъ. Гнатъ и Назарь любятся.*)

Гнатъ. Ай да молодець! отъ жвавий! щó твій Запорожець! (*Танецъ кончается.*) Ну, веселітєся жъ, люде добрі, гуляйте, хлопці, а намъ уже годі, пора іхать: до Чигирина не близько, а

до світу треба бути тамъ. Прощайте, козаків! прощайте, дівчата! прощай, хазяйко! А де жъ та... Кічатого? (*Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ ее, цѣлуєть.*) Прощай, сердечко мое, моя розумниця, моя красавиця! прощай!

СТЕХА (*выриваясь*). Ай-ай-ай! закричу, їй же то Богу, закричу.

(*Назаръ и Гнатъ уходятъ. Хозяйка провожаєть ихъ.*)

СТЕХА (*ожорашиваясь*). Що за народъ такий сі козаки! усе бь їмъ цѣлуватьця. Ниначе й помоглось. (*Къ хозникъ*) Тітко, тітко! а нумо ми зъ тобою. (*Пляшетъ и поєть:*)

Черезъ гору піду,
Скриюсь за горою...
На біду,
Де піду,
Козаки за мною.

Той почне говоритъ,
Той сережки сулить.
Кого знаю,
Привітаю,
Хто сережки дарить.

Ахъ, сережки мої,
Мої золотні!
Сердітєся,
Дивітєся,
Вороги лихні!

Хозяйка (*выриваясь*). Охъ, мої зозуленьки! по старісті літъ міні бь и не подобало.

(*Стеха между тьмъ шалить съ козаками, хватая за руку молодого козака и вертясь приплясываетъ.*)

Хозяйка. Оце, яка жартовлива! Та перестанешъ ти, чь ні?

СТЕХА (*пляшетъ и поєть:*)

Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
На базарі була,
Черевчєки купила,
Три червінци дала,
А четвєртий прошила
И музєнку наняла.

Що жъ ви, родимець би васъ вбивъ! тільки дурно гроші берете? Кусокъ би вамъ сала, а не грошей. (*Въ толпъ хохотъ.*)

А де жъ нашъ Кирикъ? сюди ёго! вінъ одинъ лучче усіхъ ціхъ голодранцівъ. (*Выходить кобзарь.*) Ось вінъ, мій голубчикъ. Ну лишень яку-небудь пісеньку съ приговорками, або казочку страховяночку, щобъ цілу нічъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ казочку, хочешъ пісеньку, що любишъ.

Голоса. Казку! казку!

Другіе. Ні, пісню, та такую, щобъ жижки затрусились. Ми ще не танцювали.

ПЕРВЫЕ ГОЛОСА (*и съ ними Стеха паче всьхъ*). Натанцюютьеь ище, поки до третіхъ.

Стеха. До півнівѣ ще не трохи. Казку! (*къ хозяйкѣ:*) Казку, тітко?

Хозяйка. Звісно, казку, поки ще не такъ пізно; а опісля в слухать страшно буде.

Кобзарь. Коли казку, такъ казку; мінї все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-таки цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха! А що, га? таки перещебетала!

(*Кобзарь садится на скамейку. Кружмъ него съ шумомъ и хохотомъ толплятся въ безпорядкѣ козаки и дьвушки.*)

Стеха (*подноситъ кобзарю рюмку вина*). Виный, дідусю, для смілости.

Кобзарь (*выпивши*). Спасибі тобі, дівко! (*Прокашлявшись*) Слухать — що істи, въ горшку не бовтати, усівъ не марати, словъ не проускати, другимъ не мішати.

(*Общій лекий шопотъ и смѣхъ.*)

Стеха. Послухаю, послухаю, чи єсть же така страховина, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуєшъ ти? коли не будешъ мовчати, такъ геть собі.

Другой. А то виженемъ.

Стеха. А хто бъ посмівъ! Сотникъ васъ усіхъ перевішає.

Голосъ. Дзусь ёму мурому! Гляди, щобъ на одній осичинї не повісли тебе зъ сотникомъ.

Хозяйка. Та замовчіть же, Бога ради! (*Къ кобзарю*) Кажі, дідусю, кажи; іхъ не переслухаєшъ.

Кобзарь (*прокашлявшись*). У Венгерській стороні, у Цесарцівъ, за Шляхетською землею, стоїть гора висока; а въ тій горі

вора глибока; въ норі сидять не звірь, не птиця — турецька царяца. Сидить вона сто тисячъ літъ, не молодіє, не старіє, а тільки де-далі зліє; ість вона отъ східъ до західъ сонця — не хлібъ печений, не курей и не яку-небудь людську страву, а трощить маленькихъ дітей, за те, що, коли ще вона була у Турещині важкою, такъ їй сказавъ арменський знахарь, що вона родить дочку и дочка та буде, якъ підросте, въ тисячу разъ краше її. Отъ вона, справді якъ родила дочку, такъ заразъ и зіла її, та зъ того часу сидить у норі и невгаваячи усе ість дітей; не розбера, хотъ хрещені вони, а хотъ нехрещені, ість усіхъ, ість тобі всіхъ та й годі, — и дівчатокъ, и хлопчиківъ...

Стеха (*быстро*). И хлопчиківъ! ахъ, вона триклята баба! Щастя її, що я не знаю тієї гори.

Голосъ. А що бъ ти зробила?

Стеха. Що? задушила бъ.

Голосъ. Куди тобі, погане!

Другой. Ти й за двері сама боїєся вийти.

Стеха. Хто, я?

Въ толпъ. Та не мішай же слухать. Не хто жъ більшь, ти!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ, заразъ піду на гробовище? а коли хочете, такъ у стару корчму, що на старому шляху.

Въ толпъ. Прудка дуже! за порігъ не вийдешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмиру! що ставишь?

Въ толпъ. Мої музиканти на всю; а ти?

Стеха. Півведра сльвянки, три куски сала и паляниця.

Въ толпъ. Добре! тільки щобъ, знаєшь, сльвянка була зъ панського лѣху.

Стеха. Та вже де ни візьму, до сѣго вамъ діла нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надѣваєть верхнее платье*). Гляди жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*) Якъ я вернусь, такъ тоді докажешъ, дідусяю; ато я и ни хочу. (*Уходить.*)

Ковзарь. Добре.

Въ толпъ. А щобъ повірили, такъ принеси цеглинку або кахлю зъ груби, або що хочешъ, тільки зъ корчми.

Стеха (*за сценою*). Добре, добре.

Голоса. Отъ дівка голінна, такъ такъ!

Другой. Чуприну їй та уси, тоді хочъ у пекло...

Третій. Такъ подумаютъ, що козакъ.

Хозяйка. Вже козирь-дівка, не вамъ рівня. Отъ же й піде; тоді платі.

Голосъ. Або сливянку пий, а саломъ и паляницю закусуй.

Хозяйка. Побачимъ, побачимъ, чія візьме. Чого сидіти? щобъ не даромъ музикамъ платити, ну лишъ потанцюемъ лучче. А ну, вдарте, та не пождівський, а понашому.

(Голпа въ безпорядкѣ разступається. Козакъ съ дівушкою виходить танцювать. Музиканти зазирали, и пляска началась. Занавѣсь тихо опускається.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Внутренность развалинь корчмы. Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропиль. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько мигнутъ молчанія. Вдали слышна пѣсня: потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко припѣвая: «Ахъ сережки...!» Она останавливается у развалившейся печи и съ робостію осматривается кругомъ.

Стеха. Якъ страшно! Де жъ вони? И коней тожъ невидно. Чи не махнули вони собі? То-то буде добре! За два червінци продать свое щастя.. *(Осматриваетъ слѣды)*. Ні, опрічъ моїхъ, нічїихъ не видно слїдівъ. Що, якъ вони обманяли та другимъ шляхомъ..? отъ тобі й сотничка! Побіжу мерщій додому, чи не подїялось чого тамъ. Розкажуть, що я помогла, — тоді усе пропаю. *(Поспїшно вѣзвращается.)*

(Навстрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю.)

Стеха. Се ви? А тутъ такъ страшно... Чи не случилось чого?

Назаръ *(опустивъ Галю)*. Нічого не бійсь. А кві тутъ?

Стеха. Ні, я не бачила.

Назаръ. Збїгай подивись, и якъ нема, то біжи мерщій у слободу, чи не зустрїнешъ на дорозі.

Галя. Стехо! чому жъ ти не йдешъ? Біжи жъ скорішъ; батюшка прокинетця! біжи бо!

Стеха. Заразъ, моя панночко; для васъ на край свїта полечу. *(Поспїшно выламываетъ изъ печи изразецъ.)*

Галя. Що ти робишъ?

Стеха. Заразъ. Се одъ вовківъ. *(Быстро удалется.)*

Галя. Ходімъ на дорогу: міні тутъ страшно.

Назаръ. Не можна, мое серденько: тамъ побачать, а сюди ніхто не ввійде.

Галя (*зрутно*). Ну, роби якъ знаєшъ, а я... я все зробила... Боже! на зорі прокинетця батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! що я наробила!

Назаръ. Лучче нічого не можна було зробити.

Галя. Батюшка мене проклене.

Назаръ. Себе нехай проклинає... Ти змерзла, моя кришечко? Візьми мою кирею. (*Снімаєть плащъ и разстилаєть по стлыу.*) Спочинь, мое серденько; поклади свої ніженьки у мою шапку. (*Галя садитя на плащъ. Назаръ вкладаєть ее номъ въ свою шапку*). Оттакъ теплішъ, (*цълуетъ ее*), теплішъ, мое серденько.

Галя. О, мій голубчику, мій сокілъ ясний! якъ міні тепло, якъ міні весело!... Тільки я боюсь: батюшка мій такий сердитий.

Назаръ. Не бійсь, моя пташечко, нічого, поки я зъ тобою. Не бійсь, тільки люби мене. Я подумавъ тоді... коли.

Галя. Коли? Що подумавъ? може, недобре?

Назаръ. Не то, що не добре, та не теперъ згадувать объ чімъ-небудь недобрімъ, коли на серці така радість. А завтра... що завтра зо мною буде? Я вмру, мене задушить мое щастя, моя доля. (*Кладаєть ей на колъни свою голову. Галя перебираєть его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ нъжностью смотритъ ей въ очи.*) О мої очі, мої карі! поглядіть на мене, мої зорі ясні! (*Немногю помолчавъ.*) Серце мое, ти не казала батюсі, що підешъ заміжъ за полковника? не казала?

Галя. Опять! Який же ти справді!... Я заплачу. Аджежъ вінъ нічого міні не говоривъ о полковникові, такъ якъ же бъ я ёму сказала?

Назаръ. Бідненька! вінъ продававъ тебе, а ти нічого й не знала. Прости ёго. Нехай Богъ милосердний на тімъ світі за се ёго осудить и покарає.

Галя. Я молитимусь за ёго гріхи. Може, Богъ ёму простить.

Назаръ. Молись, за кого хочешъ, тільки не розлюби мене, моя галочко... Я вмру тоді.

Галя. Який ти чудний! ти думаєшъ, що я тільки такъ тебе люблю. Ні, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, що роблю... Якъ би тобі розказать? Ажъ страшно! Знаєшъ що? коля я ди-

влюсь на тебе, такъ міні здаецця, що ти — такъ се я, а що я — такъ се ти. Такъ чудно; не знаю, одъ чого воно се такъ. Коли зостанусь одна на самоті, то все про тебе думаю, думаю, п міні приставитця, що ти въ Чигирині передъ гетьманськими хоромами на вороному коні гарцюешъ, а усі гетьманші, полковниці ні на кого більшъ и не дивлятця, опрічъ на тебе... У мене въ очахъ такъ и потемніє... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серці стане. Одъ чого воно такъ, Назаре? ти не знаешъ?

Назарь. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ любо, якъ міні ти говоришть! Промовъ ще разъ, обійми мене. (*Обнимаются, целуются.*) Ще, ще одинъ останній разъ. (*Въ изнеможении кладетъ ей голову на колѣни.*)

Галя. Якъ міні весело зъ тобою! Чи воно все такъ буде весело? скажи міні, Назаре.

Назарь (*не поднимая головы*). Увесь вікъ!

Галя. Куди жъ ми поїдемо?

Назарь. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ вівъ?

Назарь (*поднявъ голову*). Не питай мене теперъ; я нічого не знаю. Ми поїдемо туди, де нема и не буде ні полковника, ні батька твого, де тільки одна воля, одна воля та щастя. О, якъ ми будемо гарно жити! Збудую тобі хату світлу, світлу та високу, розмалую її усякими красками — и чорними, и блакитними, и зеленими, усякими, усякими, наряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотімъ кріслі, мовъ кралу, и довго, довго, поки вмру, все любоватимусь тобою. Та чи вмру жъ я коли небудь? Ні, я ніколи не вмру! Коли ти будешъ зо мною, то смерть не посміє и въ хату вашу заглянуть.

Галя (*грустно*). Охъ, ні, Назаре, не кажи такъ! Міні страшно стало, и серце такъ зациміло, такъ заболіло, инначе чує недобру годпну, або яке горе.

Назарь. Яке горе? де воно? Для насъ нема ёго на цілімъ світі.

Галя. Не знаю, Назаре: тільки міні щось на серці такъ важко, такъ гірко... Я все думала про батюшку.

Назарь. Пащо жъ ти объ ёму думаешъ? Не думай, и весело буде. Знаешъ, якъ приїдемо ми у Кодакъ... Се запорозький городъ... Отъ, якъ приїдемо, мерціи у церкву, повінчаємось: то-

ді и самъ гетьмавъ насъ не розлучить, и будемо довго, довго тамъ весело жити. Ти будешъ пісні співати и танцювать, а я буду грати на бандурі и розказувать тобі про славні діла козацькі, про Саву Чалого ⁽¹⁾, про Свірговського, про всіх, про всіх жвавихъ козаківъ нашихъ. Далі, міні вигодуєшъ сина молодця чорнобрового, пошлемо ёго въ Січъ; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: »Любуйтеся, дивітеся: се мій синъ. Міні ёго виходувала, викохала моя Галя, такого молодця! Що, весело?

Галя. Весело, мій Назаре, мій миленький, а серце все-таки болить. Міні здається, що батюшка вже прокпнуєвъ и мене шукає.

Назаръ. Богъ зна обь чімъ думаєшъ ти! Ось заразъ будуть коні и вони насъ не найдуть, хоть нехай усю землю перевернуть. Не журись же, моя ластівко!

Галя. Знаєшъ, що? ходімъ до-дому, розбудимъ ёго, станемъ передъ імъ на коліна... вінъ насъ простить; вінъ мене любить.

Назаръ. Хиба жъ я ёго не просивъ, хиба жъ не стававъ передъ нимъ на коліна! Адже ти бачила?

Галя. Бачила, ти просивъ... Назаре, вінъ мій батько.

Назаръ. Лучче бъ не знать такого батька.

Галя. Ти сердяся, Назаре! Не сердяся, мій милий, мій чорнобривий. Подивись, я весела, я не жалкую, що покпнула.. Поцілуй же мене, мій соколе ясний, орле мій сизокрилий. *(Обнимаются и целуются.)*

Назаръ. О, моя радість, мій сонъ чарівний! Не журись, серденько. Скоро ми полетимо такъ, що не дожене насъ и вітеръ, А пічъ-то, нічъ! внаиче празникує наше щастя. Тиха, світла, якъ твої ясні очі. Ти не боїєся? Побудь тутъ одна. Я піду подивлюсь на дорогу.

Галя. Ні, не боюсь.

Назаръ. Чого жъ ти зновъ зажурилась?

Галя. Такъ, нічого. Я згадала покійницю няньку. Вона міні розказувала, що въ сій корчмі давно який-то запорозький старшина ночувавъ, а на другий день нашли ёго въ Тясмині; и що

⁽¹⁾ Авторъ повторяєть ошибку Срезневскаго и Максимовича: Сава Чалый существовалъ въ XVIII, а не въ XVI вѣкѣ. П. К.

тутъ Богданъ зустрічавъ сна свого Тимофіл, якъ козаки везли ёго зъ Молдавіи (¹), покритого червоною китайкою, и що тутъ Запорозці вирізали Жидівъ. Зъ тні годнии ніхто въ ій не живъ: усе віччю ходять мертві Жиди... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назаръ. Тобі твоя нянька Богъ-зна-чого наговорила.

Гая. Вона божилась, що правда. Не ходи, лучче останься зо мною, або ходімъ обое. Міні важко и на мпнуточку розріз-внтьця зъ тобою.

Назаръ. Я не піду... Ти не змерзла?

Гая. Ні, твоя шапка така тепла. (*Снимаєть шапку съ ногъ и цьлуєть.*) О, моя мила шапка! Надівъ її; и ти замерзъ.

Назаръ. Надівъ ти. Я подивлюсь на тебе, яка ти въ козацькій шапці. (*Она надьваєть шапку. Назаръ любуется.*) Чудо!.. Чорні усп, шаблю дамаську, пистоль за поясъ— и козакъ хочъ куди. (*Цьлуєть ее.*) Козаче мій чорнобривий!

Гая (*надьваєть ему шапку.*) Оттакъ краще! Постій, я при-шпилю стѣнжку. Знаєшъ, якъ на весіллі бува у молодого?

Назаръ. Се ти ще й завтра зробишъ...

Гая. Охъ, тривай! я й забула. Адже я такъ взяла зъ собою и хустку, що для тебе вишивала. (*Винимаєть изза пазухи бль-мий, шитий краснымъ шелкомъ, платокъ и подаєть Назару.*) Що, хороший? Я сама вишивала и гроші на шовкъ сама заробляла (²).

Назаръ. Спасибі, серце мое.

Гая. Чи не заспівать оце пісню про хусточку, що я въ Чи-грині у дядни чула?

Назаръ. Коли весела, заспівай.

(¹) Событіе половини XVII, а не XVI вѣка. П. К.

(²) Далѣ, до конца, писано рукою автора. Все предшествующее пере-писано (или написано подъ диктовку) довольно небрежно малограмотною рукою и нзрѣдка поправлено другою (но не авторскою). Какъ въ пере-пискѣ, такъ и въ исправителѣ, замѣтно плохое знаніе украинскаго язы-ка. Отъ этого произошло множество ошибокъ въ правописаніи, въ окончаніяхъ и, должно быть, въ самыхъ словахъ, — ошибокъ, которыхъ не могъ сдѣлать авторъ «Кобзаря». Объяснительная часть пьесы на в.-русскомъ языкѣ (мною кое-гдѣ исправленная), принадлежитъ также не ему, ибо въ окон-чаніи пьесы она написана на языкѣ украинскомъ. П. К.

Галля. Ні, не весела, та міні сидить уже остгло. Слухай же. *(Виходить на край сцени.)* (1).

(Назарь стоить задумавшись).

Галля. Чого жь ти зажурився? То не треба було бь и співать.

Назарь. Нічого, серце мое. Возьми свою хустку. *(Подає їй хустку.)* Завтра знову подаруешь.

Галля. На щб вона міні? Розірви, коли вона тобі нелюба; я другу вишню. *(Печально:)* Тільки не знаю, коли. *(Плаче, помоячавши.)*

Назарь. Не плачь, мое серце. Дивись, я не журюся.

Галля. Не журисся? А чого жь ти плакавь? Ти щось знаешь, та не хочешь сказати. Скажи жь, мій голубе, мій орле сизокрилий, скажи, мое серце!

Назарь. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщасливіший на світі.

Галля. Ба я щасливіща за тебе. Ніколи жь не буду співать про хустку; цурь їй!

Назарь. Я тебе вивчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(Дивлятьця одно на другого и цілуютця. Хома и Стеха крадутця изза шапи.) (2).

Хома. Сюди! ось-де вони! сюди!

Галля. Батько!.. Пропала я!

Стеха *(пробіає коло їх)*. Полковниця! полковниця!

(Назарь мовчки бере лівою рукою Галлю, а правою виймає шаблю. Хома торопко веде на его челядь. Стеха говається.)

Хома *(скиженіе)*. Цілуйтеся, цілуйтеся, голубята! *(До челяді:)* Княми ёго, собаку! Чого жь стал? Беріть, рвіть ёго!

(Челядь торопіе).

Назарь. Хто хоче въ домовнну, виступай на мене. *(До Хоми:)* ти чого хочешь?

Хома. Смерти твоєі, злодію!

(1) Слѣдують двѣ горизонтальныя черточки, вмѣсто пѣсни.

(2) До сцѣл порь, оть словь: «Галля. Чи не заспівать оце пісню», пере-черкнуто, но не тѣми чернилами, которыми писалъ авторь, а чернилами его исправителя, который такъ мало былъ знакомъ съ языкомъ его, что слова Галля «Ба я щасливіща», поправиль: «Хиба я щасливіща». П. К.

Назарь. На що жь ти собаками цькуєшь? Возьми самъ, коли хочешъ.

Хома. Я рукъ паскуднить не хочу. Берить ёго! О, песь поганый! я розірву тебе!

(Бютьця на шабляхъ).

Галля *(пада міжъ ними на коліна)*. Тату, тату! убий убий мене! винна я; я прогнівила тебе... Убий же мене, таточку, та не бери зъ собою!

Хома. Цить, кошени крадене!

Назарь *(Хоми)*. Цить, сатано люта!

Хома. Дочку оддай!

Галля. Не отдавай, не отдавай! я утоплюся!

Хома. Топись, гадино, поки не растоптавъ я тебе!

Галля. Топчи, души мене: я твоя дитина!

Хома *(до челяді)*. Берить ёго! Я васъ перевішаю! я васъ золотомъ окую!

(Челядь пориваетъця на Назара.)

Галля. Одурить! одурить!

Хома. Не одурю! Не скавучи, зінське щеня!

(Напада на Галю. Назарь заступа її. Челядь напада на Назара злиду и крутить ёму руки.)

Хома. Ха-ха-ха! вовче вовче! чому жь ти не рвешъ насъ?

Назарь. Цить, жабо погана!

Галля *(передъ Хомою на колінахъ)*. Тату, тату, кате мій! я розірву тебе, — я день и нічъ плакатимусь на тебе! Танцювать, плакать буду! Чого забажаєте, все робитиму — не вбивай ёго! Я за полковника піду...

Назарь. Галю!

Галля. Ні, ні... *(Зомліла, падає.)*

Хома *(до челяді)*. Чого жь ви дивитесь? Нехай здиха собака, а ви тимъ часомъ шкуру зниміть.

(Челядинецъ замахиуєсь киемъ на Назара.)

Хома. Стривай! ми не Татарп. За що ёго убивать? Чи есть у кого вірѣвки, поясъ, або налігачъ, — що-небудь, скрутіть ёму руки й ноги?

(Челядь крутить поясами Назара.)

Стеха *(падає коло Галі зомліло)*, Охъ, моя пташечко, моя

лебідочко! чи я жь знала, що такъ станеться? Прокнись, моя зозулечко, моя ластівочко!

Хома. Отакъ добре! Теперъ завяжіть ёму ротъ. Отъ, доладу; у ёго, здаеця, що й хустка у руці. Чи не весільна? Добре, зда-лась таки на що-небудь,

(Завязують хусткою ротъ.)

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютий, та, може, видержить. А вже якъ вовча тічка нападе... а вовки зда-лека поживу чують... отъ буде снідання, начисто гетьманське! Теперъ положіть ёго на білу шерину — нехай проспиться та по-дума, съ кимъ жартує.

(Челядь кладе Назара на снівъ.)

Хома *(на Галю.)* А ця учаділа... Возьміть її додому .. прочу-маеця.

(Челядь бере на руки Галю и несе зъ собою.)

Стеха *(берє Хому за руку и веде ёго за Галю.)* А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасибі, спасибі. *(До Назара:)* Оставайсь здоровъ, приятелю! не згадуј лихомъ. Нехай тобі присняться рушники.

(Хома зъ Стехою шепчуться и пропадають. Назаръ тихо стоїне. Незабарамъ чути за сценою гомінъ.)

Голосъ Хоми здалека. Кпните її! вяжіть ёго!

Гнатъ *(за сценою.)* Я тебе звяжу, недовірку проклятий!

(Незабарамъ вибіає Галя и кидаеця на Назара.)

Галля. Орле мій! серце мое! *(Розв'язує хустку.)*

Назаръ. Душно міні, душно!

Гнатъ *(веде за груди Хому.)* Останній разъ говорю: оддася Галю за Назара, чи ні?

Хома. Ні!

Гнатъ. Здихай же, собако скажена! *(Замірівсь шаблею.)*

Хома. Стривай. Тв знаєшъ нашъ законъ козацький, то...

Гнатъ. Шо мене живого поховають зъ твоїмъ падломъ? Знаю. *(До челяді:)* Кошайте яму. *(Цілить пистолетомъ.)*

Хома. Вяжіть ёго!

(Тімъ часомъ Галля розв'язує руки у Назара.)

Назаръ. О, доле моя! серце мое!

Гнатъ. Кошайте яму! *(До Хоми прицілюючись:)* Лукавий чо-ловіче, за що безъ сповіді ти себе губишъ и мене зъ собою?

Прощайсь зъ білимъ світомъ, молись Богу. (*До Назара:*) Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене. Прощай! а ми...

Назаръ. Стривай!

Галля (*до Гната*). Стривай!

Назаръ. Пусти ёго, не вартъ вінъ того. Не напасти души своєї. (*До Хоми:*) Иди, лукавий чоловіче, иди, куди знаєшъ. Не помігъ тобі Богъ занастити мене; а я чужої крови не бажаю. Иди собі!

Хома (*пада передъ Назаромъ*). Назаре! сину! батьку рідний! заріжъ мене, замучъ мене, на коняхъ розірви, та не прощай! (*Падає до ніз и плаче.*) О, я лукавий, лукавий! о, я грішний, проклятий!... Дочко, доле моя! серце мое! проси ёго, нехай убъе, нехай я світа не паскужу! (*Знову плаче.*) Боже мій, Боже мій!

Назаръ (*відводить ёго*). Устань, молись Богу, грішний. Коли прощають люде, то Богъ милостивіший за насъ.

Хома (*вставши, утирає слёзи*). О слёзи, слёзи! чомъ ви перше не лилися? Назаре, я чернець... спокутую въ рясі мої беззаконіи! Бери мое добро, бери мою Галю, бери все мое! Галю! Назаре! обнімітьця, поцілуйтєся, діточки мої. Я хочъ и грішний, а все таки батько. (*Назаръ и Галля обнімаютьця.*) Боже васъ благослови!

Кінець.

ОПОВІДАННЯ ГРИЦЬКА КЛЮШНИКА.

II.

ДОРОШЬ.

Миколаю Кіндратовичу Бродському.

Після шведської повоги, тоді як протурчили Запорозців з Чортomla у Турецьку, аж в Алешки (1), був військовий осаулом цей самий Дорош, що розказую. Багато де-чого доводилось мені про його чути ще в Січі; розказували, що він з-біса був завзятий и дуже письменний: знав по-турецький и по-татарський, и був за толмача. Як-же кошовий Мелашевич вивів Запорозців з Турецьки (2), и знов осадив Кош на наших вольностях, біля річки Підпольної, то Дорош розмірив окопи и рогати, бо знав и кріпості будувати. Скінчивши своє діло, недовго він зостався в Коші, вельми вже старий був, и подякувавши за хліб-за-сіль, помандрував собі у степи, щоб де небудь сісти зімовником и завести пасіку, бо дуже кохався у бжолі. Шукав старий собі місця, шукав, та й сюди зайшов на Малу-Тернівку; якось йому подобався наш лиман, та на що й шукати лучшого захистка: кругом вода, а по середині остров, не треба й огорожуваца; оть він тутечки й осадивсь. Тоді як старий сюди прийшов, у лимані тільки й росли де-не-де осички, терни та лоза; а він вже повасажував скрізь дерева, нащепив груш и яблунь, неначе ліс який розвів. Так тутечки

(1) Старий Кош зруйновано 1709 року; а осадивсь в Алешках 1712
(2) Осадив новий Кош на р. Підпольній 1733 року.

у ёго велика пасіка була, може колодокъ зъ двісті, коли не більшъ. За медомъ було привізшли купці зъ Харькова, зъ Білагорода. Дорошъ тими грошима, що за медъ добувавъ, віколи не користувався, а видававъ їхъ біднимъ людямъ на будову, що приходили у степи селитьця зімовиками, або однесе на церковь до пугмена Самарського-Миколаевского монастиря.

Тіи козаки, що сиділи тутечки зімовиками и знали Дороша, отъ якъ розказували міні про ёго життя у лимані. Живъ вінъ на тій острові неначе який пустельникъ; зъ власнихъ рукъ годувавъ дикихъ кізъ, сайгаківъ, журавлі ходили за нимъ слідкомъ якъ собаки, підъ ёго хатою плодвались бабаки. Ходивъ вінъ якъ чернець, у високій шапці, у чорній хламиді и підперізувався реміннимъ поясомъ. Зъ себе бувъ дуже високий, а борода біла, якъ молоко, доходила ажъ до колінъ. Такий, розказували, бувъ зъ ёго дідуганъ, що хтобъ ёго не вздрівъ, то самі вьязи хилотця щобъ ёму поклонитись. Тоді тільки й було зімовиківъ, що на р. Самарі, де теперечки Кочережки, та біля насъ, де Василівка, у Бродчині и тамъ ще, у Водяної; то було по великихъ празникахъ народъ приходивъ до Дороша, неначе до церкви (тоді тутечки не було церкв), отъ вінъ и читавъ імъ Евангелію, апостолаи псалтьрь. Люде кажуть: яна самоті чоловікъ живе зъ Богомъ; то хочъ и не въ церкві слухаешъ те слово Боже, а всежъ таки полатае воно тобі душу, особливо, почувши ёго, зъ устъ чесної предъ Господомъ людини. Старого Дороша всі дуже поважали: було, якъ заведутця за що небудь, або шкоду одинъ одному яку вчинить, до йдуть судитьця до старого.

У ті часи, якъ Дорошъ тутечки проживавъ, набігали ще на слободи Татари: оцежъ їхъ и шляхъ, що йде по-біля лиману, бо тутъ, скрізь одъ р. Самарі ажъ до р. Орельці, водопоі, а по горахъ багацько родниківъ и кривницъ. Було, якъ почують хуторяни, що йде татарва, то загавяють скотину и ховаютця по байракахъ и котловинахъ; якъ же, бувало, слобожани турнуть звідтіля татаръ, то й вони, де не візьмутця, на копей, за мушкетъ, и собі провозають непрошенихъ гостей. А Дорошъ—такъ ніколи не тікавъ: сидить собі на пасіці и байдуже ёму. Разъ, якъ такъ проходили татари, Дорошъ варивъ собі на вечерю кулішъ, а татарський ватажокъ побачивъ, що зъ коміна пде димъ, и пославъ кілька вершниківъ подивитьця, хто тамъ живе.

— Коли молодий, — каже, — то візьміть ёго у ясаръ (¹), а старий — чикинъ ёму башка.

Такий, бачите, у нихъ бувъ басурменський дряпіжний звичай. Поїхали татари у лиманъ, та якъ кажуть — эне спитавши броду, не лізь у воду, а п загрузи въ болоті. Стали гукать, такъ Дорошъ випшовъ и розказавъ імъ, їхъ мовою, куди обїхать; отъ вони и прїїхали до ёго. Побалакавъ вінъ зъ ними, показавъ свою пасіку, огородъ, — такъ гарно у ёго въ садочку: було се саме въ Спасівку, якъ вже и дині, и кавунн, и садовина поспіла. Вернулись вершники до свого ватажка, розказали ёму, що бачили, — отъ вінъ и самъ прїїхавъ до Дороша въ гості. Нагодувавъ ёго старий медомъ, кавунами и чимъ Богъ пославъ. Ватажокъ цілісенький вечеръ зъ нимъ пробалакавъ, тутъ у ёго въ хаті и почувавъ, а на другий день, прощаючись, подарувавъ Дорошу турецький коць и обїщавъ, якъ буде повертатця, зновъ до ёго заїхать. Такъ не привівъ ёму Богъ вернутця, бо тамъ десь за Берекою, гетьманці перехопили ёго загінъ и завдали такого чосу, що й самъ ватажокъ тамъ же шїжки відкидавъ, а ёго орду у три вірви гнали ажъ до р. Самарі. Якъ тікали вони по-біля лиману, у одного татарина зашкандибавъ кінъ; бачить сердешний, що вже ёму не втекти, бо за спиною козаки, — нічого робить! — отъ вінъ зъ коня та въ очеретъ, и прилізь до Дороша.

— Ратуй, — каже: — якъ виратусешъ, то я твій па віки!

— Не знаю, якъ мнї тебе и виратувать, — одказує Дорощъ, — бо нігде сховать; певно сёгодня ще понаходють наші козаки, та й витягнуть тебе изъ-за нечи, и въ болоті тежъ не сховається, бо и тамъ вони обшннпорять усі кутки; дуже вже ви намъ надо-золпи!

Однакъ, подумавъ-погадавъ старий, та й вигдавъ, якъ ёго сховать. Викопавъ вінъ у пасіці ямку, такъ щобъ тільки улізти чоловіку до плечъ, и посадивъ туди татарина, а зверху накривъ ёго вулкомъ: бувъ у старого зайвий вулій, дуже великий. Тільки що обгорнувъ ёго гарненько землею, буцімъ то й справді колодка зъ бджолою, ажъ бачить — идуть до ёго козаки, лиші зъ радощівъ, що утерли носа ворогамъ, вже й понапивались.

— Добривечіръ, діду! — кажуть.

(¹) Узятъ неволю.

— Спасибі, — одказує Дорошъ.

— А нагодуйте насъ, діду, медомъ,—просять:—бачите, яка у васъ гарна пасіка!

— Добре, дітки, — каже старий: — е за що и нагодувать, добре одчухрали татарву!.. Ідїть же у хату: на тїмъ тижні під-різувавъ, то тамечки у мене вь чулані готовий медъ.

Де-які хотїли вже йти у хату, а другї не згодїлись.

— Ні, діду,—кажуть.—не хочемо ми тижнёвого, давай намъ зъ самого підкопу, свіжого!

— И той же зъ підкопу, — каже Дорошъ: — однаковий.

— Не хочемо ми того, — гомонять козаки: — давай намъ свіжого, а не даси, такъ ми, не питаючись, и сами візьмемо!

А тамъ вже де-які и на горїще полізли, шукають, чи нема сала або горїлки.

— Тю на вашого батька, — каже Дорошъ: — бачу, вамъ коли медъ, то й ложку?.. ійте, який дають!

Такъ куди! не слухають, ще й лаятьця почалп: сказано пьняи, а за пьняими и тверезї тежъ собі, и все захожуютьця біля великого вулія, підъ котримъ сидить татаринъ. Бачить старий, що не перелївки: не дать,—то вони и сами перевернуть великий вулії, тоді вже помпнай якъ звали татарина.

— Ну, трївайте жъ, хлопці, — каже:— якъ бачу, треба вамъ дать свіжого, нічого зъ вами робить!..

Тїльки-що узявся за одну колодку, щобъ знять, а козаки и гукнули:

— Давай намъ, діду, зъ сієї, зъ великої: оттутечка багацько меду!

— Не можна зъ сії колодки, — одказує Дорошъ.

— Чомъ? — заговорїли козаки: — давай, кажемо, зъ сієї, а не даси, ми й сами візьмемо, — намъ рукъ не позичати!

Дорошъ завїря їхъ, що варойки накинувъ у сю колодку, такъ буцімъ не їмъ и кажуть; одно товчуть: зъ сієї, та й зъ сієї!.. Кругомъ обступили, де-котрі вже и за колодку берутьця. Що тутъ на свїті робить? отъ Дорошъ и каже:

— Слухайте, хлопці, не руште сієї колодки, бо якъ схочу, то, дарма що велика, а не добудите ви зъ неї и одной кроплї меду,—хїба тїльки чортяку побачите!

Та й гугнувъ до татарина, що ёму робить.

— Сількись, — одказавъ одинъ зъ козаківъ: — я ще на своїмъ віку не бачивъ чорта, — подивлюсь, яка у ёго парсуна!

За вулії, тільки піднявъ, а татаринъ якъ вискалитця, якъ зарже не своїмъ голосомъ, а козакъ: «святъ, святъ!» въ ростичъ, та яко мога на втікача.

— Поstrівайте, хлопці, — гука Дорошъ: — я вамъ меду дамъ!

А вони тікають та лаютьця:

— Подавись ти своїмъ медомъ! годуї того, що підъ вуліємъ сидить!

Черезъ тижень, якъ все втихомирилось, розказавъ Дорошъ хуторянамъ про сю кумедію, — одъ їхъ вінъ вже не таївсь, — такъ вони дуже сміялись и прозвали того татарина чортомъ. Три годи живъ вінъ у Дороша, а тамъ на теплого Миколая, пішовъ у Самарській манастиръ, та й перехрестився у нашу віру. Знатний вийшовъ зъ ёго чоловіга, а вже якпй скусний бувъ коноваль: и скотипу лічивъ; и свиней и болячки на людяхъ вигоювавъ. Проживавъ вінъ десь за р. Орелькою, тамечки й оженився; сежъ ёго и унуки, Чортенки, що живуть у Водянихъ Хуторахъ.

А то ще розкажу вамъ, якъ гайдаки приходили до Дороша за грішми. Тоді тутечки, по стенахъ, до-чорта їхъ вешталось; тільки почують було, що у якого-небудь хуторянина завелись гроші, то й набіжать, и мучать и нечуть ёго, поки не віддасть у-сёго до копійки. Такъ отто, кажу, и до старого нечистий їхъ привісь. Разъ, у ночі, чує вінъ — хтось турготить у віконце.

— Хто тамъ? — пита.

— Відчпни, — одказують, — та засвіти світло, то самъ побачишъ хто, коли тобі не повилазило.

Засвітивъ старий каганецъ, відчпнивъ двері, увішло їхъ три чоловіка. Якъ глянули на Дороша, на ёго високий зростъ, грізний поглядъ и бороду ажъ до колінъ, — у-перше довелось їмъ ёго побачить, — такъ и прикипили до порога; ні одинъ слова не промовить, дивлятця тільки та очима лупають. И Дорошъ заразъ побачивъ, що се за люде и чого їмъ треба.

— За грішми? — спитавъ.

— Эге, — пробелькотіли гайдаки, низенько вклонившись.

— Розумні, — каже Дорошъ: — знали коли й прийти: продавъ медъ, такъ чимало тихъ и грошей назбералось, — буде зъ васъ.

— Спасибі вамъ, діду, — кажуть гайдамаки, — за вашу ласку.

Одіжнувъ старий скриньку и виннявъ капшукъ зъ грішми.

— Міні, — каже, — не треба грошей, я вже на ладанъ дпшу, не собі й дбаю, а на біднихъ, на церковь Божу, — отъ на кого!...

Та се кажучи, и положивъ капшукъ передъ иконою св. Миколая чудотворця: — беріть, — каже, — се ёго гроші!

Сюди-туди, стоять гайдамаки, засмутились, — бачите, страшно братъ: коли одинъ зъ нихъ, мабуть завзятий бувъ, и каже:

— А що, хлопці: на ёго усі дбають, а на насъ ніхто, такъ намъ не гріхъ відъ ёго поживитьця?

Та не побоявшись Бога, за капшукъ... якъ скрикну, такъ ёму руку и скорчило.

— Змилуйся, діду! — голосять гайдамака, упавши передъ Дорошомъ на вколюшки.

— Не я тебе скаравъ, — одказуе старий, — не мині тебе и милувать!

— Хочъ навчи, — каже, — що мині на світі робить, якъ Господа благати, щобъ вінъ мене помилувавъ грішного?

— Отъ-що роби, — каже Дорошъ: — працой сією рукою що зосталась, и все, що ни заробишь, віддавай біднимъ и на церковь Божу: якъ роздаси стільки, скільки загарбавъ у другихъ, то тоді тебе и Господь помилуе!

Гайдамаки вклонились низенько Дорошові, та й пішли собі, облизня піймавши.

Дорошъ живъ на світі більшъ якъ сто літь, и померъ саме у той рікъ, якъ скінчили ливію, що копали за Берекою. За кілька днівъ до ёго смерти, прийшовъ съ Самарсько-Миколаевського монастиря игумень, исповідавъ, запричастивъ старого, и якъ віддавъ вінъ Богу душу, поховавъ ёго. Такъ оттой игумень отъ-що розказувавъ:

— Сижу я, — каже, — у своїй келні и читаю св. писанію, коли такъ ненарокомъ, зиркъ, ажъ стоить передо мною Дорошъ, якъ живісінкиий. Тільки-що хотівъ я скрикнуць: «Здоровъ бувъ, Дороше!» а вінъ и каже: «спішай до мене, я вмираю!» та й ачезъ. Отъ я, — каже, — помолившись Богу, заразъ таки и рушивъ.

Після ёго смерти, ніхто не знае, куди поділась ёго худоба, тільки й бачивъ я ёго псалгирь, що доставъ старому пану. Ча-

стенько доводилось мнінї и въ рукахъ держать той псалтирь. На першому листу було написано: »1652 року, марта 10-го пославъ мнінї Богъ сина Дорохея.« Се бѣ то ёго Дороша, а записавъ, виходить, ёго батько. Відькіля прийшовъ старпій, и въ Коші незнали; може вінъ и шляхецького роду, бо дуже письменний бувъ и вірші komponувавъ; на остатнїмъ листу въ тїмъ же псалтирі, що розказую, були написані вірші, певно, не хто якъ вінъ самъ їх и komponувавъ; я їх на пам'ять знаю; отъ якъ вони починаютья:

Гуляють думи-діти
По зеленїхъ степахъ,
Гуляють, не вертаютьця,
Невідь-куди діваютьця!..
Нїмі думи, невдячі,
Нїхто васъ не вгадає,
Нїхто и не побачить;
Які жъ вони, тільки я знає
Бідне мое серце.

Думи, кривні мої діти,
Що маю зъ вами чинити?
Чи по світу сиротами васъ пустити,
Чи вкупі зъ собою въ землю зложити?
Земля еси — и въ землю закопають,

думки зъ душею
Въ небі витають!
Нехай же летять туди, де не плачуть,
Де радощі одні,
Тамъ їх пізнають и побачуть,
Бо одъ щирого серця вони.
Одъ щирого вони серця,
Одъ козацького герця,
Одъ крїпкої волі,
Одъ ледачої долі...

Ой у полі, на могилі,
На вікн козакъ спочивъ;
Не кропили тїі могилі
Слїзи милої, котру любивъ,
Не приходять ї товариші,
Десь далеко розійшлися...
Тільки зъ неба спускаютьця
Що-вечора думки
И на могильці играютьця,
Якъ маленькі дітки,
До прохожихъ підлетаютъ,

И тихенько їх прохають:
«Люде добрі, козака згадайте!»

Покійникъ старий панъ, пошли ёму Господи царство небесне, читає було намъ сі вірші, та й каже:

— Велика була душа у сёго чоловіка: разом хотіла жить на нобі и на землі!

Розказують ще, що якъ Дорошъ умеравъ, то залявъ лісь у лимаві и заборонивъ, щоби ніхто не рубавъ тамъ дерева.

— Хто, — додавъ, — не послухає, то я мертвий устану и ёго лозиною протурю!..

Спасібі таки старому, що заборонивъ у лимаві рубати лісь: весело й глянуть, якъ воно порозросталось!.. Де-коли підешъ погулять, то ажъ духъ радується: кругомъ острова верболізъ, неначе огорожа стоить, а тамъ починаютьца вже товсті та високі дерева, що оточують зелену поляну, де стояла Дорошова пасіка; тутъ недалечко икриничка, відкіля вінъ воду бравъ. Такъ гарно. Черногузи несутьца по високихъ вербахъ, бугаї гудуть у болоті, пташечки щебечуть, особливо соловейки, — тамъ їхъ свла: кругомъ бачите вода, такъ не закрадетця туди кішка, и ловить не велено, такъ ніхто їхъ и не полохає. Однакъ, якъ старий не закликавъ не рубати у лимаві дерева, а знайшовся такий смілий дурень, що хотівъ бувъ зрубать, та трохи и самъ тамъ не загинувъ. Ось якъ воно було: Живъ у насъ при коньському заводі ляшокъ, панъ Бужинський; такий зъ ёго и панъ, якъ за денежку пистоль, та вже, бачите, у нихъ все пани: и лакей панъ и кухаръ панъ, панъ пана и батогами чухрає. Об'їзжавъ вінъ підъ верхъ коней, и бувъ такий смілий, що нічогісінько на світі не боявся. Разъ, на зелені свята, зійшлись наші парубки у шинокъ погулять, — отъ и вінъ приставъ до нихъ у компанію. Балакали, балакали та й стали розказувать про відёмъ, про вовкулаківъ, якъ мертві устають у ночі та лякають живихъ людей. Ляшокъ слухавъ, слухавъ, та й каже:

— Брехня сёму; нема на світі ні тихъ відёмъ, ні вовкулаківъ, и на мертвихъ нічого нарікать, бо й вони тихенько собі лежать въ землі... Я, — каже, — нічого не боюсь и нічому не вірю!..

А одвнъ зъ парубківъ и каже ёму:

— Коли ти нічого не боїся, такъ піди у лиманъ, у глупу нічъ, и зрубай тамъ дерево.

— А щожъ,—каже ляхокъ:—піду та й зрубую; ніхто мнѣ не заборонить.

Заспорили, обь закладъ на карбованця побіились. Такъ саме, якъ вони спорились, увійшовъ у шинокъ гугменний Оверко; почувши, що ляхокъ намірається йти у лиманъ зрубать дерево, и пита ёго:

— А хіба ти не знаєшъ, що покійникъ Дорошъ залявъ и заборонивъ рубати дерева у лимані?

— Знаю,—одказує ляхокъ,—та вінъ мнѣ не указъ; я ёго и живого не злякався бъ, не то мертвого!

— А якъ вінъ тебе звідтія, — каже Оверко, — протурить лозиною?

— Не бійсь, — каже: — я шляхтичъ; нехай вінъ тура лозиною васъ, дурнихъ хлопівъ!

— Ну гледи жъ, пане Бужинський, — щобъ не досталося и твоїй шляхетній спині, та щобъ и не довелось тікати до ясу у болото? Якъ би можна було ёго рубати, — каже,—то досібъ до корія бъ ёго вирубали!

Та се кажучи, и пішовъ собі до-дому; а ёго хата була недалечко одъ лиману, тутечки біла току. О півночі, такъ, якъ закурікали півні, панъ Бужинський узявъ сокиру, и пішовъ собі у лиманъ. Нічъ була дуже темна, ні зірочки, небо замазалося хмарами, невече налагодилося на дощъ. Провели хлопці ляпка ажъ за панський будинокъ, бо дорога у лиманъ тоді йшла по закривимъ плесомъ, — тамъ и містокъ бувъ. Провівши ляшка, парубки вернулись у шинокъ и стали ёго дожидатьця. Ждуть та ждуть,—не йде; а вжебъ пора и вернутьця; стало вже й на світъ займатьця, а ёго, вродового сина, нема та й нема.

— Оце, певя! — кажуть хлопці: — щобъ чого не сталося зъ ляшкомъ?.. тоді буде в намъ халепа!

Вже імъ не такъ страшно Дороша, якъ Прокіпа Івановича.

— А що будемо робить? — питає одинъ одного.

— Ходімо, — кажуть де-когорі, — впручать гаспедського чванька. (Таке, бачите, прізвище ляшку дали).

Отъ и пішли, та побоялись йти у самий лиманъ, а зъ сёго боку, зъ ближнёго, одъ слободи, щобъ черезъ воду гукнуть до

ляшка; коли він у лимані, то обіздеця. Підійшли до берега, прислухуюця, прпглядуюця, нічого не чуть. У лимані не тільки ні хто не рубає и не ходять, бо почули бь, залопотіло. Стали гукать: «пане Бужинський, а пане Бужинський?». « Коли чують, щось забелькотіло у болоті; парубощтво ближче, зновь гукають, зновь озиваеця, туди — ажъ то ляшокъ, по самісенькі вуха загрузъ у болото, и віякъ зъ багна и очеретяного коріння по виплутаеця. Пішли були хлопці, щобъ ёго вирятувать, такъ не можна и близько підступть. Бачуть, що такъ не витягти ёго, отъ вони принесли одъ гуменого вірѣвку; кинули її ляшкові, а вінъ обвлязавъ себе по підъ рукамп, отъ ёго и виволокли на сухе. Увесь убрався у тванюку, мовъ чортяка; стали роспитувать, щось гугнпть. віякъ ёго и не второпасшь, що вінъ верзе. Узяли ёго хлопці на оберемокъ, понесли у плесо, виполоскали, обмили, та й принесли у шпвокъ. Мій Боже милий, страшно на ёго и глянуть: якъ стіна білий, трусця, неначе трясця ёго трясє; вся пика, шия и руки посмуговані, зняли сорочку, такъ батечки, спина ажъ почорніла, непаче ёго якъ москаля крізь строй ганяно. Далъ ёму хлопці осьмушку горілки; випивъ сердешний и трохи опамятувався. Посадилъ ляшка за стілъ, стали роспитувать, отъ вінъ їмъ и розказавъ, яка причча трапилась ёму у лимані.

— Дойшовъ я, — каже, — до Кривого, нічого мні не страшно, тільки жъ що перейшовъ черезъ містокъ у лиманъ, а тутъ щось якъ замаха крплами надъ головою та пугукиє, такъ у мене и затрусились жижки, весчувъ якъ и прсівъ у траві; роздивився, ажъ то пугачъ схопився зъ верби. Иду дальшь, такъ сумно стало, неначе хто за коміръ хана, и самъ не знаю відъ чого; ніколи сѣго зо мною не траплялось. Хотівъ бувъ вже назадъ вервуця, такъ подумавъ собі: парубки сміятимуця, просвітку мні не дадуть; перехрестився, и пішовъ у той кутокъ, де пасіка була у старого. Озирнувся нема нікого, тихо; отъ я и почавъ рубать: цюкъ разъ, цюкъ у друге, заміривъ у третє, а мене якъ шмагоне щось лозиною, — зпркъ, ажъ стоїть Дорошь!.. Високий, превисокий, зъ гуменого заввшки, а борода біла та довга ажъ до колівъ. Якъ глянувъ я на ёго, то чубъ такъ и полізъ до гори, неначе сь церба окотили мене холодною водою, стою собі, зъ місця не зворухнусь, пальцемъ не смикну, а вінъ мене шмага лозиною; шмагавъ, шмагавъ, якъ же дошкулувъ, відкіля въ мене

п сила узялась, відь ёго та на втікача; а Дорошъ за мною, такъ мене п лущить, я въ болото п вінъ у болото, такъ п шкварить мене то зъ того, то зъ другого боку, а я усе въ болото, та й забравсь ажъ по самісенькі вуха. Якъ — би, — каже, — ви не прийшли, черезъ який тамъ квадрансь, тобъ довелось тамъ п пропасти. Ні, вже теперочки, — каже, — не тільки самъ не піду у лиманъ рубати Дорошеві дерева, а ще й десятому закажу не ходитъ!

Бачъ, який розумний ставъ, не даромъ кажуть: »Мудрий ляхъ по шкоді; якъ коней покрали станю ставъ замикать!« Такъ отто, якъ скончивъ ляхокъ своє оповідання, то вже п світъ ставъ, почали й люди у шпинокъ збераця, бачите, празникъ; якъ почувши ще здіялось зъ ляхкомъ, дивуюця, ажъ руками обь поли бьють; латі, скільки їхъ не було п парубки, всі пішли у лиманъ подивитця, до тамъ Дорошъ давъ хлюсту ляхку. Идуть по-біля двору, а я утятъ годую. »Куда се?« питаю, розказали, отъ п я зъ ними пішовъ. Дійшли ми до того місця, де ляха мати надала ляхку рубати дерево, дивимось, надрубаний клиночокъ п сокира біля ёго лежить, кругомъ того клиночка потолочна трава п багачько роскидано поламаной лози (певно на шляхецькій спні пана Бужиньского), тутъ же лежить п повісма зъ два прядіва, (Богъ ёго зна, відкіля воно п взялось). Ще впадо було слідъ, якъ разъ зъ того кутка, проти котрого Дорошова могила, тутечки п лоза рясва, мабуть якъ йшовъ покійникъ, то тутъ її п наламавъ. Та вжежъ п дивувались наші слобожане, не такъ тому що покійникъ завдавъ пану Бужиньскому халазію, якъ тому, відкіля узялось те прядіво? Болясь до ёго п доторкнуци; та вже гупенний, бачить що ніхто не бере, п узязь.

— Згодця, — каже, — на вірѣвку, може доведеця щче якого небудь дурня виволокти изъ болота!

Пам'ятувавъ ляхокъ ту прочуханку до новихъ вінпківъ! Було, якъ найдуть гости до старого пана, то вінъ п звелить ляхку розказувать, якъ ёго Дорошъ оддубасивъ; хочъ воно п давно минулось, а було якъ почне сердешний розказувать, то й дрижить п озпраця, неначе Дорошъ стоить за плечима зъ лозиною, а пани слухають та сміюця, ажъ за живіть хапаюця. Не даромъ, бачу, кажуть: »Чужа біда людямъ сміхъ!«

ОЛЕКСА СТОРОЖЕНКО.

ЗАМЪЧАТЕЛЬШЫЕ ВАРИАНТЫ УКРАИНСКИХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПЪСЕНЬ.

V.

САВА ЧАЛНІЙ.

Ой живъ въ Січі старій козакъ,
Прозивався Чалній;
Вігдувавъ сна Саву
Козакамъ на славу.

Та одклонивсь сей снй Сава
До Ляхівъ въ Польщу жпти,
А козаківъ — Запорóжцівъ
Прихóжихъ ловти.

А нашъ батько, панъ Кошовий
По козакахъ тужить:
«А хто бъ узявъ пана Саву,
Самъ ёму послужить.»

Та сказавъ Чалній запорозцямъ:
«Ніхто Сави не возьметь,
Хиба Гнатко та Кравчпна
До себе підмовить:

— Ой ти, Гнатку, ти Кравчпно,
Ти тамъ шляхи знаешъ,
А чомъ же ти мого сна
Въ руки не піймасшь! —

Панъ Кошовий сказавъ Гнатку:
 — Якъ Сави не возьмешъ,
 То самъ же ти та за ёго
 Голову положишъ.

Пішовъ Гнатко съ Кравчиною
 Сави підмовляти, —
 Якъ не схочеть відтиль піти,
 То смерті предати.

Въ дорозі імъ попавсь Литвинъ,
 Ставъ їх наставляти,
 А якъ того пана Саву
 Та у руки взяти.

Возьмемъ же ми свої землі
 Въ чоботи підъ ноги,
 А щобъ не знавъ та панъ Сава
 Нашої помови.

Та ой бувъ Сава въ Немірови,
 Въ Ляха на обіді;
 Не зна Сава, не відає
 Та о своїй біді —

(Одміна: Своєї обіди.)

Одміна: (8 стихівъ).

Ой чомусь мниі, мпиі браття.
 Гуляння не легко!..
 Заворожи, стара мати,
 Чи Гнатко далеко?

Та пий, Саво, та пий, Саво,
 Пзъ сими панами:
 Иде Гнатко зъ своїмъ військомъ
 Ище за тернами.

Та ой прихавъ та панъ Сава
 Та до свого дому,
 Пптаеця челядошкы:
 — Чп все гараздъ дома? —

»Та все гараздъ, та все гараздъ,
 Тільки одно страшно:
 Виглядають гайдамаки
 Изъ-за гори часто.

Та все гараздъ, та все гараздъ
 И добра година:
 Породила наша пані
 Маленького сина.

Ой сівъ Сава кінець стола,
 Та листоньки пише,
 А Савиха молодая
 Дитину колише.

(Одміна 4 стихів:)

Ой якъ конче дрібнихъ листівъ
 Та й спатоньки ляже,
 А щось ёму підъ віконцемъ
 »Добри-вечір» каже.

Потімъ сказавъ: «и я узнавъ,
 Що йдуть Гайдамаки,
 Ще далеко, въ своїй землі...
 Будемо гуляти!

»Піди, хлопку, до лідвиці,
 Та уточн пива:
 Нехай же ми та випьемъ
 За моёго сина.

»Та піди, хлопку, піди, малій,
 Та вточн горілку:

Нехай же ми та випьемо
За здоровья жінки.

»Та піди, хлопче, до лідниці
Та уточи меду, —
Чомусь міні трудно, нудно —
Голови не зведу.»

Ой пішовъ хлопець до лідниці
Замківъ одмикати,
А тутъ Гнатко зъ Кравчиною
У двіръ підступати.

Не всиївъ хлопець, не всиївъ малий
Одчинить лідниці,
Тутъ явилсь Гайдамаки
У самій світлиці.

»Та здоровъ же будь, пане Саво,
А якъ поживаєшъ?
Издаєка гостей маєшъ,
А чимъ привітаєшъ?

»А тимъ тебе, пане Гнате,
Буду примати:
Породила жона сина, —
Буду въ куми брати.»

»Теперь тобі, вражий сину,
Не ті годи настали,
А щобъ Ляхи Запорозцівъ
Та у куми брали.

»Та коли хотівъ, пане Саво,
Въ Полщі панувати,
Не ходивъ би. вражий сину,
Гарау руйнувати.

Одміна (4 стихів):

Було бь тобі, пане Сава,
Вь Січі проживати, —
Не ходити підь Бердичівь
Ляхівь(?) руйнувати.

»Не частуй насъ медошъ, пивомъ,
Ище горілкою:
Попрощайся, вражий сину,
Зь своєю жінкою.»

Ой кинувся та панъ Сава
До ясного меча: —
Ухватили пана Саву
Изь лівого плеча.

Ой якъ скочивъ та панъ Сава
Изь-за свого столу:
Ухватили пана Саву
На три списи вгору.

Не кинувся та панъ Сава
До своєї булави: —
Положили пана Саву
У хаті на лаві.

Одміна (4 стихів):

А ще не світъ, а ще не світъ,
Не світъ, не світає,
А Кравчпна изь Пгнаткомъ
Кѳнпкѳв сїдлає.

Вернувсь Гнатко съ Кравчпною
У Січу до-дому,
А щѳ було — розказали
Батькові старому.

Ой заплакавъ старий батько
По своєму сину:
— Лучче булобъ не родити
Такую дитину.

— Та не мігъ же я пану Саві
Три слова сказати, —
Не могли бъ ви папа Саву
И всю Січчу взяти.є

*(Сообщено Р. И. Пукаловымъ, изъ г. Ново-
московска, Екатеринославской губ., чрезъ
Г. П. Надхина.)*

СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ XVIII ВѢКА.

(*Матеріалы для исторіи южнорусской литературы.*)

«Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни».

Гоголь: (*Переписка съ друзьями*).
Всякій честный и благородный труженникъ мысли уже имѣетъ право на вниманіе того общества, для котораго онъ работаетъ, потому что семья мысли не всегда многочисленная и счастливая семья.
(*Отрывокъ изъ одной критики*)

ГЛАВА III. (*)

Переписка Сквороды. — Письма Ковалѣвскаго. — Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки. — Болѣзь, старческа суровость и смерть. — Надгробная, и вызовъ читать его сочиненія черезъ «Московскія Вѣдомости». — Письмо Н. С. Мягкаго. — Заключение.

Начиная съ 1775 года, когда Сквородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ жизни его пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣвскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, «увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ виѣшній», на двадцать лѣтъ, прямо переходитъ уже къ разсказу о Сквородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго нами изъ его

(*) Первые главы помѣщены въ августовской книжкѣ *Основы*.

«Записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ», также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Пробѣлъ этотъ почти въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ нами анекдотовъ, достаточно его оживившихъ, могутъ освѣтить еще болѣе выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ рукописныя сочиненія его, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ *«Украинскомъ Вѣстникѣ»*, при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Пвана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго, въ *«Молодикѣ»* 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ *«Телескопѣ»* 1835 года. Сдѣлаемъ выдержки изъ всѣхъ этихъ разбросанныхъ, тщательно сведенныхъ нами, писемъ. Въ нихъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываемая краткими и скудными намеками на собственную жизнь автора. Драгоценнымъ пособіемъ въ сведенія этой переписки послужилъ намъ присланный отъ преосвященнаго *Инокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣвскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

«Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій (въ отдѣльной статьѣ своей *«Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды»*; *Молодикъ*, 1843 г. стр. 234—243) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной): «О древнемъ змиѣ или Библіи.» Оно писано къ какому-то высокоородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. О. Залѣвскимъ» (1).

Вотъ отрывокъ этого письма: «Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животь человѣ-

(1) Это письмо подтверждаетъ г. Хиждеу, въ *«Телескопѣ»* 1835 г., стр. 134. дѣлая изъ него другую выписку и ссылаясь такъ: *«Письмо къ протоп. Ое, дору Залѣвскому, изъ Обуховки, 1765, декабря 10.»* Но Хиждеу, на стр. 139, дѣлаетъ ссылку на другое письмо Сковороды именно, на *«Письмо къ Аванасію Пинькову, при посылкѣ ему трехъ десятковъ басней, изъ Свиннаскія пустыни, 1762 г. март. 4.»* Значитъ это письмо, если оно только най-

ку. Силу слова сего людя не раскусивъ во вѣтхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Еникура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свиного, а каждого изъ друзей его величали: *Episcopi de grege roscus* *Всякая мысль подло, какъ змѣя, по земли ползеть; но есть въ ней око голубицы, смотрящее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины.* («Молодикъ», 1843 г. стр. 241—242.)

При изданной книгѣ Сквороды «*Басни Харьковскія*» (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: «1774 года, въ селѣ *Бабалхъ*, наканунѣ пятидесятницы», слѣдующее письмо Сквороды. Приводимъ его по порядку:

Любезному другу, Аѳонасію Кондратовичу Панкову.

Любезный пріятель! Въ седмюмъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности, и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библии; притомъ, благопрістойными игрушкѣми забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Бибалхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда при томъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарю жъ тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаиваетъ въ себѣ силу.

Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпроважаютъ по смѣху; а разумную шутку важный печатлѣтъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ; и нѣтъ еселеѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не улами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучить, шумить, гремитъ...* А что тамъ? *Кобыльи мертвой голови бѣжитъ*. Говорятъ и Великороссійцы: *летала высоко, а сыла недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечево слушать. Не любя мнѣ сія пустая надменность, и пышная пустошъ; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложъ, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія.

дети, старѣ перваго. Вслѣдъ за тѣмъ, мы имѣемъ уже письма отъ 1774 года. Но Хиждеу, на стр. 166, ссылается съ вышескою на письмо Сквороды «къ архіепіскопу Георгію Конискому, изъ *Пльжани*, 1769, іюл. 29.» Г. Срезневскій въ «Молодикѣ» 1843 г. стр. 214, соимѣвается въ истинѣ словъ Хиждеу, на что послѣдній не возражалъ.

Басни и причта есть тоже. «Не по кошельку суди сокровище.» Праведень судъ судить! Басня тогда бываетъ скверная и бабѣя, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимодея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой не пущая. Иногда во вретницѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошь; такъ и басня безъ истины. Если жъ съ истинною: кто дерзнетъ назвать лживою?

Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и непорнымъ ничтоже чисто, но осквернися изъ умъ и совѣсть.

Симъ большимъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, *ѣно осквернися изъ умъ и совѣсть.*»

Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истина острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ; но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живой ея образъ, уподобили оную различнымъ тѣннымъ фигурамъ.

Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса, столько живо, сколько благоглаголю у нихъ образуетъ невидимую Божію истину тѣмъ небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюда родились символы, притчи-басни, подобія, пословицы....

И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній гений, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается. —

Прими жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію небезвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я опья вымыслилъ: истина есть безначальна! Но люблю!... Тѣшь моп любви — и будутъ твои. Знаю, что твой телѣсный болванъ далеко разинется отъ моего чучела; но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина дупа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Одни только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокроемся.

Итаимо жъ дружбу! Прими и кушай съ Петромъ четверонога, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, покожь вкуснись съ Богомъ лучшее! Любезный пріятель Твой вѣрный слуга, Любитель Священныя Библии, Григорій Сковорода.

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Кавалѣнскаго къ Сквородѣ, изъ рукописи преосвященнаго Иннокентія (1). Выдержки изъ нихъ (всѣхъ ихъ семь) мы теперь и представимъ, какъ новое пополненіе указаннаго нами біографическаго пробѣла. Первое письмо помѣчено годомъ *1779, января 19. Москва.* — Сверхъ того, первые четыре и шестое начинаются словами: *»Любезный мой Meinhardъ*, какъ по словамъ біографіи Ковалѣнскаго, называлъ себя иногда другъ его; а пятое и седьмое, писанныя Тамарой, начинаются полнымъ именемъ Сквороды: *»любезный мой другъ, Григорій Савичъ* и *»любезный мой учитель, Григорій Савичъ.* Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ мы не знаемъ. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сквороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его. Приводимъ ихъ по порядку, какъ нѣчто цѣлое и нераздѣльное, хотя между чернымъ изъ нихъ отъ 1779 года, и послѣднимъ, отъ 1788 года, должны по порядку идти другіе уцѣлѣвшіе отрывки изъ переписки Сквороды.

Первое письмо. *»Любезнѣйшій Meinhard! Бесѣду вашу получилъ. Сорадуюсь обращенію вашему съ Плутархомъ. Онъ изъ Грековъ лутшій, мой другъ; изъ Римлянъ любомудрствующій царедворецъ Сенека; изъ Французовъ Боннетъ, изъ республикантовъ Жнъ-Жакъ-Руссо; изъ Пѣнцовъ Геллѣртъ; изъ Русскихъ Meinhard.... Удивляюсь, что свирѣль моя не — (повраivilась, вѣроятно). А она казалась титирскою и отъ Дафниса я имѣлъ ее! Я теперь живу въ удовольствіи. — Я имѣю друга въ женѣ: сіе много. Имѣю челоуѣка мыслящаго со мною: сіе утѣшительно. Имѣю изобиліе земное, со излишествомъ сіе не мѣшаетъ. А въ дружбѣ и въ добросердечіи сокровище утѣшеній моихъ. И Плутархъ и Meinhardъ правду говорятъ; и я тоже думаю. И сіе триедино. Не можно ли хоть на мѣсяць къ намъ? Я бы очень желалъ. Пожалуста! Я послалъ вамъ сыръ, трубку и книги; не знаю, получили ль вы. Скажите, гдѣ вы нынѣ обитаете? Но гдѣ бы вы ни были, на всякомъ мѣстѣ люблю я душу Meinhardову. Adieu! Вашъ Михайло Ковалѣнскій.» (1779 г., января 19. Москва.)*

Примиска жены Ковалѣнскаго. *»При семъ и я вамъ, любезный Meinhard, Григорей Савичъ, свидѣтельствую мое почтеніе и прошу меня любить, а, я права, уже люблю васъ. Посылаю сыру пармазану и галанскаго. Желаю кушать и насъ поминать. Я слышала отъ Михаила Ивановича, что вы, въ мѣстѣ съ скрипкой, любите и трубку. То я вамъ*

(1) Въ этой рукописи они списаны подъ рядъ почеркомъ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка.

оную посылая, желаю употреблять въ ваше удовольствіе. *Adieu, mon ami!* Вамъ покорная ко услугамъ — Надежда Кавалѣтская.»

Второе письмо. »1782 г., февраля 18, С.Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Письмо ваше изъ *Taanroia* получилъ я. Какъ воспоминаніе, такъ и письма ваши, во мнѣ производятъ сердечное утѣшеніе. Въ толпѣ свѣтскихъ степеній наимпріятнѣйшее чувствіе есть истины и непорочности. А въ силѣ именъ мнѣ всегда представляется вы! Гдѣ вы теперь обрѣтаетесь? Я приторговалъ подлѣ Святогорскаго монастыря прекрасную, какъ сказываютъ, дачу; и скоро она, можетъ быть, моя будетъ. Весьма бы желалось мнѣ, чтобъ вы были тутъ жителемъ, и гражданиномъ, и холаніомъ. Она извѣстна подъ именемъ деревни *Прилуцкаю*. Съ братомъ Григоріемъ, имѣющимъ отправиться отсюда скоро, пришлю сыру и рыбы. Да увѣдомьте, гдѣ васъ находятъ письмамъ моимъ? Я здорově, по милости Бога моего, съ семьею мною. Я пустился пакъ въ здѣшнее море, да удобнѣ къ пристаю уединенія достигну. Все прискучаетъ; и великая, и славная, и дивная — суть ничто для сердца человѣческаго. *Adio, mio caro Mangard!* Другъ твой Михайло Ковалѣтской. Тамара Василій Степановичъ здѣсь со мною, въ одной командѣ, при князѣ Потемкинѣ, подполковникомъ; и я тоже. Онъ кланяется вамъ.»

Третье письмо. »1784 г. сентября 14. С.Петербургъ. — Любезный мой Менгардъ! Я давно собирався на письмо ваше отвѣтствовать, но не могъ. Гдѣ вы пуцу (пустыню) свою утвердили? Благодарю васъ за любовь вашу ко мнѣ; еще больше благодарю за »Дружескія Бесѣды«, которыя воспоминаютъ во мнѣ сладчайшія, блаженныя времена безпечалія, молодости и простоты, отъ которыхъ я столько удалился теперь и которыя всѣми чувствіями души моея люблю, и хочу, съ помощію Божіею, поздно пли рано вознести себя къ истинному своему оному счастью. Признаюсь, что я не могу вспомнить безъ ощущенія любви къ тихой жизни и безъ побужденія къ исканію оной. И сіе утѣшаетъ еще меня внутренно, что я хоть не потерялъ искры добраго чувствія, потопляемъ бурей житейскою и вовлеченъ въ бездну суевъ и міра. Мнѣ крайне хочется купить въ *Украинскихъ сторонахъ* мѣсто, по склонности и любви моеи естественной къ тихому проведению жизни, о чемъ и просилъ Якова Михайловича Захаржевскаго. Если бы сіе удалось, то, удалясь отъ всего, уединился бы и просилъ бы васъ раздѣлить остатокъ жизни вмѣстѣ. Прошу васъ, любезнѣйшій мой Менгардъ, продолжить вашу дружбу ко мнѣ и писать, пока я не увижу васъ. Гостинца привезетъ вамъ отъ меня Яковъ Михайловичъ, сыру пармазану. Vale! Господь надъ тобою. — P. S.—В. С. Тамара вамъ кланяется. И сеюдня, читая Энеиду *Виргилія*, переведенную по русски, поминали васъ любезно. Онъ ѣдетъ скоро въ Грузію и Черкесскія горы, и просилъ меня написать къ вамъ, не согласитесь ли вы съ нимъ ѣхать тудаже; то бы онъ взялъ васъ въ *Июль*, куда онъ по дорогѣ его проѣзжать долженъ. А онъ туда ѣдетъ по комиссіи, возложенной

на него. Скрипку или флейту харошу пришлю вамъ. *Да пожалуста уведомь: юль изволишь ночевать, другъ сердечный? Adieu.*»

Сковорода въ Грузію и на Кавказъ не потхалъ. Любопытны эти стремленія «пустынножителства» въ лицѣ человѣка, который между тѣмъ, имѣя всѣ средства оставить шумъ свѣта, около двадцати лѣтъ, почти безвыѣздно, прожилъ въ столицѣ.

Четвертое письмо. »1785 года, октября 7-го. С. Пѣтербургъ. — Любезной мой Меинагардъ! Съ самой весны я собирался къ вамъ писать. Но извѣстной Мечниковъ уѣхалъ, не выдавшись со мною; и я разсудилъ за вѣрное средство послать вамъ письмо и флейттраверсъ черезъ Петра Андреевича Щербинина, съ которымъ и пишу сіе. Посылаю слоновой кости бѣлый флейттраверсъ, которымъ желаю забавляться съ тѣмъ сердечнымъ удовольствіемъ, котораго вы достигли рѣдкими трудами вашими и каковаго ищемъ мы всѣ суетніи. Желаніе ваше видѣть меня въ Украинскихъ странахъ возбудило во мнѣ воспоминаніе пріятнѣйшей молодости моеи и тѣхъ тихихъ, невинныхъ лѣтъ, которые съ дружбою вашею протекали въ простотѣ и чистотѣ сердца. Другъ мой любезной! Я бы давно уже полетѣлъ въ объятія тѣхъ прекрасныхъ, безмолвныхъ природныхъ мѣстъ, къ которымъ склонность моя всегда привязывала меня, но обстоятельства мои удалили меня и, при всемъ направленіи моемъ, еще и нынѣ удаляютъ отъ исполненія желанія моего. Правда, что я пользуюсь деревенскою жизнію и, соединяя невозможное, городъ столичный и деревню, провожу время не безъ удовольствія. Я имѣю загородный домъ отъ Питербурха на восьмой верстѣ, по Петиргофской дорогѣ, надъ озеромъ, съ рошею, съ садомъ, съ ранжерееми, — гдѣ и живу всю весну, лѣто и часть осени, ѣздя въ недѣлю раза два въ городъ къ должности, по утрамъ; а къ деревенскому своему обѣду всегда возвращаюсь домой. Итакъ, въ одинъ день бываю въ первѣйшей столицѣ русскаго міра и въ самомъ глубокомъ уединеніи. Вы скажете, что это похоже нѣчто на Тускуланумъ любимаго вашего Туллія, гдѣ старичокъ оной, любомудрствуя, провождаетъ время въ отдохновеніи отъ мятежей и блистательностей Рима. То и мое уединеніе, еслибы оно имѣло подобнаго оному мудраго старичка, съ коимъ вы сходствуете, отверзло бы нѣдра свои для принятія друга, старичка мудраго. Но предубѣдительность ваша къ краю сему въ томъ мнѣ поспорить. — Подумаи, другъ мой, что, принявши трудъ увидѣть меня здѣсь, ты увидишь сына моего, который уже любить васъ и котораго ты полюбишь вѣрно. Жена моя, какъ Ревекка, раздѣлитъ все мое удовольствіе собесѣдованіи съ тобою. Домъ мой обрадуется зрѣніемъ того человѣка, о которомъ часто слышали. Воспоминаніе любезное и, конечно, обращаю — въ Украйны, и хочу тамъ скончати животъ свой. — Сынъ мой учится по гречески и по французски.»

писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобъ я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Пязюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. — Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтми Якова Михайловича, и *шесть платочковъ*. Прійми ихъ отъ дружбы.»

Седьмое письмо. »1788 г. 6 марта.« съ подписью: »*Василій Тамара.*« — »Любезный мой учитель Григорій Савичъ! Письмо ваше чрезъ корнета *Кислаю* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Воспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности можетъ быть и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то бѣ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желаю? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему — *Василію Тамарѣ.*«

Во всѣхъ этихъ письмахъ, слытъ всякой біографической похвалы, говорить за Сковороду страстная любовь, которую встрѣчали и провожали его всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другаго высшаго нравственнаго, интереса въ обществѣ украинскомъ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намістничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать страствующимъ Университетомъ и Академію тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василія Каразина послужилъ къ открытію, въ Харьковѣ, университета.

Обратимся теперь къ оставленному нами на время перечню уцѣлвшихъ писемъ Сковороды. Они снова начинаются 1776 *годою*. Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды »*Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis*« помѣчена словами: »написанна 1776 года марта 28 (1)

(1) Въ спискѣ, переданномъ намъ преосвященнымъ Ниннокентіемъ, ввиду

и сопровождается также неизданнымъ письмомъ къ »Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*«. Въ письмѣ объясняется цѣль сочиненія. Кончается оно словами:

»Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя правдою и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради васвидѣтельствванія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію правдою мою успокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: *Deus nobis haec otia fecit!* — Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолжень слуга, *студентъ, Григорій Сковорода*.«

Въ письмѣ къ Бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ 1785 г. окт. 3., онъ, пересылая ему новое сочиненіе »*Марко пренпростый*«, изъ села Маначиновки, пзъясняется по латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный Срезневскимъ:

»1785. окт. 3. Пзъ Маначиновки (1). Въ «Postscriptum»: Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum. quem per alii laudare soles: simul cum Archetypis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: *Марко пренпростый*.«

Тутъ-же образецъ его стиховъ латинскихъ:

»Omnia praetereunt: hed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Нас Kephá tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Képha sit atque Petra.» etc.

Тамъ же г. Срезневскій (отъ стр. 235) приводитъ другія выписки изъ неизданныхъ, бывшихъ у него подъ рукою, писемъ Сковороды къ

сдѣлана еще приписка кониета: »Переписывано во градѣ С. Петра, 1791 г. генваря 22—23 числа. В. К.«

(1) »Молодикъ« на 1844 г. Изд. Н. Бецкимъ. Харьковъ. 1843. Стр. 235 и 242.—Хиждеу (въ Телескопѣ, ч. XXVI. 1835, стр. 52) упоминаетъ еще, что существуютъ письма Сковороды, этого времени, къ Правицкому, изъ Маначиновки, отъ 1786 г. марта 30; къ Протоіерею Ивану Гилевскому, изъ Бурлука, отъ 1788 г. мая, 14, и изъ Гусинки, отъ 1787 г. мая 1.—Онъ же упоминаетъ, кстати, еще слѣдующія, неизданныя и невѣдомыя намъ, письма Сковороды (стр. 12): »*Помни послѣднія*«, автобіографическое письмо Сковороды къ Архіеп. Георгію Конискому, отъ 3 мая, 1789 года, изъ Бурлука; и наконецъ къ нему же, изъ Пижина, отъ 1769 г. юля 29.

священнику Правилкому. Помѣщаемъ ихъ по порядку годовъ, въ извѣщеніяхъ:

»1786. Апрѣля 25. Изъ пустыни Маначиновскія. — Не печися о разговорѣ *»Маркъ»*. Онъ всегда есть вашъ: и возвратится въ твою книгохранку. *»Лотову Жену»* хочется докончать. Однако привезу съ собою, да написанное вышпишите! Чтѣ бо мнѣ есть любезнѣе на небеси, или на землѣ, точію поучитися Святинѣ? въ сеі единой да живу и умираю. Помалу-малу отходимъ отъ тлѣни плотскія, яже есть блаженная и всеневная смерть; приближаемся ко Господу, яже есть Святиня, Кефа и Воскресеніе наше. Что убо есть блаженнѣе жизни нашея: на ней-же сбывается оное. Положу стропотная ихъ во гладкая. Окрылятѣють, яко орлы; потекутъ и не утрудятся! Видѣ Диатрибу мою, друже! *»Диатреви»* Еллински нарицается то, чемъ кто главно жизнь свою забавляетъ.—О, воскресеніе! міру невѣруемое! Коль услаждаеши сердце мое! Блаженни узрѣвшіи съ наперсникомъ красоту твою. Ядущій тя, еще взалчеть! Сіе глаголю того ради, яко добанчавая *»Жену Лотову»*, насладитися инамъ новаго вина, съ новымъ моимъ *»Лотомъ»* Христомъ Исусомъ, иимѣ обрученіе съ нимъ по вѣрѣ Божіей.» (Молодикъ, 1843 г. стр. 235—236).

Далѣе: »1787. Января 18. Изъ Гусинки: (1)

»Прости, любезный, что солгалъ я прислать вамъ *»Жену Лотову»*. Весною тошу васъ постытитъ, сице Богу угодно, и привезу. Аще же, дайте знать, тотчасъ перишло. Въ зимнѣхъ трусостяхъ (2) можетъ она потеряться. Тѣмъ не даю чрезъ Григорія Юрѣвича. Не печальтесь. Она всегда у васъ. Другое то, что весною въ пустынь можно подуматъ объ окончаніи ея; а зима безлюдна! Я и сіе съ нуждою пишу.» (Тамъ же стр. 236.)

Письмо: »1787-го года. Марга 6 дня.—Любезный во Христѣ, отче и брате и друже Іяковѣ: веселися во Господѣ! Пришлите мнѣ *»Симфонію»* (3). Переписавъ, паки отошлю къ вамъ. Посылаю къ вамъ *»Жену Лотову»*. Побесѣдуйте съ нею во Христѣ. Она чистая чистымъ; и сеі кумиръ есть плодоносный вѣрнымъ! Божіимъ. На ней-то исполняется: отъ камня

(1) Любопытно, что 1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II черезъ Харьковъ, въ ея полное днѣе странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ, у Сошальскихъ, и ничѣмъ не откланялся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, мы получили, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ черезъ Украину, слышавшись о Сковородѣ, увидѣла его и спросила: *»Отчего ты такой черныи?»* — *»Э! вельможная мати отпутьи Сковорода:»* правъ же ты идѣ видѣла, чтобъ Сковорода была бѣлая, коли на ней некутъ да жаритъ, и она все въ оныи?»—

(2) Дрожави отъ холода.

(3) Исключенное сочиненіе Сковороды.

воздвигнути чада Аврааму. Она не доведена до конца. Но кто дож-дется конца, въ присно-текущемъ источникѣ? А что я сказалъ, объ-щая окончаніе, сіе касается до книжечки начатой мною, не до «Жены.» Сія книжечка учитъ: какъ читать подобаетъ Священное Письмо? Аще единъ глаголъ Божій уразумѣется, тогда весь храмъ Соломоновъ есть свѣтелъ. Во примѣръ сему взялъ я сіе. Поминайте «Жену Лотову» и толкуя сіе слово: «возмутилъ всю Св. Писанія купѣль.» Да уразумѣютъ спящіи на Библии! Или съ Павломъ сказать: «почиващій на законѣ!» Яко не многочтеніе дѣлаетъ насъ мудрыми, но многожеваніе прину-дило сказать сіе: «яко сей вѣсть книгъ, не учився?» И да познаютъ: яко единъ день въ тысящѣ, и вопреки 1000 глаголовъ Божіихъ во ед-номъ глаголъ сокрывается. Нынѣ же-много жрутъ, для единныа дисен-теріи! И иѣсть имъ челоуѣка, могущаго приложить имъ вкусъ—Все дасть вкусъ свой; и звѣзды въ сокровищахъ своихъ блеснутъ; аще есмы отъ числа оныхъ. Парамъ толчаше Манну въ ступахъ. Во бла-женное число сихъ людей да впишетъ Христосъ всѣхъ насъ! желаю вамъ сего, всеискренній братъ и низайшій слуга, *Григорій Сковорода*. *Postea scripsi.* Да наречется же сія книжечка: «*Женою Лотовою.*» Пре-дисловіежъ же да будетъ сіе мое къ тебѣ письмо. О возлюбленный друже! Тебѣ сію невѣсту безневѣстную и чистую голубицу въ даръ привожу первому; и тебѣ обручаю, именемъ Господа нашего Іисуса Христа! Протчее, при перепискѣ, *повельвай наблюдать ортографію. Паче же естъ ея листы хранить отъ нечистоты.* Цѣлуй любезнаго Паемана Петровича, и всю нашу братію. Миръ въ днехъ нашихъ! Аминь! На томъ же листѣ и надпись: «Господину моему, Іереєви, Іакову Правни-кову, въ Бабаяхъ.» (Молодикъ, 1843 г. стр. 236—7).

Новое письмо: «1787 октября 7. Изъ Гусинки.» — Вы, снится мнѣ, переписали «*Михайлову Борьбу*» (1) и пакы требуете? Обаче посылаю. Негли обряцете, чего ваша перепись не образуетъ. Не медлите же много. Обаче чрезъ невѣрныя руки: *ne! ne! ne!*

Письмо: «1787. Января 18. Изъ Гусинки.» — Духъ правъ обнови во утробѣ моей. Аще кто не имѣетъ новаго сердца, тому весь міръ есть *ветха ветошъ*. Аще чія душа тужить, тому весь міръ плачетъ. Аще чіе сердце мучится и страждетъ, тому весь годъ безъ праздника. Аще чій духъ отчаяніемъ оледенѣлъ, тому весь годъ безъ весны. Аще чій смыслъ мертвый, тому весь вѣкъ безъ живота! О любезный мой друже Іакове! Изблюймо прочь ветхій квасъ мірскій. Стяжимъ новое сердце. Обещимся въ одежду новыа нетлѣнныа надежды, во утробу брато-любія! Тогда намъ вся тварь просвѣтитъ; весь міръ разыграетъ и воз-скачетъ! Будетъ намъ всякъ день «*Великъ-день.*»

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды: «*Убойй Живо-ропка*», сопровождается, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ письмомъ (2).

(1) *Изданное сочиненіе Сковороды.*

(2) Лицо, о которомъ здѣсь говорится, *А. Н. Дискій*, одинъ изъ быв-

отъ 1787 г. — Григоріи Варсавя Сковорода, любезному другу, *Теодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдъ путь непрерывный. Миръ сей есть великое море всѣмъ намъ плывущимъ. Онъ есть Окіанъ. О! велими немногими щастливыми безабдно преплаваемыи! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ Сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе: отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменныя, вѣдъ, соблазны суть неудачи. Сирены суть лъстивые другы; киты суть то завашушныя страстей нашихъ змїа! Вѣтры разумїи напасти. Волненіе: мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младаго Товїю, еслибы въ пуги его не былъ наставникомъ Рафанъ! (Рафа. Еврейски значить медицину; Пль или Эль, значить Богъ). Сего путеводинка промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божїю медицину, врачующую, не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло. Іоаннъ, отецъ твоїй, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (въ 62 году), въ городѣ *Куплнскъ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. Услышавъ же имя, выскочилъ, и достигши на улицу, молча въ лицо смотрѣлъ на мене, и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистинну прозрѣлъ духъ его, прежде рожденїя твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, коль далеке прозираетъ симпатїа! Прїими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ *«Убоюю мою Жайворонка»*. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зивою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоємъ, и нѣсколько поможетъ спасатися отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего. О, Боже! Какое число сей волкъ, день и ночь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спишь ловець! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать несчастїа!

шихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. П. Алякринскій присланную намъ рукопись Ковалѣвскаго *«Житїе Сковороды»*. Полагаемъ, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаемъ о немъ письмо г. Алякринскаго: »О *Ф. И. Дискомъ* извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссїйскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученїю Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Не смотря на то, пользовался прїязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ изматны мнѣ: профессоръ Московскаго Университета, Мудровъ и Директоръ Коммерческаго училища, Калайдовичъ. — *Ф. П. Дискїй* къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненїя Сковороды были самымъ любимымъ его чтенїемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828. Впоследствии я узналъ о несчастной смерти Дискаго. 3-го іюля 1833 года, работавшїй въ его домѣ плотникъ взрубилъ ему топоромъ голову; вѣсть съ нимъ убила еще бывшая у него въ услуженїи женщина.»

Впрочемъ, да не соблазнить тебѣ, друже, то, что тетервакъ ⁽¹⁾ навванъ Фридрикомъ. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малоросію Велеросія нарицають тетерваками.* Чего же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но не злоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ, кто знаетъ не хочетъ!* Возненавидь глупость; тогда хоть глупъ, обаче будешь въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбь ты! Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друзей своихъ. О! да сохранить юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го гѣта; въ полнолуніе послѣднія луны осеннія.»

Передъ изданныю книжкою Сквороды *»Брань Михаила«* посвященной другу его, Мих. Ив. Ковалѣнскому, и написанной, какъ видно изъ помѣтки на рукописи переданной намъ г. Алякринскимъ: *»въ 1788 году,«* помѣщено письмо Сквороды слѣдующаго содержанія:

»Возлюбленный друже Михаилъ! Пріими отъ меня и сію книжечку, въ даръ тебѣ, именемъ твоего же тезоименитства печатѣнную. Писа Михаилово пріялъ еси, пріими и сердце его.« — «Сія книжечка изводитъ на подл-небесный позоръ два сердца, ангельское и сатанинское». И въ концѣ: «О, предовольно-довольно! Се, гдѣ нашъ Іаковъ поконился и спа; тамо спа въ Харонѣ, во градѣ любви! — Видишь ли, возлюбленный Михаилъ! Се, гдѣ поконится другъ твой *старецъ Варсавъ Даниилъ Мейтаръ. Іюня, 19 дня, 1788 юда.*»

Неизданная книжка Сквороды *»Жена Лотова,«* по рукописи, переданной намъ г. Алякринскимъ, сопровождается также письмомъ къ Ковалѣнскому, безъ означенія года и мѣста жительства Сквороды. По приведеннымъ выше отрывкамъ, оно относится также къ восьмидесятиг-годамъ прошлаго вѣка. Вотъ его начало:

»Любевный друже Михаилъ! Въ самомъ открытіи *Памѣстничества Харьковскаго* ⁽²⁾, во время непрестанныхъ осеннихъ дождей, прогоняя скуку, написалъ я книжицу сію въ монастырѣ *Сынляскомъ*. Сей монастырнъ подарилъ Печерской Лаврѣ святой Іустинъ, Митрополитъ Бѣлоградскій, въ которомъ оны часто уединялся, ради горнихъ вертоградовъ и чистаго неба. Братъ мой Іустинъ, звѣряка, бывшій тогда игуменомъ, не могъ чувствовать вкуса къ моеи *»Женѣ Лотовой,«* однако былъ типографомъ и забавлялся книгами эллинскими и римскими. Но ты, любезный друже, имѣешь вкусъ на звѣрскій.«

⁽¹⁾ Тетервакъ — тетеревъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ посылаемой игры.

⁽²⁾ Открыто 29 сентября 1780 года.

Далѣ идетъ письмо снова къ Правницкому, отъ: »1788. Августа 4. Изъ Гусинки, Скрыницкой пустыни. (1) — Вотъ вамъ, по желанію нашему «Херувимскія пѣсни» paraphrasis! Тайновиднымъ херувимамъ сообразны и животворящей Троицъ пѣснь принося,—видимый сей весь міръ извержимъ изъ сердца, да вмѣстимъ невидимый, и его царя, окружаемаго и строема тмами—копіеносныхъ херувимъ и серафимъ! Аллилуя, аллилуя, аллилуя!

Дорофорео есть копіеноснымъ лейбгвардеромъ. Дорофоруженность, сирѣчь: окруженъ копіеносною гвардією, или строемъ. Дориносима есть поль-грека, за поль-славяна.»

По порядку годовъ, помѣщаемъ теперь изъ »Украинскаго Вѣстника« 1817 г. кн. 1, стр. 126 — 134, два письма Сквороды, отъ 1790 г., какъ сказано въ »Вѣстникѣ« издателями: »писанныя къ здѣшнему, (т. е. къ Харьковскому) купцу Е. Е. У—ну, который и доставилъ ихъ издателямъ.« Въ примѣчаніи Квятки къ статьѣ г. Срезневскаго, въ »Утренней Звѣздѣ« 1833 г. (кн. 1 стр. 80) сказано: »Написавшій статью въ Украинскомъ Вѣстникѣ »приложилъ письма Сквороды къ Урюпину.« — Вотъ эти письма:

I.

»Изъ Великоаго Бурлука. 1790 года Юня 10 дня. — Возлюбленный друже! Георгій Георгіевичъ! Миръ сердцу твоему и дому! Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ страннопріимство. Седмицу у тебя почилъ *Старецъ Сквородоа*, аки въ матернемъ домѣ! Да воздасть же тебѣ той, иже на свой счетъ пріемлетъ все даемое нищимъ! Я вашимъ виномъ, не только въ дорогѣ, но и въ дому пользовался! Прошу покорнѣйше отдать низенькій поклонъ господину Петру Федоровичу, *Алтекарю*, и показать наоборотѣ вашего письма мои строки Латинскія! Артему Дороевичу и *Роцину*, съ товарищемъ, усердное мое почтеніе. Также и Стефану Никитичу *Курдюмову*, и всему его дому; а я пребуду, возлюбленный друже, вамъ искреннимъ другомъ и покорнѣйшимъ слугою: *Старецъ Григорій Варсава Скворода.*«

На оборотѣ написано слѣдующее: »Carissime amice Petre! Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem; equidem nunquam te interpellasssem, nec tibi facesserem molestiam! Nunc cum Socrate dico illud vetus proverbium:

Novi Simonem et Simon me.

Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei majoris; sive cardui benedicti. Macerabimus aut vino ant sikera! Gratissimum nobis fe-

(1) »Молодыя», 1843 г. Стр. 258.

reris, si miseris Vale! Debitor tuae amicitiae et beta tuorum amicorum—
Senior Gregor, Bar-Saba Skoworoda.»

II.

»Изъ Великаго Бурлака. 1790 года Юля 2 дня.—Любевный друже! Георгій Георгиевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и дому твоему! Не забывай, друже, что нынѣ течетъ первая четверть небесныхъ лувъ Аугуста. Разумѣй, яже глаголю... Дажь премудрому поводи, и премудрѣншій будетъ. Слушай Римскую сію пословицу: боязливаго сына мати не рыдаетъ! Не дремай! Жизньъ наша есть море! Блюдайте, како опасно ходите! Господь да хранитъ правая теченія твоя! Тако плыви, да достигнеши въ гавань благоумаченныхъ старости оныхъ! Вънецъ хвалы старость!... А кое-то есть масло, умащающее щастливую старость? Кій вънецъ? Послушай! Помава насъ Богъ духомъ!.. Елеемъ радости помазалъ еси его.—Веселіе вѣчное надъ главы Святыхъ! Ахъ! что лучше возмозетъ усладити старость, какъ Божіе сіе масло? Вотъ тебѣ масло! *Добрая слава (пословица) лучше мякото пирога!*

»Не думай же, друже, что *добрая слава есть тоже, что пустозвонкій мірскій газетъ, треміцій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о смѣль и богатствѣ.* Да не хвалится премудрѣй премудростію своею!... Отъ сего елея утекаетъ Давидъ! Елей же грѣшваго да не намаститъ главы моея! Спмъ елеемъ мажутся нечестивіи! Они украшаютъ стѣны и тѣлеса, а не сердца своя. А вотъ они суть! О лицемѣре! Омый прежде внутренность твоя склянны. На, вотъ же тебѣ, и истинный, сердца украшающій елей, и питающій. Назнаменался, напечатлѣлся на сердцѣ нашемъ, свѣтъ лица твоего. *Даль еси веселіе въ сердце моеж. Отъ плода, яшеня, вина и елея и прочее.* Сирѣчь, разбогатѣли-де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету: в будепи блаженный оный, Христомъ похваллемый купецъ! Онъ надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій вѣкій маргаритъ, хогъ тратоу всего, только бы достигъ оный! А кій той толь странный и чудный *маргаритъ?*

»Вотъ онъ! Заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень чистъ!... Вотъ онъ! на пути спидѣній твоихъ насадихся, яко во всякомъ богатствѣ. Вотъ онъ! Открыи очи моя, и уразумѣю цѣну его! Вотъ онъ! Приплещъ азъ есмь на землѣ! Вотъ онъ! Слава добран утучняетъ кости!... Вотъ онъ! Слава велия: послѣдовати Богу! Приплеще сердце мое по тебѣ!... Во вѣки не забуду оправданій твоихъ. Ей! лучше голыи да правыи, нежели богатый беззаконникъ. Не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ. Любевный друже! Вашъ истиннаго добра желатель и всепокорѣншій слуга, старецъ Григорій Вар-Сава Сковорода. Пришлите миѣ *пожикъ съ печаткою.* Великою печаткою не кстатн, и не люблю, моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. *Уво овамо море елея, тогда, когда я у васъ въ Харь-*

ковѣ пировалъ и буянилъ. Достоинно! Боченочки оба отсылаются: вашъ и *Дубравина!* И сей двоицѣ отдайте отъ меня низесенькіи поклонъ, и господину Прокопію Семеновичю.» —

Въ «Молодикѣ» (1843 г. стр. 229 — 234.) при «Письмѣ къ издателю» Василя Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: «Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а списанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орель, къ тайному совѣтнику, Михаилу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностию времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленію, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія) который столь благосклонно предложилъ его для васъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, Кол. Совѣтн. *Андрей Ив. Ковилевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ общалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пинагора, Оригена, Лейбница. (1) Вотъ это письмо:

Изъ Олпанскія Ивановки. 1790 г. сентября 26.—Возлюбленный паче всѣхъ, человекъ Михайле! Миръ тебѣ, муже Божественныхъ желаній! Мати моя — Малороссія, и тетка моя — Украина, посылаютъ тебѣ въ даръ малорослую мою дщерь Авигею: *«Икону Алкивіадскую.»* Прійми ее, и яко Давидъ, наслаждайся ею. Она не лицемъ, но сердцемъ красавица, и вся слава ея внутри ея! Съ нею бесѣдуя, бесѣдуешь со мною! Сердце мое въ ней, а ея во мнѣ! Она тебѣ породитъ единаго точію сына, иже есть истое начало. Родъ сей лицемѣрный и сласто-очесный, ругансь, нарицается бѣсною и буйною. Авъ же ты, прежде юношу, нынѣ же обрѣтохъ ты мужа, по сердцу моему. Сія моя дума — твоя естъ, и твоя — моя! Вотъ единость! Любовь! Дружба!.. Письмо сокра-

(1) Каразинъ добавляетъ: «Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджерн, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста исторически говоритъ о живыхъ.»

щу. Не удерживаю отъ бесѣды съ дѣвою Евою. Только прищипу воспѣтую мною въ Харьковѣ — Харькову *»Пльсенку»* въ августѣ:

Oratio ad Deum

In urbem *Zacharopolim*:

Ex hoc *Zachariae Prophetae* grano:

r. hi sunt oculi Domini..

Zachariae oculos septem tibi praedicat esse.

Septimus est oculus: *Zachariana* polis.

Caeci sunt oculi: quando *Pupilla* latet.

O reclude tuos in eam, miseratus. Ocellos!

Sic sol verus erit: *Zachariana* Popis.

«Сія очи открьють Авигеа въ Захаровскомъ *»Свяшиникъ.»* Tu versus facies slavonicos! Іаковъ мой къ сеіи мосіи дщерь *простудился* (!). За-марая въ ней и мое, и кому поднесена, — имя. Откуда сіе? Не вѣмъ! Сего ради пересылаю къ тебѣ, другу, сеіи, для него списанный, спи-сокъ. Уживай лутче его себѣ сію твоего Лиценціата душу.

«Аще Богъ Помощникъ, во слѣдъ Авигеи, еще *два мои сыночки*, вы-правляютъ крыльца, и думаютъ къ вамъ летѣть. «Древній мыръ» — (пишу *ы at differat ab illo: мир*) и «Михаилъ, боряй сагану.» Они рож-денны для тебѣ, и посвящены отъ самыхъ пеленъ твоему духу. Ока-жетъ прологъ! Будъ же имъ отецъ и покровитель во вѣки! По потер-пимъ: снимаются кони. Оригиналь ли прислать? Увижу. До «Дщери» случайно привязалася *»Ода Сидронія-Езуиты.»* Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовоіи болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ, отгѣтая къ матерѣ моеіи, пустынѣ. Люблю сію дѣвочку. Еіи! достойна быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ.—Прилагаю тутъ-же, какъ хвостикъ, и *закоснившее мое къ вамъ ясмичко Гусинковское.* Нынѣ скитаюся у моего Андрея Пвановича Ко-валевскаго. Имамъ моему мовашеству полное упокоеніе, лутше *Бур-лука.* Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источ-никами расщеренна. На томъ мѣстѣ я родился *возль Лубень.* Но ни-что мнѣ не нужно, кѣкъ спокойна келія; да наслаждаюся моею не-вѣстою оною; сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библия! О, дабы собылося на мнѣ оное! Да-видъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Юга выхваляетъ! *Па сіе я родился.* Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твоіи другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсвава Сковорода, Даниль Мейшардъ.* — Прищипка:

»Число моихъ твореній. Лутче — значатъ звѣздки.

1) *Паркись узнай себя.* *** Первородный плодъ.

(!) Остыль.

- 2) Симфонія Библейныхъ словъ сему: * вѣхъ сохранию пути.»
- 3) Симфонія * Аще не утѣши самую тебя и пр. ***
- 4) Неграмотный Марко. (У Якова Правницкаго.)
- 5) Алфавитъ мѣри. ***
- 6) Разговоръ Кольцо. *
- 7) Древній мѣръ.
- 8) Жена Готова. *
- 9) Брань Михайлова со Сатаною. **
- 10) Икона Алкивіадская. ***
- 11) Бесѣда 1-я наречена Сіонъ.
- 12) Бесѣда 2-я Сіонъ.
- 13) Бесѣда 3-я наречена: Двое. **
- 14) Діалогъ: дума и нетлѣнный духъ. (У Правницкаго.)
- 15) Притча, наречена: Убойи Жайворонокъ. (У Дискаго.)

»ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ЦПЦЕРОНА.

- 1) О старости, * поднесена Ст. Нв. Теляшову, пазъ Плутарха.
- 2) О смерти.
- 3) О Божіемъ правосудіи. *
- 4) О храненіи отъ оловъ. (Дарена Алекс. Юр. Социальскому.)
- 5) О спокойствіи душевномъ. * (Подн. Яв. Мих. Захарж.)
- 6) О возжеленіи богатства. (Завесна въ Крымъ безъ списка.)
- 7) Евзита Сидронія: Ода о Уединеніи, et coetera.

»У друга нашего, Бабайскаго Іерея, іакъ Правницкаго, *всѣ мои творенія хранятся. По мнѣ бы они давно пропали! Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркисса и Симфонію «аще не увѣси». И ее, ожелчившись, спалилъ въ Остроожскъ, а о Наркиссѣ на вѣки было забытъ. Просите у его! А я, не точію апографы, но и аутографы раздалъ, раздарилъ, расточилъ.*

Non prodest Messis: nisi servet cura fidelis.
Fons fundit largas: Testa reservat aquas, etc.

»*Post scripti.* При »Авигеи» примите и »Алфавита» сына. Такъ духъ велѣлъ!»

Въ Публичной бібліотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сквороды: »*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*«. Здѣсь приложено письмо Сквороды: »Высокоимпловствому Государю, Якову Михайловичу Донцу-Захаржевскому«, отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: »Примите милостиво отъ чловѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, акп лепту, дарикъ; уклонившись къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его.« Подпись письма: »Любитель и сынъ міра Григорій Варсава Скворода.«

Наконецъ, прилагаемъ последнее, неизвѣстно когда писанное письмо Сквороды къ *Тевяшову*, напечатанное при книгѣ его, изданной въ Москвѣ, въ 1837 г., *»Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ«*. Вотъ оно:

«Милостивому государю, Владимиру Степановичу, его благородію, Тевяшову. Милостивѣйшій Государь! Падуть къ вамъ два разговора, жаждущіи вашего лицеарѣнія. Удостоите ихъ своего пріятія. Они уже, прежде рожденія своего, опредѣлены доброму вашему духу. Почтеніе мое къ человѣколюбному и кротчайшему баткишкѣ вашему, усердіе мое къ вамъ, а доброжелательство къ цѣлоіи фамиліи вашей приносятъ оныя! Христова философія обращается около сердца и врачуетъ оное. Душа есть mobile perpetuum, подвижность непрерывная. Крыла ея суть мысли, мнѣнія, совѣты. Она или желаетъ чего, или убѣгаетъ отъ чего. Желая, любить; убѣгая, бонтяся. Если не знаетъ, чего желать, а чего убѣгать, — тогда недоумѣваетъ. сумнится, мучится сюда и туда; какъ шарикъ, катается, мятется и вертится, какъ магнитная стрѣла, — поколь не устремитъ взоръ свой въ дражайшую точку холоднаго сѣвера.

«Такъ и душа наконецъ, когда нашла Того, кого нигдѣ нѣтъ, и вездѣ есть, — счастлива! Сеи одинъ довѣтъ ея насытитъ! А безъ сего, глотаетъ воздухъ, съ ядущимъ вся дни живота своего землю змиемъ.

«Мнѣнія подобны воздуху. Онъ между стихіями не виденъ: но твердо земли, а сильнѣе воды: ломлетъ дерева, низвергаетъ строения, гонитъ волны и корабли, ѣстъ желѣзо и камень, тушитъ и разъяряетъ пламень.

«Такъ и мысли сердечныя. Онѣ не видны, какъ будто ихъ нѣтъ. Но отъ сей искры весь пожаръ, мятежъ и сокрушеніе. Отъ сего зерна зависитъ цѣлое жизни нашей дерево. Если зерно доброе, добрыми въ старости (наипаче) наслаждаемся плодами. Какъ съемъ, такъ и жнемъ!

«Весьма я радъ буду, если сія книжечка въ прогнаніи только нѣсколькихъ дней скуки послужитъ. Но куда я доволенъ, если она хоть въ каплю внутренняго мира поспособствуетъ! Вседражайшій, сердечный миръ подобенъ самымъ драгоценнымъ камушкамъ. Одна крошечка цѣну свою имѣетъ. Если станемъ его одну каплю щадить, тогда можемъ со временемъ имѣть цѣлую чашу спасенія.

«Разливши мысли наши по однимъ наружнымъ попеченіямъ, и не помышляемъ о душѣ, не разсуждая, что отъ нея всякое дѣло и слово пронстекаетъ; а если сѣмя зло, нельзя не послѣдовать худымъ плодамъ. Все насъ сырыхъ оставить, кромѣ сего неотъемлемаго сокровища!

«Представьте себѣ смѣсь людей, во всю жизнь, а паче въ кончину лѣтъ своихъ, тоскою, малодушіемъ, отверженіемъ у тѣхъ, задумчивою грустью, печальною, страхомъ, отчаяніемъ, среди изобилія, безъ ослабы мучащихся, и вспомните, что все сіе зло и родное несчастіе родилось отъ преслушанія сихъ Христовыхъ словъ:

»Ищите прежде Царствія Божія....
 »Возвратися въ домъ твой! —
 »Царствіе Божіе внутрь васъ есть!
 »Омый прежде внутренность стакана!...«

«Но благодареніе Всевышнему за то, что никогда не бывасть поздній трудъ въ томъ, что для человѣка есть самонужнѣе. Царствіе Божіе вдругъ, какъ молнія, озаряетъ душу, и для приобрѣтенія вѣры надобенъ одинъ пунктикъ времени.

«Дай Богъ вамъ чистае слово Божіе со вкусомъ и примѣчаніемъ, дабы исполнилось на васъ:

»Блаженны слышащіе слово Божіе и хранящія.« Другой разговоръ скоро послѣдуетъ. А я пребуду, милостивый государь! вашего благородія покорнѣйшій слуга, любитель Священныя Библии, *Григорій Сковорода*.«

Представивъ отдѣльные анекдоты и черты изъ жизни Сковороды, съ отрывками изъ его писемъ, мы такимъ образомъ пополнили двадцатилѣтній пробѣлъ біографіи его, писанной Ковалѣвскимъ. Теперь остается намъ перейти снова къ рукописи послѣдняго и рассказать по ней, съ добавленіями другихъ источниковъ, послѣдніе годы жизни Сковороды.

«Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого», говоритъ Ковалѣвскій: «собралъ разсѣянные по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню*, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.» Хотя «свѣтъ и тамъ исказилъ все» и онъ «въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соблазнованія», — но былъ наконецъ утѣшенъ. «Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ-несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашне отвращеніе къ брлю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлшитъ съ нимъ ничтожество его». Это было, значить, въ годъ смерти Сковороды, въ *1794 году*. — «Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ (*) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, зашмалъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь, не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добро-

(*) *Посвятить.*

дѣтель ради собственной красоты ея. Они толковали о сектахъ. »Я не знаю мартинистовъ«, говорилъ Скворода. »Но всякая секта пахнетъ собственностію; а гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Доходя до толковъ о философскомъ камнѣ: и о сдѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ«, Скворода говорилъ: »Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могли продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, не сообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: *поживъ въ малъ, исполнь лѣта доми!*«

Иногда, говорятъ Ковалѣнскій, разговоръ Сквороды касался смерти. »Страхъ смерти,« замѣчалъ онъ, »нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости, его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не утешаніями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ приуготовляется издала, тихо, въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни. И наконецъ говорилъ: »Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!

Услыша въ окрестности о прибытіи Сквороды къ другу своему, многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства Правленія Орловскаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Савичъ! прошу любить меня! — Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Скворода: я еще васъ не знаю! — »другой, изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше, Скворода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Скворода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: »пня ваше не скоро дойдется на мое сердце!«

Простота жизни, замѣчаетъ біографъ, высоту познаній и долголѣтній подвигъ Сквороды »въ любомудріи опытныхъ« раздиралъ ризу »высокомудрствующихъ«. Они отъ зависти говорили: »Жаль, что Скворода ходитъ около истины и не находитъ ея!« Въ это же время онъ »увѣчаемъ былъ уже знаменаніи истины«.

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

»Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножили разстройку въ здоровьи его, усилили кашель и ослабленіе. Онъ, проживя у

друга своего *около трех недѣль*, просить отпустить его въ любимую нѣтъ Украинну, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ его упрасивалъ остаться у него зиму провести, и вѣкъ свой скончать, со временемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по праву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не приобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность! — Другъ его не безпоковлъ уже съ своимъ приношеніемъ. — 1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украинну. — При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: «можетъ быть больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни, то, что мы часто говорили: — свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время...» Приѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя вѣскольکو тутъ, ради непрерывныхъ дождей, и улуча вѣдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то же мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзнь, — старостью, погодою, усталостію отъ пути, — приближалъ его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: «духъ добръ, но тѣло немощно». Далѣе Ковалѣвскій, замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершить нѣкоторые обряды, положенные церковью; но потомъ «представляя себѣ совѣсть слабыхъ, исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, поутру на разсвѣтъ, 1794 юда* (1).

(1) Примѣчаніе. Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ благочестіи своемъ, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. — К. С. Аксаковъ передалъ намъ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтара съ дарами, прошепталъ: «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», — Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь приобшнть нераскаывающагося, спросилъ его: «Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить».

Здѣсь мы пополюнимъ очеркъ его послѣднихъ минутъ слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» («Утрен. Звѣзда» 1833, г., стр. 88—91): «Въ деревнѣ у помѣщика К—го (Ковалевскаго), небольшая «книжнѣтка», окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставала любить жизнь уединенную и бродячую. — Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметъ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. — Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой лихой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чашу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую, длинную могилу. «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — «Пора, другъ, кончить странствіе!» отвѣчалъ Сковорода: «и такъ всѣ волосы слетѣли со бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!» — «И, братъ, пусто! Полно такъ шутить! Пойдемъ!» — «Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила....» И пошли въ домъ. Сковорода не надолго въ немъ остался. Онъ ушелъ въ свою «книжнѣтку», перебралъ бѣлье, умылся, помолился Богу, и подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую «свиту» — легъ, сложивши на крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый.»

Ковалѣвскій замѣчаетъ: «Предъ кончиною завѣщала онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству? — Знаю и готовъ! отвѣтилъ суровый отшельникъ, и духовникъ, въра его непреложнымъ словамъ, приобщилъ его охотно.»

»Міръ ловилъ меня, но не поймалъ«.

Потомъ Ковалѣнскій прилагаетъ списокъ сочиненій Сквороды, по «своеручному списку» Сквороды въ письмѣ къ нему. Это письмо мы привели выше вполнѣ, подъ 1790 годомъ. Сказавши, что нѣкоторыя сочиненія Сквороды хранятся у него, Ковалѣнскій кончаетъ свое «житіе Сквороды Григорія Саввича описанное другомъ его», словами: »Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога:

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надѣробная надпись Григорію Савичу Сквородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

»Ревнитель истины, духовный Богочедецъ,
 »И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъъ.
 »Любитель простоты и отъ суесть свободы,
 »Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда—
 »Достигъ на верхъ наукъ, познаній духъ природы,
 »Достойный для сердецъ примѣръ Скворода.«⁽¹⁾
 »Сочиненіе друга его М. К.«—

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снегиревъ дѣлаетъ одно любопытное замѣчаніе съ своей стороны (стр. 261), намекъ на которое мы въ рукописи не нашли. — Вотъ оно: »Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ, черезъ Московскія Вѣдомости, желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца«.

Такова было, въ свое время, дань любви къ Сквородѣ и громадная извѣстность къ этому «Украинскому мудрецу».

Изъ печатныхъ извѣстій о Сквородѣ, мы можемъ еще прибавить слѣдующія строки Хиждеу, изъ примѣчаній къ статьѣ его, въ «Теле-

(1) Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сквороды, по словамъ Снегирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV, стр. 263) «правированнымъ П. Мещеряковимъ». Послѣ отдѣльнаго изданія, портретъ этотъ перепечатанъ въ Утренней Звѣздѣ 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ, въ «Картинахъ Свѣта» Вельтмана. 1836 г., при статьѣ о Сквородѣ, со стихами, — и безъ стиховъ и статьѣ о Сквородѣ, въ дурной копіи, въ «Иллюстраціи» 1847 г.

скоцѣ», 1835 г. (XXVI ч., стр. 171): «Магистръ Кіевской Духовной Академіи, Спмеонъ Рудзинскій, сообщилъ мнѣ описаніе в рисунокъ *Сковородинои сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду «бесагъ» (двойная сумма, раздѣленная на двѣ ноши, соединенныя вмѣстѣшвою). Это просто «торба» или обыкновенная котомка. « Это также показываетъ всю силу уваженія, какими пользовался нѣкогда Сковорода на родиѣ....

Желая собрать окончательныя свѣдѣнія о Сковородѣ, мы снеслись съ помѣщикомъ Харьковской губерніи, *Н. С. Мякимъ*, живущимъ въ ближайшемъ соудствѣ съ мѣстнѣю Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое мы получили отъ *Н. С. Мякаго*, отъ 10 января 1856 года:

— «Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника, Андрея Ивановича Кавалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліаніе на хозяина, укрощая его крайне-вспыльчивый нравъ, раздражавшійся грозою надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную в благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ заветномъ флейтраверсѣ псалмы. Черезъ двадцать лѣтъ, тѣло его было перенесено отсюда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ внослѣдствіи его портретъ. — Отъ тестя моего мѣстнѣ перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику, Петру Андреевичу Ковалевскому, (1) отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго. — По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ мысли его не шли никакого уваженія. Отъ этого, по мѣстнѣю тамошнихъ жителей, происходили нѣрѣдко странныя событія, и большею частію съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ, садикъ, съ могилою философа: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаше же это, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ,

(1) Замѣтимъ кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ смерти его, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы пресвященному Пинюкентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы.

кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или дѣхъ жены свивался съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ дяковинкой. Передислѣдній владѣлецъ сада и хижны обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сквороды, и дожилъ дни спокойно. Пынтшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасику, — мѣсто, свято чтимое у насъ искови. — Еще любопытная черта дѣйствій памяти о Сквородѣ на впечатлѣніи потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сквороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ рассказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежь двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ до смерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Скворода. — Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: »У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!« — Увы! эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашавъ, какъ ни старались.»

Заклучивъ описаніе жизни Григорія Савяча Сквороды сожалѣніемъ, что слова В. П. Каразина, въ письмѣ его къ издателю »Молодика« (1843 г., 229 стр.) о Сквородѣ не сбылись. Каразинъ писалъ: »Ивановка принадлежитъ теиерь госиодину Кузину. Тамъ могила Сквороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ общалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человекъ для всякаго добра общественнаго. теиерь село Ивановка, или »Пань—Ивановка« (на Украинѣ села часто называются именами владѣтелей »Пань—Васильевка« —»Пань Лукьяновка«) —принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузичу Кузину.—

ГЛАВА IV.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ СКВОРОДЫ.

Извѣстность Сквороды. — Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Отрывки его »басень« и »стихотвореній«. I., Перечень печатныхъ сочиненій Сквороды. — II., Перечень неизданныхъ сочиненій Сквороды. — III., Перечень печатныхъ статей о Сквородѣ, съ 1806—1862 годъ.

Очеркомъ жизни Сквороды легко опредѣляется и его литературное значеніе. Многого сказать о немъ нельзя. Важень Скворода былъ, еще

повторяемъ, для своего времени не столько сочиненіями своими, сколько собственною своею личностью и примѣромъ своей жизни. Увлеченіе характеромъ Сковороды у современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія печатныя статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отчего впрочемъ самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ «Телескопѣ», подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту. Рассмотримъ эти увлеченія.

Первое, что представляется намъ въ этомъ случаѣ, это слѣдующее соображеніе: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего*. По нашимъ успленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какижъ-то М. Антоновскими крошечная книжечка его *«Бесѣда о познаніи себя»*, которая прошла, безъ сомнѣнія, совершенно — незамѣченною. Потомъ, въ 1806 году, въ мистическомъ *«Сіонскомъ Вѣстникѣ»* помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его *«Предверія»*. Наконецъ, уже только въ 1837 году, заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ также весьма немногіе тогда узнали, а теперь объ этихъ брошюрахъ знаетъ рѣдко кто и изъ библиографовъ. Значитъ, для печатнаго міра и публики, читающей такъ-называемыя книги, Сковорода со своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой нашей *письменной литературы*? Быть можетъ, они удостоились, въ свое время, да и впоследствии, судьбы такихъ сочиненій, каковы: *«Ябеда»* Капниста, *«Горе отъ ума»* Грибоедова и второй томъ *«Мертвыхъ душъ»* Гоголя, не говоря уже о другихъ замѣчательныхъ литературныхъ явленіяхъ, которыя за-долго до печати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ? — И съ этой стороны вопросъ рѣшается, къ сожалѣнію для славы Сковороды, иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ не для барышень, не для офицеровъ и не для обучающагося юношества вообще, не для тѣхъ, словомъ, горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ въ нашемъ отечествѣ всего, что живо говорить сердцу и мысли и за что этотъ особый кругъ читающаго міра такъ усердно спѣшитъ услужить любимому писателю и составить, мимо печатнаго міра и типографіи, его громкую славу. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ копіистовъ; но это

были люди другаго свойства, люди серьёзные, тяжелые на подъемъ и не легко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора, «Кавказскаго плѣнника» ни авторовъ «Демона» и «Горе отъ ума». Словомъ, со Сквородою этого быть не могло на столько, чтобы опять-таки собственно его проповѣденія списали ему славу. Онъ писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, списывали его сочиненія только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессеры и ученики Духовныхъ Академій, старпки-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сквороды, иногда сами ихъ не вполне понимая, въ чемъ мы убѣдились сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка, — списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія чловѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всеми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Впрочемъ, съ одной стороны, еще при жизни Сквороды, произведенія его дѣйствительно находили доступъ къ значительной степени истинной литературной извѣстности. Нѣсколько полу-духовныхъ, полу-сатирическихъ стихотвореній его, какъ напримѣръ извѣстное стихотвореніе: *«Всякому городу нравъ и права»*, тогда же были переложены на музыку и расиѣвались бродячими слѣпцами — бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванная, даже пошали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то есть, въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 года, напечатавши пѣсню Сквороды «Всякому городу» и ея варіантъ — произведеніе уже народное. — Подобной участи достигли, въ наше время, нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: *«Вотъ мчится тройка удалая»* — авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лице спорное, неизвѣстное, и считаетъ множество варіантовъ своей пѣсни.

Собирая впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сквороды, мы, по, непреложному опыту, пришли къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сквороды могло существовать

при жизни его много-много два-три десятка. И у кого-же еще встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыездно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые наконецъ любимые стихотворные канты Сквороды проникали въ читающій, печатный и письменный мѣръ украинскій и русскій очень не далеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Сквороды, стихотворныхъ мы почти нигдѣ не встрѣчали, за исключеніемъ одного. Въ печати же, только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его, въ «Телескопѣ» и въ «Утренней Звздѣ».

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сквороды вовсе никогда на Украинѣ не пользовались. Письменную известность ихъ на родинѣ Сквороды и вѣ�я поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, не составлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распеваемые сатирическіе канты его слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимало на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне, козачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и рюмованныхъ произведеній своихъ, собственно личностію дѣйствовалъ на массы Скворода. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотреть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по нашему, выводъ, что если сочиненія Сквороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ виномъ его въ устахъ его современниковъ, то современники эти большею частію говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая значеніе ихъ съ значеніемъ и личнымъ характеромъ самого Сквороды. Дѣйствительно, если прослѣдить большую часть его разсужденій, что впрочемъ теперь, по странному, тяжелому и вычурному языку ихъ, добровольно сдѣластъ развѣ записной библіоманъ, изъ нихъ окажется, что, пожалуй, Скворода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавши ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ, и скажетъ, быть можетъ, много похвалъ Сквородѣ, какъ благородному, честному и горлечему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому не нужныхъ риторическихъ

умствова ії, в отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы пользамъ и нуждамъ общественнымъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ «Воронежскомъ Сборникѣ» 1861 года, говорить, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа: и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между-прочимъ, собственныя слова Сковороды.

»Учителю подобаеъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому челоуьку, а свое, родное. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратитъ въ нашу же жизнь.»

Итакъ, еще разъ скажемъ, мы смотримъ на Сковороду, преимущественно какъ на «человѣка общественнаго» — дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суетвѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ ветхихъ стремленій ветхаго челоуька во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Мимо украинскихъ Коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій Коллегіумъ. То, что теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣла, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому мы представили въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство силы общественнаго Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году, первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія его, были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому; это были все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основляненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигателя-

лями малороссійскаго общества. Скворода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-ой, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую Академію для странствованія за-границей. Голышь и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Перелславъ, въ Харьковъ и въ Москвѣ, удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Съчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украинѣ, достоинъ полной признательности.

Чтобы нашъ трудъ не имѣлъ пробѣловъ, представляемъ отчетъ о его сочиненіяхъ. Опредѣленіе философскаго ученія Сквороды мы заимствуемъ изъ *»Исторіи философіи въ Россіи«* (1840 г., ч. VI, стр. 53—71) А. Гавриіла, изучившаго печатныя и неизданныя сочиненія Сквороды. Разбирая исторію русской философской мысли отъ времени древнихъ, онъ вслѣдъ за первыми представителями ея: *Никифоромъ, Кіев. митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Данииломъ Заточникомъ, Шиломъ Сорскимъ, Особаномъ Прокониномъ, Георгіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и Сквороду. Вотъ, что говоритъ ученый историкъ Русской философіи: (стр. 59—70) *»Въ простонародной свиткѣ, съ »видлагою«* и *»торбою«* за плечамъ, съ дудкою за поясомъ, съ палцемъ въ рукахъ, ходилъ Скворода по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогаемъ, не лѣстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: я все пока ничто; какъ стану что, то съ меня ничто. Добрый человекъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотять мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣрить и парчу и шелковую матерію и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вошачныхъ чучель я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилать изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутьяхъ, на торжищехъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его острому словцу, качетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. »Какъ мы слѣпы въ томъ, что нужно намъ есть... На Руся многіе хотять быть Пла-

тонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка цыпленокъ вывертывается. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, доголя не быть ни своему Платону, ни другому философу. Энтузіазмъ Сквороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почестъ его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія. Сквородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осазаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ со стороны вѣчности, видитъ въ соединеніи объѣхъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ — народъ Русскій. Энтузіазмъ Сквороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ приу благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія сіи можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами-Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сквородѣ въ подлинникѣ, и съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Капномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сквороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую стѣнень восторга. Иронія Сквороды до того роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченымъ на черной сквородкѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Скворода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ чловѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сквородѣ внутренняго побужденія какъ народнаго мыслителя и наставника раскрылась вмѣстѣ и потребность приобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Скворода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ, и, обращаясь въ кругу простаго народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель не учитель, а только служитель природы. Мысль сію относилъ Скворода и къ знанію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педагогическое искусство Сквороды въ образованіи простаго народа, и отъ того жизнь и всѣ созданія Сквороды цѣломудренны и свободны,

какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе свое такъ-коу и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужихъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотять и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. »Надо мною позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ бають, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай бають; на меня острять, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острять; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе.«

»Барская умность, пишетъ Сковорода, — будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождаютъ живыхъ дѣтмиъ? И какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка; я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что такое живая смерть и мертвая жизнь? О докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести вѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе съвыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спить, пускай спить, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спить, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ.«

Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инопородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ ученіе свое, изъ его самороднаго сознанія постронвшееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ душа его извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ состязаніе свое съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новою славою.

»Даймонъ: слышь, Варсава! Младенкій утъ, сердце безобразное, душа, исполненная научны, не поучающая, но паучающая! Ты ли творецъ новыя славы? Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу. — Даймонъ: о странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: воть троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: и лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто бесполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!... Кто же винень? Ты, враже! ты, украшенная гробница!« —

Что касается до слога и способа выраженной Сквороды, то мы представляем отрывки из его лучших, по нашему мнѣнію, произведеній, избирая, по преимуществу, мѣста по языку болѣе доступныя для современнаго читателя. Теософскихъ сочиненій его, очерченныхъ выше Гавріиломъ, мы не коснемся. Вотъ выдержки изъ его сочиненій, запечатлѣнныхъ болѣе характеромъ *сатирическими*. Изъ выдержекъ нашихъ легко видѣть, чѣмъ питалась украинская муза Сквороды, нашедшая вскорѣ за нимъ такое полное и цѣлое, хотя не совершенно художественное развитіе въ Котляревскомъ, авторѣ «Энеиды, вывороченной на-изнанку», а въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненка и Гулака — Артемовскаго ставшая вполне художественною и народною.

Лучшимъ, то-есть, болѣе сноснымъ для нашего времени, по нашему мнѣнію, произведеніемъ Сквороды въ этомъ родѣ можно считать его «*Басни Харьковскія*», изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ образчики этихъ басень:

(Стр. 26.) *Кротъ, нетопырь и два птенца: голубинья и голубинья*. Великій и преисподній звѣрь, живущій въ землѣ кротъ, писалъ самое краснорѣчивѣйшее письмо, къ живущимъ на землѣ звѣрямъ и къ воздушнымъ птицамъ. Сила была такая: «Дивлюся суевѣрїю вашему! Оно въ мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣтъ и не бывало. Какой вамъ настѣялъ сумазбродъ, будто въ мірѣ есть какое-то солнце? Оно въ собраніяхъ вашихъ прославляется, начальствуетъ въ дѣлахъ, печатѣетъ концы, услаждаетъ жизнь, оживляетъ тварь, просвѣщаетъ тьму, истощаетъ свѣтъ, обновляетъ время. — Кое время? Одна есть только тьма въ мірѣ, такъ одно и время; а другому времени быть, чепуха, вздоръ, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовая мать и другихъ дурачествъ. Вездѣ у васъ врутъ; свѣтъ, день, вѣкъ, лучъ, молнія, радуга, истина. А смѣшнѣе всего почитаете химеру, называемую око; будто оно зеркало міра, свѣта прїятилице, радости вмѣстилище, дверь истины.... Вотъ варварство! Любезніи мои други! Не будьте глупы: скиньте яремъ суевѣрїя: не вѣрьте ничему, поколь не возьмете въ кулакъ. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтобъ зрѣть; но то, чтобъ шупать. *Отъ 18 Апрѣля 1774 г., изъ преисподняю міра №№2*».

Сіе письмо понравилось многимъ звѣрямъ и птицамъ. Напримѣръ совѣ, дремлюгѣ, сычу, удоу, ястребу, пугачу, кромѣ орла и сокола. А паче всѣхъ нетопырь пловко шатался въ семь высокородною догматѣ и, увидѣвъ горличина и голубинина сыновъ, старался ихъ сею высокопарною философією осчастливить. Но горличинъ сказалъ: Родители наши суть лучшіи тебѣ для насъ учителя. Они насъ родили во тьмѣ; но для свѣта. А голубчинъ отвѣщала: Не могу вѣрить обман-

щипу. Ты мнѣ и прежде сказывалъ, что въ мѣрѣ солнца нѣтъ. Но я, родившись въ мрачныхъ дняхъ, въ дивнѣйшій Воскреснѣй день увидѣлъ рано восходъ прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и сирадь отъ тебе и отъ улода исходящій свидѣтельствуешь, что живетъ внутри васъ не добрый духъ!—Сила: свѣтъ и тьма, глѣние и вѣчность, вѣра и нечестіе мѣръ весь составляютъ, и одно другому нужное. Кто тьма, будь тьмою, а сынъ свѣта да будетъ свѣтъ! Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

(Стр. 17.) *»Оселка и Пожъ.»* Пожъ бесѣдовалъ съ Оселкою. *»Конечно ты насъ, сестрица, не любишь, что не хочешь въ стать нашу вступить и быть ножомъ?...»* Ежелибы я острить не годилась, сказала Оселка, не отреклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А теперь тѣмъ-то самими васъ люблю, что не хочу быть вами. И конечно, ставши ножемъ, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ тѣ ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю. А въ сіе время на оселки очень скудно!—Сила: родятся и такіи, что воинской службы и женитьбы не хотятъ, дабы другихъ свободнѣе поощрять къ разумной честности, безъ которой всяка стать негдѣйствительна.

(Стр. 10.) *»Чижъ и Щеглоъ.»* Чижъ вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щеглоъмъ, который его спросилъ: *»какъ ты, другъ мой, освободился?... Расскажи мнѣ.»*—Чуднымъ случаемъ, отвѣчалъ пѣвничъ. Богатыи Турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ, и прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичей рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ-сотъ у одного хозяина висѣло въ кѣтъкахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ предъ другимъ выспѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: *»а сколько просишь денегъ за всѣхъ?»*—25 рублей, отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной кѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпуская на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались.—*»А что жъ тебе, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?»*—Сладкая пища, да красная кѣтка, отвѣчалъ счастливецъ. А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенкою:

*»Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!»*

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

»Старуха и Горшечникъ.» (Стр. 49.) Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгались. *»А что за сеи хорошенъ-кіи...?»*—За того возьму хоть три полушки, отвѣчалъ горшечникъ.—*»А за того гнуснаго (вотъ онъ): конечно полушка?»*—За того ниже двухъ копѣекъ не возьму...—*»Что за чудо?»*—У насъ, бабка, сказалъ мастеръ,—не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?—Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить; а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

(Стр. 50.) Пярядная Великороссійская пословица с'я: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблематами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующіи написанъ, схожіи на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяеть большая золотая звѣзда, украшая оной. Но поць нимъ толкъ подписанъ слѣдующіи: «подъ сіяніемъ язва!» Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: «гробы повапленныи.»

«Оленица и Кабанъ.» (Стр. 47.) Въ Польскихъ и Венгерскихъ горахъ Оленица, увидѣвъ домашняго Кабана: «желаю здравствовать, господинъ Кабанъ» — стала витаться — «радуясь, что васъ....» — «Что жъ ты, негодная подлость, столько неучлива, вскричалъ, надувшись, Кабанъ. Почему ты меня называешь Кабаномъ? Развѣ не знаешь, что я пожалованъ бараномъ, въ семь имѣю патентъ, и что родъ мой, происходитъ отъ самыхъ благородныхъ бобровъ; а вмѣсто спанчи для характера нону въ публичкахъ содранную съ овцы кожу.» — «Прошу простить, ваше благородіе, сказала Оленица: я не знала. Мы простые, судимъ не по убору и словамъ, но по дѣламъ. Вы такъ же какъ прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Богъ вамъ быть и конемъ.»

(Стр. 49.) «Есть и въ Малороссіи пословица: «далеко свинья отъ коня.»

«Змія и Буффонъ.» (Стр. 20 и 21.) Какъ змія весною скинула ла(и?)новище (старая кожа), Буффонъ ее усмотрѣвъ: «куда вы, судариня, сказала съ удивленіемъ,—отмолодѣли. Что сему причиною? Прошу сообщить.» — «Я вамъ съ охотою сообщу мой совѣтъ, Змія говоритъ. — Ступайте за мною. И повела Буффона къ той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она съ великою трудностію продравшись, всю старинную ветонь изъ себе стащила. — Вотъ, господинъ Буффонъ! Позвольте полезать сквозь узкой сеіи проходъ. А какъ только прогѣзете, тотъ же часъ обновитесь, оставивъ всю негодность по другую сторону. — «Да развѣ ты мене тутъ хочешь задушить? вскричалъ Буффонъ. — А хотя мнѣ сюда и удастся протащиться, то съ мене послѣднюю кожу слереть...» — «Прошу жъ не погнѣваться, сказала Змія: кромѣ сего пути нельзя вамъ туда дойти, гдѣ быть удалось. — Сила: чѣмъ лучшее добро, тѣмъ большимъ трудомъ окопалось, какъ рвомъ. Кто труда не перейдетъ, и къ добру тотъ не приидеть.»

Какъ образчикъ стихотвореній Сквороды, приводимъ слѣдующую пѣснь: «*Всякому городу нравъ и права*», изъ сборника Сквороды: «*Садъ божественныхъ пѣсней*» присланнаго намъ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году, сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

ПѢСНЬ X-я. «ВСЯКОМУ ГОРОДУ.»

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣеть свой умъ голова.

Всякому сердцу своя есть любовь,
 Всякому горлу своей есть вкусъ каковъ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá:
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

••

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
 Федька купецъ при аршинѣ все жжетъ.
 Тотъ строить домъ свой на новыи манеръ,
 Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

••

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтá,
 Сей иностранны заводить скотá.
 Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
 Сихъ шумить домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá,
 А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

••

Строить на свой тонъ юриста правá,
 Съ диспутъ студенту трещить голова.
 Тѣхъ беспокоитъ Венеринъ амуръ,
 Всякому голову мучить своей дурь.
 А мнѣ одна только въ свѣтѣ думá:
 Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

••

Смерте страшнá, замашная косбá
 Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
 Ты не гладишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
 Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ!
 Кто жъ на ея плюетъ острую сталь?...
 Тотъ, чья совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Въ книгѣ Сквороды *»Дружескій разговоръ«* ⁽¹⁾ мы нашли еще одну характеристическую басню. Вотъ она:

(Стр. 10 и 11.) *»Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую басеньку: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.— Двѣ дороги, го-*

⁽¹⁾ *»Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ«* Г. В. Сквороды. Москва. 1837 г.

ворилъ имъ челоуѣколюбивѣи старикъ: вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ; а другая съ обинякомъ. Совѣтую держаться обиняка. Не сиѣшите:—и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи. — »Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ: мы Европейцы! Мы ѣдимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ.« — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое жъ судно съ виномъ. Паѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: »не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередъ по дорогѣ. Взгляните: по ту сторону бездны чернѣеть что-то...« Одинъ говорилъ: кожаной мѣшице. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному городъ, иному село. Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на Индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но остроумѣе. Сей, по нѣкимъ примѣчаніямъ, и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сеі сторонѣ глубочайшей яруги, и услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, сиѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: »боязливаго сына матери плакать нѣчево.« (Стр. 26 и 27.) »Любить мудрыхъ совѣты значитъ: самому себѣ зажигать факелъ, для безпреткновеннаго путешествія. Нѣтъ важнѣе, спрѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ узанать самаго себе и слышать въ нашемъ пепелѣ погребенную искру блаженства. Отсюда разжается благословенное оное царство, владѣть собою могти: и на стремленіяхъ душевныхъ, всѣхъ тигровъ лютѣйшихъ, какъ на везущихъ колесницу львахъ, ѣхать. Всѣхъ наукъ сѣмена внутри челоуѣка сокрываются.« (Стр. 53.) Сіе есть высокостепенное сумазбродство, если думать, что въ нашихъ временахъ вошло солнце, отворился ключъ здоровыхъ водъ; избобрѣтена соль.... Самонужность есть повсемственная и вѣчная. Богъ и премудрость безначальны. А то самая дрянь, что вчера съ грибами родилось. (Стр. 92 и 93.) Потеряди цѣну свою Пророки языческіе тогда, когда прореченное о всеобщемъ, о безвременномъ, о безмѣстномъ, обративъ къ частному, мѣстному, перенесли оное на князи, на сыны челоуѣческіе. Сей есть всеобщій источникъ идолослуженія.

Изъ этихъ отрывковъ, надѣемся, достаточно видны собственно литературныя достоинства Сквороды. Намъ остается кончить нашъ очеркъ погоднымъ »Перечнемъ печатныхъ сочиненій Сквороды« и по возможности полнымъ Перечнемъ неизданныхъ сочиненій Сквороды и печатныхъ стѣлецъ о немъ. Такимъ-образомъ, вмѣстѣ съ очеркомъ современнаго ему общества, съ жизнеописаніемъ Сквороды и этимъ библиографическимъ обзоромъ, читатель будетъ имѣть полный очеркъ жизни и трудовъ писателя, который во всякомъ случаѣ заслуживаетъ памяти и уваженія.

I.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СОЧИНЕНІИ СКОВОРОДЫ.

(Съ 1798 — 1854 годъ)

1798 годъ.

1) БИБЛИОТЕКА ДУХОВНАЯ, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ ДРУЖЕСКІЯ БЕСѢДЫ О ПОВНАНІИ САМАГО СЕБЯ. Изд. М. Антоновскимъ, 3 части, С. Петербургъ, 1798 г. При Императорской Академіи Наукъ. (Цензоръ архимандритъ Антоній) Въ 12 д. л., 225 стр.

Посвященіе: «Императору Павлу Первому.» Въ Предисловіи говорится отъ издателя: «По начертанію, сдѣланному въ книжкѣ: *Вѣрное лекарство отъ предубѣжденія умовъ*, которую я предъ симъ осмѣлился посвятить Вашему Импер. Величеству, издавая во-первыхъ сію Библиотеку Духовную, для усерднаго содѣйствованія вводимому отъ Вашего Величества истинному просвѣщенію подданныхъ, полагаю оную къ Монаршимъ стопамъ — всеподданнѣйшій *Михаилъ Антоновскій.*» — Имени Сковороды въ книгѣ нигдѣ не упоминается, вѣроятно, съ понятною спекулятивною цѣлью. — На заголовкѣ книги картинка, съ надписью: «*Познай себя.*»

Книга эта упомянута впервые въ «Опытѣ росс. библиографіи» Сопикова, ч. 2, 1814 г., 53 стр., полъ № 2, 216. Здѣсь, передъ словомъ *ръдка*, стоитъ прямо приписка: *Соч. Г. Сковороды.* По сличеніи ея съ рукописями Сковороды, это несомнѣнно. У Сковороды книга называется: «*Асханъ, о познаніи себя.*» Въ библиотекѣ Преосвященнаго Иннокентія въ Одессѣ она прямо означена словами: «Напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году.» — По Смирлинскому каталогу она значится также съ именемъ Сковороды, подъ № 1239, съ припискою: 3 р. асс.

Мы видѣли эту книгу въ Имп. Публичной Библиотекѣ въ Петербургѣ, гдѣ она находится въ VI залѣ, въ VIII шкафѣ, подъ № 62.

1806 годъ.

2. НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ КО ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВІЮ. Приписка: «*Написана въ 1766 году, для молодого шлягетства Харьковской губерніи, а обновлена въ 1780 году. Твореніе Г. Сковороды.*» Въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» 1806 года, изд. Феопемптомъ Мисаиловымъ, ч. III, стр. 156 — 179. — О помѣщеніи статьи здѣсь нигдѣ не упомянуто. — Въ началѣ статьи предисловіе издателей «Вѣстника о жизни Сковороды.»

Краткое содержаніе статьи, по рукописи, приведено г. Срезневскимъ въ его «Запискахъ о Сковородѣ» въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 г., стр. 73 — 74. Отрывокъ изъ нея, начало именно, въ 3 страницы, помѣщенъ имъ же, впоследствии, въ «Москвитянинѣ» 1842 г., стр. 117—

119, о чѣмъ говорится въ «Указателѣ Москвитинна» П. П. Бартечева, во «Временникѣ П. М. Общ. Ист. и Древ. Росс.» 1835 г., кн. XXI, стр. 62.

1831 годъ.

3. Три пѣсни Сквороды, стихотворенія, въ «Телескопѣ» 1831 г., ч. VI, стр. 578—582. (Сообщены А. Хиждеу). Пѣзъ заглавія: I. «Ой ты, птичко желтогобока», II. «Ой поли, поли зелены» и III. «Всякому городу нравъ и права».

Это взято изъ неизданнаго тогда рукописнаго сборника Сквороды: «Садъ божественныхъ пѣсней», гдѣ всѣ три пѣсни приведены подъ цифрами: XVIII, XIII и X. Такъ замѣчаетъ издатель. Между тѣмъ въ книгѣ «Сочиненія Сквороды», изданной 1860 г. подъ №№ X, XIII и XVIII помѣщены въ «Садѣ божественныхъ пѣсень» пѣсни: «Нельзя бездны океана» — «Колика слава нынѣ» и «Ахъ ты тоска проклята».

Последняя пѣснь «Всякому городу нравъ и права» самая популярная изъ пѣсень Сквороды на Украинѣ, въ устахъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Впоследствии она подверглась измѣненіямъ у самого народа и любопытный вариантъ ея, съ подлинникомъ, приведенъ еще въ статьѣ г. Срезневскаго, въ «Утренней Звѣздѣ» 1835 г., стр. 82—88.

1836 годъ.

4. Отрывки изъ разныхъ сочиненій Сквороды приведены въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г., ч. VI, стр. 205—736, въ повѣсти г. Срезневскаго «Майоръ, майоръ!» — Здѣсь они приведены на страницахъ: 211-й «Не забросать горстью персти бездны океана» — 443-й отрывокъ изъ «Думы о раѣ земномъ» — 447 кантъ «О, Боже живый глаголь». — Самая повѣсть можетъ быть принята за рядъ искусныхъ образцовъ устной рѣчи Сквороды.

1837 годъ.

5. Убогий жайворонокъ. Притча Г. В. Сквороды. (Паданная Н. Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ⁽¹⁾. Москва, въ типографіи Рѣшетникова, 1837 г. (Ценаоръ П. Свигиревъ, 21 февр. 1836 г.) 32 стр., in 8.

Передъ книгой «Предисловіе» въ двѣ страницы, о жизни Сквороды, съ подписью: М. Макаровъ и Н. Рѣшетникова, члены Попечительнаго Комитета. — Тутъ же въ началѣ помѣщено, приведенное нами въ статьѣ, письмо Сквороды къ Дискому, отъ 1787 г. Въ концѣ книги приложена: «Пѣснь Рождеству Христову» смѣсь прозы и стиховъ, и «Примѣчанія».

(¹) Равно и слѣдующія остальные сочиненія въ этомъ спискѣ, изданы тѣмъ же Комитетомъ.

Книга эта упомянута въ «Реестрѣ книгъ» Ольхина, IV отд., подъ № 998.

6) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ. Г. В. Сквороды. Москва, 1837 г. Въ тип. Рѣшетникова. 94 стр., in 8° (Цензоръ архимандритъ Филаретъ).

Въ началѣ посвященіе и письмо къ Тевяшеву, приведенныя нами въ статьѣ о жизни Сквороды.

Упомянута въ «Реестрѣ» Ольхина, подъ № 237, VIII отд.

7) Бесѣда двоя. Г. В. Сквороды. Москва, въ тип. Рѣшетникова. 1837 г. (Цензоръ Вианской семинаріи ректоръ Агапитеъ, 15 сент. 1836 г.) 50 стр., in 8°.

Упомянута въ «Реестрѣ» Ольхина, VIII отд., № 194.—Въ «Третьемъ продолженіи» Крашенинникова, отд. 1, упомянута подъ № 12,044.

8) Басни Харьковскія. Г. В. Сквороды. Москва, въ т. Рѣшетникова. 1837 г. (цензоръ архим. Агапитеъ). 59 стр., in 8°.—Посвященіе *Ланкову*. Письмо вначалѣ, приведенное нами въ своемъ мѣстѣ, выше отъ 1774 г. изъ села Бабаевъ.—Всѣхъ басенъ 30. (Смѣсь прозы и стиховъ; въ концѣ нѣкоторыхъ стоитъ *смысл*, или выводъ).

Содержаніе басенъ: 1) Собаки. — 2) Ворона и чижъ. — 3) Орелъ. — 4) Голова. — 5) Чижъ и щеголь. — 6) Колеса часовыя. — 7) Орелъ и сорока. — 8) Голова и тулупъ. — 9) Мурашка и свинья. — 10) Двѣ курицы. — 11) Вѣтеръ и философъ. — 12) Усѣдка и ножъ. — 13) Орелъ и черепаха. — 14) Сова и дроздъ. — 15) Змія и буффонъ. — 16) Жабы. — 17) Два цѣнные камушки. — 18) Собака и кобыла. — 19) Кроль, нетопырь и два пенца. (При этомъ въ письмѣ приниска «крота изъ преисподней», отъ 1774 г.) — 20) Верблюды и олень. — 21) Кукушка и дроздъ. — 22) Навозъ и алмазъ. — 23) Собака и волкъ. — 24) Кроль и линкъсъ. — 25) Левъ и обезьяна. — 26) Щука и ракъ. — 27) Пчела и шершень. — 28) Оленица и кабанъ. — 29) Старуха и горшечникъ. — 30) Соловей, жаворопокъ и дроздъ.

Упомянута въ «Реестрѣ» Ольхина, подъ № 192, VIII отд.—У Крашенинникова въ «Третьемъ прибавленіи къ росписи книгамъ Смирдина», 1852 г., на стр. 173.

1839 годъ.

9) Брань Архистратига Михаила съ сатаною, о семъ: легко быть благимъ. Г. В. Сквороды. — Москва, въ тип. Рѣшетникова, 1839 г. 45 стр. текста и VII стр. примѣчаній. — (Цензоръ, ректоръ, архимандритъ Филаретъ, 8 нояб. 1836 г.)

1854 годъ.

10) Пѣсня: «Ахъ счастье, счастье, вѣдное, злое!», въ «Инцидентѣ» 1854 г., № 94, 28 апрѣля, въ статьѣ В. Аскоченскаго: «Русскій композиторъ Веделевъ»

1860 годъ:

11) Сочиненія въ стихахъ Григорія Саввича Сковороды, съ его портретомъ и почеркомъ его руки. С. Петербургъ. (Неизвѣстнаго издателя). 312 страницъ.

Содержаніе: 1) XXXIII стихотворенія — Садъ божественныхъ пѣсней, прозябшій изъ зернъ св. Писанія; II. Проза: 1) Разговоръ о томъ — знай себе; 2) Убогій жайворонокъ; 3) Борьба и прія о томъ — претрудно быть злымъ, легко быть благимъ; 4) Бесѣда двое; 5) Прія бѣса со Варсавою; 6) Начальная дверь къ христіанскому добронравію, и 7) Самопознаніе.

Изъ этой прозы новаго, впервые здѣсь въ книгѣ изданнаго, только «Прія бѣса со Варсавою», изъ которой впрочемъ напечатаны выдержки въ «Исторіи философіи» архим. Гавріила, томъ VI, 69 стр. Казань. 1840 г.; и «Разговоръ о томъ — знай себя». — Эта безграмотная и неопрятная книга вообще издана очень странно; въ списокъ подлинничковъ на нее внесены имена людей, никогда на нее не поди. сызавшихся. Къ ней не приложено никакихъ поясненій, какъ составилаь книга и откуда взяты нѣкоторыя ея указанія и самыя статьи. Она такимъ образомъ не можетъ служить даже слегка сноснымъ источникомъ къ объясненію сочиненій Сковороды и можетъ назваться спекулятивнымъ и постыднымъ явленіемъ русской литературы. — Приложенныя къ концу книги «письма Сковороды» составляютъ перепечатку изъ «Молодика.» Въ нее между прочимъ попало народное стихотвореніе о истрежденіи Запорожцевъ на Тамань.

II.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕИЗДАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ СКОВОРОДЫ.

М. Ковалѣвскій, въ рукописномъ сочиненіи своемъ «Житіе Сковороды, описанное другомъ его», въ концѣ приводитъ списокъ неизданныхъ еще въ его время. 1794 года, и упомянутыхъ самимъ авторомъ въ письмѣ къ нему, сочиненій Сковороды. Опуская изъ этого списка напечатанныя вещи, означенныя нами выше, приводимъ не напечатанныя:

- 1) Маркивъ, узнай себя.
- 2) Симфонія, рекъ: сохрани пути моя.
- 3) Симфонія, аще не увѣси.
- 4) Неграмотный Марко.
- 5) Алфавитъ міра, о природѣ.
- 6) Разговоръ — Кольцо.
- 7) Древній міръ.
- 8) Жена Лотова.

- 9) Икона Алкивиадовская (1).
- 10) Беседа I. Слонъ (2).
- 11) Беседа II. Слонъ.
- 12) Диалогъ — душа и нетлѣнный духъ.
- 13) Благодарный Еродій.

ПЕРЕВОДЫ:

- 14) О старости Цицероновои
- 15) О Божіемъ правосудіи.
- 16) О смерти.
- 17) О храненіи отъ долговъ.
- 18) О свойствѣхъ душевномъ.
- 19) О удивленіи, Сидронія.

Ковалѣвскій прибавляетъ: «Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ писанныя есъ рукою своею другу своему, и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу. — Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на руссійскомъ и латинскомъ языкѣ находятся письма его, весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ, многія стихословія и другія сочиненія, *которыя собраніе частію хранится у друа его.*» — Если со времени 1794 года уцѣлѣли въ семействѣ М. Н. Ковалѣвскаго всѣ эти рукописи Сковороды, любопытно было бы издать ихъ въ свѣтъ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Въ «Молодикѣ» 1843 г., г. Срезневскій называетъ слѣдующія неименованныя и неупомянутыя Ковалѣвскимъ сочиненія Сковороды (стр. 239—240):

- 20) О древнемъ зми, или Бивлги.

«Списокъ», по его словамъ, «сдѣланный священникомъ Ѳ. Залѣвскимъ, въ 1763 г. декабря 10, хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета».

- 21) Сладъ божественныхъ пѣсней.

Кромѣ опубликованныхъ въ изданіи «сочиненій Сковороды» 1860 года, по словамъ г. Срезневскаго — «между 26 и 27 пѣснями, помѣщена мелодія, Сагтеп, по-русски и по латиня, 1760 года. Въ списокѣ же профессора Е. М. Филомаѣвитаго еще прибавлены 29 и 30. Надъ 29 — 1788 годъ, сентября 17 ч., село Великіи Бурлуки».

- 22) Двѣ проповѣди: «Убуждешся, видѣша славу его» и «Да лобъ жеть мя».

- 23) Толкованія изъ Плутарха, о тишинѣ сердца.

А. Хиждуе, въ «Телескопѣ» 1835 г., XXVI ч., стр. 12—157, упоминаетъ неизданныя сочиненія Сковороды:

- 24) Книжечка о любви до своихъ, нарѣченная Ольга Православная.

(1) Хранилась Иннокентія.

(2) Хранится у Ѳ. Н. Глинки.

«По словамъ магистра Кіевской Духовной Академіи, Симеона Рудвиискаго», говоритъ Хиждеу, «это рецензія на другое сочиненіе самого Сквороды — Жена Лотова.»

25) Бесѣда ангельская оклеветъ дьявольской.

26) О внутреннемъ чловѣкѣ. Разговоръ І. Симфонія о народѣ. Гласъ II.

27) Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи.

Хиждеу прибавляетъ: «Такъ называется сочиненіе, которое есть роль *автобіографической записки*. Оно писано по желанію Архіепископа Георгія Конисскаго, въ видѣ письма къ нему изъ Бурука, отъ 1789 г., 5 мая.—Г. Срезневскій сомнѣвается въ вѣрности всѣхъ вообще показаній Хиждеу. Любопытно бы видѣть рѣшеніе этого вопроса въ пользу или не въ пользу г. Хиждеу. Мы не имѣемъ для этого пока данныхъ.

Кромѣ этихъ печатныхъ указаній на рукописныя сочиненія Сквороды, мы имѣли подъ рукою присланныя намъ отъ разныхъ лицъ списки сочиненій его, за которые здѣсь приносимъ искреннѣйшую признательность.

Отъ покойнаго преосвященнаго Пиннокентія, изъ Одессы, черезъ посредство профессора Зеленецкаго, намъ были присланы слѣдующія неизданныя рукописи сочиненій Сквороды, кромѣ приведенныхъ выше въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ, которыми мы и пользовались для настоящаго труда:

28) Маленькій свиточокъ, изъ Плутарха Херонскаго, о добротѣ и злобѣ.

29) Трагедо-комедія (Въ силлабическихъ стихахъ).

30) О богослуженіи на небѣ.

31) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ.

32) О первомъ состояніи чловѣка послѣ смерти

Отъ г. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ, кромѣ упомянутыхъ выше, въ числѣ печатныхъ и не печатныхъ сочиненій Сквороды, намъ присланъ былъ списокъ неизданнаго разсужденія Сквороды:

33) Сфинксъ, о древнемъ мудрецѣ Идиѣ.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ мы нашли *собственноручную неизданную рукопись Сквороды*:

34) Книжечка Плутархова о спокойствіи души. 40 страницъ, въ четвертку листа.

Въ «отчетѣ II. Публичной Библіотеки» за 1852 г., стр. 53, подъ рубрикою: Матеріалы для новой русской исторіи и для исторіи нашей словесности, — говорится объ этой рукописи: «Поступило изъ собранія г. Погодина подлинное разсужденіе философа Сквороды, о *Спокойствіи души*.

35) Черезъ посредство А. М. Лазаревскаго, мы получили отъ Н. М. Бѣловскаго, изъ Черниговской губерніи, слѣдующую замѣтку о неизданныхъ еще пѣсняхъ Сквороды:

«Найдены въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, при *Запискахъ моего дѣда*, хорунжаго нѣжинской полковой артиллеріи, Василя Осиповича Бѣлозерскаго, веденныхъ съ 1772 по 1812 годъ, въ г. Боранѣ, Черниговской губерніи, переписанныя рукою моего дѣда, почеркомъ конца XVIII столѣтія, списокъ *пѣсни Сквороды*; Ахъ, ушли мои дѣта, якъ вѣтры съ круга свѣта. — Ажъ тутъ и смерть за мною, страшная собою. — Лютъ, вѣтрски рыкаетъ, въ путь скоро понуждаетъ. А шо жъ то за дорога? То жъ на той свѣтъ до Бога. Съ чимъ же я тамъ явлюся и чимъ Богу поклонюся? Но дарма порицаю, на смерть вину складаю. Моя жъ то воля злая; жила дѣта драгая. Сотнѣ дѣтъ заклала, о смерти же не гадала. Якъ же по той дорожѣ, пройти душѣ моей небожѣ? О Тронце преблагая, прости дѣла моя злая! и Стану добро творити, за дѣла моя злая слезити.»

36) Наконецъ, А. Л. Метлинскій писалъ намъ въ 1856 г., изъ Харькова, слѣдующее: «Я пересмотрѣлъ рукописи Библиотеки Харьковскаго Университета. Ни по реестру, ни на дѣлѣ, болѣе двухъ не оказалось: обѣ съ надписью: *Сочиненія Сквороды, собранныя протоіереемъ Федоромъ Зальскимъ, 1763 года, декабря 10.* Первая заключаетъ въ себѣ: «*Письмо — басня, Пустынникъ и его другъ*»; вторая: «*Борьба и пръ о томъ — трудно быть злымъ, легко быть благимъ*». Это все статьи мистическаго содержанія, писанныя прозою и стихами. Какъ мы знаемъ, «Борьба» напечатана въ 1860 году.

III.

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕЧАТНЫХЪ СТАТЕЙ О СКВОРОДѢ.

Печатныя статьи о Сквородѣ разбросаны въ разныхъ журналахъ и сборникахъ. Вотъ ихъ полный перечень, въ хронологическомъ порядкѣ:

1) «Слонскій Вѣстникъ», на 1806 г., изд. Феопемптомъ Мисайловымъ, ч. III, августъ, С.П.бургъ, стр. 156—179, статьи: «*Пачальная дверь ко христіанскому добронравію*», твореніе Г. Сквороды, съ нѣсколькими строками о жизни послѣдняго. Этотъ рѣдкій журналъ издавался въ 1806 году. На III части тогда же онъ прекратился, и сталъ снова выходить въ 1817 и 1818 годахъ. Въ послѣднемъ, на VIII части, прекратился, и болѣе уже не выходилъ.

2) «Украинскій Вѣстникъ» 1817 года, изд. Е. Филомаентскимъ и Р. Гонорскимъ, Харьковъ, апрѣль, ч. VI, въ смѣси, стр. 106—131, статья: «*Скворода Украинскій философъ*», за подписью: Густавъ Гесседе-Кальве и Нв. Вернетъ, съ присоединеніемъ двухъ писемъ Сквороды къ купцу Е. Е. Урюпину.

3) «Отечественныя Записки» 1823 года, изд. Павломъ Свиньинъ, С. Петербургъ, ч. XVI, № 42 и 43, стр. 96—106 и 249—263,

статья: «Украинскій философъ, Григорій Савичъ Скворода» за подписью *И. Сн.*, т. е. Ив. М. Снегиревъ. Въ выноскѣ сказано, что статья эта писана на основаніи вышеприведенной статьи «Украинскаго Вѣстника» и рукописной біографіи Сквороды, составленной его другомъ М. И. К—скимъ, т. е. М. И. Ковалѣвскимъ, о чемъ мы скажемъ ниже.

4) «Bulletin du Nord, journal scientifique et litteraire, publié à Moscou par G. le Comte de Laveau» въ 1828 году, въ смѣси, тетрадь 10 и 11, стр. 149—156 и 270—275, томъ 3, сентябрь, статья Снегирева, въ переводѣ: *Gregoire Savitsch Skovoroda, philosophe de l'Ukraine*, съ примѣчаніемъ: «Trad. par Mr. M.^o du russe de Mr. Sneguirow». (Вѣроятно *Hippolyte Musclet*, участвовавшій здѣсь).

5) «Телескопъ», журналъ современнаго просвѣщенія, изд. Н. Надеждинымъ, Москва, 1831 года, ч. VI, стр. 578—582, статья: «Три пѣсни Сквороды», съ примѣчаніемъ: сообщено отъ А. Хиждеу. Самыя пѣсни слѣдующія: «Ой ты птичко желтобока» — «Ой, поля, поля зелены» и «Всякому городу свой нравъ и права».

6) «Ученыя записки И. Москов. Университета» 1833 г., ч. I, смѣсь, въ статьѣ Снегирева: «О старинномъ рускомъ переводѣ Тита Ливіа», на стр. 695, нѣсколько строкъ о Сквородѣ, приводимыхъ нами цѣликомъ въ своемъ мѣстѣ.

7) «Утреннія Звѣзды», собраніе статей въ стихахъ и прозѣ, Харьковъ, 1834 года, книжка I, стр. 67—92, статья: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сквородѣ», за подписью: *И. С.р.з.к.*, т. е. И. И. Срезневскій. Здѣсь приложенъ литографованный портретъ Сквороды и два варіянта пѣсни его: «Всякому городу нравъ и права». Къ статьѣ присоединено примѣчаніе Коптен. Подъ статьею помѣтка: «Варваровка, на Днѣпрѣ, 1833 г., фев. 11.»

8) «Телескопъ» 1835 г., ч. XXVI, № 5 и 6, стр. 3—42 и 151—178, статья: «Григорій Варшава Скворода, историко-критическій очеркъ», отрывокъ первый: «Общее основное понятіе о Сквородѣ, объясненное изъ его собственнаго сознанія» — съ выноскою, что эта статья извлечена изъ рукописи: *Gregor Skoworoda's Lebenswandel und Wirkungskreis, oder historisch—kritik Würdigung seiner Schriften, als Beitrag zu einer Geschichte der slavischen Volksweisheit, in Briefen an Joh. Jos. Görges, Professor an der Universität zu München* — безъ подписи. Статью эту г. Срезневскій, въ «Молодикѣ» 1843 г., порицая за нѣкоторыя неточности, приписываетъ А. Хиждеу. Къ статьѣ приложены примѣчанія: «Сквородинскій Идиотиконъ».

9) «Московскій Наблюдатель», журналъ энциклопедическій, 1836 года, Москва, ч. VI, стр. 205—238, 435—468 и 721—736, повѣсть: «Майоръ, майоръ!», за подписью: Срезневскій. Это разсказъ объ одномъ событіи изъ жизни Сквороды, съ отрывками его изрѣченій и кантовъ.

10) «Картинны Свѣта», энциклопедическій живописный альманахъ, на 1836 годъ, съ политипажными рисунками, Москва, изданіе А. Вельмана, листъ 24, статья безъ подписи: «Григорій Савичъ Скворода», стр.

373—380. Въ заголовкѣ статьи приложенъ портретъ Сквороды, копія помѣщеннаго при «Утренней Звѣздѣ». Самая статья есть перепечатка, въ сокращеніи, статьи Снегирева.

11) «Исторія русской философіи», симбирской семинаріи ректора, Архимандрита Гавріила, Казань, 1840 года, ч. VI, стр. 53—70, § 134, статья: «Григорій Савичъ Скворода». Это сокращеніе статьи Снегирева и статьи Хиждеу о характерѣ ученія Сквороды, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ изъ рукописи Ковалѣвскаго, которою авторъ, очевидно, пользовался. Отсюда перепечатана въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, XXX ч., отд. VI, стр. 11—14, въ обзорѣнн журналовъ, такъ какъ книга А. Гавріила появилась сперва въ «Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета».

12) «Москвитянинъ» 1842 года, ч. I, стр. 117—119, въ матеріалахъ, статья: «Преддверіе Григорія Савича Сквороды», съ подписью: доставлено г. Срезневскимъ.

13) «Молодикъ», украинскій литературный сборникъ, изд. П. Бецкимъ, 1843 г., Харьковъ, стр. 229—244, двѣ статьи: «Письмо къ издателю» Василия Каразина и «Выписки изъ писемъ Гр. Сав. Сквороды» И. П. Срезневскаго. Къ книгѣ «Молодика» приложенъ, подъ № 18, на 7 листѣ приложений, литографическій снимокъ автографа Сквороды, именно строки: «Валл! о, небесный адъ! всь тебѣ адъ, всьмъ ты адъ!» «Старички Гри. Скворода.»

14) Иллюстрація 1847 года. Здѣсь въ IV т., на стр. 24, съ подписью: Григорій Савичъ Скворода, помѣщенъ довольно дурной снимокъ портрета Сквороды, помѣщеннаго въ «Утренней Звѣздѣ» и въ «Картинахъ Свѣта», несхожіи съ подлинникомъ, въ другой позѣ и съ добавленіемъ книги въ рукахъ Сквороды. Любопытно, что въ оглавленіи содержанія Иллюстраціи, за 1847 г., IV тома, подъ «Биографическими очерками нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей» стоитъ строка: Григорій Сав. Сквороды—стр. 30—я», но этой біографіи ни здѣсь, ни при портретѣ не помѣщено.

15) «Москвитянинъ» 1849 г., ч. XXIV, стр. 68, III отд., нѣсколько строкъ, подъ именемъ: «Анекдотъ о Г. С. Сквородѣ. Свиданіе Сквороды съ Епископомъ Тихономъ III, въ Острожжѣ.» Подпись: «Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа.»

16) «Кіевскія Губернскія Вѣдомости» 1855 г., въ неофн. части (№ 42, 43 и 44, за октябрь), статья: «Григорій Савичъ Скворода» съ подписью: В. Аскоченскій и съ примѣчаніемъ: «Изъ втораго тома—Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академію.» По другому примѣчанію и по выпискамъ автора видно, что любопытная статья его, по примѣру г. Снегирева, составлена по рукописи Ковалѣвскаго; но къ-сожалѣнію, г. Аскоченскій вовсе упустилъ изъ виду другіе, печатные источники о Сквородѣ. Въ выноскѣ онъ прибавляетъ: «Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Полюдину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Им-

ператорской Публичной Библіотекъ.» Рукописи этой г. Погодинъ не передавалъ въ Публичную Библіотеку и мы ее тамъ не нашли.

17) Коротенькое «Свѣдѣніе о Сквородѣ» на двухъ страничкахъ, безъ ссылокъ и указаній источниковъ, при книгѣ: «Сочиненія Сквороды», 1860 года.

18) Полемическій отвѣтъ *Н. И. Костомарова*, (по поводу статьи о Сквородѣ Вс. Крестовскаго въ «Русскомъ Словѣ») — въ Основѣ, 1861 года.

19) *Отвѣтъ на рецензію* Вс. Крестовскаго — въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г., декабря 12.

20) «Замѣтки о Сквородѣ» въ «Воронежскомъ литературномъ сборникѣ» выпускъ I, Н. Гарденина и Н. Малыхина, 1861 г. «Григорій Савичъ Скворода», стр. 249—264, за подписью: А. К. Источникомъ имъ служили, повидимому, только печатныя свѣдѣнія о Сквородѣ.

ОРЕСТЪ ХАЛЯВСКІЙ.

ЗАМѢТКИ

О НАШЕЙ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Печатаю свои «Замѣтки», я не придаю имъ значенія систематическаго труда, вполне обнимающаго какую-нибудь сторону народной жизни. Это, просто, плодъ моихъ трехлѣтнихъ наблюдений надъ жизнью свободныхъ южнорусскихъ поселенцевъ, казаковъ и казенныхъ крестьянъ, съ которыми я имѣлъ случай довольно близко сходиться. Факты, помѣченные мною, конечно, могутъ и не встрѣчаться на всемъ пространствѣ края, заселеннаго южнорусскимъ народомъ; но я могу поручиться за полную достовѣрность ихъ относительно мѣста моихъ наблюдений и, въ общихъ чертахъ, относительно уѣздовъ Черниговской губернии, лежащихъ по лѣвой сторонѣ Десны. «Замѣтки» мои имѣютъ значеніе *materiala*, для изученія южнорусской народной жизни,—не больше. Мнѣ кажется, что безъ обнаруженія подобныхъ матеріаловъ, совершенно вѣрныхъ относительно извѣстной мѣстности, полное изученіе народной жизни невозможно.

I.

Начало марта.

Начинаю свои «Замѣтки» съ марта мѣсяца, потому что, по моему мнѣнію, для насъ, селянъ, начало весны—начало новаго года. Правда, мы празднуемъ и гражданскій, оффиціальнѣйшій, новѣйшій годъ 1 января, поздравляемъ другъ-друга, говоримъ: *зъ новимъ годомъ, зъ новимъ щастемъ*, чествуемъ его нѣкоторыми стародавними обрядами; но, въ сущности, съ 1-го января для насъ не начинается ничего новаго и этотъ день не можетъ служить эрою для начала года, въ нашей сельской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, отпраздновавши *різдвяні святкі*, мы продолжаемъ прежнія свои зимнія занятія: домолачиваемъ *хлѣбъ святій*, вывозимъ къ дому дѣся для построекъ, для топлива, для

горѡжи, становимся нідз хуру, кто охочій, т. е. извозинчаемъ, но прихѣру нашихъ бородастыхъ сосѣдей, — словомъ, дѣлаемъ то, что начали дѣлать съ окончанія полевыхъ осеннихъ работъ и начала зимы. Что же тутъ новаго? мы только старое кончаемъ.

Другое дѣло, какъ подуетъ вѣтеръ съ юга и, съ помощью вновь ожившаго солнышка, а иногда и дождя съ туманомъ, сгонитъ снѣгъ съ полей; какъ растають и разольются наши рѣчки и болота; какъ на мертвениномъ, сѣромъ фонѣ полей начнется пробиваться кой-гдѣ зелено-желтая травка. Это—весна уже началась, а съ нею рядъ новыхъ заботъ и нуждъ, о которыхъ мы позабыли съ окончаніемъ осени, т. е. послѣднихъ полевыхъ работъ, о которыхъ мы не думали цѣлую зиму и цѣль которыхъ снабдить насъ на весь годъ хлѣбомъ, а, при посредствѣ его, всѣмъ нужнымъ для насъ;—это для насъ, не шутя, не по-формѣ только, новый годъ начинается. Какова бы ни была зима, если у насъ есть *въ клѣні и въ стѣзі*, мы не пропадемъ съ голоду: хороша зима—мы *хурованнемъ* что-нибудь добавимъ къ хлѣбу святому и къ нашимъ домашнимъ достаткамъ, коли есть охота да *худібчина* (скоть) *добра*; худая—мы пролежимъ на печкѣ все свободное время, обойдемся и тѣмъ, что призанасено въ хозяйствѣ, и все-таки будемъ сыты. Не то дѣло весна и лѣто. Не удайся намъ огородиться, оборотаться, обѣдиться, обжаться во-время, накажи насъ Богъ непогодю, холодомъ, градомъ, засухой, *мочёю*, или другимъ какимъ-нибудь *ліхомъ*—и мы сядемъ, какъ ракъ на мели, на цѣлый годъ; самая пустая хозяйственная неудача отзовется намъ на цѣлый годъ, и только будущая весна принесетъ надежду исправить ее. Все это хорошо знаемъ мы *селяне-хліборѡби* и считаемъ свой новый годъ не съ января, а съ марта, хоть и не поздравляемъ съ нимъ другъ-друга и не дѣлаемъ по этому поводу другъ-другу визитовъ.

Затѡ съ этого времени намъ начинаютъ дѣлать визиты, довольно частые и не совсѣмъ пріятные визиты, которыхъ мы не отличаемъ, но при которыхъ, волею-неволею платимъ. Съ 1-го марта начинаютъ навѣщать насъ сборщикъ податей съ писаремъ и, прикомандировавъ къ себѣ мѣстнаго сельскаго старосту, десятикаго, а иногда, для пущей важности и соцкаго, начинаютъ *вправити подѣшине* за первую половину текущаго года. Невелико это *подѣшине* (*), а не легко от-

(*) За голъ рублей до 3-хъ на ревизскую душу, съ поземельными и страхо-вою преміей. Въ первой половинѣ года взыскивается 2 руб., остальные въ дру-гой. Я говорю собственно о козакахъ, а не о казенныхъ крестьянахъ.

давать его для большей части поселян наших! Конечно, человѣку мало-мальски *забѣжи́ему*, имѣющему хоть немного своей земли, своихъ воловъ и коней, *отбѣтъ подѣише* ничего не значить; у него и хлѣба отъ кормовъ останется, и овечку, или телку какую онъ, можетъ быть, продать осенью, и въ городъ могъ онъ отвезти что-нибудь на продажу, имѣя своихъ лошадокъ,—словомъ, ему только и труда, что вынуть деньги изъ *скрини* и отнести сборщику. Не то совѣтъ—заплатить *подѣише* человѣку бѣдному, свиномъ и женщинымъ, а иногда и дѣтскими руками, зарабатывающему себѣ насущный. Хлѣба у него, заработаннаго за лѣто и зиму, столько, что дай Богъ, лишь бы хватило до новаго, да и то съ трудомъ; въ хозяйствѣ у него (да и то не у всякаго) свинья какая-нибудь, которой *звѣсти* никакъ нельзя, не рискуя встрѣчать всѣ будущіе великіе праздники безъ *ковбаси* и куска сала; двѣ-три овечки, на которыхъ и на ихъ будущее потомство бѣднякъ смотритъ какъ на средство—не ходить въ трескучіе морозы въ изорванной свиткѣ; телка или коровка, съ надеждою на теленка и, слѣдовательно, на будущій кормъ и единственное лакомство для *дѣтворі*. Если и была у него съ осени овечка или свинья или телка, которую можно было продать, то она уже продана и вырученныя деньги пошли или на то же *подѣише* за прошлый годъ, или на какую-нибудь *одѣжину*, на соль, на кварту *горілки*, наконецъ, къ празднику.

Вѣдь и бѣдняку безземельному хочется походить на человѣка; не хочется вѣчно щеголять въ изорванной, заплатанной свиткѣ, хочется *пошановѣть* праздникомъ родича, кума, или, просто, добраго соседа и кускомъ мяса и чаркой водки.

Да и кто рѣшится оспаривать у него такое жалкое право, кто рѣшится укрепить его за то, что ему жаль *звѣсти* на подать последнюю *худібчину*, жаль лишить себя куска мяса въ праздникъ, а дѣтей своихъ ложки молока.

А деньги нужны: сельскія власти налагаютъ сильно, выесть грозятъ. Еще бы по сборщику ничего: сборщикъ—свой братъ *хліборобъ*, а не чиновникъ; человѣкъ, съ котораго онъ *правитъ подѣише*, ему братъ и товарищъ; быть и нужды ихъ одинаковы, хорошо знаетъ онъ причины, по которымъ иногда не можетъ заплатить бѣднякъ подушного, при всемъ своемъ желаніи,—а главное, онъ знаетъ, что черезъ годъ самъ сдѣлается простымъ хліборобомъ и теперешній подчиненный легко можетъ сдѣлаться его начальникомъ. Поэтому—то онъ и синеходителемъ и не кричитъ и не ругается. Другое совѣтъ дѣло—шварь. Въ раннемъ

дѣтствѣ вырванъ онъ изъ сельской среды и пересаженъ въ школу при волостномъ правленіи. Тамъ его одѣли по формѣ, учить грамотѣ и постоянно указываютъ на прекрасную будущность: «учись, учись хорошенько» говорятъ ему: «не будешь учиться—на село воротимъ, будешь опять мужикомъ, воловъ погонять будешь, или свиней пасть, въ свѣткѣ порванной и лаптяхъ будешь ходить, всякій будетъ помыкать тобою, бить тебя будетъ; а выучишься—самъ паномъ будешь—писаремъ; не тебя, а ты другихъ будешь драть за чубъ: писарь—великое дѣло!» Мальчикъ и самъ видитъ, что писарь, дѣйствительно, великое дѣло, что помыкаетъ онъ изъ бѣдными хлѣборобами сколько душъ его угодно, что обираетъ онъ ихъ самымъ немилосерднымъ образомъ, что пользуется онъ черезъ это всеми удобствами жизни: и одѣтъ чисто, почти *по-паньски*, пѣтъ *смѣчно*, и чаекъ попиваетъ, а ужъ о водкѣ и говорить нечего—пей сколько вынесетъ голова, да еще даромъ! И некому указать ему все безобразіе подобнаго счастья, некому объяснить, что бѣдный кусокъ хлѣба, честно зарабатываемый послѣднимъ наймитомъ, лучше удобствъ жизни, добываемыхъ не только волостнымъ писаремъ, но иногда и окружнымъ начальникомъ, на поприсѣ служенія отечеству. И вотъ, мальчикъ выучился, добился давножеланнаго мѣста писаря и смотритъ на народъ, изъ среды котораго вышелъ, какъ на что-то стоящее неизмѣримо ниже его. Не знаетъ онъ, да и знать не хочетъ, быта и нужды этого народа; онъ хлопочетъ только, чтобы народъ этотъ понималъ разстояніе, существующее между ними, чтобы чествовалъ его сниманьемъ шапки и угощеніемъ разными яствами и питіями, а самое главное, чтобы свято исполнялъ свои обязанности передъ начальствомъ. И вотъ почему, на просьбу какого-нибудь бѣдняка подождать подушного недѣльки двѣ, онъ, только-что вытянувшій около полукварты водки, съ спокойной совѣстью кричитъ: «лентяга поганій! по шикахъ, мабуть, день и ночь седишь, послѣднє пропиваешъ, а нема заробитъ на подушне!»

«Та, пожадуйте, господѣ писарь», чуть не плачетъ бѣднякъ: «де жъ его въ Бога заробитъ? Що замолотить, те й имо, а на другій якій роботі нигде стать; хибѣ разивъ зо три за всю зиму хто рубать лєу покличе, та й то на толоку,—а хочъ и не на толоку, дакъ за три рѣзи—три гривенникъ... И солі жъ треба...»

«Ось, якъ засинлемо тобі гарячихъ, будешъ ти знать сіль!» кричитъ писарь; «ось нехай не буде грошей після-завтрѣго—знатимешъ ти сіль! Иди къ бієу!»

Уходитъ одинъ бѣднякъ, а писарь принимается за другого. И не совѣтъ виновать писарь, а тѣмъ—болѣе страдательно потакающій ему сборщикъ: и надъ ними есть власть...

Помель бѣднякъ, разсуждаетъ, кѣмъ-бы раздобыть эти несчастные два рубля. И хорошо еще, если два, хорошо, если ему, безземельному горемыкѣ, приходится оплачивать только свою работающую душу, если не сидятъ еще у него на шеѣ двѣ—три ревизскихъ души, или умершихъ, или лежащихъ въ люлькѣ, или бѣгающихъ по улицѣ въ одиѣхъ сорочкахъ. А вѣдь послѣднее встрѣчается несравненно чаще, чѣмъ первое. И поневоля согрѣшить бѣднякъ: «Господи!» подумаетъ; »и нащо я такой несчастный уродился! Онъ, Петро Помелѣнко: землі въ ёго днѣвъ по двадцать въ рѣку, сінокосівъ, зісівъ,—коней зъ двадцатеро— а платитъ за одну душу. У мене хатина тільки, та городця шматокъ, та бѣтьківеска півка не—знать—які—платі за трехъ! И нащо мнѣ Богъ дітей тихъ пославъ, або чомъ не приборавъ їхъ до ревизіі!« А деньги все—таки чужны,—ропотъ не даетъ денегъ. Занять нужно,— иначе не вывернешся. И идетъ бѣднякъ занимать; начинается съ бѣднѣйшихъ, почти съ своего брата—безземельца; знаетъ онъ, что бѣднѣйшіи больше самъ нужду тернить, слѣдственно и чужой нуждѣ больше будетъ сочувствовать; выпрашиваетъ два рубля, или сколько тамъ нужно, почти плача, срокомъ до *Миколи* или, тамъ до *Святої недѣлі*, предлагаетъ, вмѣсто процентовъ, свой трудъ на нѣсколько дней, въ самое горячее время, когда *городить* начнутъ. И счастливъ, когда достанетъ... только рѣдко удается такое счастье: не одинъ онъ путешествуетъ по хатамъ: такихъ путешественниковъ чуть не четвертая часть села собралась, а трудомъ добытая ничтожная копѣйка трудно вышускается изъ *скрині* или кожаного *гаманця*, хоть бы и за проценты.

»А що, спінку, (або чоловіче), досінавъ де грошинять?« спрашиваютъ въ семьѣ воротившагося домой бѣдняка.

— »Досінаешъ!.. такѣ теперъ и стало!«

И начинается бѣднякъ самый подробный разсказъ о своихъ странствіяхъ по хатамъ, о своихъ просьбахъ и предложеніяхъ, о поводахъ къ отказу. Грустно выслушиваетъ его семья.

»Оце, лихіа годішочка! Щожъ теперъ мѣмъ робити?«

»А що робити? звісно, білынь нічого, якъ до богатирівъ треба ківутьця... Нічого не вдієшь!«

»До котрого жъ ти? До Пархоменка, чи до Чубія, чи може...

«Да вже тамъ до котрôго—небудь... хибá не одинаковi чортi?»

Замолкаетъ бесѣда, и каждый еще грустище принимается за свое обыденное дѣло: хорошо они знаютъ, что такое *багатирь*.

Въ 1-й книжкѣ *Основы* 1861 г., слово *багатирь* переведено: *богатый, богачь*. Переводъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ, т. е. лучше сказать, онъ не передаетъ и не исчерпываетъ всего, что мы, селяне, привыкли соединять съ понятiемъ о богатырѣ. Богатаго челоуька мы такъ и называемъ *баитимъ*, иногда *ламоэжимъ, хазйно.мъ на всю цюбу*, и т. д. *Багатирь* у насъ не то: это, дѣйствительно, челоуькъ богатый на все и преимущественно на наличныя деньги; но, кромѣ того, это челоуькъ, который спитъ и видитъ, какъ бы увеличить свое богатство всѣми законными и незаконными способами, который готовъ послѣднее потянуть съ бѣдняка, оставить его на всю жизнь безъ куска хлѣба, лишь бы хоть копѣику лишнюю положить въ свою *скриню*. Багатирь всегда ростовщикъ, у него всегда есть запасная копѣйка для займа ближнему; но и родному отцу не дастъ въ займы онъ и гроша безъ страшныхъ процентовъ, которые не уступитъ, а иногда, пожалуй и превзойдутъ, такъ называемые жидовскiе, безъ различныхъ обременительныхъ условiй, отдающихъ заимателя въ полную, почти не прекращающуюся, кабалу заемщику. Не живя въ селахъ, трудно вообразить, какимъ тяжелымъ, неотразимымъ гнетомъ лежитъ этотъ немногочисленный классъ селянъ надъ безземельными и малоземельными бѣдняками; трудно представить, какiя пелѣныя отношенiя устанавливаются между первыми и послѣдними, отношенiя паноминующiя, а иногда могущiя и перещеголять, покойную власть помѣщиковъ (конечно не по праву, а на дѣлѣ). И грустище всего, что этотъ гнетъ, эта власть не возбуждаютъ общаго протеста, общаго негодования! Напротивъ: багатири имѣютъ огромный вѣсъ въ обществѣ, гдѣ живутъ, пользуются неотразимымъ влiянiемъ на все его дѣла. Великiй, болѣе или менѣе честный челоуькъ (а такiе составляютъ огромное большинство сельскаго населенiя) въ душѣ своей осудитъ багатира, назоветъ его грѣшнымъ, безбожнымъ челоуькомъ, но всякiй, понимая силу денегъ, преклонится и уступитъ ему, хоть бы и нужды никакой не было ни въ немъ, ни въ его деньгахъ.

Во время сбора подушнаго самая обильная жатва для багатири, самая удобная пора, для вершенiя его незаконныхъ дѣлишекъ. Въ это время у него *хата не зачитаетця*; всакому деньга нужны, всякiя, значить, и условiя предлагать можно:—позевольтъ примуть.

Вотъ является къ нему одинъ: видъ понурый,—совестно бѣдняку и посмотрѣть прямо; знаетъ онъ, что еще на улицѣ догадались, зачѣмъ и куда онъ идетъ, знаетъ, что и въ хатѣ объ этомъ догадались. Тихо, сквозь зубы, ворчатъ онъ обычное: »добридень« и »бўдте здорові з сїодплинимъ днємъ«. »Спасїбі«, отвѣчаетъ равнодушно багатирь—хазяинъ и преспокойно предлагаетъ гостю сѣсть, какъ—будто и не догадывается, что гость совѣтъ не для бесѣды пришоль.

»Га садї Богъ все добре« отвѣчаетъ гость; »ми й постїома«. Молчанїе.

»Я до вѣшої милости, дїду, пришївѣ...

»Скажешъ.«

»Чи не бўде вѣшої лѣски,—грїшми зарятїйте на подїшнє«.

И бѣднякъ низко—пренизко кланяется сидящему предъ нимъ багатырю. Тотъ морщится.

»Дѣ въ мѣне тїї грїші набрались?

»Де—таки у васъ грїшей нема,—хай вамъ Богъ спорїть! Здїайте бїжеську милость, зарятїйте.«

И оная нѣсколько низкихъ поклоновъ:

»А багѣто тобї?«

»Га два карбїванці. Я бѣ вѣшої милостї обѣ Миколї я отдавѣ. Помывѣв крїть у Евтушенка клїню, такъ зароблїю.«

»Не знаю, що її робїть зъ тобою... Нема грїшей такїхъ зайвихъ«.

»Здїайте милость! Нѣсколько поклоновъ. Я дїрно й несхїчу; який тамъ процентъ полїжите...«

»Не знаю, ей—Богу! Хибѣ отъ—якъ: дамъ я тобї два карбїванці, а ти мнї за нихъ клїню покрїнешъ старїю, та на коморї грѣбїнь вїложишь, та сїни полатїешъ:—познїсло вїтромъ солїму, дакъ тїчє. Оттѣкъ, колї хочешъ«.

»Дежъ—таки, дїдїсю, такъ же дїже обїдно бўде на мѣне. Я жѣ у Евтушенка за однїю клїню, ще й мѣнша дѣ вѣшої, взлївѣ чотїрї карбїванці.«

»Чомъ же се тобї Евтушенко грїшей не дасть?«

»Чому бѣ не давъ, якъ онъ булї? обѣ Миколї продасть кобїлу дакъ и дасть, а теперѣ нема«.

«То—то жѣ и те, що нема«.

»Дакъ бўдте ласкаві! Я вамъ лїчше такъ чого поможї днївѣ три робїть за процентъ—косїть тамъ, чи сїно кїдѣть«.

»Ні, не буде такъ. Такъ, коли хочешъ, якъ я кажú, можно:— послідні отдамъ.

И долго длятся подобныя переговоры. Приводить разные резоны бѣднякъ, кланяется чуть не до земли, упрашиваетъ, разжалобить старається. Но не урезонишь и не разжалобишь ничѣмъ черстваго дѣда, тѣмъ больше, что онъ хорошо знаетъ, чѣмъ это кончится: кончится тѣмъ, что бѣднякъ, волей-неволей, приметъ все его условія, лишь бы опять не подвергнуться угрозамъ писаря, или даже осуществленію этихъ угрозъ, — чего добраго.

Такъ оно и кончается обыкновенно. Правда, иногда бѣдняка взрываетъ наглость и безсовѣстность подобныхъ предложеній и, подъ вліяніемъ минутнаго чувства, онъ уходитъ отъ багатыря. Но тѣмъ хуже ему: воротится онъ опять въ ту же хату, только кланяться и упижаться нужно будетъ еще больше, только больше кобенеться станемъ багатырь и, пожалуй, выругаетъ еще, зачѣмъ надѣдаетъ, а не то, къ крытью клуни еще день, или два косовицы, прибавитъ. А что дѣлать? Деньги нужны—и согласиться на все нужно. И выйдетъ, что багатырь сдеретъ съ бѣдняка сто на сто въ—продолженіи какихъ-нибудь двухъ недѣль, потому только, что у перваго есть запасныя два рубля, а у послѣдняго—нѣтъ.—

Приходитъ другой горемыка: — съ тѣмъ та же исторія, — только на другой ладъ: »Добре, я дамъ тобі чотіри карбóванци заразъ, тільки ти стань оратъ у мене на все лѣто, та коли тамъ покличу колієць помогти робити.» Послѣ долгаго пренія бѣднякъ, конечно, соглашается. А нанять ратаю на все лѣто стоитъ у насъ 6 р. и, сверхъ-того, хозяинъ обязанъ посѣять, въ пользу ратая, на своей землѣ, двѣ мѣрки (около 3-хъ пудовъ) жита (ржи) или овса, — что все составитъ не меньше 10 р. ср. Выраженіе же: »коли тамъ колієць робити можешъ» значитъ, что до конца оранки, т. е. почти до начала Октября, будешь ты дѣлать колеса въ моей повѣткѣ, во все свободное время отъ оранки и жнивовъ, и за это, пожалуй, я сдѣлаю еще тебѣ милость: позволю тебѣ, безъ уговора, выорать моими волами твою шивку или огородъ. И такъ, образомъ, бѣдняку придется заплатить за заемъ болѣе ста процентовъ, хоть и не въ такой короткій срокъ, но здѣсь, какъ рассказано выше, грозятъ ему еще кое-что худшее, нежели плата большихъ процентовъ. *Критическ*ь покрьль крышу, рассчитался съ долгомъ, да и свободень на все лѣто. Можетъ быть еще гдѣ-нибудь ему придется найти работу до жнивовъ, а не то — колесо

сдѣлаетъ, новозачонку какую-нибудь—и раздобудетъ кофѣйку и на соль, и на осеннія подати. Не то ратаю: онъ закабалитъ себя почти на всю весну, лѣто и часть осени; кромѣ живнѣ, ему, для себя собственнo, нѣтъ и двухъ недѣль свободнаго времени. А тамъ—осень придетъ, а съ нею и требованіе податей, а взять опять негдѣ. И опять, волей-неволей нужно *лізти въ вічі багатирѣ*, а тотъ, ужъ конечно, не упуститъ случая не только поставить его орать на будущую весну, но поставить еще и молотить на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. И выйдетъ, что за восемь, много—десять рублей, бѣднякъ закабалитъ себя почти на весь годъ въ работу, безъ твердой надежды освободиться отъ этой кабалы и на будущій годъ. Въ самомъ дѣлѣ, только какой-нибудь счастливый случай, или продажа послѣдней нивки, или огорода могутъ освободить бѣдняка отъ этой добровольно накиннутой на себя барщины.

Но тяжелѣе всего приходится тѣмъ бѣднякамъ, которые не могутъ предложить въ уплату процентовъ свой потовой трудъ, потому-что багатырь этого не хочетъ. Такіе поневолѣ должны занимать деньги подъ закладъ земли. А заемъ этотъ производится обыкновенно на такихъ условіяхъ: за десятину пахатнаго поля, или за сѣнокосъ косаря въ четыре, багатырь никакъ не даетъ больше пяти руб. ср., да и то еще если земля хорошая, и до уплаты денегъ пользуется правомъ пахать землю и косить сѣнокосъ въ свою пользу. Десятина средственной земли даетъ ржи копь 7 или копь 10, овса. Отдавая эту землю пахать съ копы, можно получить безъ всякаго труда двѣ копы ржи, или $2\frac{1}{2}$ копы овса. Копы ржи не купишь у насъ менѣе 1 р. 75 к., копы овса менѣе 80 к.; всего, значить, за два года не менѣе 5 р. 50 к. Присчитавшіи третій годъ, когда земля лежитъ подъ паромъ, найдемъ средній годовой доходъ съ десятины: 1 р. 83 к. Здѣсь я бралъ самый посредственный урожай и самую посредственную цѣну. Но и этотъ посредственный годовой доходъ составитъ болѣе 36 процентовъ съ 5 рублей. Возьмемъ теперь сѣнокосъ: четыре косаря накосятъ не менѣе 20 копенъ сѣна. Отдавая такой сѣнокосъ, по принятому у насъ обыкновенію, косить съ половины, получимъ 10 копенъ безъ всякаго труда; цѣна коппы не менѣе 23 к.,—и того—2 р. 50 к. годового дохода, т. е. 50 процентовъ съ 5 рублей. Не въ этомъ, однакожъ, главная тяжесть займовъ подобнаго рода: Дѣло въ томъ, что заложенную землю весьма трудно воротить назадъ. Заложивши землю, бѣднякъ лишается того хлѣба, который получалъ об-

рабывать ее и который шилъ на прокормленіе семьи, или на выручку кофѣйки, нужной въ хозяйствѣ. Слѣдовательно, для недостающаго надо заработать, да къ тому же еще надобно заработать и занятя деньги и деньги на *подушине* къ осени. А колп, у насъ, на мѣстѣ, трудно на одно *подушине* заработать, то, конечно, почти невозможно заработать количество втрое большее. А между тѣмъ, багатырь употребляетъ все зависящія отъ него средства, все свое вліяніе, чтобы заставить бѣдняка уступить ему заложенную землю *въ вѣчность*, потому что на землю и у насъ стало довольно скупо, и у насъ она значительно цѣнится. Конечно, багатырь настоящей цѣны не даетъ, онъ сдѣлаетъ только весьма незначительную прибавку къ занятой у него суммѣ: но все-таки, въ большей части случаевъ, желаніе его исполняется. Заработать сумму, нужную для выкупа земли, какъ мы видѣли, трудно, почти невозможно; продать землю въ другія руки, за настоящую цѣну, или занять денегъ для выкупа, на условіяхъ менѣе тяжкихъ, тоже невозможно, потому что на это никто въ своемъ селѣ не согласится, какъ бы ни нужна была ему земля, какъ бы ни было сильно у него желаніе помочь ближнему. Не согласится потому, что это значить—*отбивать хлѣбъ у багатиря* и, слѣдовательно, сдѣлать его смертельнымъ врагомъ себѣ, а на это трудно рѣшиться, зная, какъ велико значеніе и вліяніе его на все сельскія дѣла. Дѣлать же какія нибудь сдѣлки на-сторонѣ, въ другомъ селѣ, мы, сеяне, особенно бѣднѣйшіе изъ насъ, рѣшительно не привыкли.

Вотъ слабый очеркъ того, чрезъ какія вытарства приходится пройти, при отдачѣ подушнаго, человѣку безземельному и вообще неимѣющему своего хозяйства, а добывающаго себѣ и семьѣ насущный хлѣбъ собственными руками (*). Гораздо уже легче тѣмъ, которые хоть коровокъ пару запрягаютъ, хоть одну шкапу имѣютъ. Такой дровъ гдѣ-нибудь нарубитъ коли своихъ нѣтъ, и свезетъ въ городъ, остатки хлѣба повезетъ на базаръ, однимъ словомъ вывернется какъ нибудь собственными средствами. Но и этимъ приходится пострадать немножко. Вообще мы народъ безпечный, не-слишкомъ предусмотрительный.

(*) Я говорю здѣсь о бѣднякахъ, зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ постоянно на мѣстѣ, въ своемъ селѣ. Но есть еще другіе, которые отправляются, на лѣтніе мѣсяцы, на заработки въ южныя губерніи, болѣе нашей хлѣбородныя и меньше населенныя и которыхъ у насъ называютъ *«донцами»*, хоть на Донъ они почти никогда не заходятъ. Участъ ихъ гораздо тяжелѣе. Я поговорю объ нихъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Что бы намъ продать то, что приходится продать на подушине, мѣсяца два раньше, когда и дорога лучше и цѣны выше? Итъ, мы ожидаемъ покуда сборщикъ съ писаремъ влзти намъ сдѣлаетъ, и тогда уже *притъмолеть* на базаръ. И скопится пастъ тамъ много, много, *предложеніе перевѣситъ запросъ*, какъ выражаются политико-экономы, и мука и дрова продадутся десято процентами ниже. Мѣстные жиды очень хорошо знаютъ это обстоятельство и все свои закупки стараются дѣлать въ то время, когда *музиківъ нацинутъ за подушне пекти*».

По все имѣть свой конецъ. Какими бы то ни было путями, а мы добыли себѣ денегъ на подушине и заплатили ихъ; багатири приобрѣли, для безвозмездной обработки, нѣсколько лишнихъ нивъ, огородовъ и сѣнокосовъ, и поставили себѣ почти даровыхъ работниковъ; писаря получили *по сороківці одъ книжки* (*), истребили множество даровой чехони и водки и отиравились въ свои волостныя правленія; сборщики, старосты и соцкіе обратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ, приниматься за которыя имъ крайне не хочется, послѣ дароваго цынства, выродоженіи почти мѣсяца. Потолкуемъ мы еще съ недѣлю объ этомъ времени, собравшись въ праздникъ на улицѣ, перескажемъ другъ другу, гдѣ, кто и какъ досталъ себѣ денегъ, вспоминаемъ: *комужу накрутивъ млинка писаръ, комужу лясасивъ надававъ, а когдъ—и ломіакою*; вспомнимъ также, какъ этотъ самый грозный писарь, перебравши черезъ край, танцовать *навприсядки* съ цынкою Грицихою, по-колѣна въ грязи, на улицѣ; поговоримъ обо всемъ этомъ, да и забудемъ до осени.

Да и пора забыть: наступаетъ время, когда намъ нужно заявлять на дѣлѣ наступленіе нашего новаго года, т. е. приняться за тѣ заботы и труды, которые онъ приносить съ собою.

Иванъ Конискій.

Сельце Переходовка,
Нѣжинскаго уѣзда. 1862 г.

(*) За записку въ податныя книжки подушнаго, писаря установили, въ нашей мѣстности, сборъ въ свою пользу, по 10 коп. ср. отъ книжки.

ВОСПОМИНАНИЕ О НОВОМОСКОВСКѢ.

(Изъ дорожныхъ записокъ 1861 года.)

Новомосковскъ—уѣздный городъ Екатеринославской губерніи; рѣка Самарь, на которой стоитъ онъ, долго составляла южную границу Украины, а послѣ соединенія ея съ Россіей, при Богданѣ Хмельницкомъ, и южная граница всего Русскаго государства раздвинулась отъ Бѣлгородской черты также и до Самари и верховьевъ Калміуса. За Самарью были, и еще не дальше ста лѣтъ назадъ, *дикія* степи. Красота мѣстности, по которой протекаетъ Самарь, и богатства ея, замѣнены еще Бопланомъ въ XVIII вѣкѣ; онъ говоритъ, что теченье Самари тихое по—причинѣ извилистыхъ береговъ; что она обильна рыбой; что онъ видѣлъ весной даже сельдей и осетровъ, которые ловились въ ней; что окрестности Самари богаты медомъ, воскомъ, дячиной и строевымъ лѣсомъ, который употреблялся тогда на постройки во всѣхъ окрестностяхъ, въ томъ числѣ и на постройку койдакской крѣпости, и что козакки называли Самарь *святою* рѣкою. Хотя, въ настоящее время, ни осетровъ, ни сельдей въ Самари уже не водится, но она и нынче еще прекрасна, богата рыбой и лѣсомъ; при ней же были селитряные заводы, разоренные въ 1703 г. взбунтовавшимися Зопорожцами. Самарь изъ числа тѣхъ поэтическихъ рѣкъ, которыя, въ украинскихъ думахъ, называются: *рѣчки низовіи—помощниці Дніпровіи*. И, Боже! какихъ кровавыхъ событій не видѣли ея берега, ея окрестности. Здѣсь—недалеко, (у днѣпровскихъ пороговъ) Печенѣги убили Святослава; здѣсь—въ XI столѣтіи—Мстиславъ Изяславичъ, съ Чорными Клобуками, разбилъ Степняковъ—Половцовъ (Кумановъ) и множество душъ христіанскихъ, захваченныхъ ими, избавилъ отъ неволи. Здѣсь не одинъ разъ злой Татаринъ тащилъ панизаанными на шею, продѣломъ сквозь связанныя руки, несчастныхъ русскіхъ плѣнниковъ, и они слезами и кровью обливали послѣднюю грань родной земли. Сюда же, черезъ дикія, безводныя, степи, какъ къ обѣтованной землѣ, стремились тѣ ю.—русскіе смѣльчаки, которымъ иногда удавалось убѣжать изъ

турецкаго плѣна, отъ ручнаго помолу пшеницы въ Азовѣ, отъ службы на турецкихъ каторгахъ и отъ другихъ жестокихъ работъ.

Въ одной украинской думѣ, про смерть трѣхъ братьевъ, упоминаются: поля Самарскія, рѣчка Самарка, Крыничка Салталка; въ другой, о бѣгствѣ 3-хъ братьевъ изъ Азова, говорится также о рѣчкѣ Самаркѣ и о пышныхъ степяхъ Самарскихъ, гдѣ одинъ изъ братьевъ, пѣшій, на девятый день бѣгства, безъ воды, безъ хлѣба, погибаетъ у Савурь-Могилы, а два конные легли выше рѣки Самари. Есаулъ Федоръ Безродный, умирая, просить своего джуру тоже сходить къ рѣчкѣ Самаркѣ, взять воды, согрѣть и промыть его раны смертельныя. Еще въ одной пѣснѣ—отецъ спрашиваетъ: «гдѣ твоя, сынъ, доля? А чи въ Суді, чи въ Самарі, чи въ тихіхъ Дунаі?»...

Самарь служила камнемъ преткновенія любимцу царевны Софіи, князю Голицыну, въ оба похода его въ Крымъ. Въ первый походъ, въ 1687 году, когда съ нимъ участвовалъ и Малороссійскій Гетманъ Самойловичъ, Крымскій Ханъ неожиданно зажегъ сухой ковыль и камыши въ обширныхъ степяхъ, начинавшихся за Самарью, и заставилъ его вернуться назадъ, съ урономъ въ лошадяхъ, отъ недостатка подножнаго корму. Слѣдствиемъ этого было паденіе Самойловича, на котораго Голицынъ сложилъ всю вину неудачи и возвышеніе Мазепы, получившаго гетьманство за усердную помощь Голицыну—въ клеветѣ на Самойловича. Тогда же, на основаніи договора, подписаннаго Мазепой, при вступленіи въ санъ Гетмана, ичата постройкой Щеплюевымъ, при устьѣ Самари, на лѣвомъ ея берегу, Богородицкая крѣпость, которая, несмотря на увѣреніе русскаго правительства, что она служитъ для защиты отъ Крымцевъ, очень встревожила Запорожцевъ, такъ-что Кошевой ихъ, Иванъ Гусакъ, высказалъ за это Мазепѣ сильное негодованіе, а тотъ, въ свою очередь, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и грозилъ вслѣдъ-за-тѣмъ послать противъ него войско, но остановился, по случаю свирѣпствовавшаго въ то время, въ Запорожской Сѣчѣ, мороваго повѣтрія. Во второй походъ, въ 1689 году, Голицынъ дошелъ до Перекопа, гдѣ Крымскій Ханъ Селимъ обманулъ его переговорами о мирѣ, а между тѣмъ русское войско, лишенное въ безплодной и безводной странѣ средствъ къ существованію, пришло въ изнеможеніе, послѣ чего Голицынъ принужденъ былъ вторично возвратиться безъ успѣха, преслѣдуемый Татарами до самой Самари.

Когда Хмельницкій началъ войну съ Польшею, къ нему, съ береговъ Самари, шли дикіе лугари или лѣсные гайдамаки.

Вообще, Гайдамаки, существовавшие до конца прошлаго столѣтія, переселялись по большей части за Самарь, гдѣ, по Самарско-Волчьимъ водамъ, были товщи—т. е. запорожскіе зимовники.

Въ Новомосковскѣ, который, до времени, какъ сдѣлалъ его уѣздымъ городомъ, т. е. до 1794 г., назывался Самарью, Новоселпщемъ и слободкой Новоселовкой,—существовала Самарская Паланка до самаго разоренія, въ 1775 г., Запорожской Сѣчи.

Въ настоящую пору, Новомосковскѣ, съ селеніями Вороновкой и Жовтиловкой, имѣетъ до 10 т. слишкомъ жителей; въ немъ есть заводы: салотопенные, мыловаренные, кожевенные, кирпичные, три ярмарки: Средопостная, Троицкая и Спасовская. Троицкая ярмарка, учрежденная въ 1860 г., вѣсто Воздвиженской (14 сентября), почти не существовавшей на дѣлѣ,—открыта въ 1861 году; въ первый разъ на нее явилось три воза, кажется, съ мукой, и больше ничего.

Какъ видно, нелегкое дѣло—назначить время, удобное для ярмарки!

На остальныхъ двухъ ярмаркахъ преимущественно сбывается рогатый скотъ, лошади, кожи, разные жизненные припасы, рыба тарань и проч.; на Спасовской, между прочимъ,—горы арбузовъ, чудовищныхъ величинъ и превосходнаго качества, пирамиды янтарнаго сотоваго меду. Но это богатство имѣетъ и свою невыгоду: когда ярмарка эта кончается, мухи, лишеныя продовольствія, съ ожесточеніемъ налетаютъ мириадами на городъ.

Народонаселеніе Новомосковска, за исключеніемъ малой доли Евреевъ, состоитъ изъ Малороссіянъ; они преимущественно занимаются дубленіемъ кожъ, боемъ, покупкой и продажей скота, мелкимъ торгомъ по ближайшимъ ярмаркамъ, шитьемъ простыхъ сапоговъ и проч., а Евреи (которые существуютъ въ Новороссійскомъ краѣ съ 1806 г.) ремеслами, а нѣкоторые—коммисіонерствомъ по продажѣ пшеницы, что исполняется обыкновенно такъ: Еврей даетъ производителю задатокъ, беретъ пробу, покажетъ ее покупателю, получаетъ отъ него задатокъ и везетъ товаръ, передавая его съ рукъ на руки.

Новомосковскѣ стоитъ на большомъ трактѣ изъ сѣверныхъ и малороссійскихъ губерній, въ Одессу, Бердянскъ, Крымъ, на Довъ и къ Азовскому морю. Черезъ него каждую весну проходитъ и проѣзжаетъ тысячъ до 100 рабочихъ и вожничовъ всякаго рода, преимущественно косарей и чумаковъ:—одни ищутъ работъ, другіе ѣдутъ за крымскою солью, за донскою рыбой и до моря; не то—нанимаются

для перевозки пшеницы въ Бердянскъ, Таганрогъ, шерсти по ярмаркамъ и т. п.

Само-собою, такое движеніе много поддерживаетъ городъ, потому что проходящіе и проезжающіе покупаютъ съѣстные припасы, деготь, становятся на ночлегъ, хотя большая часть этихъ людей, благодаря теплomu краю, нѣвѣютъ ночлеги за городомъ. Въ прошломъ году, во время моихъ прогулокъ, я однажды набрелъ вечеромъ на цѣлый таборъ такихъ проезжихъ за кладбищемъ... Телеги и возы разставлены были въ немъ вродѣ стариннаго гуляй-города укрѣпленіемъ; лошади и волю пущены были на подножный кормъ; кругомъ этого подвижнаго четвероугольника бѣгали и лаяли собаки; по срединѣ разведенъ былъ огонь, гдѣ, на треугольномъ таганѣ, въ котлѣ, варился ужинъ; у огня двигались, отражаясь на красномъ пламени, черныя фигуры мужчинъ и женщинъ; по временамъ раздавался дѣтскій крикъ. Картина была очень живописная.

— Что это за люди? спросилъ я старика.

— Переселенцы на вольные *стенá*, подъ Орѣховъ...

Я не былъ въ Новомосковскѣ лѣтъ 16; въ теченіе этого времени городъ выдержалъ большой пожаръ, нѣсколько наводненій, скотской падежъ и, по содѣйствію, войнѣ 1853—1856 г., и не смотря на то, сдѣлался гораздо лучше: соединился съ Вороновкой, и довольно хорошо обстроился. Общественныя бѣдствія неразъ служили къ выгодѣ нѣкоторымъ изъ его жителей. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ, одинъ мелкій торговецъ сдѣлался въ немъ значительнымъ капиталистомъ, продавая во время голода хлѣбъ по чудовищнымъ цѣнамъ. Теперь случилось то же: самарскіе *шведы* (*швѣці*, сапожники) и *кушпирі*, (занимающіеся выдѣлкою шкуръ), пользуясь падежемъ скота въ окрестностяхъ, скупили за безцѣнокъ множество кожъ и составили себѣ изрядные капиталы, — поставляя этотъ товаръ, во время войны, въ армію. Война, кромѣ того, принесла неисчерпаемые золотые источники штейному откупщику, содержателю почтовыхъ станцій и разнаго рода мѣстнымъ промышленникамъ по маркитантской части. Многіе изъ нихъ, повабивъ кнѣсу, стали строиться. Ихъ постройки бросались въ глаза, и зависть, неразлучная спутница всякаго успѣха, распустила про нихъ самыя незлѣпыя сказки. Объ одномъ говорили, что онъ разбогатѣлъ оттого, что покупалъ въ Нахичеванѣ, или Маріуполѣ, фальшивые кредитные билеты по 10 рублей за тысячу и сбывалъ ихъ потомъ въ разныхъ мѣстахъ по настоящей цѣнѣ; о другомъ, что у него во время крым-

ской войны остановился комиссіонеръ, везшій въ чемоданѣ 18 т. червонцевъ; что хозяинъ эти червонцы стануль у комиссіонера, но что комиссіонеръ оставяль это дѣло втайлѣ, не смѣя жаловаться, такъ—какъ воръ у вора дубинку украсть, т. е. что комиссіонеръ самъ утащилъ эти деньги изъ казны, и проч. т. п.

Во время моего отсутствія, Новомосковскъ, кромя построекъ сдѣлалъ успѣхи и по другимъ частямъ: наиримѣрь, въ немъ явилось нѣсколько фортепіанъ, чего прежде не было; учреждена больница, выстроено гимнастическое заведеніе для солдатъ, расположенныхъ въ городѣ и окрестностяхъ; открылось еврейское училище 1-го разряда. Евреи и Еврейки приняли общій европейскій костюмъ; я видѣлъ нѣсколькихъ очень миленькихъ евреекъ въ шляпкахъ и чепцахъ; завелось 5-ть или 6-ть такъ—называемыхъ, по мѣстному выраженію, *земляныхъ мельницъ* для крупчатки, приводимыхъ въ дѣйствіе сплюю лошади; прибавилось много кузницъ; кладбище украсилось прекрасными тополями; прошла планировка по городу: нѣкоторыя улицы закрыты, другія проложены вновь, но въ заднихъ концахъ города она такъ перенутала все, что я нѣсколько разъ блуждалъ въ нихъ какъ въ лабиринтѣ; исчезли допотопныя дрожки на столбикахъ и съ кожаными мѣшками, явились пролетки и коляски; общественная безопасность ограждается новымъ каменнымъ острогомъ... а пословица все—таки права: *хороша тюрьма—да чортъ ли въ ней!*

Время, могучее время! Даже Самарь видоизмѣнилась: островокъ близъ Лукьяноваго перевозу исчезъ; даже уѣздное училище въ это время поворотилось лицомъ въ другую сторону. (Это значить, что почетный смотритель Алексѣевъ построилъ, на мѣстѣ стараго, новое, обогротивъ его фасомъ на другую улицу.

Народъ въ Новомосковскѣ очень добрый и пріятливый.

Нарядъ самарскаго мѣщанина: длинный нанковый халатъ, суконный картузь, или шапка изъ мерлушекъ цилиндрической формы, и шаравары, упрятанные въ длинныя голенища смазанныхъ сапоговъ.

Праздничный нарядъ мѣщанки: монисто (гранаты, кораллы, иногда янтари), ситцевая кофта, *сподниця* (юпка), матерчатый платокъ на головѣ, повязанный *уточкой*; синія *панчохи* (чулки съ розовыми стрѣлками) и *черевіки* (башмаки), иногда краснаго сафьяна.

Въ Новомосковскѣ прежде существовало конокрадство, да не прошло и теперь; но значительнаго воровства нѣтъ.

Живуть въ Новомосковскѣ весело; приглашаютъ не на обѣдъ, а

на водку: *»а нѣ те, Самарці, потянемъ по чърці!«* это что-то въ родѣ закуски съ мѣстными пирожками, разными соленьями, сухояденьями и достаточнымъ возліаніемъ; вечеркомъ, чап и пушшь—по большей части съ простой водкой. Это увеселеніе сопровождается иногда слѣдующей пѣсней:

Ой хто пьє—той кривитця!
 Хтожъ не пьє—той дивитця!
 А ми будемъ піти,
 Та Бóга моліти
 И за вась, и за насъ,
 И за нашу неньку—
 За неньку стареньку,
 Що вівчила піти
 Горілочку измаленьку!

Разумѣется, я говорю о большинствѣ населенія; есть господа и въ Новомосковскѣ, что зададутъ пиръ не хуже иного столичнаго. По вечерамъ звучитъ иногда фортепіано и, навѣрное, всегда услышите вдали хоровыя пѣсни и говоръ самый оживленный, самый неутомимый—лягушкѣ, которыхъ здѣсь милліоны въ рѣкѣ и окружающихъ болотахъ.

Свадьба у простого народа сопровождается скрипкой, бубнами и цмбалами, и играется иногда цѣлую недѣлю, переходя изъ одного дома участвующихъ въ другой съ прпскокомъ *журавля, метелиці, и горлиці.*

Несмотря на то, что подъ бокомъ лѣсъ, принадлежащій, впрочемъ, монастырю и казнѣ, а не городу, топливо въ Новомосковскѣ очень дорого, какъ вообще оно дорого во всемъ южномъ краѣ, который, по безлѣсью, по-необходимости строятъ хаты—*мазанки*, замѣняя бревна кирпичомъ и глиной, а дрова—соломой, бурьяномъ (дкими травами) и *кизлякомъ*, приготовленнымъ изъ скотскаго навоза. По недостатку топлива, въ П.-м-скѣ черѣдко случается кража досокъ съ заборовъ и перекладныхъ съ кладбищенскихъ крестовъ.

Краса Новомосковска—чудный вѣковой дубовый лѣсъ, находящійся на лѣвомъ берегу Самари, на восточной сторонѣ города. Онъ тѣмъ больше дорогъ, что кругомъ безлѣсье. Есть дубы по нѣскольку сотъ лѣтъ. Самая рѣка дѣлается отъ сосѣдства лѣса еще прекраснѣе. Стоитъ часовъ въ пять по полудни, въ ясный день, лѣтомъ, посмотреть на нее у монастырскаго перевоза,—тамъ, гдѣ она дѣлится на

двѣ рѣки, когда она отъ дубоваго лѣсу, отъ прибрежной лозы, отъ камышей, глядящихся въ нее, освѣщенная косвенными лучами солнца, принимаетъ золотисто-изумрудный, прозрачный цвѣтъ: что это за прелесть! На рѣкѣ иногда обозначается тѣнь, издали принимающая очертаніе человѣческаго тѣла: вотъ и самарская русалка или *мавка*, какъ ее здѣсь называютъ. Дѣйствительно, для русалокъ здѣсь очень удобное мѣсто. На Самари же, поближе къ парому, есть и другое поэтическое мѣсто—это такъ называемое *чернѣче пѣкло*. Давно когда-то—нѣсколько монаховъ переправлялись черезъ рѣку въ лодкѣ... набѣжалъ вихрь, лодка опрокинулась и они все пошли ко дну. Послѣ того, народъ называлъ это мѣсто, на своемъ поэтическомъ языкѣ, *чернѣчимъ пѣкломъ*.

Грозы въ Новомосковскѣ—паразитальной прелести. Въ двухъ мѣстахъ евангелія говорится: «какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ до запада, такъ будетъ пришествіе Сына Человѣческаго. (Мат., XXIV, 27)». «Я видѣлъ сатану, снадшаго съ неба, какъ молнію. (Лук., X, 18)».

Все значеніе этихъ картинныхъ выраженій можно понять только въ стѣнныхъ мѣстахъ, гдѣ небосводъ широкъ, и гдѣ гроза видна на весьма далекое пространство.

Красотѣ Новомосковскихъ грозъ много также способствуетъ темнота здѣшнихъ почей: молнія, на бѣломъ нигерманландскомъ небѣ, какъ ракета, пущенная днемъ, не производитъ полного очарованія.

Небо въ Новомосковскѣ въ юнѣ мѣсяцѣ такъ темно, какъ въ Петербургѣ только въ августѣ. Попытаюсь описать грозу 18 іюня 1861 года.

Надо мною благодатное
 Небо родины моей;
 Пью дыханье ароматное
 Бальзамическихъ полей!....

На горизонтѣ, въ сторонѣ къ кладбищу, молнія. Сверкнеть—и вдругъ затѣмъ все погружится въ тьму; снова сверкнеть—и откроется свѣтлая полоса, и разомъ предстануть въ ней черныя деревья, черныя доли, —какой-то особый черный міръ... Грома не слышно. Это гроза вдали, а вотъ другая, поближе: она захватила собою полнеба, и освѣщаетъ, сопровождаясь по-временамъ раскатами грома, бѣлыя хаты, бѣлый домъ узданаго училища, который одиноко вырѣзывается во мракѣ на площади, церковь и другія постройки. Иногда эта молнія, сверкнувъ,

какъ—будто скинетъ съ неба покровъ ночи—и вдругъ появятся, въ глубинѣ, въ золотистомъ потокѣ, темныя тучи, то разорванныя въ клочья, то въ видѣ какихъ—то столбчатыхъ громадныхъ здашій, а издали рвется на васъ вѣтеръ, сильный—но теплый, какъ пѣзъ нагрѣнной печи, шумить деревья и долетаетъ отрывками разгульная пѣсня.

Но гроза близится, и вотъ она—падъ самимъ Новомосковскомъ.

Замигало небо молніями, точно крыльями жаръ—птицы; прокатился надъ вами громъ, будто тысячу чудовое артиллерійское орудіе по желѣзному мосту, ежеминутно угрожая раздавить его своей тяжестью. Надвинулась на городъ черная туча, и какъ огнедышущая гора, начала извергать пѣзъ себя кровавое пламя.

Вдругъ съ трескомъ расколося сводъ небесный, блеснула молнія какъ раскаленная цѣль;—въ другой разъ—какъ вырванное съ корнемъ и опрокинутое огненное дерево съ обнаженными вѣтвями; въ третій разъ—въ видѣ пламенной змѣи съ рубиновой головой, которая, быстрѣй мгновенія, кинулась къ землѣ... Затѣмъ, гдѣ—то въ сторонѣ страшный ударъ.

Мнѣ не пришлось, въ этотъ разъ, видѣть такъ—называемой *горобиной ночи*, когда небо рокочетъ безъ—умолку, до самаго разсвѣта, когда бываетъ въ одно и то же время, въ разныхъ концахъ, нѣсколько громовъ и молній: небо раскроется и молнія загорится огненнымъ занавѣсомъ; въ ней засверкають новыя, скрещиваясь иногда изломанными своими извилами, будто клинки шпагъ, а воробьи въ испугѣ кричатъ и мечутся, то изъ—подъ соломенныхъ крышъ, то подъ крыши. Обыкновенно, послѣ такой ночи, находятъ ихъ множество мертвыми; отъ этого, говорятъ, такая ночь и называется *воробьиною*. По народному повѣрью, эта ночь должна быть въ субботу, наканунѣ Троицына дня, но бываетъ и раньше, и позже, и далеко не каждый годъ.

Новомосковскъ находится подъ 48° 38' сѣверной широты и подъ 52° 56' восточной долготы, слѣдов., пользуется благодатной южной природой. Зной, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ нѣкоторые дни былъ такъ великъ, что съ 12 до 4 часовъ послѣ обѣда почти никто не выходилъ на улицу,—все пряталось въ домахъ; даже окна нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ, напримѣръ Ратуши, въ эти часы закрываются ставнями, какъ будто и судебныя дѣла, по случаю нестерпимаго жара, ложатся спать. Небо въ такіе дни было ясно; обыкновенно, когда оно дѣлалось густаго синяго цвѣта, когда на немъ появлялась летучія маленькія облачка, называемыя *барашками*, а на горизонтѣ сто-

ли желто-мѣдныя тучи, громоздившіяся одна на другой и плававшія въ какомъ-то безцвѣтномъ сухомъ туманѣ, который придавалъ всему фарфоровый матовый блескъ, это непремѣнно предвѣщало грозу.

По вечерамъ, жужжа, летали огромные, рогатые жуки.

Въ лѣсу здѣсь множество зеленыхъ ящерицъ. Я видѣлъ одного такого маленькаго крокодила, который несъ во рту живаго мотылька.

Забравшись разъ въ густоту лѣса, наполненнаго озерами и болотами, образующимися большею частью при весеннемъ разливѣ Самари, я увидѣлъ здѣсь лазурную рѣку, которая вся поросла широкими листьями *латіття* (лопушника), съ бѣлыми и желтыи водяными лиліями, словно побо, усыпанное звѣздами.

Въ Новомосковскѣ могли бы быть отличные плодовые сады, потому что въ немъ растетъ шелковица и даже спѣлъ когда-то виноградъ въ монастырѣ; но «безъ труда—нѣтъ плода».

Изъ вредныхъ травъ, здѣсь растутъ подъ захорами и надъ рѣчкой: бѣлена или блекота (дурманъ) которая, говорятъ, перенесена въ Европу цыганами изъ Индіи, вѣхъ (цикута), болыголовъ.

Арбузы здѣсь отличные; дыни—цареградки (*качанки*) также хороши. Недостаетъ тому и другому путей сообщенія, чтобы стать въ соперничество съ астраханскими на московскихъ и нетербургскихъ рынкахъ. Весь Новороссійскій край много потерялъ съ отиѣною Оеодосійско-москoвскоіи желѣзной дороги.

Новомосковскѣ—родина извѣстнаго доктора Петра Назарьевича Савенка, который былъ въ 30-хъ годахъ профессоромъ с.-петербургской медико-хирургической академіи; здѣсь же провелъ большую часть своей жизни и погребенъ Прокофій Степановичъ Левандовскій. Очень немногіе знаютъ—кто былъ Левандовскій; а между тѣмъ, это былъ талантъ, и очень замѣчательный музыкальный талантъ,—сочинитель партеснаго пѣнія, котораго произведенія, можетъ-быть, не уступаютъ сочиненіямъ Сартри, Дехтярева и Веделя.

Кромѣ того, Левандовскій занимался, и довольно успѣшно, живописью. Рисунокъ его правильный, свѣтъ, тѣнь и полутоны—безукоризненны, отчего въ его картинахъ чрезвычайная рельефность; колоритъ тяжеловатъ, но это относить не къ художественному недостатку, а къ бѣдности красокъ. Левандовскій и жмлъ живописью, занимаясь поставкою иконостасовъ для церквей.

По главное его призваніе—духовно-музыкальныя сочиненія, которыя пѣлись архіерейскими хорами въ Екатеринославѣ, Одессѣ, Ак-

керманъ, Кишиневъ, и всегда поражали и восхищали слушателей необыкновенной своей прелестью.

Къ—сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя произведенія до сей поры не только не изда ны, но даже и не собраны. Левандовскій жплъ и умеръ безпечнымъ художникомъ (*).

Вотъ нѣкоторыя изъ его произведеній. Концерты:

- 1) *Суди ми, Боже.* 2) *Преклони, Господи, ухо твое.*
- 3) *Плачу и рыдаю.* 4) *Хвалите Господа всѣ язѣци.* 5) *Благословлю, Господа, на всякое время.* 6) *Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою.* 7) *Изъ глубины возвахъ къ тебѣ, Господи.* 8) *Помилуй мя, Боже.* 9) *Литургія.* 10) *Херувимская пѣснь.* 11) *Благодарственная пѣснь Богу.* 12) *Кантъ на Свѣтлое Христово воскресенье.*

Но, вѣроятно, кромѣ этихъ, найдутся многія другія.

Прокофій Степановичъ Левандовскій, сынъ протоіерея Стефана Левандовскаго, родился 8—го іюля 1782 г. (**); онъ воспитывался въ кievской духовной академіи. Еще въ малолѣтствѣ, у кievопечерскихъ монаховъ, научился онъ живописи и составленію красокъ; потомъ, самоучкой, началъ играть на гусяхъ, на скрипкѣ и фортепіано. Въ Кіевѣ, въ крѣпости, содержался отставной капитанъ Ведель, за какое-то оскорбительное выраженіе; это былъ авторъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ духовныхъ сочиненій, которыя и въ настоящее время очень уважаются; впоследствии, мѣстное начальство, чтобъ освободить его отъ заключенія, назвало его полупомѣшаннымъ и отдало подъ присмотръ полиціи. Молодой Левандовскій посѣщалъ Веделя въ крѣпости и тотъ давалъ ему уроки въ музыкѣ и научилъ его генераль—басу; а такъ—какъ ученикъ не могъ вознаграждать учителя за ученые деньгами, то, каждый разъ, когда приходилъ на урокъ, приносилъ ему или булку, или шюхательнаго табаку.

По случаю войны съ Наполеономъ и Портою, составила млиція; пылкій Левандовскій поступилъ въ кievскую млицію, но когда

(*) Пользуюсь случаемъ, чтобы, во имя добраго дѣла, просить всѣхъ, у кого найдутся музыкальныя сочиненія Прокофія Степановича Левандовскаго, отсылать ихъ, или вѣрныя съ нихъ копіи, въ г. *Павлоградъ*, сыну его *Флорентину Прокофьевичу Левандовскому*, который желалъ бы приготовить къ изданію произведенія своего отца. *Гр. П.*

(**) Свѣдѣнія о Пр. Ст. Левандовскомъ доставлены мнѣ сыномъ его. Но этотъ замѣчательный талантъ ждетъ подробнаго изученія. *Гр. П.*

часть ея потребовали на успленіе молдавской арміи, находившейся тогда подъ начальствомъ Михельсона, онъ, увлекаемый призваніемъ къ жизни художника, не ожидая требованія остальной части милиціи, досталъ лодку и поплылъ внизъ по теченію Днѣпра — безъ всякихъ средствъ къ жизни, безъ определенной цѣли, взявъ только свою непамѣнную скрипку да нѣсколько книгъ. Черезъ нѣсколько дней плаванія, присталъ онъ къ берегу, у мѣстечка Ржищева; отдохнувъ здѣсь, онъ принялся сочинять концертъ *«Боже, въ помощь мою вои- ми»*. Однажды, Л. заигралъ на скрипкѣ разныя народныя украинскія пѣсни; на эту игру явились толпою жители и чуть не на рукахъ понесли къ себѣ затѣжгаго Орфея, угостили его и такъ полюбили, что предлагали ему самую лучшую невѣсту на селѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ остался у нихъ; но новому Вадиму звенѣлъ его колокольчикъ все дальше и дальше. Онъ пріѣхалъ на лодкѣ въ Екатеринославль, — въ какомъ году — неизвѣстно, но до 1807 г. Городъ былъ еще молодой, (существованію его было въ то время съ небольшимъ 20 лѣтъ); требовались люди. Левандовскій не имѣлъ никого знакомаго въ Екатеринославлѣ, но кое-какъ пріютился въ немъ и, посѣщая церкви, сталъ помогать дьячкамъ на клироузѣ. Такимъ образомъ, открылись городу таланты Левандовскаго, и его талантамъ обширное поле занятій, Левандовскій дѣлается, на нѣкоторое время, регентомъ хора пѣвчихъ екатеринославскаго архіерея Платона, занимается живописью, снимаетъ портреты съ значительныхъ лицъ города, учитъ ихъ дѣтей на фортепіано и, наконецъ поступаетъ, въ 1807 г., въ гражданскую службу.

Левандовскій былъ на службѣ недолго; получа чинъ коллежскаго регистратора, въ должности писмоводителя врачебнои управы, онъ, въ исходѣ 1814 г., вышелъ въ отставку и окончательно занялся музыкой и живописью.

Ему понравился городъ Новомосковскъ, и онъ, въ 1820 году, переѣхалъ сюда на постоянное житіе.

Левандовскій занялся миниатюрами и большими портретами; по-чюности сдѣлалъ онъ для пяти церквей, въ томъ числѣ и для новомосковской кладбищенской церкви, въ оградѣ которой онъ похороненъ въ іюнѣ 1849 г. Кроме сочиненія духовныхъ пѣснь для пѣнія, онъ переложилъ на фортепіано: *Господи помилуй, Херувимскую пѣснь, Царю небесный, Отче нашъ, Пріидите, поклонимся* и многія другія, а на маленькій органъ — всю обѣдню Бортиянскаго; также по-

ложилъ на фортепiano множество малороссійскихъ пѣсень, сочинилъ нѣсколько маршей, экосессовъ, полонезовъ, вальсовъ и мазурокъ.

И этотъ человекъ во всю свою жизнь не имѣлъ другого фортепiano, какъ въ 5 октавъ, и лучшихъ красокъ, какъ корпусица!

Въ жизни—былъ онъ скромный, безкорыстный человекъ, существовалъ съ семействомъ единственно своими трудами и вѣчно боролся съ нуждой, но никогда не падалъ нравственно.

Для изученія замѣчательно-галантливой самородной личности Левандовскаго надо желать, чтобы всѣ его сочиненія были собраны и напечатаны. Да извлечется свѣтлыиикъ изъ-подъ спуда!

Въ Новомосковскѣ, нынче (1861 г.) есть и другой человекъ, который, также какъ и Левандовскій, не палъ ни передъ нуждой, ни передъ бѣдой: это Василій Степановичъ Выставкинъ.

Отецъ его былъ новомосковскій купецъ; вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, онъ разорился; домъ и все его имущество пошло на удовлетвореніе долговъ. Сынъ его, Василій Степановичъ, посѣщалъ уѣздное училище, потомъ поступилъ въ Харьковъ, въ прикащики въ книжный магазинъ, наконецъ перешелъ въ откупъ, гдѣ, за свою трезвость, честность и расторопность, онъ скоро сталъ получать довольно значительное жалованье, которымъ содержалъ себя и свое семейство.

Извѣстно, что такое, въ степныхъ мѣстахъ, ручьи и рѣчки. Иная лѣтомъ—воробью по колѣна, а осенью и весной—разливается на огромныя пространства, срываетъ мельницы, дома, мосты. Въ одной изъ такихъ рѣченокъ, при своихъ разѣздахъ, въ позднюю осень, Выставкинъ увязъ; оставаясь долго въ водѣ, простудился и лишился употребленія ногъ. Сколько его ни лечили—и на дому, и въ больницѣ,—онъ окончательно сдѣлался недвижнымъ калекой.

Никто не осудилъ бы Выставкина, еслибъ онъ, въ такомъ несчастномъ положеніи, обращался за помощью къ ближнимъ; однакожъ онъ не поддавался бѣдствію, сталъ за самое ничтожное вознагражденіе—учить грамотѣ дѣтей, которыя идутъ къ нему съ охотою, и тѣмъ добываетъ себѣ хлѣбъ.

Въ наше время, когда проявилось живое стремленіе ко всеобщему образованію, бѣдный калѣка, съ гордостью пренебрегающій нищенствомъ, и лично служащій, по мѣрѣ силъ, тому же образованію, подавая въ лицѣ юнаго поколѣнія грамоту народу,—не правда ли, заслуживаетъ добраго слова и почетной памяти...

Я былъ у Василя Степановича Выставкина. Представьте себѣ красиваго, крупныхъ размѣровъ, челоѣка, съ черными огромными усами, на лицѣ котораго, повидимому, шестъ здоровья: и однакожъ этотъ челоѣкъ, какъ Илья Муромецъ, сиднемъ сидитъ уже нѣсколько лѣтъ.

— Иногда мнѣ кажется, рассказывалъ онъ, что я хожу, бѣгаю, прыгаю,—и какъ я радъ тогда!

Но то былъ сонъ коварный сонъ!

Обманомъ только тѣшилъ онъ!

Въ Новомосковскѣ — 3 церкви и всѣ три деревянныя; предполагають стропть и кирпичную,—однакожъ это пока одно предположеніе. Зато соборная церковь въ Новомосковскѣ, хоть и деревянная, но это—чудо въ своемъ родѣ! Она состоитъ изъ девяти златоглавыхъ башенъ, каждая о 4-хъ ярусахъ; эти башни, поставленныя по три въ линію, образуютъ изъ себя три ряда, и въ такомъ видѣ соединены вмѣстѣ; среднія башни выше боковыхъ; все это, въ общемъ, составило фигуру изъ 9 конусовъ, дотога правильную, что съ какой бы вы точки ни глядѣли на нее, она отовсюду представляетъ поразительную гармонию и красоту. Самое соединеніе этихъ башенъ достойно удивленія: сложенныя изъ сосновыхъ брусевъ, почти нигдѣ нескрѣпленныхъ гвоздями, онѣ служатъ одна опорой другой, на основаніи равновѣсія, угданнаго здѣсь съ непостижимою вѣрностью.

Украинскій зодчій не придалъ своему произведенію никакихъ вышнихъ украшеній; но надобно посмотрѣть въ ясный лѣтній вечеръ съ берега Сажарп, на эту церковь, когда нельзя распознать, изъ какого матеріала она построена: тогда представится на горѣ, на розовомъ отблескѣ потухающей зарп, величественный девяти-купольный силуэтъ ся, немало неустудающій многимъ знаменитымъ и богатѣйшимъ храмамъ.

Иконостасъ этой церкви также замѣчательнъ; онъ—въ стилѣ рококо и нѣкоторыми особенностями походитъ на иконостасы церкви въ Петербургѣ и окрестностяхъ, во время Елизаветы Петровны, подъ вліяніемъ растрелевской архитектуры. Мѣстные образы въ иконостасѣ всѣ въ золотѣ и серебрѣ.

Новомосковскій Троицкій соборъ составляетъ историческій памятникъ, потому—что начатъ еще Запорожцами, за годъ до разрушенія Сѣча; во время атакванія запорожскаго укрѣпленія, въ храмовой праздникъ, въ троицынъ день, 1775 г., церковь выведена была по

окна, но окончена въ то время, когда Новоселовка, —ныпѣшній Ново-московскъ,—сдѣлалась слободой Азовской губернии, Екатеринославскаго уѣзда. Должно полагать, что этотъ храмъ конченъ, по-крайней-мѣрѣ наружно, въ 1778 г., потому-что аттестатъ мастеру Акиму Погребняку выданъ 10-го января 1779 г. (*).

О построеніи новомосковского собора я давно когда-то слышлъ вотъ-что:

Когда церковь была заложена, мастеръ, выведя какъ-слѣдуетъ фундаментъ, вдругъ куда-то скрылся; всѣ поиски о немъ были напрасны; такъ прошло нѣсколько дней; наконецъ онъ явился и принесъ модель строящагося храма, сдѣланную изъ осоки.

На вопросъ—гдѣ онъ былъ, мастеръ отвѣчалъ, что когда онъ приступилъ къ постройкѣ, то самъ испугался, что не въ состояніи выстроить такой церкви, какую обязался поставить, и убѣжалъ,—и скрывался въ камышахъ надъ рѣчкой; но тутъ во снѣ явился ему св. Николлай, которому онъ очень усердно молился о помощи, и указалъ—какъ ее построить; послѣ того наутро онъ всталъ и сдѣлалъ эту модель изъ оситняку (т. е. изъ осоки).

По сынъ мастера, Иванъ Погребнякъ, о построеніи новомосковского собора рассказываетъ иначе (*).

(*) Вотъ копія этого аттестата; я получилъ ее отъ почтеннаго старожилла г. Новомосковска, Романа Ивановича Чукалова, который имѣлъ въ рукахъ подлинный аттестатъ, хранившійся у сына Акима Погребняка, Ивана, и списать съ него копію.

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей государственной слободы Новыхъ Водолагъ жителю Акиму Погребняку, въ томъ, что онъ, Погребнякъ, по данному намъ, нижеподписавшимся, отъ себя контракту Азовской губ., Екатеринославскаго уѣзда, въ слободѣ Новоселовкѣ, деревянную о девяти верхахъ трех-престольную церковь издѣлкою въ совершенное привелъ докончаніе, за которую издѣлку и договоренную цѣну 1776 р. всѣ полнымъ числомъ онъ, Погребнякъ, отъ насъ получилъ; а что онъ сію работу производилъ рачительно, добропорядочно и превосходно, въ томъ мы, на предбудущія времена, сямъ его Акима Погребняка одобряя, подписываемся. 1779 г. Января 10-го дня. Церкви Свято-Троицкой Самарицкой Протопопъ Григорій Порохия. Священникъ Стефанъ Ивашовъ. Іерей Василій Зеленокъ. Священникъ Иванъ Ковалевскій. Священникъ Авраамій Сагайдоковскій. Священникъ Иванъ Михайловъ. Священникъ Іаковъ Соколовскій. Поручикъ и Смотритель Антошъ Головатый, Поручикъ Федоръ Легко-ступъ. Полковой старшина Лаврентій Миргородскій, Полковой Хорунжій Яковъ Нерода. Полковой Хорунжій Новоселовской. Троицкой церкви ктиторъ Іаковъ Легкій. Той же церкви ктиторъ Павелъ Корелевскій.

(*) Роману Ивановичу Чукалову.

« Была въ Самарѣ, на мѣстѣ пылѣвшей соборной церкви, маленькая церковь, пришедшая уже въ совершенную ветхость. Захотѣлъ кошевой и батьки куренные отаманы выстроить, взамятъ старой, новую церковь, достойную ихъ средствъ и усердія.

— Да ктожь намъ выстроить? возникъ вопросъ при совѣщаньи.

— Кто? я знаю—кто! отвѣчалъ одинъ Запорожець.

— Ну, скажи.

— И скажу. Былъ я недавно въ Мерефѣ (*); тамъ поставлена теперь славная церковь о пяти верхахъ; въ ясный день кресты на ней горятъ точно панцикадила, всякая христіанская душа не парадуется, глядя на нее...

— Ктожь ее строить?

— И то скажу! Строилъ ее человекъ изъ Водолагъ, а прозывается опъ—Якимъ Погребнякъ.

— Такъ поѣхать за нимъ, рѣшили *батьки*, и поѣхали за мастеромъ.

Явился Якимъ Погребнякъ.

— Ты можешь построить намъ церковь?

— Могу.

— Ну, гдѣ тебѣ такому «непоказному» выстроить Божій храмъ!—подсмѣивались Запорожцы.

— Ей, батьки, могу; а коли хотите, я сперва намалюю на бумагѣ, какую вамъ церковь могу поставить.

— Ну, намалюю.

Черезъ недѣлю мастеръ приходитъ и приносить фасадъ церкви съ *пятью* куполами.

Отаманы посмотрѣли и сказали:

— Да, церковь намалевана славная; но каково—то ты ее построишь?

— Строить намъ не въ первый разъ; я еще и не такую съумѣю выстроить: я могу сдѣлать церковь съ *девятью баилли* (куполами).

— Ну, козаче, отозвался на это одинъ изъ отамановъ; и я, какъ малымъ былъ, то также *брѣхавъ*, только батько не разъ кормилъ меня за то березовой кашей.

— По-правдѣ могу! отвѣчалъ, не смущаяся, Погребнякъ; и я ее вамъ намалюю, коли хотите.

— Намалюю.

Мастеръ ушелъ и черезъ нѣсколько дней снова принесъ планъ и фасадъ церкви, но уже съ девятью куполами — нынѣшняго собора.

Запорожцы, какъ увидали, такъ и ахнули. Церковь имъ очень понравилась.

Приступили къ торгу и рѣшили дѣло за 2,000 р.; когда *могучь* закричалъ, Погребнякъ сказалъ:

— Ну, батьки! я также хочу пожертвовать на храмъ Божій, — и изъ договорной цѣны уступилъ еще 24 рубля; такимъ-образомъ, за издѣлку этой церкви, какъ значится въ аттестатѣ, заплачено 1,976 руб.

Отъ времени пребыванія Запорожцевъ въ Новомосковскѣ, кромѣ собора, осталось еще нѣсколько предметовъ для воспоминаній и было много преданій; но тѣ и другіе годъ-одъ-году исчезаютъ, изглаживаются изъ памяти народной.

Въ пяти верстахъ отъ города находился войсковою мостъ; черезъ него шли чумаки въ Крымъ и на Донъ; еще нѣсколько лѣтъ назадъ показывали его сваи; теперь ужъ, кажется, и свай не видно; близъ этого мѣста наказывали преступниковъ.

Разсказываютъ о какомъ-то несчастномъ священникѣ: сынъ его учился въ кievской семинаріи и былъ чуть ли не въ богословіи. Но тутъ онъ вздумалъ вкусить разгульной жизни и бѣжалъ, — какъ часто это водилось тогда, — на Запорожье; дорогой встрѣтился онъ съ Гайдамаками и, не зная промысла ихъ, пристагъ къ нимъ, потому что они назвались Січовиками и обѣщали привезти его въ Січь... Вдругъ ихъ схватили и присудили за разныя убійства къ смертной казни, въ томъ числѣ, какъ сообщника, и бѣднаго молодого человѣка.

Отецъ его, бывшій священникомъ кievской епархіи, узналъ черезъ кого-то объ этомъ. Но въ то время не было тѣхъ средствъ сообщенія, какія теперь существуютъ; пока онъ собрался, пока пріѣхалъ — наступилъ день казни: горемычный отецъ бросился къ Кошевому и обливая ноги его слезами, разсказалъ о невпности своего сына. Кошевой ту-жъ минуту послалъ съ козакомъ свой *періачъ* — пріостановить казнь юноши, но было уже поздно: отецъ получилъ съ висѣльцы еще теплый трупъ сына.

Другому отцу выпала еще болѣе ужасная доля: на него возложили собственноручно повѣсить на желѣзный крюкъ, за ребро, своего сына... Несчастный дрожалъ, плакалъ, и не рѣшался приняться за дѣло.

— Прорѣжь тутъ, старый! да и идишь на крюкъ, — говорилъ ему

обезумѣвшій сыпъ, указывая на свой бокъ: — не умѣлъ учить, такъ *кагүй* свое нарощенье.

Въ Новомосковскѣ существуютъ еще двѣ высокія могилы, одна— въ самомъ городѣ, у еврейской спнагоги, тутъ казненъ былъ какой-то Джигиръ; а другая—въ полуверстѣ отъ города, у еврейскаго кладбища, въ сосѣдствѣ съ кирпичнымъ заводомъ; она называется *Каленикова могила*.

Замѣчательно здѣсь это сосѣдство еврейскихъ священныхъ мѣстъ къ мѣстамъ позорнымъ,—вѣроятно не случайное: быть можетъ и въ этомъ проявилась застарѣлая народная вражда къ дѣтямъ Іуды; но все проходитъ,—п евреямъ, право, теперь недурно въ Новомосковскѣ.

Каленикова могила получила названіе отъ того, что здѣсь исполненъ приговоръ надъ Запорожцемъ Каленикомъ, осужденномъ къ смертной казни *на іостру пѣлю*, т. е.—на колъ.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, были еще въ Новомосковскѣ старые люди, которые сами видѣли, въ дѣтствѣ, эту казнь и такъ рассказывали о ней.

Прежде Каленика, за день или за два, повѣшенъ былъ здѣсь какой-то знатный Запорожскій старшина, по прозванію Старчай, — человекъ богатый и холостой; когда его вели на казнь, по немъ, какъ по мертвомъ, звонили въ колокола; священники его сопровождали съ крестами и хоругвями, останавливались нѣсколько разъ, читали Евангеліе, и онъ всякій разъ подходилъ и подклонялъ голову подъ Евангеліе. Передъ висѣлицею онъ раскланялся во всѣ стороны, просилъ у всѣхъ прощенія и, именья Бога, поклялся въ своей невинности... Дѣйствительно, только-что его повѣсили, прискакалъ гонецъ, съ объявленіемъ, что онъ невиненъ, и съ приказаніемъ освободить его; но Старчай уже былъ мертвъ.

Каленикъ, посаженный на колъ, три дня былъ живъ и все просилъ пить... но никто не смѣлъ подать ему воды. Тѣло его оставалось въ такомъ положеніи шесть недѣль и дотога высохло, такъ сдѣлалось легко, что при небольшомъ вѣтрѣ вертѣлось на колъ какъ мельница.

Верстахъ въ четырехъ отъ Новомосковска, съ западной его стороны, идетъ длинная гора, въ-видѣ вала; на ней видно, въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько кургановъ, расположенныхъ по два, довольно симметрично. Вѣроятно, курганы эти входили въ цѣпь тѣхъ редутовъ, которые построены были Запорожцами отъ устья р. Ореля до Конской

рѣчки, и на которыхъ находились *фигуры*, сложенные въ видѣ прапирды изъ 20 смоляныхъ бочекъ, для того, чтобъ ихъ, — чуть покажутся Татары, — зажигать; это служило мѣстнымъ жителямъ предостереженіемъ отъ непріятели.

На другомъ берегу Самари, на островѣ, между рѣчками Самарой и Самарчукомъ, близъ Новомосковска, въ лѣсу, находится Пустынно-Николаевскій мужской монастырь; онъ также построенъ Запорожцами и назывался прежде *войсковымъ*. Время основанія его съ точностію неизвѣстно, но полагають, что онъ существуетъ больше 150 лѣтъ.

Основанію его положили начало два отшельника; они избрали здѣшній, тогда дикій, лѣсъ, мѣстомъ для труженнической своей жизни. Не знаю, къ этому, или къ позднѣйшему времени относились кельи, выкопанныя близъ селенія Вольнаго, въ горѣ, которая называется «*Прыстинъ*». На дверяхъ этихъ келій видѣли надписи: «Прости мене, брате (*). Въ лѣсу отшельники нѣсколько времени жили такъ, что никто не зналъ объ ихъ существованіи; наконецъ, на нихъ набрели запорожскіе разбойники, называвшіеся *каменниками* (комішниками?); они построили старцамъ кельи; снабжали ихъ пищей, и вообще имъ служили. Но монахи, узнавъ про кровавый промыслъ своихъ покровителей, хотѣли бѣжать; однакожъ каменники зорко сторожили ихъ, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ отшельники не довели на нихъ, а можетъ статья и думая, что ихъ грѣхи искупаются заботами о святыихъ старцахъ. Впослѣдствіи, по распоряженію Коша, разбойники были переловлены; причемъ открыты въ лѣсу и отшельники; этотъ случай, полагають, былъ причиною основанія монастыря.

Запорожская Січь надѣлила монастырь *тѣвцами*, т. е. дубовыми рощами и правомъ на обселеніе при себѣ вольныхъ людей до 50 дворовъ; отчего составила въ послѣдствіи монастырская вотчина въ 845 душъ.

Монахамъ предоставлено было нѣкоторое время даже вѣщать своихъ прихожанъ. Доходы монастыря умножались добровольными приношеніями отъ простыхъ и знатныхъ козаковъ и другихъ лицъ; нѣкоторые изъ нихъ и жили здѣсь, а другіе пріѣзжали оканчивать свою жизнь; въ-особенности, много сдѣлалъ для монастыря бывший Лейбъ-Каміаріи священникъ Кпрілъ Николаевичъ Тарновскій, имѣвшій по со-

(*) Свѣдѣнія объ основаніи монастыря взяты изъ Исторической Записки объ этомъ монастырѣ, изд. въ Одессѣ, въ 1838 г.

сѣдству свои земли, котораго народъ прозвалъ *дикимъ*; потомъ, на его счетъ построена каменная Свято-Николаевская церковь, съ придѣломъ Кирпка и Улиты; она существуетъ до сей поры.

Монахи, по Самари и въ другихъ мѣстахъ, имъ принадлежащихъ, выстроили много мельницъ, завели скотные дворы, хутора, пасіки; у нихъ были свои рыбныя ловли, сѣнокосы, хлѣбопашество.

Послѣ упничтоженія Запорожской Сѣчи, Самарскій монастырь стали называть причисленнымъ къ Кіево-Межпгорскому Спасо-Преображенскому монастырю; по учрежденіи штатовъ, въ 1764 г., для всѣхъ монастырей, и когда послѣдовало, 10-го апрѣля 1786 г., Высочайшее повелѣніе о малороссійскихъ монастыряхъ въ-особенности, — вслѣдствіе коего, въ числѣ прочихъ, упразднена и Кіевско-Межпгорская обитель, — Самарскій монастырь оставленъ въ Екатеринославской епархіи, и съ 1791 г., называется домомъ екатеринославскихъ архіереевъ.

Въ 1794 г., у него отобраны всѣ крестьяне, многія земли, и онъ остался только при 243 десятинахъ лѣса.

Нынче монастырь въ упадкѣ: мельницъ, пасікъ — давно и слѣдовъ нигдѣ незамѣтно; прежде можно было въ немъ вапиться прекраснаго меду, — теперь и того нѣтъ.

Кромѣ большой церкви, построенной Терновскимъ, въ монастырѣ: справа — каменная келья съ церковью, а съ прочихъ сторонъ — деревянные; у входа — прекрасная колокольня; выстроена въ 1828 г.

Иконостасъ въ главной церкви съ большимъ вкусомъ, съ колоннами, сдѣланными подъ малахитъ; къ сожалѣнію, онъ потеряли первоначальную свѣжесть; мѣстные образа въ серебряныхъ ризахъ. Здѣсь же есть древняя Икона Ахтырской Божіей Матери; этому образу болѣе 100 лѣтъ.

9-го мая, въ день Св. Николая, ежегодно бываетъ у ограды монастыря ярмарка, и тогда собирается сюда множество народа, даже изъ сосѣднихъ губерній.

Не знаю, какъ теперь, но въ прежнее время здѣсь можно было въ этотъ день видѣть Русскихъ калкмушъ, слѣпыхъ старцевъ, распѣвавшихъ о Лазарѣ и т. п., и малороссійскихъ бандуристовъ.

Такъ-какъ въ Новомосковскѣ населеніе малороссійское, то въ немъ всѣ обычаи повѣрья, пѣсни и сказки общія всей Малороссіи.

Русалокъ называютъ *мавками*, и полагаютъ ихъ господство до Троицына дня и недѣлю спустя; тогда въ лѣсу или на водѣ онѣ могутъ защекотать встрѣчнаго, или завести въ омутъ. Чтобъ избѣжать бѣды,

нужно носить съ собой полынь, и чуть явится Русалка, бросить ей эту траву съ такимъ причитываньемъ:

Мавко, Мавко! на тобі полінь
Та мене покинь!

Здѣсь же я слышалъ что-то въ родѣ первообраза прекрасной повѣсти Гоголя «Вій» — но съ менѣе трагическимъ концомъ. Вотъ-какъ мнѣ рассказывали:

Быль въ селѣ дьячекъ красавецъ;—всѣмъ дѣвчатамъ онъ нравился, нѣкоторые даже съ ума сошли отъ него, въ томъ числѣ и одна панночка—дочка какого-то старшины; но дьякъ любилъ чернобровую шинкарку. И сколько панночка ни вертѣлась передъ нимъ и въ *горлиць*, и въ *метѣлиць*, и въ *танкѹ* (хороводѣ), дьякъ не обращалъ на нее никакого вниманія. Скоро ревнивый глазъ панночки замѣтилъ, кто ей перешелъ дорогу. Разъ дьякъ шелъ къ шинкаркѣ, а у шинкарки въ эту ночь собралась вечеринцы; и вотъ, только-что отворилъ онъ *хвиртку* (калитку), вдругъ надъ входомъ стала огромная *макитра* (родъ глинянаго котла), стала—и не даетъ пройти ему во дворъ, къ шинкаркѣ. Дьякъ думалъ—было проскользнуть подъ макитру, но и макитра спустилась киззу; онъ хотѣлъ пореступить черезъ нее:—макитра поднялась вверхъ. У дьячка была палка въ рукахъ — и онъ изо-всей силы—хватъ палкой по макитрѣ. «О-о!» застонала вдругъ макитра разбитымъ голосомъ, и тутъ онъ увидѣлъ, какъ отскочила отъ него уже не макитра, а женщина, и убѣжала, спотыкаясь и хромая.

Дьячекъ пришелъ на вечеринцы, не говоря никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось; но ему и веселье было не въ веселье: все ему чудился этотъ тяжкій стонъ, какой онъ слышалъ, когда ударилъ по макитрѣ палкой.

На другой день входитъ къ дьячку отецъ панночки—самъ старшина:

— Здравствуй, Охримовичъ, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, добродію.

— Ты знаешь, Охримовичъ: Господь посѣтилъ меня:—дочка моя ночью Богу душу отдала?

— Чи ий-Богу?

— Ий-Богу.

— Во-истину, прискорбная вѣсть! говорилъ дьячекъ; царство ей небесное, вѣчный покой!

— Умирая, чадо мое милое захотѣло, чтобъ ты читалъ по ней

псалтырь: двѣ ночи въ церкви, а третью, чтобъ прочиталъ на самой могилѣ; такъ послужи памѣ, Охримовчъ!

Дьякъ задумался...

— Читать въ храмѣ Божиємъ, отвѣчалъ дьячокъ, я радъ и готовъ, но читать на могилѣ, пане,—этого еще не бывало, и я не могу.

— Будь ласковъ, *олюбѣ!* такое завѣщанье было умершей!

— Ей, нельзя; тамъ ночью всякая погань водится.

Но тутъ старшина посулилъ ему такую плату, давши и задатокъ, что онъ забылъ всякій страхъ и взялся читать.

Идучи въ церковь, дьячокъ встрѣтился съ шинкарой.

— Сегодня я не приду на вечерниці: буду читать псалтырь въ церкви надъ панночкой,—сказалъ онъ.

— Кому жъ и зачпывать ее, какъ не тому, отъ чпхъ рукъ она и въ гробъ легла,—отвѣчала шинкарка.

— Чтѣ ты, молодпце, мелешь? сказалъ дьякъ.

— А кто разбилъ палпцей макптру? вѣдь панночка была вѣдьма; ну, *диче!* вона теперь тобѣ *оддиче!* (отблагодарить), прибавила шинкарка, лукаво подмигнувъ правымъ глазомъ.

У дьяка холодъ по жиламъ пробѣжалъ. Онъ постоялъ съ-минуту молча, и вдругъ, сколько духу, бросился бѣжать отъ шинкарки.

— Постой, постой! кричала она ему въ слѣдъ: я тебѣ чтѣ-то скажу, я тебя научу...

Но дьячокъ не остановился, а прибѣжалъ прямо къ попу... «Панотче, говорилъ онъ священнику: случилось такъ и такъ; я взялся читать по панночкѣ двѣ ночи въ церкви, а третью на могилѣ; теперь, узнавши, чтѣ она вѣдьма, и вѣдьма, которую я же самъ и въ могилу вогналъ, мнѣ не въ моготу приходится. Благословите отказаться;—рускай чптаеть кто хочеть,—только не я!

— Итъ, *синдшу,* нельзя! Не давши слова — крѣппись, а давши — держись. Комужъ и спасать *парафіянъ* (прихожанъ) какъ не намъ? Мое дѣло—снять съ ихъ на себя бремя грѣховъ на исповѣди, твое—отчптать ихъ; на то ты—дьякъ.

— Такъ, батюшка! да... тутъ вся нечпстая сила ополчптся на меня!

— На нечпстую силу у тебя есть святая молитва; а старшина—человѣкъ именптый; съ нимъ нельзя такъ играть словами; въ его домѣ останавливается проѣздомъ самъ архіерей; чтѣ тогда будетъ, когда владыка узнаеть, что мы отказали въ спасеніи просящимъ нашей духовной помощи?

И священникъ, ясно и твердо, доказалъ, что отказываться отъ чтенія псалтыря по покойницѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Опустивши голову ниже плечъ, съ отчаяньемъ вышелъ дьячокъ отъ попа.

— Видишь, кто скоро бѣгаетъ, тому скоро и ноги отказываются служить!—говорила смѣясь, вновь подвернувшись ему, шинкарка. Давно ли ты улепетнулъ отъ меня, *якъ добрый кинь*; а теперь и тебе *хочь кинь*: еле-еле бредешь!

— Да отвязься ты отъ меня, *ящурко*, сказалъ дьячокъ; тутъ горе, а ей смѣхъ!

— Оттого я и смѣюсь, что знаю чѣмъ пособить твоему горю.

— Ты?

— Я.

— Помогни, будь ласкова, коли сила есть, просилъ ее со слезами на глазахъ дьячокъ.

— Сама я тебѣ помочь не могу, мій лебѣдику, хотя душой бы рада, а дамъ тебѣ добрый совѣтъ, который стоить доброй помочи, а— на дѣлѣ—и я буду противъ тебя!

— Чтѣ ты сказала? спросилъ съ изумленіемъ дьячокъ.

— А то, что и я—знахарка,—грѣхъ передъ тобой это тантъ,—и я видма,—оттого я все видѣмскіе норовы и знаю; но я тѣломъ и дѣломъ должна служить своимъ сестрамъ—вѣдмамъ.

— Господи, спаси меня и помилуй! сказалъ съ ужасомъ дьячокъ.

— Однакожъ, я хоть и вѣдма, продолжала шинкарка, да не такая великая какъ панночка; *вона—дванадцати-крилка, а я тільки шести-крилка; вона всімъ намъ голова*. И если она потребуетъ и меня къ себѣ на могилу, я должна явиться и искать тебя вмѣстѣ со всѣми.

— Пропалъ же я бѣдный, на вѣки вѣковъ пропалъ! застоналъ дьячокъ въ отчаяньи.

— Не бойся, Охримовичъ, сдѣлай только то, что я скажу тебѣ, а скажу я тебѣ вотъ-что: первыя двѣ ночи, покуда ты читать будешь въ церкви, съ тобой не случится ничего страшнаго: нечистая сила не посмѣетъ напасть на тебя въ храмѣ Божиѣмъ; такъ ты исполняй свое дѣло въ церкви смѣло,—ничего не бойся; но въ третью ночь, когда будешь идти на могилу, возьми съ собой хлопчика, веревку и пиво; на могилѣ вели себя хлопчику съ вечера привязать ко кресту, а

пѣвня подвяхи къ себѣ подъ мышку. О-полночь, встанетъ изъ гроба панночка и станетъ тебя искать съ своими помощницами и подишниками, со всякою тварью и тайною силою. И коли они успѣютъ тебя найти прежде, чѣмъ пѣвни заспѣвають, ты придави подъ мышкой своего пѣвня, онъ закричитъ—и они, какъ только услышатъ его голосъ, разбѣгутся, подумавши, что уже наступили *дбсвѣтки*.

Дьячокъ обнялъ молодицу, поблагодарилъ и ушелъ.

И правду сказала она: въ тѣ ночи, когда онъ читалъ въ церкви, съ нимъ ничего особеннаго не случилось; только въ первую ночь казалось ему, что мертвая, лежа въ гробу, иногда скалила зубы, а во вторую, будто кто-то въ темныхъ углахъ церкви, по-временамъ, переразвивалъ его, т. е. переговаривалъ по-своему тѣ псалмы, которые онъ читалъ надъ мертвою; но когда онъ останавливался, чтобъ вслушаться въ этотъ голосъ, все умолкало.

Наступила третья ночь; дьячокъ, ни живъ ни мертвъ, побрелъ на могилу. По совѣту шинкарки, онъ взялъ съ собою хлопчика, веревку и пѣвня и только-что пали на землю сумерки, онъ подошелъ къ большому дубовому кресту, который уже поставленъ былъ надъ могилкой панночки, и велѣлъ хлопчику привязать себя, взявши подъ мышку пѣтуха. Когда дѣло было сдѣлано, онъ отпустилъ мальчика и остался одинъ.

Пока еще не совсѣмъ стемнѣло, дьякъ видѣлъ передъ собой, вблизи и вдали, множество могилъ, свѣжихъ и старыхъ, провалившихся и крутогорбыхъ, поросшихъ чебрецомъ и другими травами, съ крестами и безъ крестовъ; видѣлъ склепы, рѣшетки; все это огораживалось глубокими ровомъ, которымъ заканчивалось кладбище; за кладбищемъ стояли двѣ мельницы.

Чтобъ позабыть свой страхъ, дьячокъ сталъ читать наизусть, не перевода духу, псалмы; но зубы его поминутно плясали, и самъ онъ былъ въ ажорадкѣ. Скоро могилы, кресты, склепы, мельницы,—все это потонуло въ темнотѣ, какъ въ безднѣ. Но долго еще и эту непроглядную ночь оживлялъ шумъ кладбищенскихъ тополей, съ которыми игралъ ночной вѣтеръ; иногда слышался лай деревенскихъ собакъ и стучали проѣзжавшіе по дорогѣ возы; все это еще ободряло дьячка. Наконецъ, какъ будто по всей землѣ моръ прошолъ: сдѣлалось такъ тихо, что дьячокъ слышалъ, какъ стучало въ немъ сердце. Бывало, въ попойкахъ, на вечеринкахъ, на веселіи (на свадьбѣ), онъ не замѣчалъ, какъ ночь проходила, а теперь—онъ самъ дозналъ, что

всякая ночь для человѣка въ бѣдѣ—такое море, которому и берегу нѣтъ.

И дьякъ—мысленно сталъ уже читать все, что только приходило ему на память изъ священнаго писанія. Такъ настала полночь... Вдругъ раздался вблизи пронзительный крикъ дикой кошки и на двухъ или на трехъ могилахъ, въ разныхъ мѣстахъ, показались дрожащія синіе огоньки. И вотъ, слышитъ дьячокъ: кто-то скачетъ по могиламъ—прыгъ—прыгъ; тутъ прорѣзался мѣсяць изъ тучи и видитъ дьякъ, при блѣдномъ свѣтѣ: приближала на цанночку могилу большая бѣлая *хортіця* (говчая сука), остановилась какъ вкопанная передъ могилой, подняла голову и завыла; ей отвѣчала на слѣ, возлѣ, другая собака, той—третья и пошли онѣ перекликаться, точно *вартовіи* (часовые); тутъ могила, какъ разломанный жолудь, разсѣлась пополамъ... и встала изъ гроба мертвая въ бѣлой сорочкѣ, съ распущенной косою, раскрывши большіе черные глаза; разводя руками, будто человѣкъ въ водѣ, когда переходитъ глубокую рѣку или дѣвчина съ завязанными глазами, когда играютъ въ *панаса*, (жмурки, прятки), стараясь схватить кого-нибудь,—обошла вѣдьма свою могилу кругомъ, заскрежетала зубами и сказала: *нема! нема!*

Потомъ закричала задыхавшимся голосомъ:

— *Любі мене, сіла темная, стань мині у природі!*

И вдругъ—послышался шумъ, какой слышенъ отъ надвигающейся градовой тучи; стали налетать на могилу совы, пугачи, *кажані* (летучія мыши) и всякія ночныя птицы, набѣжали разные лютые звѣри—волки, медвѣди и такіе, которымъ дьячокъ и названья дать не зналъ; приползъ со всѣхъ сторонъ всякій ядовитый гадъ—змѣи, тарантулы, ящерицы, жабы, и всякая подземная нечисть и погань. Всѣ они собрался вокругъ мертвой, какъ куры вокругъ хозяйки, когда та, посылая зерно, закричитъ имъ: «*путь—путь—путь—путь—путь!*» Немного погодя, валитъ дѣлая кошна сѣна и перекинулась старымъ шаповаломъ, который, ухмыляясь, утпиралъ кровавыя губы рукавомъ сѣраго кафтана.

— А! подумалъ дьячокъ: не даромъ тебя, рябая собака, на слѣ дразнили ушыремъ.

Прикатился и большой клубокъ нитокъ и обернулся ткачихой.

— Значитъ взаправду говорили про тебя, старая сука, что ты вѣдьма,—опять подумалъ дьякъ.

Вотъ какая-то молодца, въ калиновомъ вѣнкѣ, прилетѣла на помелѣ; за нею появился горбатый уродъ съ кабаньими клыками.

Глядь, и мельницы, стоявшія за кладбищемъ, не шевеля крыльями, вдругъ запрыгали и скачутъ тоже къ мертвой панночкѣ; дьякъ всматривается:—то не мельницы, а двѣ старыя-престарыя бабы съ навѣренными на голову платками.

А тутъ, одинъ по одному, поднимаются изъ провалившихся могилъ костлявые мертвецы.

И все завывло, заревѣло,—свиститъ, шипитъ, скрежещетъ.

— Найдите мнѣ, найдите врага моего лютого, и берите за него— мою анаемскую душу и тѣло мое треклятое,—крикнула панночка.

И звѣри, гады, кажаны, пугачи, вѣдьмы, упыри, мертвецы, оборотни—принялись искать дьячка. Вотъ, они заползали по могиламъ, стали рыться въ землѣ, забѣгали по всему кладбищу, расплывшись вездѣ, какъ рѣка въ половодь.

А панночка, ожидая надъ своей могилой блѣднѣть, синѣть,—почернѣла, какъ сырая земля.

А звѣрье, а гады, а вся земная и подземная нечисть—все ищутъ дьячка, неутомимо ищутъ, и не находятъ.

У панночки изо рта забила кровавая пѣна.

Вотъ нѣкоторые оборотни вернутся у самого креста, а самого дьячка не видятъ.

Панночка трясется, будто ее родимецъ бьетъ.

Проходитъ часъ, другой, въ напрасныхъ поискахъ. У панночки очи засвѣтились волчьимъ огнемъ.

Вдругъ раздался хриплый голосъ упыря:

— Нѣтъ, намъ безъ шинкарки не найти его!

— Такъ подайте сюда шинкарку,—сказала грозно панночка.

Упырь и двѣ вѣдьмы бросились за нею.

Черезъ нѣсколько минутъ, видитъ дьячекъ, прилетѣла на лопатѣ шинкарка—блѣдная, простоволосая, въ длинной рубашкѣ.

— Ты, сука, куда дѣвала дьяка? подавай намъ его! приказывала яростно панночка.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! отвѣчала шинкарка, указывая на него.

— А, такъ ты здѣсь! а, такъ ты въ моихъ рукахъ! закричала дико панночка: у-у-у! завывла она, какъ голодная волчица, и хотѣла уже броситься на него.

Но въ ту жъ минуту дьякъ придавилъ пѣтуха подъ мышкой; онъ

заголосилъ: ку-ку-ри-ку!... и панночка навзничъ упала въ могилу и скрылась въ ней, и нечистой силы—какъ не бывало!

Такъ любовь чуть-было не погубила, любовь же и спасла дьячка.

Въ Новомосковскѣ, можно бы собрать въ народѣ, не одну замѣчательную легенду, пѣсню, преданіе, сказку.

Григорій Надхинъ.

ПОСЛѢ ПОѢЗДКИ НА ВОЛЫНЬ.

Я выѣхалъ изъ Волыни въ такія лѣта, когда могъ быть только безмолвнымъ и безучастнымъ свидѣтелемъ всего вокругъ меня живущаго и дѣйствующаго. Мои воспоминанія о родной жизни, о нравахъ и обычаяхъ моихъ земляковъ были дѣтскія, безотчетныя; и вотъ, я возвращался на родину какъ въ землю невѣдомую, и думалъ, что я, пожалуй, буду чужой даже среди родныхъ. И я не ошибся; даже подъ родптельскимъ кровомъ я встрѣтилъ чуждую для меня жизнь. Неразъ я задавался вопросомъ: для чего отрывать меня отъ родной почвы, отъ родной жизни? Нужно ли это было? разумно ли? Въ этомъ случаѣ, имѣлась въ виду цѣль—образовать молодыхъ людей въ *столицахъ* или для занятія видныхъ священническихъ мѣстъ въ *нашихъ заолустьяхъ*, или для учительской должности въ духовныхъ училищахъ. Предоставляю судить всякому, достигалась ли эта цѣль. Священнику нужно знать жизнь своихъ прихожанъ, ихъ потребности, наклонности, а его отрываютъ отъ этой жизни, заставляютъ забыть даже то, что дѣтскій глазъ могъ уже отчасти замѣчать въ родномъ селѣ. Священнику необходимо знать народный языкъ, а его заставляютъ объясняться съ своими прихожанами языкомъ, для нихъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ... Но къ несчастью, или, можетъ быть, къ счастью, мнѣ не удалось попасть на предположенное поприще. «По распоряженію начальства» я воротился на родину, но не для того, для чего меня увозили...

Много представлялось моему воображенію переизмѣнъ на родинѣ въ теченіи восьмилѣтней моей жизни въ Петербургѣ. Одно освобожденіе крестьянъ изъ—подъ опеки помѣщиковъ на волю много могло перевернуть во взглядахъ и жизни народа. Я думалъ встрѣтить своихъ земляковъ возродившимися къ новой жизни; я думалъ, что они перестали оплакивать свою горькую долю; я думалъ, что, вслѣдствіе распространенія вездѣ школъ (а онѣ росли въ послѣднее время, точно грибы послѣ дождя), въ нихъ пробудилось сознаніе разумной и само-

стоятельной дѣятельности. Съ такими—то думами я ѣхалъ на родину! Но жизнь наша идетъ независимо отъ логики. Кажется, чего бы лучше? Крепостныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ кончались; ничто, повидимому, не препятствуетъ проявленію дѣятельности самостоятельной; а на дѣлѣ выходитъ иначе. Недоумѣваешь, отчего это такъ; а какъ присмотришься къ жизни бѣдныхъ труженниковъ, недоумѣніе исчезаетъ...

Не доѣзжая до Кіева по сю сторону Днѣпра, я встрѣчалъ много селянъ—украинцевъ, которые *попасали* своихъ лошадей и воловъ. По моему наблюденію, ихъ нисколько не привлекалъ Кіевъ, который такъ величественно раскинулся по горамъ, прославленнымъ историческими преданіями и поэтическими сказаніями южнорусскаго народа. Они даже не смотрѣли на эту великолѣпную картину; ихъ взоръ блуждалъ гдѣ—то далеко, искалъ стеней малонаселенныхъ, искалъ лѣсу уединеннаго и, казалось, съ удовольствіемъ останавливался на безлюдной мѣстности. Отчего бы это такъ?.. Ясно,—отчего. Украинецъ знаетъ, что жизнь въ городахъ не его жизнь,—ему тамъ тѣсно; тамъ на каждомъ шагѣ его ограничиваютъ, стѣсняють, тамъ надо ему извратить, изломать себя, чтобъ жить. Украинецъ любитъ степь, оттого, что только тамъ для него просторно и привольно; никто тамъ не скажетъ: «здѣсь не твое мѣсто!» Быть—можетъ, онъ не разъ уже бывалъ въ Кіевѣ; быть можетъ память его полна рассказовъ о его чудесахъ, рѣдкостяхъ; но онъ знаетъ, что ему многого не дадутъ посмотреть, и, пожалуй, выпроводятъ изъ всякаго общественнаго мѣста... изъ—за чего же ему интересоваться? Онъ знаетъ, что тамъ господствуютъ паны, да жидаы.

Къ слову—о жидлахъ. Грустное и непріятное впечатлѣніе легло на мою душу при видѣ жидовъ. Нельзя не пожалѣть объ ихъ горькой долѣ—влачить жизнь среди другихъ народностей, быть ихъ посмѣшницею, терпѣть презрительные укоры, переносить унижительныя для человѣка притѣсненія, страдать и въ тоже время не видѣть ни отъ кого участія къ своему страданію. Тутъ приходило мнѣ невольно на память маленькое происшествіе, которому я былъ очевидцемъ лѣтъ 12 тому назадъ, когда изъ роднаго села ѣхалъ въ кременецкую бурсу *на учење*. Въ то время была чрезвычайно дождливая погода и большія дороги превратились въ непроходимую грязь. Недалеко отъ м. Катербурга случилась огромная *баюра* (лука), чрезъ которую никакимъ способомъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не влѣзть въ грязь по—поясъ. Случилось тутъ ѣхать крестьянину на волахъ.

— Перевези мене, чоловіче, *безь баюру*, сказаль жидь, шедшій въ Катербургъ, обращаясь къ крестьянину.

— Сядай, псяхю, сказаль тотъ, презрительно осматривая жидъ съ головы до ногъ.

Едва только они проѣхали половину баюры, крестьянинъ какъ-бы опомнился и спросилъ своего компаньона: «шо ти дася мені за те, шо я тебе перевезу?»

— А шо тобі дати? дамъ килішоць горілки, якъ приїдемо до Катербурга».

— То и тебе за килішакъ горілки буду везти до самого Катербурка? Давай пізолотого, а коли не хочешь, заразъ вилазь у болото». И чрезъ нѣсколько секундъ жидъ очутился въ болотѣ.

Тяжело такъ жить; нужно имѣть много бодрости духа, стойкости характера и твердости воли, чтобъ жить такъ, какъ живетъ жидь; нужно быть закаленнымъ до послѣднихъ предѣловъ, пройти сквозь огонь и воду, чтобы такъ нечувствительно относиться ко всему, враждующему съ нимъ. И жидь, дѣйствительно, таковъ! Онъ и среди горькой доли не унываетъ; онъ смѣется надъ презрѣніемъ и насмѣшкми, съ которыми относятся къ нему его новые соотечественники. Шлюйте ему въ глаза, онъ не обидится этимъ, и тутъ же не упуститъ случая надуть васъ. Вы отворачиваетесь отъ него, чтобы избавиться отъ его непрошеной помощи, а онъ забѣгаетъ къ вамъ съ другой стороны съ вопросомъ *czego pan potrzebuje?* (что вамъ угодно)? Это васъ злитъ, выводить изъ терпѣнія, но вы вспомнили, что вы первый разъ приѣхали въ *этотъ* городъ и что безъ содѣйствія жидъ вамъ нельзя обойтись. Жидь это знаетъ, и вы не успѣли еще прійти въ себя, онъ уже въ одной ерможкѣ стоитъ передъ вами и готовъ за *пізолотого* обѣгать весь городъ, чтобы отыскать тó, чего вамъ нужно.

Надобно замѣтить, что въ Волынской губерніи пути сообщения чрезвычайно затруднительны; тутъ много помогаютъ жида. Жидовскія *балагулы* играютъ у насъ роль дилижансовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ почти мѣстечкѣ, есть своего рода станціи, откуда эти балагулы отправляются. Цѣны за мѣста въ балагулахъ довольно незначительны, особенно въ сравненіи съ в.-русскими извозчиками, но пока вы найдете балагулу, пока выйдете изъ города, у васъ выйдетъ не мало денегъ. Нужно дать *фактору* за тó, что онъ отыщетъ *подрядчика*, нужно дать подрядчику, который, давая вамъ въ залогъ свой

паспортъ, обязывается на извѣстный срокъ и за извѣстную цѣну найти вамъ балагулу; наконецъ, надо дать кое-что и хозяину балагулы на водку, сверхъ платы за балагулу. Но это бы еще ничего; послушайте дажѣ. Если съ вами ѣдутъ христіане, то вы счастливы. Вы можете остановиться гдѣ вамъ угодно, съѣсть и выпить, что вамъ угодно. Бѣда, если судьба сведетъ васъ въ балагулѣ съ одними жидами: тогда вы въ полномъ ихъ распоряженіи. Ни одной корчмы они не пропустятъ, вездѣ у нихъ знакомые, вездѣ у нихъ дѣла. Приходится иногда по часу, по два, ждать, пока они справятся съ своими дѣлами. Тутъ не помогаютъ ни мольбы, ни даже угрозы—не заплатитъ денегъ. «Заразъ, заразъ!» отвѣтитъ онъ вамъ стараясь уйти отъ васъ, чтобы вы снова не наставали. При выѣздѣ изъ Любаръ, въ которомъ мы простояли три часа, гдѣ-то пропалъ одинъ жидъ, и мы должны были на выѣздѣ, у корчмы, простоять еще часа два, пока его не отыскали; ему, видите, захотѣлось повидаться съ однимъ своимъ пріятелемъ! Вотъ еще случай. За 7 верстъ до Бердичева, балагула останавливается. Что это значить? спрашиваю я.

— Будемъ Богу молиться, спокойно отвѣчаетъ мнѣ жидъ.

— Бога вы побойтесь: вѣдь не далеко Бердичевъ,—тамъ помолитесь.

— Мы заразъ... И это *заразъ* тянулось два часа.

Жидъ никогда не уважитъ вашей просьбы, если она не приноситъ ему барыша; но если гдѣ чуется хоть малѣйшую выгоду, онъ, по одному вашему намеку, готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно. Вы пріѣхали въ корчму, въ которой балагулѣ намѣренъ *ponasatъ* лошадей. Вы еще не успѣли сойти съ балагулы, жидъ, вашъ компаньонъ, съ участіемъ вамъ предлагаетъ: *może pan chce herbaty? Ja powiem-nieskъ rani samowarъ postawię*. (Неугодно ли вамъ чаю? Я скажу, чтобъ вамъ поставили самоваръ). И какъ онъ радъ, какъ скажешь ему: *da!* Какъ онъ хлопочетъ тутъ, суетится... изъ-за чего? изъ-за стакана чаю. Мнѣ приходилось во всю дорогу, отъ Житомира до Старо-константинова, пить ѣхавшихъ со мною жидовъ своимъ чаемъ.

Въ—продолженіе полугода жизни на Волини, мнѣ неоднократно приходилось сталкиваться съ жидами: тутъ-то я по опыту убѣдился, что чѣмъ благороднѣе, мягче и человѣчнѣе съ ними обходяшся, тѣмъ наглѣе они становятся, тѣмъ съ большими презрѣніемъ они на тебя смотрятъ и тѣмъ усерднѣе стараются тебя надуть. Это люди изолированные, люди, для которыхъ интересы другихъ народностей, нахо-

дящихся въ самыхъ тѣсныхъ съ ними сношеніяхъ, ничего не значать. Жидъ живетъ *для себя*, во имя того убѣжденія, что онъ выше всѣхъ, не принадлежащихъ его племени и не почитающихъ Іеговы такъ, какъ онъ почитаетъ. Къ этому привела его исторія; поступать такъ съ чужими иновѣрцами, заставляетъ его законъ (*). Онъ помнитъ, что дружественныя отношенія его предковъ къ сосѣдямъ—иновѣрцамъ всегда сопровождались гибелью для нихъ; онъ помнитъ, какимъ бѣдствіямъ подвергались они за пренебреженіе законовъ Іеговы и за поклоненіе богамъ чужимъ. Онъ все это помнитъ, и изъ всего этого вывелъ урокъ—не сближаться ни съ кѣмъ, смотрѣть на другіе народы, какъ на враговъ, готовыхъ отнять у него завѣтъ его отцовъ, завѣтъ Іеговы. Онъ боится ихъ по безсилію своему и въ тоже время ненавидитъ и презираетъ ихъ, во всякомъ случаѣ считая себя выше всѣхъ, считая себя народомъ, которымъ вѣкогда управлялъ самъ Богъ, предназначая для высшихъ цѣлей. Онъ съ гордостью можетъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать, что ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козаковъ, не измѣнили ихъ ни на одну іоту. Надо дивиться живучести этого племени, лишеннаго отечества и считающагося *отрѣбіемъ* вездѣ, куда ни заносила его судьба.

Вглядываясь въ жизнь жидовъ, вы съ изумленіемъ останавливаетесь на ихъ вѣрности самимъ—себѣ, вѣрности тѣмъ началамъ, которыя разъ на всегда усвоены ими. Жидъ XIX в. ничѣмъ не отличается отъ жиды I в.; онъ, собственно говоря, не живетъ, не развиваетъ своихъ убѣжденій, но свято бережетъ ихъ, и гордится тѣмъ, что тысячи лѣтъ прожилъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ. И еще тысячи лѣтъ проживетъ и можно съ увѣренностію сказать, что ни сколько не измѣнится. Онъ живетъ прошедшимъ и живетъ для будущаго, въ которое онъ вѣруетъ, и эта-то вѣра укрѣпляетъ его въ его безотрадной и безпріютной жизни. Для него, собственно говоря, нѣтъ настоящаго; онъ и не живетъ настоящимъ; онъ только запасается средствами для жизни *будущей*; потому-то онъ и не принимаетъ къ сердцу ничего *настоящаго*, дѣйствительнаго. Въ литературѣ, въ послѣднее время, поднялись за евреевъ. Вы думаете, что они это считаютъ услугою для себя съ вашей стороны? Ошибаетесь. Миѣ въ Житомирѣ при-

(*) Желающій можетъ прочитать въ № 25 газ. «День» статью г. Александра; тамъ собраны всѣ правила, какія внушаетъ талмудъ Іудеямъ для руководства въ ихъ сношеніяхъ съ людьми всѣхъ другихъ исповѣданій.

лось встрѣтиться съ жидомъ, который читаетъ русскіе журналы. «Посмотрите», сказалъ онъ мнѣ, «и объ насъ пишутъ!..»

Изъ этого можно заключить, что отношенія жидовъ къ другимъ и не могутъ отличатся челоувѣчностью. Пусть что—угодно говорятъ въ ихъ защиту ихъ сторонники,—жидъ всегда останется жидомъ, и даже *сіонскіе* рыцари, при первой встрѣтившейся возможности и выгодѣ, станутъ въ ряды противниковъ того народа, который считаютъ своими *соотечественниками*. Ротшильды, Миресы, Альперины и др. яснѣ солнца убѣждаютъ насъ, что жидъ можетъ жить только для своихъ выгодъ. Изгнанные, бессильные, безпомощные, они поняли, чѣмъ можно завоевать самыя сильныя государства. Если справедлива ходячая пословица: «деньги — сила», то жидовъ, владѣющихъ этою силою, никакъ нельзя назвать бессильными. И жидъ старается приобрѣсти эту силу, не разбирая средствъ; онъ готовъ у бѣдняка отнять послѣдній кусокъ хлѣба безъ всякой жалости, хотя бы этотъ бѣднякъ, въ прежнее время, платилъ ему втрое дороже противъ обыкновеннаго. Онъ будетъ пользоваться всякою съ вашей стороны ошибкою, и еще посмѣется надъ вами. Въ м. Кузьминѣ я покупалъ какую—то вещь, за которую нужно было заплатить 18 *грошей*; но отвыкну считать деньги на *гроши*, я отсчиталъ жидовкѣ 18 к. ср. Черезъ полминуты братъ напомнилъ мнѣ мою ошибку и я потребовалъ назадъ 9 к. Жидовка всевозможными клятвами увѣряла меня, что я ошибаюсь... И такъ бываетъ на каждомъ шагѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ.

Въ Житомирѣ и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Волынской губерніи странно поражаютъ мѣняльные столики. Ихъ такъ много, что почти предъ каждою лавкою стоитъ столикъ. Эти столики приносятъ большіе барыши жидамъ, потому что мелкой монеты (даже мѣдной) рѣшительно нѣтъ^(*), иногда приходится платить 5 к. за размѣнъ 1 рубля, даже еслибъ вы и покупали что—нибудь.

Еще одно послѣднее сказанье... Известно, какую роль играли жидаы во время существованія «рѣчи посполитой», когда имъ отдавались въ аренду даже православныя церкви. Теперь жидаы не играютъ такой важной роли, но все—таки стараются прицѣпиться къ панскому двору, и рѣдкій помещикъ не имѣетъ *вирника* изъ жидовъ. Не малую роль играютъ теперь жидаы и при исправникахъ, станowychъ приставахъ

(*) Недостатокъ мелкой монеты доказывается существованіемъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—Заславскомъ, Староконстантиновскомъ, бумажныхъ мелкихъ денегъ князя Сангушко.

и др. чиновникахъ. Это первѣйшіе конокрады, контрабандисты и т. п. Своею близостию къ властямъ они стараются обезопасить свои продѣлки и, надо сознаться, это имъ удается.

Вотъ я уже въ родномъ селѣ, среди родныхъ, съ грустью и тоской ожидавшихъ моего прїѣзда, среди своихъ земляковъ, пытливо устремившихъ на меня свои взоры, какъ бы спрашивая, непривезъ ли я имъ изъ Петербурга, *отъ самого царя*, какой-нибудь радостной вѣсточкой про волю. Первое, о чемъ я спросилъ встрѣтившихся мнѣ земляковъ,—это: какъ вы поживаете теперь *на волю?*..

Съ перваго разу меня поразила недовѣрчивость, съ которою мои земляки относились къ помѣщикамъ, ко всемъ распоряженіямъ мировыхъ посредниковъ и даже своимъ непосредственнымъ, своимъ собственнымъ, начальникамъ,—къ волостнымъ и сельскимъ старостамъ. Но надо сознаться, что эта недовѣрчивость не неосновательна. Уставныя грамоты должны писаться по соглашенію помѣщика съ крестьянами; а у насъ, большею частію, все дѣло дѣлалось одними помѣщиками, да мировыми посредниками: крестьяне приглашались въ волостное правленіе *только* для подписи этихъ грамотъ! Полуграмотные и даже вовсе безграмотные, они не вѣрили написанному въ этихъ грамотахъ и даже съ подозрѣніемъ смотрѣли на волостное правленіе, не подкуплено ли оно панамнн.

Кто слѣдилъ за крестьянскимъ дѣломъ, тотъ не могъ не замѣтить, что уставныя грамоты на Воляни писались очень неохотно; и тогда какъ въ великорусскихъ губерніяхъ сотни уставныхъ грамотъ приведены уже были въ дѣйствіе, у насъ и десятка ихъ небыло. Какъ извѣстно, это обстоятельство заставило Волянскаго губернатора ѣздить по губерніи, объяснять дѣло и увѣщевать народъ къ составленію уставныхъ грамотъ. «Я самъ,»—писалъ губернаторъ по этому случаю,—«поѣхалъ по губерніи, по селамъ и волостямъ, *чтобы вамъ лично объявить* царское слово и *разтолковать* вамъ *Положеніе*. Я собиралъ васъ въ разныхъ мѣстахъ. Народа собиралось много, по двѣ и по три тысячи; я нѣсколько разъ читалъ и толковалъ вамъ царскія слова.» Спрашивается, что за причина нежеланія крестьянъ—составлять и подписывать составленныя уставныя грамоты? Неразъ мнѣ случалось заговаривать объ этомъ съ крестьянами, неразъ я допытывался причины, и всегда и отъ всѣхъ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ; «Щожь отсе за воля безъ земли?!» И я ничего не находилъ отвѣтить имъ на ихъ рѣчи, кромѣ того, что земля принадлежитъ по-

мѣщику, что ему давать даромъ землю невыгодно. Видно, горька была здѣшняя опека *паньська*, когда крестьяне не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла, когда имъ тяжелы самыя ничтожныя отношенія къ *моствымымъ* панамъ; разъ навсегда они хотятъ покончить дѣло съ ними—и тогда только они будутъ считать себя вольными. Надо замѣтить, что на Волыни помѣщики большею частію поляки; а извѣстно, что они значили и значать еще въ жизни южнорусса.

Волынь была не только свидѣтельницею, но и театромъ вѣковой кровавой борьбы козаковъ, за свои права и вольности, съ поляками; ей больше всѣхъ доставалось отъ этой борьбы. Будучи населена русинами, подпавшими панской опекѣ, она терпѣла еще и отъ козацкихъ набѣговъ, которые постоянно раззоряли, жгли и грабили мѣстечки и села потому только, что онѣ принадлежали панамъ, не обращая вниманія на то, что чрезъ это страдали ихъ же братья. Волынскіе *хлібороби* все это видѣли и очень хорошо понимали, кто былъ главною причиною ихъ несчастій. Свою неприязнь къ ляхамъ они передавали дѣтямъ и внукамъ, и я не встрѣчалъ на Волыни ни одного крестьянина, который бы отозвался о своемъ панѣ, да и вообще о каждомъ шляхтичѣ, сколько нибудь выгодно. Итакъ, не крѣпостная только зависимость служитъ причиною недовѣрчивости къ моствымымъ панамъ, не она одна породила такую ненависть къ нимъ: иначе шляхтичи простые, не паны, не подпали бы подъ ту же категорію. Самаго лучшаго шляхтича крестьянинъ нашъ окреститъ презрительнымъ прозвищемъ—*ляхисько*, съ прибавкой иногда: добрый. Объясненіе всего этого нужно искать въ исторіи. Вотъ почему наша громада, желая воспользоваться волею, прежде всего хочетъ прекратить всякія отношенія къ панамъ. «Вездѣ», пишетъ волынскій губернаторъ, «гдѣ я собиралъ крестьянъ, они мнѣ объявляли: *хотимъ царскаго выкупа*» (Сѣв. Пч. 1862 г. № 208.

Не смотря на такія отношенія волынскихъ южноруссовъ къ панамъ, воля начала уже обнаруживать свое благотворное дѣйствіе. Вслѣдствіе учрежденій волостныхъ правленій, они очутились подъ управленіемъ людей изъ своей же среды, которыхъ они сами же и выбирали на своихъ *радахъ*. И прежде, во время панованья помѣщиковъ, наши крестьяне часто собирались или возлѣ церкви, или возлѣ корчмы, или гдѣ-нибудь на *горбѣчку*, и здѣсь разсуждали обо всемъ, что только касалось ихъ жизни домашней, взаимныхъ отношеній; тутъ толковали и о своей горькой долѣ, и не одному приходило на память

преданіе о тѣхъ радахъ, на которыхъ когда-то каждый имѣлъ право подавать свой голосъ. Но все это давно было; *було колись... да що не минѣе?!..* Теперь громада получила гораздо больше значенія; ихъ ради стали оживленнѣе; кругъ предметовъ для разсужденія сталъ обширнѣе. Перазъ я видалъ, какъ старички, едва движущіеся, съ палкою въ рукахъ, спѣшили на раду, сказать молодымъ людямъ *акѣ рожѣмне слово*, подать совѣтъ, отмѣченный многолѣтнею опытностію, и приятно было видѣть, какъ внимательно слушали этихъ мудрецовъ и какъ послѣ взвѣшивали и повѣряли каждое ихъ слово. Многие изъ нихъ, вѣроятно, были дѣти тѣхъ, которые были свидѣтелями страшныхъ подвиговъ Гонты и Зализняка, которые жили въ то время, когда на Волини, на Подоли и на Украинѣ (собственно) происходила ожесточенная рѣзня, которые, быть-можетъ, видѣли, какъ съ живаго Гонты, уполномоченный польскимъ правительствомъ, *режиментарь* Стемпковский, сдиралъ полосами кожу, отрубалъ ему руки и ноги, вырывалъ сердце и, наконецъ, четверговалъ. Они, вѣроятно, слышали эту печальную повѣсть отъ своихъ отцовъ и, конечно, не могли въ душѣ не питать благоговѣнія къ людямъ, мужественно ратовавшимъ за вѣру и свободу, и, безъ сомнѣнія, отъ чистаго сердца оправдывали ихъ жестокою местью соплеменникамъ, безразсудно нарушавшимъ ихъ права человѣческія. Они помнили рассказы своихъ отцевъ, какъ въ ихъ время собирались подъ открытымъ небомъ рады, и могли руководить своихъ преемниковъ въ *громадських* сходкахъ. Любо было слушать какъ староста, обращаясь къ собравшимся на раду крестьянамъ съ словами: *панде-громадо!* предлагалъ на ихъ разсужденіе каждое слово мирового посредника, каждое рѣшеніе волостнаго правленія.

Я слышалъ, что въ великорусскихъ губерніяхъ волостныя правленія отличаются деспотическими тенденціями, особенно поближе къ большимъ городамъ, усвоивая тотъ же духъ и направленіе, которые господствуютъ во всѣхъ почти русскихъ присутственныхъ мѣстахъ. «Придешь завтра!» обыкновенно говорятъ *волостные* (старосты) своему же брату, хотя бы у послѣдняго было самое необходимое дѣло. Не знаю, получили ли здѣсь право гражданства взятки; но достоверно знаю, что, по окончаніи всякаго дѣла, все начальство отправлялось въ кабакъ для угощенія на счетъ того, въ чью пользу рѣшено было дѣло... Бываютъ попойки и у насъ, но тутъ все дѣлается цѣлою громадою, и каждый, не исключая и старосты, покупаетъ горілку на свои гроши и *частѣе* кого ему угодно. У насъ, кажется, поняли, что ста-

роста есть представитель громады; онъ долженъ заботиться объ ея интересахъ: потому только громада и согласна платить ему жалованье. Въ с. Г—кахъ С. уѣзда рассказывали, будто помѣщикъ подарилъ старостѣ двѣ или три десятины земли, съ тѣмъ, что бы онъ радѣлъ объ его интересахъ. Узнавши это, крестьяне этого села отказывались и слушать его и давать ему деньги на жалованье, говоря: *»нехай ёму панъ платитъ, бо вінъ панові служитъ»*. А надо замѣтить, что паны, особенно мелкопомѣстные, чрезвычайно хлопочуть о томъ, чтобы склонить старость на свою сторону. Въ с. З—цахъ С—го уѣзда, паны приглашали старосту къ себѣ въ гости, обращались съ нимъ за панибрата, угощали его *тербатомъ* и съ изумительною вѣжливостію пожимали ему руку. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они и уснѣвали, особенно если взять во вниманіе неопредѣленность теперешнихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Но если старосты увлекались льстивыми предложеніями пановъ, то старались, чтобы ничего этого не знала громада, потому—что, во всякое время, она готова сказать своему старостѣ: *»покинъ, неидний сіне, свое старство,—іоді тобі накувати; бо ти нашъ хлѣбъ їси, а чор'зна кому служишь»*...

Отношенія нашихъ крестьянъ къ духовенству нѣсколько отличаются отъ великорусскихъ. Въ Великороссіи духовенство и церковь составляютъ что—то особенное отъ народа, почти внѣшнее по отношенію къ нему. На Волыни я встрѣтилъ совершенно другой взглядъ; тамъ церковь и народъ—это одно цѣлое, а священникъ—приставникъ къ церкви и народу, блюститель человеческого спасенія.

Къ замѣчательнымъ церковнымъ учрежденіямъ, доказывающимъ вышепоказанныя отношенія крестьянъ къ духовенству, принадлежатъ такъ—называемыя *братства*. Братство составляютъ зажиточные прихожане обоюга пола. Главную принадлежность каждаго *братчика* и каждой *сестрички* составляютъ большія восковыя свѣчи, съ которыми они стоятъ въ церкви во время важнѣйшихъ частей богослуженія, напр. во время чтенія евангелія, при освященіи св. даровъ и т. п. «Это обычай древнихъ братствъ; такъ стояли нѣкогда, съ собственными зажженными свѣчами, князья, дворяне и другихъ сословій братчики въ Львовѣ, Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ и др. мѣстахъ (*)». Братчики, во главѣ которыхъ стоитъ церковный староста и ключникъ, суть посредники между священникомъ и прихожанами. Находить ли нужнымъ

(*) Киевск. Епарх. вѣд., № 8.

священникъ что-нибудь сдѣлать въ церкви,—произвести починку, купить какую-нибудь вещь,—онъ обращается къ братчикамъ, и безъ ихъ совѣта ничего не вправѣ сдѣлать. Братчики, посоветовавшись между собою, объявляютъ громадѣ, и если предложеніе священника будетъ принято всѣми, то они берутъ на себя обязанности исполненія. Впрочемъ, братчики, и безъ всякаго напомниманія священника, считаютъ своею обязанностию заботиться о церковныхъ пользахъ, о приращеніи церковнаго имущества, объ украшеніи храмовъ, о приобрѣтеніи нужныхъ для церкви вещей. На ихъ же обязанности лежитъ заботиться о церковныхъ домахъ и другихъ зданіяхъ, принадлежащихъ церкви.

Правда, *братства*, въ настоящее время, вслѣдствіе политическихъ перемѣнъ, потеряли то огромное значеніе, какое онѣ имѣли прежде, когда отношенія югозападнаго края къ сосѣдямъ, были федеральныя; но нельзя и теперь не замѣтить слѣдовъ ихъ существованія въ дѣятельности на пользу церкви и прихожанъ. Они видны въ такъ называемыхъ *братскихъ* и *сестричьихъ* обѣдахъ въ храмовые праздники, поминальные дни, на проводы (радонца) и др. праздничные дни назначаемые по согласію братчиковъ и сестричь. Братскіе обѣды приготавливаются обыкновенно въ дни св. Николая, Георгія великомученика и др. на счетъ зажиточныхъ прихожанъ и непременно братчиковъ; а сестричьи въ дни св. Варвары, Екатерины и др. Въ назначенное время братчики и сестрицы, по общему соглашенію, приносятъ на *цѣмтартъ усе, чимъ спожіи имъ Боиъ*. Послѣ обѣди и *парастаса*, въ хорошую погоду, обѣдъ приготавливается подъ открытымъ небомъ близъ церкви, или въ колокольнѣ; въ случаѣ же неблагоприятной погоды,—въ домѣ священника, что у насъ, впрочемъ, рѣдко, а большею частію, въ *школь* (такъ называется жилище дячка и пономара), или въ частной *хатѣ*, близкой къ церкви. Послѣ краткой литіи начинается собственно обѣдъ, за которымъ братчики и сестрички прислуживаютъ всѣмъ, начиная отъ священника и оканчивая послѣднимъ, покрытымъ лохмотьями нищимъ. Эти обѣды вполне носятъ на себѣ черты, напоминавшія *вечери любви* первенствующихъ христіанъ. Если гдѣ, то особенно здѣсь, священникъ удобнѣе всего можетъ оказывать благотворное вліяніе на прихожанъ своими совѣтами и наставленіями; тутъ онъ ближе всего къ нимъ.

Дѣятельность теперешнихъ братствъ ограничивается предѣлами только своей церкви, да и здѣсь онѣ не находятъ для себя простора,—

во-первыхъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ, которыхъ у *кри-нака-хлібороба* всегда мало, а во-вторыхъ, по вмѣшательству другихъ лицъ, не принадлежащихъ непосредственно къ ихъ церкви. Если бы данъ былъ просторъ ихъ дѣятельности, если бы ничто не стѣсняло ихъ извнѣ, тогда никто не жаловался бы на недостатокъ школъ для народнаго образованія, богадѣлень для пріюта бѣдныхъ и престарѣлыхъ. Все это явилось бы, — потому-что и цѣль братствъ церковныхъ, по своему первоначальному значенію, состоитъ въ томъ, чтобы доставлять все нужное для духовнаго блага своихъ братьевъ; а какое благо выше для человѣка, если не просвѣщеніе?

Чтобы не подумалъ кто-нибудь, что это неосуществимая мечта, укажемъ на существованіе одного братства въ Кіевской губ. Каневского уѣзда въ с. Дыбинцахъ. «Оно существуетъ и теперь въ такомъ же видѣ, въ какомъ существовало и въ прошломъ столѣтіи; тоже устройство, тотъ же порядокъ, тѣже цѣли и средства, все тоже до малѣйшихъ подробностей. По-прежнему, продолжаютъ сходки и совѣщанія братскія и приговоръ ихъ обязательнъ для всѣхъ по-прежнему... Неодно содержаніе и украшеніе храма Божія, не одни поминальные и праздничные обѣды озабочиваютъ и теперь это братство», — но также «пособіе обѣдѣвшимъ братьямъ и вообще бѣднымъ, погребеніе бѣдныхъ, обученіе желающихъ грамотѣ и гончарному мастерству, и главное — поддержаніе нравственной чистоты въ обществѣ... Всѣ провинившіеся предъ уставомъ братскимъ, предъ судомъ нравственности и мнѣнія общественнаго, подлежатъ суду братства и не могутъ противиться ему... Судъ этотъ употребляетъ различныя наказанія, преимущественно денежные пени; но главная цѣль наказаній состоитъ въ томъ, чтобы виновный принесъ раскаяніе предъ братствомъ. Замѣчательно — въ братствѣ никогда не употреблялись тѣлесныя наказанія (*). Глядя на эти братства, какъ бы видѣшь предъ собою собранія первенствующихъ христіанъ, заботящихся о водвореніи чистой нравственности между всѣми членами христіанскаго общества, — видишь, какъ всякій проступокъ, всякій *грѣхъ* искуплялся общественнымъ раскаяніемъ предъ цѣлымъ собраніемъ, — видишь, что тутъ не караилъ *грѣшника*, но исправлял, — видишь все это — и тяжело становится на душѣ, при видѣ упадка нравственнаго значенія христіанскихъ общинъ, или братствъ,

(*) Кіевск. Епарх. Вѣд. № 8.

и съ недоумѣніемъ спрашиваешь: отчего иногда самыя благодѣтельныя учрежденія падаютъ, и въ тоже время самыя нелѣпыя торжествуютъ? Отчего?! (*).

Итакъ, возможны и въ настоящее время подобныя братства; нужно только возбудить громаду къ дѣятельности, напомнить ей ея старое, по причинѣ различныхъ обстоятельствъ, забытое учрежденіе; нужно уяснить ей то благотворное значеніе, какое оно имѣло и можетъ имѣть въ жизни каждаго человѣка. И это тѣмъ легче сдѣлать, что при каждой церкви существуютъ еще братства, — только дѣятельность ихъ ограничена... Кто же можетъ и долженъ это сдѣлать? Мнѣ кажется, что это долженъ и можетъ сдѣлать скорѣе всего священникъ... Но тутъ встрѣчается затрудненіе. У насъ, на Волини, священники пользуются нѣкотораго рода барщиною отъ своихъ прихожанъ, и церковный староста, сколько я замѣчалъ, *обязанъ*, неизвѣстно почему, исправлять для священника всѣ работы *наймита*. Въ настоящемъ году вышелъ указъ, запрещающій священникамъ пользоваться услугами старосты; но противъ этого указа возсталъ большая часть священниковъ, какъ-будто онъ лишалъ ихъ какихъ нибудь правъ законныхъ! Указъ этотъ слѣдовало предъявить церковнымъ старостамъ, — и тогда старосты могли бы прекратить свои унижительныя отношенія къ священникамъ. Чтѣже? многие, на *соборцяхъ* (*), рѣшили — не показывать этого указа старостамъ!

Нельзя не замѣтить, что на Волини отношенія священниковъ къ прихожанамъ не всегда отличаются такими качествами, какихъ бы слѣдовало ожидать отъ христіанскаго пастыря. Неразъ мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ жалобы на священниковъ за то, что послѣдніе требуютъ платы за священнодѣйствія. Бывали случаи, что прихожане, безъ всякой церемоніи, указывали священникамъ на инвентарныя правила и новыя правила, которыми священнику воспрещается брать что-нибудь отъ своихъ прихожанъ за отправленіе священнодѣйствій. Волостныя правленія, сколько я знаю, также противъ платы. Правда,

(*) Почтенный народолюбецъ — христіанинъ теперь можетъ утѣшиться: начальство кіевской митрополіи оцѣнило великое значеніе братствъ и, приглашая священниковъ къ восстановленію этого народно-христіанскаго учрежденія въ видахъ улучшенія содержанія сельскихъ храмовъ, школъ, госпиталей и проч., издало *уставъ братствъ*, основанный на уставахъ братствъ древнихъ, но примененный къ потребностямъ нынѣшняго времени. *Ред.*

(*) *Соборцы* — это собранія священниковъ и всего причта по благочиніямъ для исповѣди и св. причастія во всѣ 4 поста.

многіе прихожане никогда не отказываются давать за труды священнику любимому и уважаемому, хотя бы тотъ и не требовалъ; они возмущаются только принудительными поборами и постыднымъ торгомъ, столь неприличнымъ священнику. Спору нѣтъ, всякій трудъ достоинъ награды; но трудъ священника самъ-по-себѣ долженъ быть наградой. Скажутъ: этимъ сытъ не будешь. Справедливо; но чѣмъ же виноватъ бѣдный прихожанинъ, что съ него берутъ иногда послѣднее? притомъ, развѣ священникъ рѣшительно остается безъ всякаго содержанія? У насъ на Волыни, кромѣ священниковъ—дворянъ, которые имѣютъ иногда свои земли, каждый приходскій священникъ пользуется не малымъ количествомъ земли, которую, вдобавокъ, прихожане сами и обрабатываютъ. Притомъ, они получаютъ еще, хотя ничтожное, жалованье, которое, во всякомъ случаѣ, достаточно для того, чтобы одѣться и обуться. Приходилось мнѣ выслушивать жалобы священниковъ на недостаточность содержанія, на невозможность жить однимъ жалованьемъ, не занимаясь земледѣіемъ и другими промыслами: «а развѣ прилично священнику, приносящему дары Господу Богу, копаться въ навозѣ?» обыкновенно прибавляли въ—заключеніе. Что же вы не вспомните Іакова—брата Господня? Да, наконецъ, позвольте васъ спросить: какъ же живетъ вашъ прихожанинъ, иногда съ огромной семьей, при двухъ или трехъ десятинахъ земли, за которую нужно отбывать барщину помѣщику, да еще платить подушный окладъ? всматривались ли вы когда нибудь въ его жизнь? Если нѣтъ, то посмотрите, сколько онъ переноситъ трудовъ для себя, для своего семейства, для помѣщика, и наконецъ—для васъ?! И при всемъ томъ—опъ живетъ, и живетъ иногда безропотно, надѣлая прибрѣтенными потомъ и кровью грошами и тѣхъ, которые, по—справедливости, могли бы обойтись безъ этихъ трудовыхъ грошей. Пора бы, по одному христіанскому челоуѣколюбію, отказаться отъ трудовыхъ грошей бѣдняковъ—хлѣборобовъ: тогда общество нашло бы другіе, болѣе приличные, источники для вознагражденія васъ.

Можетъ—быть, кому—нибудь будетъ любопытно знать, какова бываетъ плата за священнодѣйствія у насъ на Волыни; сообщая то, чему самъ былъ очевидцемъ.

Родится дитя; повивальная бабка даетъ знать священнику, и ни въ какомъ случаѣ она не должна являться къ нему съ пустыми руками. Не принято, да, притомъ, едва ли бы священникъ согласился дать молитву даромъ; и вотъ баба несетъ ему курпцу и полштофа водки.

Идет родильница въ сороковой день *до вѣводу*,—опять должна нести курицу.

Затѣются въ селѣ свадьбы; прежде всего, заботятся о томъ, чтобы *згодѣти пона́*, что, сколько я могъ замѣтить, самое неприятное дѣло въ жизни крестьянина. Приходятъ къ попу, а нерѣдко и къ *попадѣль* ⁽¹⁾, и начинается *торѣ*, въ собственномъ смыслѣ слова. Одинъ священникъ, немного учившійся въ академіи, когда я замѣтилъ ему объ этомъ, не очень прилично, торгѣ, сказалъ мнѣ: «кто хочетъ жениться, съ того нужно побольше брать, потому что это такое дѣло, что безъ денегъ нельзя обойтись; нужно на что-нибудь жить»... Поэтому—то бѣднякамъ жениться и нельзя!.. Послѣ торга, накануне свадьбы или и въ самый день свадьбы предъ вѣччаніемъ, и женихъ и невѣста представляютъ священнику по одной курицѣ и по бутылкѣ водки. Послѣ вѣччанія, когда молодые идутъ *до вѣводу*, опять приносятся курица и водка...

Умираетъ ли кто,—опять идетъ торгъ: священникъ, съ своей стороны, желаетъ получить побольше, а прихожанинъ хочетъ дать по меньше. Священникъ угрожаетъ *казенными* похоронами... крестьянину этого не хочется—и онъ даетъ послѣднее. Мнѣ удалось быть свидетелемъ одного подобнаго торга. У одного крестьянина была жена; мужъ покойницы проситъ священника похоронить ее *по Божому*, съ *прѣводомъ*, т. е. вынести изъ дому въ церковь съ хоругвями и крестомъ, при колокольномъ звонѣ, и изъ церкви такимъ же образомъ на кладбище, и предлагаетъ за это два злата. «Э! братъ,» замѣчаетъ священникъ: «давай два рубля, а то, коли хочешь, принеси на цвинтарь, то я и даромъ поховаю, по—казенному ⁽²⁾». «*Мені бѣ татуню* ⁽³⁾, *хотѣлось по—христіянски, та я такъ багато гробшей не маю*». Священникъ спускаетъ на 10 злотыхъ, крестьянинъ съ своей стороны прибавляетъ еще злотый. Тяжело было видѣть такую постыдную торговлю при гробѣ христіянки! Черезъ нѣсколько ми-

(1) У насъ, на Волыни, очень часто приходы предоставляются малолѣтнимъ сиротамъ. Въ такомъ случаѣ, вдова, *тѣлостъ—добродѣйка* занимаетъ заштатнаго священника за известную плату, а сама распоряжается приходомъ. Пристраивать сиротъ—дѣло хорошее; но нельзя ли найти иныхъ средствъ,—поблагодѣлать?—въ особенноти для края—съ католичествомъ, и проч.

(2) У насъ священники почти всегда стараются говорить съ своими прихожанами книжнымъ р. языкомъ,—по московски—какъ объясняетъ народъ, не въ силу ли того, что имъ, какъ аристократамъ, неприлично говорить по хлопски?

(3) Такъ прихожане называютъ у насъ священника.

нуть является братъ покойницы. *Щожъ, татуню, чи підете ховати, чи ні?* спрашиваетъ онъ у священника. *»Піду, якъ даєте 8 злотихъ; а то приносить на цвинтарь, то я й даромъ поховую«*, съ стонческою твердістю продолжаетъ священникъ. *»Та вже, проше татуня, не турбуйтеся йти: ми и самі заграбасемъ. Богъ вибачить намъ, бо ми бідні«*. Дѣло, однакожь, кончилось тѣмъ, что священникъ согласился хоронить съ проводомъ; но тутъ другая остановка. Является дьячекъ съ претензією, что ему мало дали,— всего только, кажется, 20 грошей,—и отказывается пѣть. Не правда ли грустная картина?.. И такія картины перѣдки.

Изъ этого краткаго перечня священническихъ доходовъ, нельзя не видѣть, что едва ли не первую роль играетъ водка. При каждомъ, сколько—нибудь замѣчательномъ, событіи въ жизни прихожанина, требующемъ участія священника, священнику приносится водка. Не знаю, приличіе ли получать подобные дары, или занимать земледѣліемъ. Мнѣ кажется, что подобные подарки рѣшительно унижаютъ духовное лицо, какъ въ глазахъ прихожанъ, такъ и во мнѣніи иновѣрцевъ. «Чтожь дѣлать, коли несутъ? Такой ужъ обычай; противъ обычая ничего не сдѣлаешь». Да, вѣдь, на священникѣ лежитъ обязанность искоренять дурныя обычая, и поддерживать и вводить новые, болѣе чистые и благородные. Согласитесь, что прихожанинъ не принесъ бы вамъ водки, если бы вы сказали ему, что это неприлично; а то онъ предполагаетъ, что у васъ иначе ничего и недопросишься, и вотъ онъ несетъ вамъ угощеніе. Что крестьяне не въ пользу этого обычая, это видно изъ того, что въ мѣстечкѣ Кузьминѣ, Староконстантиновскаго уѣзда, прихожане жаловались архіерею на то, что священникъ требуетъ отъ нихъ водки, и просили его уничтожить этотъ обычай.

У насъ есть прекрасный обычай—приносить въ церковь хлѣбы, такъ называемые *книші* (обыкновенно по три) какъ бы въ даръ Богу; приносятъ также и другіе съѣстные припасы. Это напоминаетъ первыя времена христіанства, когда христіане приносили въ храмъ хлѣбъ и вообще все, что имѣли, для вечера любви, и тутъ угощали бѣдныхъ. Надъ этими *приносами* совершаютъ *параствасы* (панхиды), если сверхъ хлѣбовъ положены и деньги,—или *литіи*, если нѣтъ денегъ; но, потомъ, все это обращается не въ пользу непьющихъ, которыхъ иногда довольно много стоитъ на церковной паперти, а въ пользу причта, не смотря на то, что у много священника нѣсколько *стіжківъ* хлѣба стоитъ еще на току необмолоченными. По моему мнѣнію, было бы

лучше хлѣбъ этотъ отдавать весь дьячкамъ и пономарямъ, которые, действительно, не имѣютъ иногда куска хлѣба, или хлѣбъ этотъ продавать, и вырученные деньги отдавать вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія.

Итакъ, всякій согласится, что подобные поборы не приличны священнику. Но какъ же, спрашивается, жить священнику при недостаточномъ жалованьи? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, заниматься земледѣліемъ и копаться въ навозѣ? чтожъ дурнаго въ земледѣліи? Ап. Павелъ, учитель цѣлой вселенной, строилъ палатки, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; онъ не считалъ никакой работы низкою для себя и работать, не смотря на великіе и опасные, въ то время, труды благоговѣствованія слова Божія. Почему же священнику невозможно трудиться? Я не говорю, чтобы священникъ исключительно занимался земледѣліемъ; есть много другихъ занятій, которыя для челоуѣка благороднаго всегда благородны, будь это плотничество, или сапожничество и т. п. Говорить,—что такой-то трудъ низокъ для священника,—значитъ не понимать значенія труда, не понимать христіанства, которое освящаетъ всякій трудъ.

Мимоходомъ замѣчу, что на Волини священническія семейства, по большей части, носятъ на себѣ польскій отпечатокъ; все у нихъ на польскій—*панскій*—манеръ и даже говорятъ они все по-польски; рѣдко гдѣ услышишь книжно-русское слово, а по украински... какъ можно:—*to język ślowski* (это мужичій языкъ). Случалось мнѣ бывать въ нѣсколькихъ домахъ священническихъ, и я замѣтилъ здѣсь двѣ крайности. Во-первыхъ—стремленіе уподобляться полякамъ, которые у насъ считаются цивилизованнѣе другихъ. По пріѣздѣ на Волинь, я затруднялся сначала говорить по-польски и даже, отчасти, по-украински, и обыкновенно съ перваго разу, вездѣ начиналъ по-московски. И что же? въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со мной не хотѣли или не умѣли—не знаю, говорить по-русски и даже по-малороссійски, не смотря на мои просьбы. Другая крайность—это копировать великоруссовъ и говорить по-великорусски, сохраняя въ неприкосновенности всю польскую обстановку. Надо замѣтить, что русское слово какъ-то не гармонируетъ съ польскою обстановкою. Меня удивляло, какъ можно быть до такой степени равнодушнымъ къ родной жизни, къ роднымъ обычаямъ, къ родному слову? Какъ можно до такой степени подаваться вѣншнему, противуестественному, положительно-вредному вліянію? Какъ не понять, что положеніе принятое духовенствомъ, ведетъ его

къ разъединенію съ народомъ, отнимаетъ огромную долю нравственнаго вліянія, взаимнаго пониманія и довѣрія? Сперва я думалъ, что все это происходитъ отъ малоразвитости и малообразованности, но скоро я убѣдился въ иной причинѣ. По дорогѣ, я побывалъ въ кievской академіи; тамъ я замѣтилъ, что нѣкоторые земляки мои говорили, даже между собою,—какъ они думаютъ—по-русски. Сначала я считалъ это дѣломъ привычки; но полюбопытствовалъ спросить: почему вы не говорите на родномъ языкѣ? «Потому», отвѣчали мнѣ, «что малороссійскій языкъ—это языкъ *плебейскій* (!), а польскій и русскій у насъ признаны *аристократическими* (!!). Въ порядочномъ домѣ тебя осмѣютъ, если ты хоть заикнешься по-малороссійски.»

Что жъ это за образованіе, за духовное *просвѣщеніе*, если оно поддерживаетъ такія дикія, затхлыя понятія? Вѣдь эти люди предназначаютъ себя на служеніе народу, который только и говорить по-малороссійски, которому ненавистенъ языкъ польскій и—малопонятенъ и даже неприятенъ для слуха—великорусскій...

Въ Житомирѣ, одинъ господинъ, учившійся въ университетѣ, старался (разумѣется—безуспѣшно) мнѣ доказывать, что нелѣпо дѣлаетъ тотъ, кто хлопочетъ о развитіи народнаго языка,—что и писать по-малороссійски нелѣпо: въ Германіи, тоже много нарѣчій, но только одно получило право гражданства въ литературѣ и въ высшемъ, образованномъ, обществѣ и никто ничего не говоритъ противъ этого. Что за верхоглядство, какое непониманіе въ этомъ сравненіи, выхващенномъ наобумъ изъ *Русскаго Вѣстника*, какое полное незнаніе или неразумѣніе духа исторіи и народностей!... Я не стану вдаваться въ подробный разборъ этой доктринерской нелѣпости: кто читалъ *Основу*, кто жилъ среди своего народа, и знаетъ языкъ его, тотъ ее пойметъ и оцѣнитъ по-достоинству; но приведу, по крайней мѣрѣ, одно соображеніе: что наука и вообще знаніе, коль-скоро онѣ будутъ сообщаться на одномъ какомъ бы то ни было привилегированномъ языкѣ, не достигнутъ своей образовательной и воспитательной цѣли, потому что найдутся тысячи непонимающихъ того языка, на которомъ онѣ сообщаются. Это можно уже видѣть и въ томъ, какъ трудно бываетъ учить малороссійскихъ мальчишковъ грамотѣ по в.-русскимъ, или церковно-славянскимъ, учебникамъ. Этому не понимаютъ—или не хотятъ понять, Богъ ихъ знаетъ,—наши учителя; нерѣдко они угощаютъ своихъ *наравляльн*хъ проповѣдями, которыя трудно бываетъ понять даже и учившемуся уже сколько-нибудь. Крестьянинъ, выслушавъ подобную про-

повѣдь, обыкновенно возвращается къ себѣ домой безъ малѣйшаго на-
зиданія, и садясь за столъ, читаетъ «*Оче нашъ*», попрежнему, т. е.
съ прибавкою въ концѣ: «избави насъ отъ лукаваго *твоего святою*,
и при крестномъ знаменіи, произноситъ слова: *милеця* (вмѣсто *со имя*
Отца; сколько я ни слышалъ вездѣ такъ произносить неграмотные)
и т. п.

Въ Житомирѣ же, я слышалъ и такія сужденія:—мало того,—
что нельзя дѣлаютъ издатели «Основы», заботясь о развитіи украин-
скаго языка и объ наученіи южнорусскаго народнаго быта,—но еще
и *противузаконно*. На какомъ основаніи—это труднѣе понять, не-
жели первое... Жаль, что существуютъ еще такія узкія понятія; они
вредятъ народному образованію, и почти всегда указываютъ въ подоб-
ныхъ проповѣдникахъ шляхетскія тенденціи, или чисто-формальный,
чиновническій, бездушный взглядъ на жизнь, науку и—на закон-
ность.

При такомъ взглядѣ на вещи не мудрено, что воспитаніе и обра-
зованіе поповичей и поповенъ идетъ въ разладъ съ жизнью народною;
имѣ, какъ иноплеменикамъ, чужды и радость и горе крестьянъ, имъ
чужды крестьянскіе интересы, имъ неизвѣстны нужды и потребности
народа.

Извѣстно, что прихожане жертвуютъ деньги въ церковь. Эта жерт-
ва тѣмъ больше соответствуетъ цѣли, чѣмъ лучше распорядятся по-
жертвованными деньгами. Каждый жертвователь, конечно, предпола-
гаетъ, что эти деньги пойдутъ на удовлетвореніе его нравственныхъ
нуждъ. Поэтому, общество, которое создаетъ и поддерживаетъ храмъ—
какъ мнѣ кажется, имѣетъ право желать, чтобы на пожертвованныя
деньги удовлетворялась существеннѣйшая, настоятельнѣйшая, въ насто-
ящее время, нужда края—образованіе—вопервыхъ пастырей, а во вто-
рыхъ—народа. Пусть стѣны храма будутъ просты, пусть иконы оста-
ются безъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, пусть священныя одеж-
ды будутъ только приличны, но небогаты, лишь бы, зато, просвѣ-
щенныя души вѣрныхъ, представить Богу жертву, которая будетъ до-
роже всякихъ драгоценныхъ камней. Правда, не всѣ церкви равно
богаты; есть очень много церквей бѣдныхъ, но за то есть много и
такихъ, которыя могли бы подѣлиться своимъ имуществомъ съ бѣднѣй-
шими. Если иногда имущества церковныя употреблялись на военныя
издержки—и это считалось дѣломъ законнымъ и святымъ, то несрав-
ненно большей похвалы должно бы заслуживать употребленіе его на

народное образованіе. Въ этомъ, съ которой стороны ни глядите, не было бы ничего противузаконнаго и заслуживающаго укоризны. Апостолъ Павелъ сказалъ: «служащіе алтарю, съ алтаремъ дѣлятся»; священникъ, по согласію съ прихожанами и, въ-особенности, съ братчиками, можетъ употреблять церковныя деньги для образованія въ школахъ своихъ дѣтей, и для устроенія, при недостаточныхъ средствахъ прихожанъ, народныхъ училищъ.

Необходимость народнаго образованія на Волыни видна, а пзъ того, что, при различныхъ неблагопріятныхъ столкновеніяхъ съ не всегда благонамѣренными сосѣдями, волынскіе хлѣборобы измѣнялись во многомъ вовсе не къ лучшему, занимствовали много чужаго, нисколько несоотвѣтствующаго ихъ народиой жизни. Этого нельзя не замѣтить на каждомъ шагу. Вотъ дѣвчата доють пѣсни; но что это за пѣсни? Правда, это тѣ самыя пѣсни, которыя пѣлись когда-то давно, давно, во дни народиой славы, но... вслушайтесь: какъ онѣ исковерканы разными вставкамп, напоминающими крѣпостныя отношенія... Не рѣдко въ этихъ пѣсняхъ встрѣчаются польскія слова, а иногда и цѣлыя пѣсни переначены на польскій задъ,—*uslachelnione*; а между-тѣмъ, отъ нихъ вѣетъ какою то невыразимой и невыносимой грустью... Да, горька, вѣрно, доля народа, когда онъ не въ силахъ не только развиваться, но и удержать въ цѣлости и чистотѣ то, что завѣщали ему его предки!

Сколько я помню, 9 лѣтъ тому назадъ, школы при церквахъ на Волыни считались рѣдкостію; теперь при каждой почти церкви есть пѣсколько учениковъ, которыхъ обучаютъ рѣдко священники, а большею частію дячки; но какъ обучаютъ? Такъ, какъ обучалъ Кутейкинъ Митрофанушку. Учитель читалъ: *блаженъ мужъ*... Ученикъ за нимъ повторялъ: *блаженъ мужъ*... *Иже не иде*, продолжалъ учитель; *иже не иде*, повторялъ ученикъ; показывая вовсе не на *иже не иде*, а на какихъ нибудь—*нечестивыхъ*. Вотъ какое ученье! И такимъ манеромъ, бѣдный мальчикъ учится 4, 5 лѣтъ и читаетъ изъ-рукъ-вовъ плохо. «Сколько ты лѣтъ учишься?» спросилъ я въ одномъ селѣ мальчика, читавшаго что-то въ церкви. «5 лѣтъ», отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ ни одного слова правильно не прочиталъ! Ученье это тѣмъ и ограничивается, по большей части, что мальчикъ кое-какъ научится читать часословъ, псалтирь и-то за дячкомъ въ церкви, а иногда и писать, пополамъ съ грѣхомъ, и только. Въ селахъ, гдѣ живутъ государственныя крестьяне, школы устроены на счетъ правительства и

опредѣлено даже жалованье учителямъ,—впрочемъ, и тамъ наука не очень-то процвѣтаетъ... Да, плохо у насъ дѣла дѣлаются...

И день иде, и нѣчь иде
И, голову схопивши въ руки,
Дивѣсся, чому не иде
Апостоль правди и науки..-

И справді, чому не иде?...

На Волини, при православныхъ церквахъ, есть много пустыхъ зданій, принадлежащихъ этимъ церквамъ, которыя или были когда-то жилищами латинскихъ монаховъ, или занимались какими-нибудь польскими школами. Одно такое зданіе находится въ Кременцѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Базиліанскій монастырь. Послыся слухъ, будто въ этомъ зданіи хотѣли устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія. Это было бы прекрасное дѣло, тѣмъ болѣе, что на Волини нѣтъ такого училища, а жиитомирскій пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ не для всѣхъ доступенъ, и приходится ограничиваться образованіемъ, сообщаемымъ доморощенными гувернантками-шляхтянками. Потребность училища для дѣвицъ духовнаго званія уже чувствуется здѣсь священникамъ, и каждый изъ нихъ, вѣроятно, не отказался бы пожертвовать какую-либо часть изъ своего жалованья на устройство его.

Еще есть зданіе пустое въ м. Вишневецѣ, Кременецкаго уѣзда. Писано было въ газетахъ, что графъ Плятеръ, при согласіи и содѣйствіи другихъ помѣщиковъ, хотѣлъ устроить тамъ гимназію; но едва-ли это благородное дѣло состоится. Носятся слухи не совсѣмъ благопріятные на этотъ счетъ. Странно! У насъ ни одно дѣло не обходится безъ какихъ-нибудь, независящихъ отъ насъ, обстоятельствъ.

Видѣлъ я еще одно зданіе въ Староконстантиновѣ; въ немъ живеть соборный причтъ. Вы не можете себѣ представить, до какой степени запущено это зданіе. Вокругъ него навалены кучи навоза; во второмъ этажѣ вездѣ пробиты стѣны и въ одномъ изъ сдѣланныхъ такимъ образомъ отверстій поставлена деревянная лѣстница; и по этой лѣстницѣ прямо со двора, во второй этажъ, ходятъ и люди, и собаки, и свиньи; на корридорѣ грязь, въ комнатахъ—тоже. Недоумѣваешь, отчего это у насъ все вездѣ валится? На что лучше кременецкаго зданія, которое теперь занимаетъ бурса; и оно, несмотря на свою прочность, приходитъ въ упадокъ. Особенно жаль прекраснаго ботаниче-

скаго сада при этомъ зданіи; у хорошаго хозяина онъ приносилъ бы огромный доходъ, а теперешніе владѣльцы сада, прогуливаясь въ немъ, только рассуждаютъ: «а что, если бы этотъ садъ росъ на *Бонь* (гора въ Кременцѣ, съ развалинами древняго замка королевы Боны): тогда бы, вѣроятно, онъ не былъ такъ хорошъ!..

Осдоръ Нелѣста.

21 сентября 1862.

П'ЯТЬ ДЕНЬ ЗЪ ЖИТТЯ X—ГО СТУДЕНТА.

(Вічній пам'яті Т. Гр. Шевченка).

Збудуй хату зъ лободи, та въ чужому не вежи:
Чужа хата така, якъ свекруха лихая!..»

Зъ народної пісні.

Торікъ, на останніх дняхъ черця, заіхавъ у *Охтирку* студентъ X—го університету, В. С. Г., зъ насъкими книжками, и мавъ їхъ при собі чималенько. На той часъ лучивсь у паньському селі *Каплунівці* ярмарокъ, на Івана Купала. Село жъ Богодухівського повіту, верстовъ за 20 відь *Охтирки*. Заіжжіи чоловікъ, подумавъ, погадавъ, розживсь на підводу, та й зиявсь зъ своїмъ крамомъ до гурту, за день до Івана. Поіхавъ, якъ п слідъ, Каплунівською улицею (а впшавсь добре и не голодний), жушанецъ на ёму блакитної китайки ледаченькій, сорочка шита червоною заплоччю, а стѣжка довгими ків'цями такъ и має на всі заставки (бо вже й вітерець схопивсь обь обідній порі,) — въ солом'яному брилі зъ шірокими крисами, въ шкаповихъ черовникахъ п въ заялозеннихъ пістрѣвпхъ штаніхъ; тільки и краєи на ёму, що добрий червоний каламайкавий поясъ.

Вулиця широка й рівна, мовъ плугомъ заорана; тільки верби та садовина поперехп'ялись черезъ тини та коливають віттямъ, куди вітеръ віе... Іде шляхомъ огрядий, понурій чоловікъ, въ сірій кирі, щіпкомъ підпир'яючись...

— Добридень, дядьку!« каже зъ воза Г.

— Здоровь!« відказавъ чоловікъ.

— Тирру, періста!.. Чи це шляхъ у Каплунівку?«

— Цей сампй, козаче!« додавъ землякъ.

— Скажіть, будь ласкові, добродію, чи не були ви часомъ на тімъ тижні у *Хухри*: здаеця, я бачивсь зъ вами у *Хухрянського* дяка?.. Якъ ви прозиваетесь?« зашпавъ знову Г.

— *Буцай*, Карпо. Братъ мій Сидіръ возивъ туди хуру, мозъ зъ нимъ и спіткався?«

— Эге, такъ и е: обляччямъ вінъ дуже скида на васъ:—сказано, рідь! Ну, спасбі жъ, прощавайте! Кланяйтесь низенько Сидору Улаговичу, хай здоровъ буде: добре ми зъ нимъ потеревенили; перекажіть, що крамарь зъ книжками згадує ёго,—пехай чита на здоровья!.. А чи не знаєте, часомъ, добродію, де бѣ мені тута розжитись на бечівку: віжки щось овсі знехтувані?...«

— Та ідь прямо, а онъ-то, цабѣ, сама хата зъ намазаннимъ верхомъ—*Коза Кіндратъ* живе, у ёго й спитай: вінъ чоловікъ дорожній...«

— Добре! Тричі дякую, дядьку!«

— Ідь здоровъ, Боже поможи сиродатись!«

— Спасибі!« одмовивъ крамарь; а далі яснувъ пугою, та й звернувъ до *Кози*. Кіндрата не було дома,—десь у дорозі; хазяйка жъ пішла черезъ улицю до куми, чи що, а відъ дівтори, що грались у дворі, толку не добивсь. Нічого було ёму робити. Напивсь зъ відра води, утерсь рукавомъ, на візъ—та й далі...

На виїзді зъ Охтирки, по Каплушівській дорозі, у праву ручъ, буде обкопане ровомъ городянсько гробовище, зъ гостроверхою церквою, вкрите зеленимъ тонконігомъ и сизою заплоччю та рясне хрестами... Трохи далі—на белебині—стоїть кущъ витряківъ, обвішавши криза мовъ пидки въ жару... а шляхъ у Каплушівку поривсь геть гадюкою проміжъ хлібами...

Околицею, зъ обохъ рукъ нивья, скілько окомъ кинути... Сонце стало на-півдні. Спека страшенна; марево жъ миготить, наче біжить полемъ, мовъ та філя на морі... Де-не-де виткнетця у бальпі хуторець, и побіля замаачать верби, опутивши гілля, мовъ окропомъ опарені... А огляньсь назадъ—такъ Охтирка и кветця тобі въ вічі своїми густими садками й зеленими банями на церквахъ... И такиньки усе ажъ верстовъ на 10 до первого шинку.

На 10 верстовъ, сюди й туди по-надъ шляхомъ, купою стоять и сумують *козацькі могили*, мабутъ зъ тридцять, коли не більше. Що то за могили, и черезъ віщо вони *козацькі*, не допятавсь ні въ кого нашъ Г., хочъ и въ шинкѣ заходивъ, де вже, звісно, не безъ людей, а надто ще й підъ ярмарокъ. Побалакавши зъ людьми, й напоївши шкапу, крамарь роспитавсь про дорогу й рушивъ собі помаленьку.

Дорогою траплялись їму люди то зь ярмарку, то простували туди жь таки.

Чоловіки стрижені усе густо вь стіжокъ, а підголенийх чубівъ щось не видно було, якъ у де-якихъ селахъ Лебединського и Зіньківського повітівъ. На головахъ часомъ здорові пояркові брилі, отъ якъ у полуденнихъ повітахъ Чернігівщини... Жінки вь спідницяхъ, білше кубовихъ зь вишневими квітками, и вь баєвихъ юпкахъ; були и вь кормазиннихъ, або жовто-гарячихъ картацькихъ плахтахъ зь колісчастими запасками спереду...

Дорога їму відь шинку простяглась трохи балкою и усе жь таки степомъ. Зновъ пашня на обидві руки. Трава місцями добряча, некосена. Гречки ще е тільки на сході. Житя і прядіва гарненькі. Плоскоті рідко. На небі мовъ жабуриння пошьялись скрізь білі хмари. Сонце маєрпть міжъ ними—то засяе, то овсі змує — и вже геть звернуло зь полудня. Спека стала спадати... Жайворонки, знявшись зь гніздъ, залявають собі по-надъ нивьямъ... Вітрець подуха, и мовъ на дощъ збираєтця... Широко дийш собі и вивайся тиею благодаттю, що вітає скрізь по полю, мовъ у раі—ніхто тобі не забороне!..

Верстовъ за сімъ, не доіздячи до Каплунівки, ажъ генъ-генъ, дабе, широкою борозною повоклясь ліси... Підїзжаючи до хут. *Осітляієв*, мабуть верстовъ за 5 відь Каплунівки, стала поривця вь полі і птиця: шуліки (рябі, половики), гави и припотні... Це вже завжди така приміта: де люди обертаютьця—то і птиця живитьця побіля нихъ. Вяявились и баштани вь степу зь навязанимъ по тичкахъ пирьямъ, щобъ то хижу полохати птицю (отъ, якъ горобця, сороку, гаву і вишнихъ), — забороняти огородину відь шкоди. Здалека ще видко було і Каплунівку вь долині—ось-ось, незабаромъ, та і вь селі...

Г. люльку вже пихкавъ-пихкавъ, нєкаючи на шкапу, а вона щось пристає... А тутъ и те спада на думку, що і ярмарокъ вже становитця—и, чого доброго, і місце путьне втеряешъ. Сякъ-такъ, переваги-ваги, якъ тамъ кажуть, допхавсь вінъ підь село, ставъ на взгірі, давъ кобилі спочивокъ, и самъ трохи обдививсь..

Ажъ тутъ, надъ яромъ, вповоджъ ёго, зь одного боку, угленька цегеляня, а тамъ, по-одаля, підь горою—паньські цегляні кошари довгі-довгі: ознака, що панъ кохаєтця вь шлєнці; внизу — путьній ставокъ, и черезъ ёго ледаченькій містокъ (вже краще було бь добру греблю зробити, и на довше бь стало!); за ставкомъ на Стрибулькуватій горі церква, а геть далі горою, уквичаною лісчиною, вербами

и садовиною, поплялися затишні й розлогі хатки Каплунівських селян... Шляшокъ до міста поснувавсь по горі проміж хатками, до самої церкви, звідкіля й розлагався людській гомінъ, аж лунало навкруги...

Перше найперше, що кинулось у вічі нашому крамареві, були *Рашавці*, зъ довгими ціпками, народъ ручій, зрячий, високостанний, вв'язко стрижений, въ поганенькихъ солом'янихъ бриляхъ, въ драненькихъ кущинахъ и въ засмальцьованихъ полотнянихъ штанихъ; чоботи на нихъ зъ довгими халявами; коженъ зъ добримъ клункомъ за плечима, а поверхъ тихъ клунківъ вв'язка личанихъ полотенківъ на решета... По хуторахъ розказують про нихъ, що Рашавецъ муху має въ носі, затимъ, що які бъ злоці не були собаки, ні-за-що ёго не рватимуть. А черезъ вищо жъ се... Бачите, вони халяви змазують вовчигъ лоемъ: отъ собака якъ нюхне—и візьме її жажъ, и піде верещати... Стояли ті *Рашавці*, якъ вартовики, низкою; де-хто въ потилиці чухавсь. Отъ одинъ и каже:

— Нема щось сходу и нашому товарові! Онъ, позаторікъ, або и спрежду, оце було зовсімъ спродаеся; а теперъ, чи не врожаі, чи отта Москва, що почала плентатись по всіхъ усядахъ... Гляньте, братця, якого іхъ суди налінуло!... (показує на Суздальцівъ що зайняли рядъ зъ образами, ложками, поясами и иншими мантулками):— овсі хлібъ отбивають...«

— Та що й казати, панове!« додавъ другій: »якъ я ще хлопцювавъ,—далебі було—нехай старі тільки постачають, якъ метнутця наші парубки скрізь по ярмаркахъ!...«

— Святе діло,—відказавъ матернішій. »А теперъ?.. Разъ черезъ тихъ становнихъ, якъ зайдешъ у село, соцькихъ та десяцькихъ, життя нема,—а то й зъ людьми набалакаеся, поти збудишъ, або обмінишъ що-небудь: розбирати, бачъ, почали, доти намацають своє, та й то до-схочу; дорого заправишъ—и рукою махне; а хлібъ же треба зъ чогось істи?...«

Г. заіхавъ на постояльний, заложивъ сінця шкapiці, звівъ книжки въ зайву хатину, а самъ пішовъ ярмаркомъ відшукувати міста, де бъ то краще притулятьця зъ своїмъ крамомъ, щобъ и людямъ видно гараздъ та й собі стояти веселішъ.

Місьцями тута орудує соцькій, довготелесий чоловікъ, трохи зъ підсинений окоми и зъ мідною бляшкою на свиті, въ поярковому брилі, зъ вв'язовнимъ вище поперека ціпкомъ,—звісно якъ у начальства.

— А де бь туть, пане соцькій, одібрати місце?« каже, піднявши руку до крись, Г.

— *Какій* у вась товарь?« зпштавъ соцькій.

— Та зь книжками, добродію: аби бь, знаєте, стілъ де поставити на доброму місці, щобь людімь видніше.«

— Вибрайте *де завгодно*; тільки вже, звісно, поторгувавши, *треба соцького*...«

— Та добре, добре! Уже ми звичай знаємо, пане соцькій!«

— А *які*—пакь у вась книжки?« запитавь зновь, крутнувши вуса и взявшись лівою за пояс, пань соцькій.

— Усе Українські, по нашому, бачте, надрюковані: оть, сами здорові, добродію, побачите и роздивитись!« каже крамарь.

— Себь—то *Мараросійські*?« спштавъ соцькій.

— Эге—жь!«

— Гмь!.. Кумедие діло... У нась *этого* зроду не було! Заврядь чи и торгуватимете?.. До цёго *наші хахли* не дуже голінці,— та вже не що, становіця!..« заплішивь соцькій.

Після такої розмови зь соцькімь, нашъ крамарь бувь певень. Сонечко вже на заході; нічого мабути и росташовуватьца: піти поблукати... И, такички мізкуючи, шиленько оглядаючись, пройшовь вінь містомъ и навернувь до церкви. Йшла вечерня. Людей щось небагато. Канастась новенькій. Церква веселенька. Якъ увійти въ ню, заразь у праву ручь прибита на стіні довгенька, чориспька дощечка, на котрій списані чудеса Богородиці (а въ цій церкві та е икона Чудотворної Матері Божой) *славяно-руськимь текстомь*. Стоить біля ті дощечки кремезний чорнявій чоловікъ, високого стану, у воронімь сіряці и чпта вслухъ, ставши граблицемь и часомъ плямкаючи... Коло ёго скупчились баби и молодиці та и слухають собі, буцімь—то и сами письменні: бо очі тежь упьяли на дощечку. Чпта вінь поважно, спочиваючи и *вимовляючи по-українській*: оберта слова, куди ёго язикъ верне,—байдуже ёму до того, що надрюковано по пшному!

Ввійшовши зь церкви, Г. узявъ на шагъ насіння и, лускаючи, пішовь собі за своїмь діломъ—усе жь таки відшукувати теплого міста. Блукавъ блукавъ,—узяло ёго завяття: не втерпівь, щобь и сёгодня не поторгувати. Оть, и рішивь стати підь церквою, біля бублейниць, налявшиниць и крамарівь зь медяниками, пизпромь, перцемь и ріжками... А за огорою, на цвинтарі, баби—старпці яко мога вигукують навсидьки *божественнихь*, випахуючи до—голосу деревяними чашеч-

ками.. А що жь туть чинити? Поїднавъ нашъ крамарь, на постояльному, здоровій стіль и дзигликъ, за четвертакъ грошей, та й розіклавъ по ёму книжки, а вони жь то усе новенькі, чепурненькі, мовъ оберемоць запашнихъ квітокъ росквінненій... Пародъ дивуетця, бо, здаеця, зъ поконь—віку, якъ и село стоить, не було ще туть крамарівъ зъ книжками.

Кутокъ зовсімъ глухий: поблизу—чумацькихъ и стовповихъ дорогъ дасьбі; жидови тежъ не чуто. Усе свої люде.

Перші кинулись до книжокъ иолупанки. Мняли—мняли, зашталли відкіля—и простяглись далі. Яковось то імъ и часъ гаяти? Здаеця, велике замаття затлумило їхъ голови, бо мовъ наввипередки, одинъ одного сбиваючи зъ шігъ, ганяють по ярмарку... Опісля підпливъ, хитаючись, якийсь патоптуваший вже справжній панъ, бо й пика ёму червона, пузо зъ вагою и одежа хочъ и німецька та коштовита. Подививсь, покректавъ, доставъ кабатирку зъ парсуною Наполіона, нюхнувъ, ухмельнувся та й каз, кешкуюче: »Ну, пашоль куда явиться съ книгами?!..« Запнтавъ, що за проява? Г. сказавъ ёму свое певне мення (що, мовъ, студентъ X—го Унів).

Панъ здвигнувъ плечима и попливъ геть.

За паномъ навалило до столу й людей. Беруть ті книжки въ руки, читають... зъ радощівъ регочутця... и притьмомъ дивуютця—сами собі віри не доймають, що якъ—таки по їхньому нонанечатувано?..

— Дивись, парень, яка дивна книжка« озвався одинъ зъ гурту: »такъ неначе до тебе балака?!«—»Чудасія та й годі!« кажуть инші. »Гараздъ, що трапились: треба купити!«—»Отъ же добре, куме, що й ми вихопились на ярмарокъ: у насъ у *Гаркавці* (*) сёго не побачили бь?...« толкуютця панщане. Торгуютця огуломъ: те своеі, а те своеі... Сутужно й крамереві иноді бува! Поки тую славу приобриешъ міжъ людьми, що лишнёго не вигадешъ—язикъ добре одубіе... Такі то вже неймовірні!—Дивизія, та й годі: *Київська* граматка коштоватиме два съ копою, або певно коповикъ—отъ же за сю не було бь такоі торохнечі; а наша тихъ 10 шагівъ—та й то дорого! Старенькі жіпочки товпились заштувати *граматокъ, що помершихъ записувати*, бо, вештаючись по ярмарку, чують, що проявивсь крамарь зъ граматками—отъ и собі забажалось роздобутця на новину! Звичайно, чого кому треба! Поважні й літні люде питали усе »Премуд-

(*) Гаркавецъ—паньське село верстовъ за 3 відъ Каплунівки.

рости Соломонової, « Часівъ Покаянія, « Ісуса Сина Спрахова... » Переговоривши трохи, якъ задзвонили на дев'яту, йде вже й самъ панъ Каплунівський зъ тиею червоною пиккою, що запакувавъ бувъ крамарівъ західъ у ці закутки зъ книжками. Привертають, здоровкають, перекинулись словомъ—другимъ—и дідичъ запрохавъ крамаря до себе на юшку (чай). «Гараздъ! Хліба—соли не цураюсь!» сказавъ крамарь. «Тільки вже вибачайте,» мовлявъ «що не маю иншої одежі.»—«Щичого, заходите, пожалуйте!» відказавъ панъ.

Не сподівано заторгувався. Збутокъ на починъ горячий: люди й полупанки кинулись на дрібязокъ (брошюры) й виручають по—троху. Не натякну панъ крамареві обь ющі, заславши підпарубочого зъ двора, вь шімецькімъ каптанку, зъ тимъ «щобъ неодмінно зайшовъ зъ книжками» — то ще довгенько пропанькався бь. Піду, подумавъ собі Г. «білшъ копн ляха не буде.» Люде вже зъ церквп рушили давненько. Ярмаркові скрізь складаютьца на нічъ... «Хочъ круть—верть, хочъ верть—круть!» Забравши остані книжки, крамарь покривсь за хлопцемъ до пана... Стриваетця соцькій, зуби вишкряє и *вже и руку дає...*

Прийшовъ вінъ у двіръ, спасибі Богу, благополучне; а двіръ гарний, здоровий, порісь шпорншемъ... Пани на рундуці сёрбають той часъ... Опрічъ пана хазяїна, поручъ зъ нимъ сидить якийсь офіцеръ та й ще зо трое панівъ,—балакають. Підійшовъ нашъ крамарь, віддавъ *добри—вечірть*, а пани ёму махнули головамз, наче муха імъ у носі замаруділа. Сказано садовитьця. Вінъ приткнувсь на дзиглику, постановивъ біля себе на помості бриль—ажъ тутъ и скакань юшки до молока опинивсь у рукахъ... Отъ, одинъ панъ и рече: «Что это у васъ за костюмъ?»—«Якъ, бачите: тутешній, добродію!» відказавъ Г. Побачивмо, що то ще буде! подумавъ собі крамарь. Узавъ та й закуривъ... Отъ пани й заходились роспитувати: «Що за чоловікъ? Якъ сюди занесло? На віщо прийнявъ таку обузу на свою голову?..»

— Своя воля, панове:—зхотілось трохи по світові провіятця й до людей придивитьця!.. «Дивуютьца, коли хочете. Отъ, одинъ панъ таки поввапився холоду нагнати—такъ на—прямець й ріже: «Я» каже «у газетахъ папшпу: быть можетъ, вы съ какимъ дурнымъ умысломъ дѣдаєте подобныя вещи?..»

— Батителю мій! Які химери погнавъ?.. Шутка! Чи то-жъ сподівався чоловікъ оттакої зневаги? Віпъ може зъ іспісінької щирости обернувся до людей, щобъ таки не збавити літа, справляючи лежники валюкою діло,—а тутъ ёму ще й халена!.. Невчимъ же люде й бирю-

куваті зъ панами, ажъ вони скрізь однаковісінкї! Неймовірні!.. Хай вже ковта небораць—крамарь и такий полудень: може посніда смашніше!

Отъ »теревені по тені—вербові колеса« и розбалакались объ *во-лі*, про *комету*, що тоді стреміла въ небі, за *университети* русьскі и німецькі, объ *руськихъ воєннихъ*... « Прогрессъ, прогрессъ!.. « загуля пани... Другій панъ манівцемъ спитавъ: »Нѣтъ-ли подробныхъ географическихъ картъ?.. « Розмовляли й »о женщинахъ и дѣвницахъ въ-особенности, « »о новой формѣ платья по различнымъ вѣдомствамъ.« На прощанні, Каплунівській господарь О—въ узавъ ажъ на два карбованці дріб'язку *для людей* и Чорну Раду на московській мові *для себе*, затимъ, що »не втне Панько Оришки«—не чята панъ—добродій по-українській.—Вітаютьця... Отъ же ні одинъ и *руки не подавъ*, якъ, баця, поводитця міжъ пісьменними людьми; а *репетують о прогрессі!*.. Эге! такі—то пани! міркувавъ собі крамарь, та й потягъ до постоянного, якъ мурий долиною...

Чи спали люде, чи ні, а нашъ крамарь якъ—що замгнувъ, то й гараздъ: де—які й думки, бачте, вештались по голові... Вже вінъ брався й голічерева и сторчака—не спитця та й годі: усе позира въ вікно, чи хутко розсвіне, щобъ то мерщій й самому схопитись,—бо завтра Йвана, день ярмарковій, то й людей густіше буде.

Заворушилися ярмаркові...

24-го червця. Нічого було гаятьця й нашому крамареві: вихопився и вінъ та й ставъ вже біля Суздальцівъ. Отъ же й не гараздъ зробивъ—самъ шкодує; щось люде білшъ витрішки купують... мабути поки одправа въ церкві одійде... Отъ же стали привертати й до книжокъ. Такъ щобъ бо? Підійшла коренаста молодця, зъ бавною у хустці: давай їй »Еруслана Лазарѣвича« за—для її Митрика! А тутъ то сѣго вибачайте! Потімъ парубовство обаравило за »Библейську Історію« та »Арифметику;« картинъ витівали... Граматки жъ нівечать: *молитовъ*, кажуть, *трохи*, або *складівъ* нема?..

Хлопцята казки розбірають: — *Півпівника*, *Дівку-семилітку*, *Бабусю зъ того світа*... Дешевеньке й кумедне! Дрібненькі *повіді*, Гречулевича, торгуючись ажъ піть ливъ, розбирали попи... Де—хто зъ людей запитували: »Чи нема чого Сквородиноного, або про Сквороду?«

Якъ сонечко вже підбилось, пішовъ оглядати ярмарокъ и самъ становий зъ цяцькою на околиці. Никнувъ и до книжокъ. Потримавъ де—які въ рукахъ, зштавъ крамареве *прізвисько?* чні *книжки?* А за

тимъ тихесенько: »Нѣтъ—ля чего изъ Колокола? Искандера?... Звичайно, що не було сѣго нічого. Не покуривъ, значить, а пиймавши облизня, пішовъ скільки видно. Русь—Суздальці притямомъ добуваютья »Еруслана Лазарѣвича,« п куди якъ дивуютця, що така сила книжокъ, а Ер. Лаз. *нѣтуть!/?..* Беруть зъ нудьги вже й наші въ руки, читають: »Сѣрая Кобыла,« »Тарасовая Ночь,..« Жодне жъ то гне по своєму!

Підітали й панночки. Найбільшъ вподобали *Тополоу, Наймичку* та *Катерину*, Шевченка. Інші дорікали, чомъ не привізъ »Юрія Милославського,« »Онъ и Она,« »Киргиза« etc.

Спитався Г. у батюшки, чому у нихъ школи нема?« — »Та якъ тута тій школі бути?« рече панотець: »Старі не хотять віддавати: кажуть, що въ москалі скорішъ візьмуть, або якъ буде писаремъ, кажуть, зникчєнніє, знавіснїє—ні Богові свічка, ні чортові кочерга!..« А малого спитай »чомъ у школі не бувъ?« — Кажє:—»у полі бувъ! Батько оравъ, а я гейкавъ!..« Думка жъ громадська объ цімъ ось-дечка:

— Щожъ, хочъ би тутъ и обчєське училище було? Якъ туди дітей посилати? Нікому гараздъ вчити! А хвба такъ, аби бъ тільки до школи ходивъ? Шкода й заходу! Зледашіє, одъ хазяйства одіобєтця, та й буде того пантрувати, що й писарі... А все черєзь те, що трохи письменнихъ міжъ нами... Писарь — усєму голова, орудує, якъ самъ знає!.. Морока, та й годі!..« По ярмарку люде швендяють и купамя и въ—ростичъ усе одягчєнкі, гарно ходять: комері на сорочкахъ до діла повишувані червоною й синєю заполочю, пазухи тежъ де въ кого. Сині або чорні смушеві шапки на парубкахъ (у стариннихъ людей білше капелухи, й бороди инші не голять); муругі або чорні свити до 3—хъ усівъ, демьянтонові, пістрєві, абі китаєві штани, добрі шкапові чоботи, червоні або зелені каламайкові пояси...

Дівчата усі у нампстахъ: у жодної якпхъ тільки не вздрпшъ! разкївъ по—кілько, ажъ шпю гне... Золоті й срібні дукачі, а иногді й червінци при паньстї. Голови імъ обведєні червоною, широкою стєжкою, обо чорною бархоткою, и найбільше рожою позаквчєвані; кісниківъ у косі сила розномастихъ... Білі, чєпурні свитки до 3—хъ усівъ тежъ; червоні плахти; жовті й червоні чоботи...

Кращє жъ усіхъ була одна *Краснокуцька* дівка, сврота Елисавета: її можно допитатця у бублейному ряду. Що за гарна! Чорнявенька, кароока, кругловидєнька, чорпобривєнька, трішки кврпатецька...

губки й зубки—крий, Боже, гарнесенькі! Поглядъ якъ искра... голо-
сокъ тихій—співучій, любенькій... Та нехай вже їй легенько вкнетця!..

Всіі поживи на цьому ярмаркові зъ 12 карб. Людїмъ дрібязку й
граматокъ на два съ копою, — 40 екземп.; панамъ, полупанкамъ и
пошамъ на 9 р. 50 к., — 35 экз.; сі жъ бо брали *Кобзаря*, *Чор-
му Раду*, *Повісті Квітки*, *Хату*, опрїчъ дрібязку.

Поторгувавши, Г. подякувавъ соцькому—надїливъ ёму »Хмельни-
щину,« якъ письменному чоловікові. Випили по звичаю по чарці та й
попрощались. Панъ соцькій дуже дякувавъ за подарунокъ и випрова-
дивъ ажъ за ворота. Вь шинку жъ, що біля постоянного, гула пісня:

»Ой сївъ—запивъ, ой сївъ—запивъ,
Запивъ, зажурился...«

У Каплунівці, Г. прочувъ, що на *Прокїня* ярмарокъ у Охтирці.
Вернувшись туди, нашъ крамарь такий рішенецъ поклавъ собі: перегоди-
ти не—скільки—зостанусь, а тимъ часомъ й перепочину. Ото й дїж-
давъ, що ярмарокъ почавъ спорягатись. Бувъ шостий день липця. Рос-
питавшись зъ людьми, Г. довідавъ, що треба *билеть* брати и за міс-
це платити. Заразъ пійшовъ у *Думу*, подавъ свій *видъ*, положївъ
гроші и взявъ вітте, за № 36, оттакий квитокъ: »Билеть. Данъ взъ
Комитета торговцу Студенту В. Г—у на занятіє мѣста 1 саж. для
торговли разными книгами. Всего 50 к. ср. получены 6 іюля 1861 г.
съ тѣмъ, чтобы по окончанїи ярмарки были зарыты ямы на занима-
емомъ нѣмъ мѣстѣ. Градскїй глава В—нъ.«

Предузілля, та й годї! Добре бути задалегїдъ на місті якъ тїлько
заклѣветця ярмарокъ: одбирай собі де схочъ притулокъ. И 7 липця
вже нашъ крамарь и виставивъ зъ своїмъ товаромъ на рїжку, на роз-
дорожжі, оттамъ саме, де скуповують у селянъ щетину, віскъ, полот-
но, восчину, рунця и иншїй хмїзъ зъ халяйства... Сусїда ёго зъ од-
ного боку—тутешнїй крамарь зъ усякими мантулками, склада усе, що
лучитця купити по вигодї: восчину, старї чоботи, віскъ, муху, шїр'я,
щетину, полотна... Зъ другого—якнїсь панскїй парубїйко, що вис-
лано ёго збрую збути. Передъ носомъ—середохрестя и люде кишать,
якъ жуки на дорозї... Ззаду—постояльний и шинкѣ.

Задалегідь треба оповістити, що вь Охтирці стоять постоемь москалі-гарматщики, затимъ,—що починь и кінець торгу нашому крамареві одь нихъ склався.

Якъ теперъ у помку, каже було Г., першій узявъ у мене всячнин по-троху одинъ офіцеръ зь лагерівъ и дуже зрадівъ, що напавъ на свое... За нимъ вже підходили москалі и розбирали *граматки*: молитовъ імъ треба, а тутъ вони й е... Г. простоявъ на Охтирському ярмарці ажъ цілхъ три дні: 7, 8 и 9 липца. Було й зачимъ стояти: ярмарокъ жеврівъ, и люде ёго не цурались. Усёго—то не згадаешъ, що траплялось ёму за ці три дні, а такъ перекину, щб роїтця вь голові зь крамаревого оповідання:

Зь сусідою, Охтир. крамаремъ, вони засябрували: чи треба кому попоісти, або чарку горілки вишити—другій й згодитця за ёго; у одного здачі дасьбі—у другого найдетця... Такъ звеначька и запобіжнь братерства у тому крамарстві. Може черезъ те вони гарно скрізь и справляютьця, що держутця одинъ одного.

Де-які батюшки, мабутя скрипники, або співаки, кидались на Українські Пісні, а то брали проповіді й граматки. Зь *Кириківки* два попи казали, що давно чули про Гречулевича, та нігде не доводилось придбати ёго компонування, а теперъ добре розжуемо, кажуть: гараздъ, що піймали до рукъ!.. Полупанки й судовики тежъ не минали—брали бідше такі книжки, що »для сміху,« якъ сами казали: *Пархімове Снідання*, *Сіра Кобила*, *Мертвецькій Великдень*, *Енеїда*, *Салдацькій Патреть*... У цій ющці загартувавсь и думський писарь: бо ні на що друге й не позіхавъ, якъ тільки на *смішні*... Хлопці-молоднеча розбирали усячнину, на-скільки вь кого кошту сягало. »Сіру Кобилу« дуже вподобали. Старъ же чоловікъ проходивъ собі, понуривши голову, и кеді-не-кеді де-які повертались до крамаря зь книжками и то усе турбувались обь божественнихъ: *Псалтиря*, *Акаоистівъ*, *Жития* імъ хочетця. Молоднеча загадувала: »Свяченої Сторії,« »Молитовниківъ,« »Числовця,« »Псалтиря,« »Еруслана Лазаревича,« »Пісень,« щобъ було багато у одній книзі, а то щб намъ зь десятка?.. »Картинь...« Иногда схопе хлопця книжку, побіжить за грішми до матері тамъ, чи до дядька—дивись, вже й вернулось, и замісь одні бере дві-три.. Тута жъ вь гурті й своя рада: »Э, добряча книжка, та шкода що складівъ нема, якъ у Київській!« Другій проваде: »Якъби сторії які були,—щобъ краще!..«

Пройшли поузь стола два Тарюги, узявшись за руки... Голось

зъ гурту:—»Ачъ які виголені! якъ би я царь, велівъ би поприбавити гвѣздочками отті шапочки!..» Старовинá озиваеця!

Доводилось часомъ, взявшъ въ руки *Хату* або *Кобзаря*, читати людімъ, якъ—що збиралась чималенька купка біля столу. »Катерину« літні люде слухали поважно, а молоднеча спершу реготалась... Молодиці й дівчата прислухались до »Тополи«, де—які вигадували витребеньки, бо жартівливі вже собі повдавались; довго не йняли віри, *щобъ то оте усе було понапечатуване?!* ажъ поки хто пісьменний зъ громади не завірявъ своїмъ власнимъ голосомъ. Тоді вже слухали ще прихильніше, ажъ слѣзи иногді пробивались де въ якихъ зъ очей... Такички шанували й »Шаймичку«, »Тарасову Нічь«; де—що зъ »Хмельницькии« люди слухали зъ великою увагою... Одинъ старий чумаць довго стоявъ и слухавъ и завершивъ оттакечки: »й істи можна відпуратця, й роботу забути—усе бъ тільки слухавъ; якъ—то воно гарно та до—діла жъ то усе!..« Въ останне, передъ мовою чумака, крамарь читавъ »Мірошника«, »Рожу да Хміль« и »Ячміль« Гребінчини.—Були й такі, що розглядаючи книжки, балакали про себе: »Та се тільки для насмішки! Та на що воно?.. Вигадують, щобъ тільки кепкувати зъ нашого брата! и къ чому воно?.. Намъ *псалтиря* та *числовця*, а це все ка—зна—що! Намъ не кстаті!?..«

Панночки білше на крамаря здавались, щó краще, и брали дрібязку зъ *Кобзаря* та »Українські пісьні«.

Одна молоденька пані, щира українка, добре мову нашу розуміє, забрала »Листи зъ Хутора«.

Натовпилося панівъ. Одинъ генераль започавъ »Чорну Раду« по московській: бравъ би й наші, та не вкусе.

Підїхавъ ридваномъ дуплинистий панъ, злізъ на землю, поривсь у книжкахъ, запитавъ, чи нема якихъ другихъ, а далі й каже:

— Дурацкій языкъ! Ничего не поймешъ!

— Каковъ бы ни былъ языкъ народа, но ужъ никакъ не дурацкій! Нужно полюбить народъ, всмотрѣться въ жизнь его, сжитъся съ нимъ:—тогда и языкъ будетъ понятенъ!—відказавъ крамарь.

— А ты откуда? спитавсь панъ.

— Изъ Харькова!

— Да вотъ у меня и крестьяне—хохлы, а я то все—таки ничего не понимаю!.. доказавъ панъ.

— Такая ужъ, видно, доля ваша!—порадивъ его крамарь.

Панъ махнувъ рукою, покрутивъ головою—и потеліпавсь далі.

Підскакує плюгавенькій панокъ зъ Ляшківъ, деє управителемъ живе, якъ казавъ сусіда. Мужичкоє!.. Малороссійское!.. и тежъ зникъ...

Офіцеръ, два чини (чиновникъ), *пінь и пані*. Ці підійшли, запитують крамаря, якъ торгує?

— Щось охтирська публика не дуже-то охоча до книжокъ: східъ зовсімъ ледачий!—каже крамарь.

1-й чинъ. Ахтырская публика выписываетъ получше! Смотри, еще вздумалъ претендовать? О, у насъ найдутся и такіе, что и васъ *стакихъ шаромыжниковъ опишутъ* съ этимъ негоднымъ крамомъ!

Крамарь. Не гнівайтесь, добродію: бо городничій іде...

Пані. Я смотрю, что Т—ны оступили—вотъ я и себѣ!..

Другій чинъ. О, это все у насъ можна достать!..

Пінь. Зъ Харькова студенты за безцінокъ вислають!..

Навідувавсь и благочинний: отецькимъ окомъ подививсь на книжки, а своєю щирою й любязною розмовою підвеселивъ трохи крамаря на добре діло...

Москалі стали кругъ стола густою лавою. Давай вона незаборонно вигукувати:

Святцієвъ гражданськихъ, *грамматики* Востокова, якогось *Францеля Винціліана? Битвы Русскихъ съ Кабардинцами?.. Соломона... Ерусл. Лазаревича и Бови Королевича?.. Арижметики?*

Де-хто зъ дотепнішихъ підбивавъ людей до товару: «покупайте, хохлики, покупайте!»

Інші впитвали: «А нѣтъ-ли такихъ *рыцарскихъ книгъ?.. или пьсельниковъ?..*

Одинъ москаль, взявши «Конотопську Відьму», пустивсь було овсі бракувати товаръ: «Искаверканный языкъ!.. Отъ и у насъ эти хахлы такъ говорятъ: *лыния!*..»

2 м. «Что это значить такое чтение—Хата? Чорная Рада? Опять и эта какая-то?!..

3 м. «Тарасова Ночь!» Пустая сказка! Намъ бы божественнаго!..»

4 м. «Это все хохлики и ихъ книжки!.. Они все на одинъ манеръ?!..

5 м. «Что это все хохлацкіе разговоры?..

— Завидного нѣту!.. Намъ божественнаго! Пѣсьень!..

Одначе розбірали *граматки*, а зъ дрибязку *Тополю* и *Сіру Кобилу*... И за це треба дякувати!

Всѣго збутку на охтирському ярмарці на 17 р, 20 к. ср.—Лю-

лімъ—дрібязку и граматокъ—58 экз., на 3 р. 62 к. ср.; панамъ,
полупанкамъ и пошамъ—60 экз., на 13 р. 58 к. ср.

»Спряно—масляно,—дай Боже на користь!»

А. Гавришъ.

Г. Охтирка 1862 року,
у травні, на Іюдівці.

НЕПРАВДИВОСТЬ И РАВНОДУШІЕ—ГЛАВНѢЙШІЯ ПОМѢХИ КЪ РАСПРОСТРАНЕНІЮ ГРАМОТНОСТИ.

(отвѣтъ и вызовъ «вѣстнику юго-западной и западной Россіи.»)

Такъ-какъ, кромѣ печати, нѣтъ другаго пути отвѣтить на обвиненіе г. Говорскаго, то я и обращаюсь въ редакцію «Основы» съ просьбою напечатать настоящій отвѣтъ. Для многихъ желательно будетъ его напечатаніе потому, что «Вѣстникъ» оклеветалъ *все направленіе*; меня же задѣлъ, какъ личность, случайно попавшюся на зубокъ. Путемъ всепроникающей сплетни растягиваются тонкія паутины нити надъ каждымъ, кто не держится возврѣтій «Вѣстника» и К°. На это есть и доказательства, если потребуются.

А. Стояновъ.

Въ сентябрьской книжкѣ *Вѣстника*, (*издаваемою г. Говорскимъ*), я помѣстилъ отчетъ о *бывшей* ежедневной школѣ въ Кіевѣ. Редакція почла нужнымъ сдѣлать къ нему свои примѣчанія. Эти то примѣчанія и вызываютъ настоящій мой отвѣтъ.

Редакція, не зная ни хода обученія въ школѣ, ни ея направленія, ни ея успѣховъ, получивъ всѣ свои свѣдѣнія о ней путемъ сплетенъ, не выставивъ ни одного *положительнаго факта*, на который бы могла опереться, взводить на меня, — подписавшаго свою фамилію подъ отчетомъ, — и на всѣхъ учителей, — посвятившихъ свой трудъ обученію въ ежедневной школѣ, — такіа обвиненія, которыя ничѣмъ не отличаются отъ самой недобросовѣстной клеветы.

Отдавая свой отчетъ о школѣ, уже закрывшейся, въ «Вѣстникъ югозападной Россіи,» я хотѣлъ, людямъ, слѣдящимъ за народнымъ образованіемъ, передать свѣдѣніе о ходѣ школы, просуществовавшей почти полтора года и принесшей свою пользу; заявить о бывшихъ средствахъ школы, отдать отчетъ о нихъ жертвователямъ, и, наконецъ, сообщить нѣкоторые результаты, пріобрѣтенные путемъ опыта. Вводя на эту школу небыллицы, какъ я уже сказалъ, по сплетнямъ, (иначе онѣ и не могли быть получены, чтѣ и доказано будетъ ниже), редакторъ входитъ въ сферу *національныхъ убѣжденій*, видя въ школѣ примѣненіе этихъ убѣжденій на-дѣлъ, и са-

мую цѣль школы характеризуетъ преслѣдованіемъ *темныхъ областей интересовъ*. Вслѣдствіе этого, людей, которые вели дѣло, онъ не можетъ назвать благонамѣренными сынами отечества, и въ самомъ фактѣ видитъ *преступленіе!*

Сплетни о ежедневной школѣ и учителяхъ ея ходятъ уже давно. До-тѣхъ-поръ, пока онѣ не явились *печатно*, предъ судомъ общественнаго мнѣнія, мы молчали на основаніи одной, весьма справедливой, пословицы.

Теперь, имѣя предъ собою *формулированныя* редакціею *Юго-западнаго Вѣстника* обвиненія, мы *должны и желаемъ* отвѣчать.

Дѣйствительно, учителя ежедневной школы признаютъ ее дѣломъ, осуществившимъ ихъ убѣжденія. Иначе они и не взялись бы за дѣло; ибо дѣйствовать свободно противъ собственныхъ убѣжденій—безчестно.

Но для того, чтобы уяснить наши убѣжденія и наше дѣло, напередъ необходимо *честное* представленіе дѣйствительности,—необходимы факты несомнѣнные, а не выдуманные. Въ обвиненіяхъ редакціи нѣтъ *ни одного* вѣрнаго факта.

И такъ, сначала, мы возстановимъ дѣйствительность, доказавъ г. Говорскому, что всѣ факты, имъ приводимые, или совершенно ложны, или искажены имъ своеобразнымъ способомъ, или же совсѣмъ не поняты. Затѣмъ, мы постараемся защитить самое направленіе школы.

За школу взялись люди, убѣжденія которыхъ редакторъ называетъ *преступными*, несвойственными благонамѣреннымъ сынамъ отечества.

Имѣя предъ собою такую, выходящую уже за предѣлы печати, клевету, люди этихъ преступныхъ убѣжденій подвергаютъ ихъ общественному суду.

Давно уже ходили глухіе толки и сплетни объ убѣжденіяхъ и способахъ дѣйствія такихъ преступныхъ людей. Давно уже и люди эти ждали только случая, чтобы высказаться гласно, и такимъ образомъ вызвать обвинителей и сплетниковъ съ поля нелѣпыхъ подозрѣній, гнусныхъ сплетень и клеветы, на открытую и свободную борьбу мнѣній.

Первый вопросъ, который мы зададимъ г. Говорскому, будетъ слѣдующій: откуда онъ почерпнулъ *фактическія* свѣдѣнія о школѣ?

Школа наша разрѣшена была еще при Н. И. Пироговѣ; въ Новостроенной воскресной школѣ объявлено было объ ея открытіи (такъ

какъ помѣщеніе и новой школы было на *Новомъ Строеніи*). Распорядителемъ выбрали К. В. Шейковского: (вслѣдствіе предстоящаго ему экзамена, я занялъ его мѣсто). Необходимо было еще, по уставу всѣхъ *бесплатныхъ* школъ для народа, имѣть надзирателя за школой. Такъ—какъ Новостроенная воскресная школа была подъ надзоромъ дирекціи 2-й гимназіи, а учителя ежедневной школы почти всѣ были и учителями воскресной новостроенной школы, то они и обратились съ просьбою къ исправлявшему тогда должность директора, М. К. Чалому; но, по-причинѣ занятій его по воскреснымъ школамъ, Учебный Округъ предложилъ учителямъ ежедневной школы выбрать надзирателемъ кого-либо изъ профессоровъ университета. Мы обратились къ Адъюнкту Химіи, Абашеву, и онъ согласился.

Школа была *публичною* и, слѣдовательно, открытою для всѣхъ посѣтителей безъ исключенія. Но, кромѣ проф. Караева, однажды любопытствоваващаго заглянуть въ школу, и немногихъ другихъ лицъ, положительно незнаемыхъ г. Говорскимъ и никогда имъ невиданныхъ, никто больше не заглядывалъ въ школу и, слѣд., не могъ знать, что тамъ дѣлается.

Учебный Округъ поступилъ сообразно съ уставомъ, одобривъ выбранныхъ, учителями школы, распорядителя и надзирателя.

Вся бѣда въ томъ, что надзиратель этотъ былъ *одинъ* только разъ въ школѣ, да и въ этотъ одинъ разъ не думалъ вникнуть въ то, какъ идетъ дѣло обученія (*).

(*) Здѣсь, разъ навсегда, отвѣтимъ на одно курьезное возраженіе. Говорятъ:—если надзиратели школъ строго слѣдятъ за ними, учителя порицаютъ надзирателей; еслиже не слѣдятъ, то тоже порицаютъ (такой сочинилъ очень недавно одинъ философъ). Мы же отвѣтимъ силлогизмомъ на софизмъ. Надзиратель школы долженъ, по уставу, слѣдить за ходомъ обученія; его порицаютъ тогда, когда онъ исключительно цѣлью своею поставляетъ формальныя придирки. А если онъ не слѣдитъ, а и. т. вѣритъ нецѣльнымъ сплетнямъ, распускаемымъ длинноязычными господами, въ родѣ *Вѣстника*,—и тогда опять порицаютъ его.

Все это мы относимъ и къ г. Абашеву. Округъ передалъ наблюденіе за школой г. Абашеву. А г. Абашевъ не только избралъ себѣ *второй путь*, т. е. не заглядывать въ школу и—не только вѣрить сплетнямъ, но и распространять ихъ. Г. Абашевъ отзывался, что школа—плодъ личнаго увлеченія, скоро спѣло начата и скоро сама-собою закрывшаяся. Сказать подобную вещь, разъ только мимоходомъ заглянувши въ школу, не значитъ поступать добросовѣстно.

И такъ, учителя школы, ученики и сплетня—вотъ три источника, изъ которыхъ могъ г. Говорскій почерпнуть свои свѣдѣнія о школѣ. Ни одинъ учитель не могъ передать такихъ свѣдѣній редактору, ибо между учителями не было лгуновъ.

Учениковъ не зналъ редакторъ, ибо не жилъ и не живетъ на *Соломенкѣ*, или *Протасовскомъ-яру*. Отъ какого-нибудь *родителя* онъ могъ слышать желаніе, чтобы закрыта была эта *мужицкая* школа. Но почему онъ *поименно* не указалъ на источники своихъ свѣдѣній? Развѣ позволительно голословно взводить столь тяжкія обвиненія? Мы приглашаемъ редактора сдѣлать прямое указаніе на лица хоть теперь.

Итакъ, покуда, остается *одинъ* видимый источникъ—*сплетня*, который мы торжественно и отдаемъ въ вѣдѣніе г. Говорскаго.

Чтоже, на основаніи столь *достовернаго* источника, утверждаетъ редакторъ?

Мы будемъ, пунктъ за пунктомъ, отвѣчать на его обвиненіе.

1). »Ученики ежедневной школы практиковались только въ изученіи мѣстнаго нарѣчія. Въ этой, чуть-ли не языческой, школѣ, во весь періодъ ея существованія, не слышно было ни одного слова на общерусскомъ языкѣ.«

Пишущій эти строки, бывъ учителемъ воскресной школы, самъ пробовалъ сначала учить мальчиковъ на великорусскомъ языкѣ *въ пору самого первоначальнаго обученія* и долженъ былъ навсегда отказать отъ подобнаго нелѣпаго педагогическаго опыта. Онъ убѣдился въ слѣдующемъ: *мальчика, начинающаго ученіе, необходимо вести на понятномъ, родномъ для него, языкѣ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не начнетъ сознательно усваивать прочитанное.*

Никто не отвергаетъ великорусскаго языка (это было бы такъ же нелѣпо, какъ и *исключительно* навязывать его), такъ точно, какъ не отвергаетъ всякаго другаго языка, какъ средства для знанія и развитія. Всякій знаетъ, что на великорусскомъ языкѣ *очень много* не только религиозно-нравственныхъ, но и чисто-*реальныхъ* книгъ, могущихъ сообщить разныя свѣдѣнія, развитіе память и соображеніе ученика,—но годныхъ только тогда, когда онъ можетъ *сознательно* удерживать въ памяти прочитанное.

Мы коснемся еще вопроса о томъ, на-сколько долженъ входить элементъ народнаго языка въ школу, во второй части нашего отвѣта, и тогда *прямо* выразимъ наше мнѣніе.

Посмотримъ теперь только на то, что было на дѣль въ ежедневной школѣ.

Слова почтеннаго г. Говорскаго, поставленныя нами въ началѣ пункта—полная клевета, основанная на сплетняхъ, или собственномъ предположеніи; утверждаемъ это и, въ—доказательство, приводимъ слѣдующіе факты:

а). Ученики *высшаго* отдѣленія (Писаревъ, Шереметьевъ, Вербицкій, Антиохъ, Василевскій, Милевскій и др.) *всегда* читали по великорусски тѣ книги, которыя были въ школѣ (статьи изъ «Вокругъ Свѣта», «Народнаго Чтенія», «Дѣтскаго Мира и Христоматія, Ушинскаго» и др., которыя я бралъ въ библиотекѣ новостроенной воскресной школы). Такъ какъ, кромѣ всезнающихъ сплетниковъ, одни учителя знаютъ, что дѣлалось въ школѣ, то я могу представить, какъ свидѣтелей, гг. Шейковского и Шварца, обучавшихъ этихъ учениковъ. *Иногда* только ученики этого отдѣленія брали украинскія книги (разбитые отдѣльно нѣкоторые рассказы Марка Вовчка, Шевченка (Катерина, Тополя), Основьяненка, изъ «Хаты» и читали ихъ съ удовольствіемъ въ свободное время.

б.) Ученики *средняго* отдѣленія всегда брали домой Евангеліе, раздѣленное по евангелистамъ. Здѣсь я могу поставить въ свидѣтели г.г. Чубинскаго, Рыльского, Нечипоренка, Вербицкаго, Косача и др., бывшихъ учителями.

в.) Одни только ученики *нижшаго* отдѣленія читали по букварямъ Кулиша, Ященка и табличкамъ Горячковскаго, такъ—какъ путемъ родного языка ходъ механическаго чтенія шелъ вдвое скорѣе.

Слова мои, вмѣненный мнѣ редакторомъ въ преступленіе, получаютъ совершенно другой смыслъ для человѣка, знающаго дѣйствительный ходъ обученія. Редакторъ говоритъ: «г. Стояновъ сказалъ: «уже ничего не осталось читать.» Въ замѣткѣ моей сказано:

«Когда уже почти ничего не осталось читать, перечитывали нѣкоторыя повѣсти изъ *Основы*,» т. е. когда ничего уже не осталось читать *по-украински*. Меня могутъ спросить, для чего я не вставилъ въ отчетъ, что въ школѣ учились и *по-великорусски*? Дѣло очень просто. Я хотѣлъ только сказать, что до сихъ поръ народное образованіе терпитъ отъ недостатка *реальныхъ* книгъ на украинскомъ языкѣ, книгъ для *первоначальнаго* развитія,—того, что Нѣмцы называютъ Anschauungslehre. Могло ли притти мнѣ въ голову, что люди, незаглядывавшіе въ *публичную* школу, могутъ вообразить, что

здѣсь не слышно было ни одного слова по-великороссійски? Я писалъ отчетъ для того, между прочимъ, чтобы показать, какъ необходимы на практикѣ понятныя книги для первоначальнаго обученія на понятномъ языкѣ. Кто же не знаетъ, что до-сихъ-поръ, если бы кто теперь хотѣлъ вести далѣе дѣло обученія систематически на украинскомъ языкѣ, то это было бы не то что преступно (какъ выражается г. Говорскій), а почти невозможно, по крайней мѣрѣ безъ объясненій учителя, безъ особенныхъ усилій,—вслѣдствіе недостатка въ учебникахъ.

И изъ всего этого выводять, что въ школѣ «преслѣдовались темныя областныя интересы, что слова мои—преступленіе, что учителя школы неблагонамѣренныя сыны отечества!» О фантазія, да еще и недобросовѣстная фантазія, г. редакторъ.

2.) Редакція говоритъ: «обращалась-ли школа къ кому-нибудь съ просьбою о снабженіи полезными для чтенія книгами?» и отвѣчаетъ: »и не думала.« Это ложь. Я всегда бралъ русскія книги для ежедневной школы изъ бібліотеки новостроенной воскресной школы. Это можетъ засвидѣтельствовать г. Рубисовъ, бывшій распорядитель новостроенной воскресной школы. Правда, школа не обращалась ни къ кому за «безчисленнымъ множествомъ душеспасительныхъ сочиненій». Но къ кому бы она обратилась? Никто, вѣдь, не объявлялъ, что онъ даромъ будетъ давать книги, а школа не имѣла денегъ на большіе расходы.

Чтоже можетъ быть душеспасительныя и религіозныя св. Евангелія? А его, г. редакторъ, ученики читали съ жадностью.

И такъ—и здѣсь редакторъ клевететь,—умышленно или неумышленно,—пусть скажетъ его совѣсть.

3.) Редакторъ говоритъ, что «въ школѣ, подъ вліяніемъ мелкой пропаганды, учителя были вербовщиками исключительнаго, *сепаративнаго* направленія. Учителя, быть можетъ, превышали число на вербованныхъ ими учениковъ». О сепаративномъ направленіи школы мы уже сказали, да и еще скажемъ о такъ-называемомъ *сепаратизмѣ* во 2-ой части нашего отвѣта. *Вербовщики* исключительнаго, сепаративнаго *направленія*! Безмысленная фраза и бездоказательная клевета. Ссылаюсь на всѣхъ преподавателей Новостроенской воскресной школы (они знаютъ, что въ ней было просто объявлено объ открытіи новой школы (послѣ чего, въ первый день открытія явилось до 60 учениковъ), ссылаюсь на всѣхъ людей, близко знав-

шихъ школу, на тѣхъ родителей, которые иногда посѣщали школу (пусть скажутъ, *вербовали* ли мы дѣтей—Кваченко, Ивановскій, пѣ-которые университетскіе сторожа (Давиденко и др.), жена жандарма Пилипенка и др.).

4) Редакторъ говоритъ, что, вѣроятно, ежедневная школа научила мальчиковъ играть въ бабки, т. е. что успѣшныхъ результатовъ не было, что ученикамъ *навязывали* школу. Успѣшные результаты состоятъ въ томъ, что около 20 мальчиковъ научилось только-читать, что другая половина научилась читать сознательно и рассказывать прочитанное, что мальчики узнали счисленіе и первыя правила арифметики, а нѣкоторые—и первыя дроби; что высшій классъ выпущенъ съ умѣньемъ правильно писать. Наконецъ, что всего важнѣе, успѣхъ состоитъ въ развитіи нравственной правды между учениками, въ смягченіи динизма, въ пріученіи нѣкоторыхъ къ болѣе-честнымъ отношеніямъ къ товарищамъ—однолѣткамъ и т. д.

Мальчики, послѣ закрытія школы, приходили и постоянно спрашивали, когда откроется школа,—спрашиваютъ и теперь. Ссылаюсь опять на г.г. студентовъ, Тищенко и Леппена, видѣвшихъ это.

И послѣ этого редакторъ осмѣливается говорить, что, вѣроятно, ученики научились играть въ бабки—въ «языческой» школѣ!

5) Редакторъ говоритъ, что единственнымъ предметомъ школьнаго обученія было *языкознаніе* (!?) Это ложь. Кромѣ арифметики, ученики вышяго класса читали, какъ я уже сказалъ, удобопонятныя статьи на великорусскомъ языкѣ. Чего еще хочетъ редакторъ: — физики, астрономіи, геометріи? Развѣ онъ не знаетъ, что, по уставу воскресныхъ школъ, вся программа состоитъ въ чтеніи, первыхъ правилахъ арифметики и письмѣ?

6) Редакторъ спрашиваетъ, какъ осмѣлился я назвать *рутинными* существующія низшія школы, т. е. приходскія училища? Это ужъ чересчуръ наввно. Развѣ г. Говорскій не знаетъ, что дѣлается въ приходскихъ училищахъ? Тамъ, гдѣ *одинъ* учитель, изъ-за куска хлѣба, забываетъ учениковъ буквою, зубреніемъ—тамъ развѣ нѣтъ рутинны? Да развѣ и теперь учителя Сельскаго Педагогическаго Института, посѣщая приходскія училища для педагогической практики, не заставляли тамъ учениковъ, сидящихъ за букваремъ по два года и ничего не знающихъ?!

7) Въ-связи съ этимъ пунктомъ, редакторъ спрашиваетъ, какъ осмѣлился я утверждать, что будущіе сельскіе учителя могли бы имѣть

практику въ подобной школѣ, какъ ежедневная. Что жъ тутъ преступнаго? Вѣрно ли понимаетъ редакторъ, что такое практика? Это обученіе учениковъ грамотѣ и численію учителями Сельскаго Института подъ руководствомъ опытныхъ уже учителей. А надъ свѣжими, незабытыми субъектами развѣ практика не была бы успѣшнѣе, нежели надъ забытыми и изуренными? Впрочемъ, практика эта была — мое предположеніе (это видно и изъ замѣтки моей); я хотѣлъ предложить ее Сельскому Институту, если бы школа существовала долѣе. Но — она закрыта прежде, чѣмъ открыть Сельскій Институтъ.

8) Наконецъ, (выразимся словами редактора) болѣзненнѣе всего и наше вниманіе, вмѣстѣ съ редакторомъ, остановилось на томъ, что въ школѣ не преподавался Законъ Божій. Это совершенная правда, единственная правда изъ всей замѣтки редактора. Но какъ осмѣлился онъ, скажемъ и мы въ свою очередь, назвать на этомъ основаніи школу языческою? Пускай онъ укажетъ намъ, какъ мы соврачали учениковъ; проповѣдовали-ли имъ какія нибудь анти-религіозныя, или анти-правственныя понятія? — пускай укажетъ, — иначе онъ опять недобросовѣстный клеветникъ. А почему не преподавался Законъ Божій? Знаете — почему? г. редакторъ. Потому, что *три* духовныхъ пастыря, которыхъ я просилъ быть законоучителями школы, *отказались* отъ этого. Наконецъ, мнѣ оффиціально обѣщали, что въ школу будетъ ходить монахъ Михайловскаго монастыря — и я успокоился. А монахъ не являлся...

Положимъ, мы бы сами могли преподавать Законъ Божій; мы не настолько неосновательны и не настолько недобросовѣстны, г. редакторъ, чтобы противиться преподаванію Закона Божія, — одной изъ самыхъ живительныхъ стихій въ образованіи народа. (Вы увидите это изъ дальнѣйшаго нашего объясненія во 2-ой части отвѣта.) И, дѣйствительно, мы давали ученикамъ Евангеліе, — но учить, учить Закону Божію сами *не послали*. А знаете ли почему, почтенный редакторъ? Потому именно, что боялся, чтобы подобные вамъ крикуны и сплетники не назвали насъ *еретиками*, не слышавши ни одного звука, ниразу не заглянувши въ школу.

Я выше сказалъ, для кого и для чего писалъ я свой отчетъ. Редакторъ могъ поступить такимъ — образомъ: поставить вопросы и выразить сомнѣніе насчетъ вѣкоторыхъ пунктовъ: — преподавался ли Законъ Божій, исключительно ли употреблялся одинъ Украинскій языкъ,

неужели не слышно было ни одного слова по-великорусски и т. д. Тогда я отвѣтилъ бы ему, не обвиняя его въ клеветѣ. Онъ избралъ себѣ другой путь. Онъ *прямо* говорить, что учителя преслѣдовали темные областные интересы, что они навязывали родное языкознание мальчпкамъ, что школа была языческою, что *ему давалось слышать*, какъ родители называли школу мужицкою и жалѣя, что школу не закрываютъ, что учителя—вербовщики исключительнаго сепаративнаго направленія, превышавшіе числомъ своимъ учениковъ (*), что онъ не вѣрять, чтобы ученики ничего не дѣлали по закрытіи школы, что играть въ бабки научили ихъ въ ежедневной школѣ, что школа не думала ни къ кому обращаться за полезными книгами, и т. д. и т. д.

Мы опровергли всѣ клеветы редактора, основанныя на сплетняхъ. Теперь мы приглашаемъ его *гласно и поименно* объявить всѣ данныя, на которыхъ онъ основываетъ свои обвинения; мы приглашаемъ его сказать, гдѣ ему *«давалось слышать»* такія вещи.

А до-тѣхъ-поръ, пока онъ это сдѣлаетъ, мы предоставляемъ разсудить и администраціи и читающей публикѣ, на сколько добросовѣстны обвинения, взводимыя *г. Говорскимъ*.

Вторая часть нашего объясненія будетъ *исключительно* отвѣтомъ на вопросъ:—*можетъ ли получить право гражданства въ школу украинскій языкъ?*

Подъ именемъ Украинфильскаго направленія—въ Кіевѣ привыкли понимать столь многое и до такой степени извращать понимаемое, что люди этого направленія, обвиняемые и не могущіе гласно оправдаться, давно уже добиваются—путемъ печати опровергнуть взводимую на нихъ клевету.

Сплетни и толки, распускаемые на людей этого направленія со всѣхъ сторонъ, касаются не одного только *обученія* и вообще *школы*, но и всей жизни, убѣждений и ихъ выраженія *на дѣль*.

Убѣжденія такихъ людей ждуть только случая, чтобы высказаться открыто и тѣмъ поставить враждебную сторону въ необходимость

(*) Сказать подобную нелѣпость, при представленныхъ мною въ отчетѣ статистическихъ данныхъ, значить обвинить меня въ чудовищной лжи. Я приглашаю редактора потребовать отъ меня статистическіе списки школы, веденные мною отъ самого начала школы—и тогда объявить, въ *Вѣстникѣ*, кто виноватъ—онъ или я. Въ замѣткѣ моей указано, что среднее число съ переезжками посѣщавшихъ школу было 70, а среднее число учителей 5.

не бросать камень въ людей, или, вѣрнѣе, въ какой-то темный прираекъ, освѣщенный только сплетнею и клеветою.

Здѣсь, въ отвѣтъ нашemu редактору *Вѣстника*, мы исключительно возьмемъ одну сторону дѣла—школу, народное образованіе, такъ какъ на нее главнымъ образомъ вводитъ клевету редакция. Мы выразимъ *просто и прямо* убѣжденія тѣхъ людей, которыхъ редакторъ называетъ *неблагонамѣренными сынами отечества и вербовщиками-сепаратистами*.

Слово *сепаратизмъ*, въ сферѣ *народнаго образованія*, понимается такъ—точно, какъ выразила это редакция:—преслѣдованіе темныхъ областныхъ интересовъ, отчужденіе отъ другой части Русскаго племени, разрывъ съ Великорусскою литературою,—однимъ словомъ понимается такъ же сбивчиво, такъ же нелѣпо, какъ понимается дѣло и въ сферѣ жизни общественной.

Вмѣсто того, чтобъ быть неосвѣщенной мишенью для полуглупыхъ или умышленно-закрывающихъ глаза застрѣльщиковъ, намъ лучше освѣтить себя:—тогда пускай стрѣляютъ,—но не изъ-за угла, а лицомъ къ лицу.

Человѣка, изучающаго этнографію Южнорусскаго края, и убѣждающагося этимъ путемъ въ особенности Южнорусскаго народа въ *этнографическомъ* отношеніи,—они называютъ сепаратистомъ.

Человѣка, на основаніи положительныхъ *филологическихъ* данныхъ, признающаго Малорусскій языкъ—языкомъ, а не нарѣчіемъ, они называютъ сепаратистомъ.

Человѣка, который, изучая *исторію* Южнорусскаго народа, видитъ особенный національный типъ, дѣйствующій въ этой исторіи—они тоже зовутъ сепаратистомъ.

Наконецъ, они называютъ сепаратистомъ и человѣка, который осмѣливается утверждать, что для того, чтобы мальчикъ дошелъ до сознательнаго пониманія книги, необходимо *сначала* вести его обученіе на родномъ, понятномъ для него, языкѣ!

На всѣ эти обвиненія они набрасываютъ, съ свойственною имъ ловкостью, оттѣнокъ чисто общественнаго свойства. Они говорятъ, что люди, провозглашаемые сепаратистами, переносятъ свои сепаративныя убѣжденія въ жизнь; стараются проводить ихъ въ—ущербъ существующему порядку, стараются навязать народу нелѣпыя общественныя понятія и даже мечтаютъ о политической независимости.

Мы не станемъ теперь опровергать всѣхъ подобныхъ обвиненій.

Скажемъ лишь существенное: тѣ, кого зовутъ сепаратистами, глубоко уважая народъ и его убѣжденія, уважаютъ и основы этихъ убѣжденій, далеко не соответствующія всѣмъ социалистическимъ теоріямъ, которыхъ (замѣтимъ) смѣшно, дико у насъ бояться. Поэтому, идти противъ основъ народной жизни искренніе народолюбцы никогда не посягнутъ, считая такой путь недобросовѣстнымъ, вреднымъ и нелѣпымъ.

Будучи убѣждены, что *образование* народа, а следовательно и его развитіе, могутъ идти при всякомъ законномъ порядкѣ, лишь бы только обличаемы были длинноязычные сплетники и дозволена была честная, открытая борьба мѣтній, всякія увлеченія скороспѣлыми политическими планами они признаютъ тѣмъ—большее нелѣпостью.

Цель ихъ — мирнымъ путемъ образованія дать *знаніе*, а черезъ него, какъ черезъ средство, дать *развитіе* умственнымъ и нравственнымъ способностямъ простаго народа, улучшить его бытъ, въ всякихъ социальныхъ и политическихъ, большею частію произвольныхъ и насильственныхъ, перестановокъ.

Признавая *слово* средствомъ для передачи *знанія*, они выбираютъ *луччайшее*, простое и естественное средство—родной и понятный языкъ.

Тѣмъ не менѣе, до-сихъ—поръ они не вводили его, какъ *исключительный* языкъ въ сферу школы: они употребляли его, какъ педагогическое средство, отнюдь не отвергая великорусскаго языка и великорусскихъ книгъ *реального* содержанія.

Въ этомъ случаѣ, самое главное не въ *средствѣ*, т. е. не въ языкѣ, а въ *цели*.

Какая же *цель*, или, лучше сказать, что должно понимать подъ словомъ «*народное образованіе*?»

Мы уже сказали: *развитіе* всѣхъ способностей человѣка, для того, чтобы онъ могъ идти къ дальнѣйшему знанію собственнымъ путемъ.

А это развитіе достигается усвоеніемъ религиозно—нравственныхъ истинъ и такими практически—полезными свѣдѣніями, которыя пригодны были бы въ жизни.

Письмо и чтеніе, съ сознательнымъ усвоеніемъ прочитаннаго, объясненіе явленій видимой природы:—вотъ скромный объемъ школьнаго обученія.

Признавая религиозное чувство однимъ изъ самыхъ живительныхъ элементовъ народнаго образованія, встрѣчая въ народѣ глубоко—вкорененное благоговѣніе ко всему священному, такъ—называемые сепаратисты во главѣ школьнаго обученія ставятъ «*Слово Божіе*.»

Есть-ли что-либо *преступное* въ подобной *цѣли*?

А съ другой стороны, есть-ли что либо *преступное* въ *средствѣ*, если средство прямо ведетъ къ такой *цѣли*, не одобритъ которой не можетъ самый «*благонамѣренный сынъ отечества?*»

И такъ, въ сферѣ народнаго образованія, такъ-называемые сепаратисты могутъ быть названы *сепаратистами* только въ одномъ отношеніи:

они признають Южнорусскій языкъ необходимымъ элементомъ при школьномъ обученіи.

Что же опаснаго, преступнаго, неблагонамѣннаго въ подобномъ сепаратизмѣ?

Сепаратисты въ этомъ смыслѣ, признавая Южнорусскій языкъ неотъемлемымъ достояніемъ Южнорусскаго народа, обрадуются какъ истинно-полезному и разумному улучшенію въ бытѣ страны, если языку народа дано будетъ *право гражданства въ школьномъ обученіи.*

Это они исповѣдуютъ громко и торжественно.

До-сихъ-поръ мало книгъ съ реальными, техническими, свѣдѣніями на Украинскомъ языкѣ, и *потому, до-сихъ-поръ, Украинскій языкъ употреблялся въ школѣ только какъ средство, какъ пособіе при объясненіи книгъ, писанной по-великорусски.*

Почему же не открыть полезному дѣлу свободнаго пути?

Если дѣйствительно существуетъ языкъ у существующаго народа, если есть люди, готовые посвятить трудъ свой на составленіе учебныхъ книгъ на этомъ языкѣ, то почему, *имѣя одну и ту же цѣль — нравственное развитіе лица,* — не воспользоваться выигрышемъ въ средствѣ (такъ-точно какъ пользуются машиной вмѣсто ручной работы)?

Если дѣло это будетъ созданіемъ искусственнымъ, такъ оно само собою и разрушится; если существованіе самобытнаго, изъ собственныхъ началъ развивающагося языка есть только фантазія мечтательныхъ головъ, если народъ отвергнетъ этотъ *выдуманннй мужицкій языкъ*, то и всѣ попытки — строить на пескѣ падутъ сами-собою, не причинивъ никому и ничему никакого вреда.

Если же это дѣло — дѣло, соответствующее природѣ вещей, «*дѣло рукъ Божіихъ,*» то — чтобы вы ни говорили, какъ бы вы ни кричали о «*вавилонскомъ смѣшеніи языковъ,*» какія бы клеветы ни взводили, — оно пойдетъ своимъ путемъ — и народъ приметъ *полезныя и необходимыя ему свѣдѣнія*, на родномъ и понятномъ для него языкѣ.

Если подобныя книги явятся, тогда выигрышъ въ средствѣ убѣдять

каждаго употребить это средство для достиженія *общей* всѣмъ благомыслящимъ и благонамѣреннымъ людямъ цѣли, — т. е. *развитія темной, непросвященной еще знаніемъ, личности путемъ положительнаго знанія и религіозно-нравственнаго покаянія.*

А пока—украинскій языкъ въ школахъ есть необходимое, незабѣжное вспомогательное средство при объясненіи великорусскихъ книжекъ, и отвергать его также нельзя, какъ отвергать рычагъ, блокъ и воротъ въ механикѣ.

Кто находитъ мысль эту несостоятельною, пусть докажетъ—но только не такъ, какъ доказываетъ редація *Западно-Россійскаго Вѣстника*, не путемъ голословнаго обвиненія, пустой звенящей фразы и ни на чемъ неоснованной клеветы. Вѣрьте, что мысль, пораженная мыслью, а не пустымъ звукомъ, всегда уступитъ этой разумной силѣ: пусть только она будетъ *разумна.*

Если вы, узнавъ хоть теперь, что языкъ мы ставимъ *средствомъ* для знанія, а не *целью* школьнаго обученія, докажете намъ путемъ *разумнаго* опроверженія, что унизительно для простолюдина принимать свѣдѣнія на родномъ и понятномъ для него языкѣ, то мы готовы отказаться и отъ своего мнѣнія, и отъ самого *дѣла*, какъ слѣдствія мнѣнія.

Уступить мы можемъ только предъ разумнымъ, не голословнымъ, не клеветущимъ, опроверженіемъ, если таковое возможно съ вашей стороны, гг. противники.

Но какъ осмѣлились вы, г. Г., на томъ только основаніи, что въ школахъ употреблялся украинскій языкъ, какъ вспомогательное средство, взводить на людей обвиненіе не только въ національномъ, но даже и въ политическомъ, сепаратизмѣ? У мало-мальски добросовѣстнаго челоука не хватитъ смѣлости придать такое толкованіе даже и тому глубокому—нашему и весьма уже многихъ—убѣжденію, что украинскій языкъ, какъ болѣе другихъ *легкое* средство для знанія (знанія, однаково труднаго для развитія всякой личности какого бы то ни было народа) долженъ бы получить *право* (равноправнаго съ другими) *гражданства* въ школьномъ обученіи... За что ему стоять въ этомъ отношеніи, ниже, напримѣръ, польскаго, допущеннаго въ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ?

Здѣсь мы кончаемъ нашъ отвѣтъ, на главные пункты. До сихъ поръ мы отвѣчали серьезно, безъ смѣху, касаясь возраженій редакціи, или вѣрнѣе клеветы и обвиненій, взводимыхъ на самое *дѣло.*

Въ—заключеніе, мы, смѣха ради, коснемся нѣкоторыхъ курьезныхъ выдумокъ почтеннаго редактора, достойныхъ уже не негодованія и серьезнаго возраженія, а самаго веселаго смѣха, выходовъ,—обнаруживающихъ полное его невѣжество въ южнорусской литературѣ и любопытный строй его доморощенной логики.

«Катерину» Шевченка, «Листъ про Злодія у Гакивниці» и «Дзвонаря» г. Мордовцова онъ считаетъ недостойными педагогическаго вниманія и выражается объ нихъ съ глубокимъ презрѣніемъ: «какія—то катеринки, злодіи!» Бѣдный редакторъ «*Вѣстника югозападной Россіи*, вѣроятно, никогда и не заглядывалъ въ эту оригинальную письменность (собственное его выраженіе) и потому такъ добродушно—нелѣпо судить объ ней. Онъ и не подозреваетъ, что въ *Катеринь*, кромѣ изящества и красоты стиха, заключается изображеніе народнаго понятія о семейной и дѣвической чистотѣ нравовъ, выражается совѣтъ противъ вторженія въ сельскій нравственный бытъ циническаго элемента; что въ «Злодіи» одною изъ самыхъ лучшихъ разсказовъ для народа, выражена вся нравственная сила громадскаго приговора, исправляющая провинившагося, безъ униженія его личности; что въ «Дзвонарь» прекрасно изображены симпатическія отношенія ученика къ старому солдату—учителю, не перерванныя извѣстной методой—*бийки* и *лайки*; онъ не вѣдаетъ, почему мальчики такъ охотно, съ такою жадностью, учатъ наизусть эти и другіе разсказы, изящные по выраженію, доступные по простотѣ, нравственно вліяющіе своею, близкою къ народной жизни, идеею, просто и изящно выраженной, на неспорченные еще долбленіемъ умы мальчиковъ.

По всей вѣроятности, онъ, изъ предубѣжденія ко всякой книжкѣ, написанной провинціальнымъ языкомъ, почелъ бы себя «преступнымъ и неблагонамѣреннымъ сыномъ отечества,» если бы осмѣлился заглянуть въ эти книжки... А если онъ заглядывалъ въ нихъ, то что же отвѣтитъ ему на его нагло-пошлыя сужденія?

Наконецъ, что всего смѣшнѣе, онъ удивляется такому оригинальному патриотизму въ устахъ Стоянова и пишетъ курсивомъ послѣднія двѣ буквы... О, г. редакторъ! неужели вы полагаете, что развитіе и убѣжденія чловѣка зависятъ отъ случайнаго стеченія буквъ въ его фамиліи? неужели вы думаете, что чловѣкъ,—взросшій на той землѣ и воспитанный тою землею, гдѣ теперь онъ живетъ, помнящій только по преданію свою далекую родину, окруженный честнымъ народомъ, служить которому онъ обязанъ,—не былъ бы чуждымъ наростомъ,

полюпомъ, если бы сдѣлъ сложа руки, или носился въ сферахъ заоблачныхъ мечтаній и механически, схоластически—образовавшихся теорій?

Вѣдь не у всѣхъ же убѣжденія находятся въ *исключительной* зависимости отъ происхожденія.

Но—довольно обо всемъ этомъ. Къ—дѣлу! На основаніи закона и безпристрастія, я *требую* отъ васъ—перепечатать мой настоящій отвѣтъ въ слѣдующей книжкѣ вашего *Вѣстника*... *извините*... *злословія*—и вотъ почему.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, журналъ вашъ имѣетъ особенныхъ подписчиковъ, можетъ—быть не всегда прочитывающихъ другіе журналы. Вы, наклеветавши на бывшую ежедневную школу, черните, въ ихъ глазахъ, и все направление. Книжка ваша пойдетъ въ села. Что скажутъ ваши почтенные читатели, прочитавъ вашу замѣтку? что подумаютъ они о тѣхъ сельскихъ учителяхъ, которыхъ имъ посылаютъ изъ Кіева, если въ этомъ самомъ Кіевѣ существовала языческая преступная школа, гдѣ учили люди неблагонамѣренные, вербовщики—сепаратисты?

При другихъ обстоятельствахъ, за взведенныя лично на меня обвиненія, я имѣлъ бы право потребовать васъ къ суду и тѣмъ, кажется, явилъ бы первый примѣръ справедливой просьбы объ охраненіи лица, являющагося въ печать, отъ бездоказательной клеветы. Это, можетъ—быть, подѣйствовало бы на васъ сильнѣе самой правды... Но... я предаю васъ и себя только суду общественнаго мнѣнія. Надѣюсь, что оно, увидѣвъ данныя и одной и другой—стороны, рѣшитъ, кто правъ, кто виноватъ...

Александръ Стояногъ.

27 сентября 1862. Кіевъ.

Въ моей замѣткѣ, напечатанной въ В. Ю. З. Р., сдѣланы значительныя ошибки. Въ началѣ замѣтки, вмѣсто *20-го апрѣля*, какъ сказано въ рукописи, напечатано *20 августа*. Изъ этого можно, пожалуй, вывести, что школа существовала еще тогда, когда уже сдѣлано было распоряженіе закрыть ее,—и т. обр. учителей школы можно заподозрить въ противозаконномъ поступкѣ; ошибка эта тѣмъ бо-

лѣе неумѣтна, что и слѣдующая фраза гласитъ: «съ августа школа уже не открывалась.»

На концѣ статьи пропущена частица *не* и искаженъ, поэтому, весь смыслъ. Въместо фразы—«вторая половина, къ сожалѣнію, *не* сбылась,» напечатано «*сбылось*».

Наконецъ, г. Мордовцовъ пожалованъ въ Мордоховы (!).

А. Стояновъ.

БРАТСТВА ВЪ УКРАИНѢ.

Съ особенною радостью сообщаемъ нашимъ читателямъ благоую вѣсть изъ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*,» гдѣ напечатанъ *Уставъ Братствъ*. Мы всегда были того убѣжденія, что въ народныхъ началахъ нашей исторической жизни, въ развитіи народнаго духа, въ сближеніи съ народомъ всѣхъ сословій во имя общей пользы, заключается вѣрнѣйшій залогъ нашего благосостоянія, заключаются естественныя, слѣдов. и самыя дѣйствительныя, средства для противодѣйствія всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ на нашъ Край, съ какою бы стороны они ни приходили: со стороны ли старинныхъ историческихъ враговъ нашихъ, или со стороны неразумныхъ, неопытныхъ друзей народа, которые думаютъ осчастливить его не на *его*, а на *свой* ладъ. По этому—то мы привѣтствуемъ *Уставъ Братствъ* съ искреннею радостью и считаемъ своимъ долгомъ—засвидѣтельствовать нашу глубокую признательность всѣмъ, кому принадлежитъ честь возстановленія древняго, истинно—народнаго, жизненнаго учрежденія! *Ред.*

«Въ нѣсколькихъ изъ предшествовавшихъ №№ *Епархіальныхъ Вѣдомостей* за нынѣшній годъ,»—сказано въ № 17—мъ,—«мы предложили историческій обзоръ братствъ, существовавшихъ въ югозападномъ краю Россіи, и указавъ примѣры братствъ въ Кіевской губерніи въ прошломъ столѣтіи и остатки ихъ въ настоящее время, пришли къ тому заключенію, что возстановленіе братствъ было бы теперь какъ нельзя болѣе благовременно и полезно въ видахъ улучшенія содержанія сельскихъ храмовъ, школъ, госпиталей и проч. Полагая, что священники кіевской епархіи, раздѣливъ высказанныя нами мысли относительно братствъ, приступать ради пользы церкви, къ ихъ возстановленію, мы, для облегченія желающихъ, съ разрѣшенія начальства, воскресить знаменитое нѣкогда учрежденіе, спѣшимъ предложить проектъ устава для сельскаго братства, составленный на основаніи уставовъ древнихъ братствъ, но примѣнительно къ потребностямъ нынѣшняго времени. Само—собою разумѣется, что этотъ уставъ, какъ про-

эктъ, смотря по мѣстнымъ нуждамъ и условіямъ, можетъ потребовать нѣкоторыхъ дополненій или измѣненій.

« УСТАВЪ

для сельскихъ братствъ въ кievской епархіи.

Во имя Отца и Сына Св. Духа.

«Господь нашъ Иисусъ Христосъ, идя на вольное страданіе и уже готовясь разстаться съ своими учениками, говоритъ имъ: *сія запо- вѣдаю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 15, 17): *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). *Братство возлюбите*, — писалъ одинъ изъ божественныхъ учениковъ, св. апостолъ Петръ. И не только ученики Господни, но и всѣ первые христіане жили какъ братья: *у вѣрующихъ, говорится въ Дѣянїяхъ св. апостолъ (Дѣян. 4, 32, 34), была одна душа и одно сердце и не было между ними никого бѣднаго: ибо пуждамъ немущихъ пособляли руки сильпѣйшихъ.*

Памятуя оныя слова Спасителя нашего и св. Его ученика и стараясь подражать примѣру св. апостоловъ и ихъ учениковъ, мы нижеименованные жители села N, приложане церкви N, съ благословенія и паставленія нашего отца духовнаго и пастыря, іерея NN, вознамѣрились, съ Божіею помощію, обновить наше церковное братство, какое и было у нашихъ благочестивыхъ предковъ, какъ о томъ въ книгахъ пишется довольно, и для сего даемъ обѣтъ предъ Богомъ и совѣстію нашею жить между собою и со всѣми въ мирѣ, любви и согласіи, какъ Господь повелѣлъ, никого не обижая ни словомъ, ниже дѣломъ, но стараясь помогать другъ другу, какъ братъ помогаетъ брату, и всѣмъ съобща, по мѣрѣ силъ нашихъ, заботиться о приумноженіи въ насъ хвалы Божіей, о поддержаніи и украшеніи св. храма Божія, въ которомъ молвимся, о содержаніи школы и размноженіи у насъ науки и людей грамотныхъ побожныхъ, объ устроеніи (если будетъ достатокъ и Господь поможетъ) госпиталя и страннопріимницы на помощь недугующимъ и престарѣлымъ, и вообще о томъ, чтобы помогать не только другъ другу въ нуждѣ и бѣдности, но и всѣмъ требующимъ пособія, сколько и когда будетъ возможно. А чтобы намъ сей святой обѣтъ исполнять въ точности и успѣшно и чтобы Христолюбивое братство наше, которое мы обновляемъ и устанавливаемъ, стояло твердо и нерушимо на вѣчныя времена, для сего мы, на сей и буду-

щіе часы, для насъ самихъ и всѣхъ, кто захочетъ пристать къ братству нашему, уложили запись въ такихъ пунктахъ, которые свято храшть и исполнять долженъ каждый изъ насъ.

1) Братство наше, по обычаю древнихъ братствъ, пусть называется по имени святаго или праздника, въ честь котораго посвящена у насъ церковь.

2) Духовный отецъ нашъ, іерей N, да будетъ и въ этомъ дѣлѣ нашимъ совѣтникомъ, руководителемъ и наставникомъ. Да председательствуетъ онъ на нашихъ сходбахъ, когда самъ прійти пожелаетъ или будетъ приглашенъ отъ насъ.

3) Чтобъ удобнѣе и лучше былъ присмотръ за имуществомъ и всѣми дѣлами братства, для сего мы каждый годъ, добровольно и съ общаго согласія, избираемъ четырехъ *старшихъ братчиковъ*, или *рочныхъ справцівъ*, изъ людей наиболѣе чтимыхъ и уважаемыхъ.

4) Изъ нихъ найстаршій братчикъ завѣдываетъ и распоряжается всѣми дѣлами братства, его доходами, расходами и долгами. Онъ созываетъ сходки и распускаетъ оныя, ведетъ по книгѣ прихода и расхода счетъ казнѣ братской, принимаетъ и выдаетъ деньги, дѣлаетъ наряды по дѣламъ братства и вообще заботится какъ о сохраненіи мира и единодушія во всемъ братствѣ, такъ и о томъ, чтобы казна братская не уменьшалась, а увеличивалась. Другой старшій братчикъ, называемый *ключникъ*, держитъ у себя ключъ отъ *братской скриньки*: онъ справляетъ долги братства и наблюдаетъ какъ за цѣлостію братской казны, такъ и за тѣмъ, чтобы пріемъ и выдача производилась не иначе, какъ въ присутствіи всѣхъ старшихъ братчиковъ. Два остальные старшіе братчики участвуютъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ братства, такъ—что никакое дѣло и не можетъ состояться безъ ихъ согласія, а главнымъ образомъ на ихъ обязанности лежитъ исполненіе опредѣлений совѣта братскаго:—пойти или поѣхать куда—либо, купить или продать что—нибудь, созвать на сходку, призвать должника и т. под. Они же наблюдаютъ за порядкомъ, тишиною и благопріятіемъ на братскихъ сходкахъ.

5) Старшими братчиками могутъ быть одни и тѣ же лица годъ, два и болѣе, но не иначе, какъ если будутъ выбраны общимъ голосомъ на каждый годъ особо. По окончаніи года найстаршій братчикъ, если не будетъ избранъ на другой годъ, обязанъ передать во всей цѣлостіи казну и все вообще имущество братское тому, кто будетъ избранъ на его мѣсто.

6) Всѣ обыкновенныя дѣла братства рѣшаются общимъ голосомъ старшихъ братчиковъ, дѣла же особенной важности, какъ напр. выборъ рочныхъ справцовъ, значительная постройка и вообще чрезвычайный расходъ или сборъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ наличныхъ членовъ братства.

7) Для рѣшенія братскихъ дѣлъ постановляются сходки: обыкновенныя, чрезвычайная и главная. Обыкновенныя сходки бываютъ разъ въ недѣлю и разъ въ мѣсяцъ. Недѣльные и мѣсячныя собранія должны быть въ недѣльный или праздничный день, первыя между заутренею и литургіею, а вторыя въ послѣобѣденное время. На недѣльных сходкахъ обязаны присутствовать всѣ старшіе братчики, но могутъ быть и рядовые, кто пожелаетъ; на мѣсячныя сходятся всѣ члены братства, развѣ кто болѣнъ, въ отлучкѣ или другими особенно важными препятствіями будетъ удержанъ. Въ недѣльных собраніяхъ, которыя бываютъ на короткое время, происходятъ переговоры между старшими братчиками объ обыкновенныхъ дѣлахъ братскихъ, а на мѣсячныхъ братія совѣщаются между собою о томъ, какъ бы увеличить доходы братства и сдѣлать какое либо богоугодное дѣло; здѣсь же производится общимъ голосомъ судъ надъ всеми провинившимися въ чемъ либо предъ братствомъ или другъ предъ другомъ, причемъ виновный непременно долженъ исполнить штрафъ, какой положенъ будетъ братствомъ и испросить прощеніе у братства или у обиженнаго. На мѣсячныхъ же сходкахъ каждый братчикъ обязанъ дать *до братской скриньки* грошей шесть или гривну мѣдную, а кто не будетъ на сходкѣ, тотъ обязанъ дать послѣ. Сходки чрезвычайныя созываются въ неопредѣленное время по требованію особенно важныхъ, непредвидѣнныхъ и не требующихъ отлагательства дѣлъ, какъ напр. для выбора кого либо изъ старшихъ братчиковъ на мѣсто умершаго или совершенно несправнаго и вреднаго для братства. Главная сходка бываетъ разъ въ году въ недѣлю Фомину или на проводы. Здѣсь старшіе братчики даютъ отчетъ братству во всѣхъ дѣлахъ за цѣлый годъ, производится повѣрка денежныхъ суммъ и расходовъ, выборъ въ должности старшихъ братчиковъ, передача казны и ключа, судъ надъ провинившимися, но еще неподвергавшимися суду, и общее совѣщаніе объ улучшеніи братства во всѣхъ отношеніяхъ.

8) Братскія сходки помѣщаются въ школы или въ домъ найстаршаго братчика, а если бы это было неудобно, мы должны, когда позволятъ средства, построить, купить или нанять особое помѣщеніе.

Въ комнатѣ, гдѣ будутъ происходить братскія собранія, должно имѣть застланный столъ, икону, крестъ, евангеліе и свѣчи: тутъ же ставится и *братская скринька*, если нужно вынуть или внести деньги.

9) Братскія сходки назначаются на дѣло Божіе и какъ бы предъ очами самого Бога; посему на братскихъ сходкахъ должно соблюдать миръ, тишину, порядокъ, благоприличіе и даже благоговѣніе. Не должно быть здѣсь ни шума, ни споровъ и пустаго разглагольствія, ни тѣмъ болѣе пьянства, или ссоры и драки. Если бы какой братъ пришелъ на сходку въ нетрезвомъ видѣ, то онъ долженъ быть немедленно удаленъ отсюда, и не иначе можетъ быть и въ другой разъ принять, какъ если принесетъ раскаяніе въ своемъ поступкѣ и испроситъ прощеніе у братства. Когда кто либо въ собраніи скажетъ неприличное или обидное другому слово, старшій братчикъ кротко и съ любовью долженъ замѣтить ему объ этомъ, а онъ въ свою очередь извиниться и испроситъ прощеніе у обиженного; непокорнаго судятъ всѣ присутствующіе и налагаютъ на него штрафъ, смотря по его вигъ и состоянію.

10) Общій порядокъ, который мы обязываемся соблюдать на братскихъ сходкахъ, долженъ быть такой: На недѣльныхъ сходкахъ найстаршій братчикъ вначалѣ засѣданія читаетъ: *Царю небесный*, а по окончаніи: *Достойно естъ*. Тѣ же молитвы читаются или поются (если будутъ умѣющие пѣть) и на прочихъ сходкахъ. Когда будетъ священникъ, онъ читаетъ молитвы, а за отсутствіемъ его—найстаршій братчикъ. Всякій вошедшій въ братское собраніе долженъ трижды перекреститься предъ св. иконою съ благоговѣніемъ и, отдавши поклонъ братьямъ, чинно сѣсть на своемъ мѣстѣ. Когда соберутся всѣ братчики или большая часть ихъ и когда уже прочитана или пропѣта будетъ молитва, священникъ, а если его не будетъ, найстаршій братчикъ, или кто знаетъ грамоту, читаетъ сіи слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Сіе богоугодное, законное, церковное братство правильно и вѣчно соблюдать заповѣдано Духомъ Святымъ отъ самого Господа и Спаса нашего Иисуса Христа святымъ Его апостоламъ, а отъ нихъ святымъ церквамъ по всей вселенной, также и намъ сынамъ святой соборной и апостольской церкви. И о семъ у насъ слово. Господь Иисусъ Христосъ во свитомъ евангеліи своемъ говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите*; (Іоан. 14, 15), *заповѣдь нову даю вамъ, да любите другъ друга* (Іоан. 13, 34); и о семъ разумють вси, яко Мои

ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоанн. 13, 35). И возлюбленный ученикъ Христовъ, св. Іоаннъ Богословъ написалъ: Богъ любви есть, и пребывающій въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ. А священный Псалмопѣвецъ еще въ Ветхомъ Заветѣ возгласилъ: се что добро или красно, но еже жити братіи вкупѣ. За все сіе Господь обѣщаль намъ животь вѣчный.

По прочтеніи этихъ словъ, одинъ изъ старшихъ братчиковъ, обращаясь къ собранію, говоритъ: «Господа братія! кто знаетъ что либо, относящееся къ братству, пусть объявляетъ. Кто имѣетъ внести долгъ, или какой доходъ братскій, пусть внесетъ. Кто имѣетъ дѣло какое до братства или до кого либо другаго, пусть исполняетъ» (*). И начнутся такимъ образомъ братскія разсужденія.

11) Когда окончатся разсужденія о дѣлахъ братства, братія могутъ продолжать засѣданіе, прося священника или грамотнаго братчика прочесть что-нибудь изъ евангелія, или занимаясь душеспасительными разговорами; но при этомъ отнюдь не должно быть разговоровъ о обыкновенныхъ дѣлахъ житейскихъ.

12) Главное, о чемъ заботятся и разсуждаютъ братчики на сходкахъ, это содержаніе и украшеніе храма Божія, поддержаніе и улучшеніе школы и госпиталя (если будетъ), пособіе объединѣннымъ преимущественно братчикамъ и водвореніе въ братствѣ добрыхъ нравовъ и житія христіанскаго.

13) Братство наше, если не будетъ имѣть достаточной суммы, не обязывается давать все содержаніе церкви, школѣ и госпиталю, но будетъ помогать имъ и заботиться объ нихъ, по мѣрѣ средствъ своихъ; въ такомъ случаѣ оно только совѣтуется съ священникомъ и обществомъ о томъ, что нужно для церкви, школы или госпиталя. Если же школа или госпиталь все содержаніе будутъ получать отъ одного только братства, то оно одно завѣдываетъ и распоряжается ими, прося только совѣта и наставленія отъ священника.

14) Братство не вмѣшивается ни въ какія дѣла, его некасающіяся и подлежащія вѣдѣнію и разбирательству сельскаго и волостнаго управленія, не входитъ ни въ чьи семейныя и хозяйственныя дѣла и тяжбы; но если бы два или нѣсколько лицъ изъ односельцевъ, а тѣмъ

(*) Слова, означенныя кавычками, заимствованы, въ сокращеніи, изъ устава лучшаго братства.

богѣ изъ членовъ братства, въ какой либо тяжбѣ сами попросили посредства суда и примиренія *рѣшенія* братскаго, объявивъ, что они добровольно и безпрекословно подчинятся ему: то братство не можетъ отказать ихъ просьбѣ, обязываясь впрочемъ разрѣшать и примирять вражду, *судить* по долгу совѣсти и сущей справедливости, сообразно съ закономъ любви Христовой.

15) Желаящій вступить въ братство, объявивъ о своемъ намѣреніи старшимъ братчикамъ и получивъ ихъ согласіе, является на первую братскую сходку и здѣсь цѣлуется крестъ, евангеліе и руку священника, а потомъ подаетъ руку всѣмъ братіямъ въ знакъ того, что онъ обязывается жить со всѣми въ мирѣ, любви и согласіи и исполнять всѣ постановленія братства. При этомъ онъ даетъ *до братської скриньки вступного* злотый одинъ или 15 к. с.

16) Всякій братъ, узнавъ о какихъ либо дурныхъ и закону христіанскому противныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ другаго брата, напр: пьянствѣ, воровствѣ и т. под., долженъ усовѣститъ его съ кротостію и любовію при одномъ или двухъ братьяхъ, а если онъ не раскается и не дастъ обѣщанія исправиться, — объявить о томъ всему братству, которое дѣлаетъ ему челоуѣколюбивое и кроткое увѣщаніе. Когда виновный не послушаетъ и не исправится въ своемъ поведеніи, — оно проситъ священника подѣйствовать на него своимъ пастырскимъ словомъ. Если же и послѣ этого виновный не раскается и не подастъ надежды на исправленіе, то братство исключаетъ его изъ своего общества и списка, объявивъ ему въ общемъ собраніи о такомъ исключеніи.

17) Никто изъ братіи, безъ уважительной причины, напр. болѣзни или отлучки по дѣламъ общественнымъ, не долженъ отказываться отъ посѣщенія братскихъ сходокъ; — виновный подвергается штрафу, какой положить братство (въ первый разъ напр. 15 к., во второй 30 к., пожалуй и не деньгами), а напр. воскомъ, хлѣбомъ и т. под.) Часто опускающій братскія собранія, безъ уважительной причины, по одному нерадѣнію и равнодушію, исключается изъ списковъ братства, если не раскается по предварительномъ о томъ объявленіи.

18) Когда братство нарядитъ кого изъ братчиковъ на какую нибудь повинность братскую, напр. копать яму для умершаго бѣднаго, дѣлать гробъ и т. под., никто не въ правѣ отказаться, а ослушавшійся долженъ испросить прощенія у братства и выполнить штрафъ, какой оно положитъ, подъ опасеніемъ за неоднократное ослушаніе исключенія изъ списка и общества братскаго.

19) Для объявленія распоряженій братства, напр. призыва на сходку и по другимъ надобностямъ, братство имѣть у себя круглую деревянную или жестяную окрашенную дощечку, съ изображеніемъ на одной сторонѣ мѣстнаго храма, а на другой св. креста, чаши и евангелія. Кому изъ членовъ братства показана будетъ эта дощечка съ объявленіемъ распоряженія братства черезъ одного изъ старшихъ братчиковъ, тотъ долженъ итти безъ отговорки и немедленно на указываемое ему дѣло, показывая тѣмъ свою готовность итти по гласу Господа, зовущаго насъ ко спасенію чрезъ дѣла богоугодныя. Какія бъ ни были у кого въ семьѣ заботы и дѣла, все пужно оставить ради добраго и душеспасительнаго дѣла, помня слова, сказанныя Спасителемъ одному изъ апостоловъ: *остави мертвымъ погребсти свои мертвецы.*

20) Кромѣ того, братство имѣть у себя *упись* или вписную книгу для живыхъ членовъ, синодикъ или *граматку* для записыванія скончавшихся братчиковъ. Для поминовенія живыхъ и умершихъ въ молитвахъ предъ Господомъ братство служитъ ежегодно четыре литургіи, на которыхъ должны присутствовать всѣ братчики: двѣ заздравныя—въ храмовый праздникъ и въ день возстановленія братства, и двѣ заупокойныя—на проводы и въ Дмитріеву субботу. Въ эти четыре дня братство раздаетъ милостыню нищимъ и угощаетъ ихъ обѣдомъ; за служеніе жъ литургіи и молебновъ, или панихиды, даетъ благодарность священнику и причетникамъ. Вино и просфоры для литургіи въ эти дни братство даетъ отъ себя.

21) Братство имѣть также въ церкви свои *ставники* (4, 8 и 12, сколько возможно будетъ), съ которыми братчики должны стоять во время литургіи отъ начала чтенія Апостола и до того времени, когда пропоютъ: *и всѣхъ и всѣхъ.*

22) Когда умретъ какой либо братъ, всѣ братчики должны присутствовать при его погребеніи, провожать тѣло его до могилы и молить Бога о упокоеніи души его.

23) Въ недѣлю проводную или Овинну, когда сдѣлаютъ выборъ новыхъ рочныхъ справцовъ или старшихъ братчиковъ, читается вслухъ всѣхъ эта записка наша, которую мы уложили, а потомъ братія дѣлаютъ складку на весь годъ и даютъ каждый по 50 к. ср. Кто не имѣетъ всѣхъ денегъ сполна, тотъ можетъ доплатить послѣ, но не позже трехъ мѣсяцевъ.

24) Къ пожертвованіямъ или складкѣ приглашаются и неприня-

лежаще къ братству, и дають, сколько кто хочетъ и можетъ, — деньгами или чѣмъ либо другимъ.

25) Въ храмовый праздникъ, а если возможно, то и на Рождество, на Свѣтлое Христово Воскресенье, на Троицу или же на Успение Божія Матери и въ день святителя Николая, братство варить и потомъ продаетъ медъ, по стародавнему обычаю. Деньги, вырученные отъ продажи меду, составляютъ доходъ братства и вносятся въ *братскую скриньку*. — Медъ можетъ быть продаваемъ отъ одного до трехъ дней — не болѣе. Нельзя давать меду въ долгъ людямъ несостоятельнымъ. Упиваться непригоже и грѣшно, а потому строго воспрещается.

26) Членами братства могутъ быть не только односельцы, но и посторонніе, и притомъ не одни мужчины, но и женщины, притомъ всякаго званія. Посторонніе члены, какъ само собою разумется, свободны отъ братскихъ сходокъ.

27) Для храненія своей казны братство имѣетъ свою особую *скриньку*, которая хранится для безопасности въ церкви за замкомъ братскимъ и печатью церковною.

28) Священникъ и староста церковный могутъ быть членами братства, но съ такимъ голосомъ, какъ и всѣ братчики.

29) Если какой братъ обидѣтъ не по своей винѣ, но по какому либо несчастному случаю, прочіе братія обязаны помогать ему.

30) Изъ *братской скриньки* можно давать деньги въ займы, но безъ всякаго процента, притомъ однимъ братчикамъ и за поручительствомъ одного или двухъ изъ братіи.

31) Ни въ школѣ братской, ни въ самомъ братствѣ не употребляются тѣлесныя наказанія. Для провинившихся въ чемъ либо братчиковъ, по примѣру древнихъ братствъ, допускаются только выговоръ или увѣщаніе — отъ одного брата, отъ всего братства, наконецъ отъ священника, нотата или запись проступка провинившагося въ штрафную книгу, денежный штрафъ, смотря по винѣ брата, и наконецъ сидѣніе на колокольнѣ за пороки грубые, какъ драка, пьянство и т. под.

32) Если братство будетъ содержать школу на свой счетъ, — ему представляется право взимать за каждаго учащагося при вступленіи въ школу пять или десять копѣекъ, а при выпускѣ 15—30 к. с. и болѣе, смотря по курсу ученія и состоянію родителей и воспитателей. При этомъ отнюдь не должно быть *могоричей*, особливо же въ домѣ братскомъ.

33) Деньги братскія не могутъ быть употребляемы ни на какія

частныя надобности братчиковъ, а также на покупку водки для братскихъ обѣдовъ: на этотъ предметъ, въ случаѣ надобности, дѣлается особая складка.

34) Если составится братство *сестрицкое*, или *молодецкое*, то какъ то, такъ и другое, имѣть своихъ старшихъ и свое особое хозяйство; но оба стараются помогать старшему братству своими сборами и складками. Братство старшее имѣть наблюдение за *молодиками*, чтобы они во время колядованья не кричали, не безчинствовали и тѣмъ болѣе не пьянствовали; для этого молодежи на колядованье испрашиваютъ позволеніе не только у священника, но и у найстаршаго братчика.

Всѣ пункты сей записи нашей, которую мы уложили и утвердили, даемъ обѣщаніе хранить и исполнять всегда свято и ненарушимо, памятуя, что сіе братство наше не новая какая либо выдумка, но стародавній благочестивый обычай, завѣщанный намъ отъ найдавнѣйшихъ предковъ нашихъ и отъ самого Господа нашего Иисуса Христа. О томъ же болѣе должны мы заботиться, чтобы, храня миръ и любовь между собою, жертвуя отъ своего имущества на вышепроисанныя богоугодныя дѣла и поступая во всемъ, какъ бы мы ходили предъ очами Божиими, заслужить намъ отъ Господа души спасеніе, грѣховъ отпущеніе и наслѣдіе живота вѣчнаго. Такъ намъ во всемъ томъ да поможетъ Господь, молитвами пресвятыя Владычицы нашей Богородицы Маріи и всѣхъ святыхъ, отъ вѣка Ему благоугодившихъ. Аминь.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

I.

НАШЪ ДІДЪ И ППЪ.

— То дідъ — голова! Прихорошій, прирозумшій, про старовину вамъ розкаже, говіркий який!... Тамъ и однієї чарочки доволі. Вінъ, літомъ, у пасіці сидить.

Есть у ёго дві невістки,—зъ двома жонатими синіами вінъ и живъ: у старшого нема дітей, а у меншого ціла мѣтка,—ажъ пята-тірко! Вінъ сю и невістку и сина більшъ любить. Вона жъ, Боже, якá піжна, якъ ёму догожає; а вінъ опучятокъ своїхъ такъ уже жаліє! Оце тільки одъ грудей одшумуть, такъ уже воно одъ діда и пікуди,—спить зъ імъ у-куші, поки друге не підросте; тільки невістка одніме, дідъ уже більшенького відъ себе відстановить, а другого бере. Оце ждуть діда зъ пасіки—(харчівъ не стане); отъ, невістка и каже дітямъ: сёгодні, діточки, дідъ буде. Отуть уже и скопи и боки. Отожъ невістка пійде на базаръ рачківъ купить, рібки; напече книшівъ, ппрожківъ, будикнівъ и плескачівъ, каши наварить и борщу пристановить,—стілько того усёго наварить, що мовъ громади сподиваецця,—и дітямъ не дасть, усє у комору поховає: »цехай, діточки, дідові буде«. Приїде дідъ, діти ёго зустрічать. »Діду! тобі мати усёго наготовила, и кришечки намъ дала«. Дідъ ажъ зайдецця: »якъ таки дітямъ надавала?!« Виймає и дає імъ меду, жалує їхъ дуже; ложечокъ наструже, ночовочокъ. Після пригри, якъ має часъ, то заразъ дбає для ппхъ. Да жалує жъ діда и молода невістка! Увечері ёму сама и чоботи зниме: »ляжте, тату, да одпочинте;« постіль ему постеле, голову ёму змне, вичише, а та стара—тамъ така грязá невістка, така загорівана! Оце розсердитца на

діда: «розділіть и розділіть насъ», каже; «не хочю я наймичковати; ви ту любите кращъ за насъ; викидайте насъ хочъ підъ тинь, а розділіть. Якъ почали ділять, якъ стали лайковати за ту діляницю, щобъ и лишня ложка не перейшла. Відділились; прийшовъ празникъ; отъ, ждѣ дідъ сина и невістки зъ пирогами на святъ-вечірѣ... нема! не йдуть. У діда серце болить; ёму жъ и того жаль. Ждѣ вінъ другий день, нема; третій—нема, а хата їхъ стоить—якъ рукою подать. Прийшовъ панотѣць зъ молитвою, (а вінъ зъ сімъ дідомъ п хлѣбъ—сіль водили), здивовався батюшка, що дідъ такий не-привѣтний,—зхилився надъ стілъ и не стинетьця, мовъ присноплио ёго.

»Що це такъ нахмарило! Чого такий сумъ на твоєму челі, діду.» (И окинувъ вінъ очима хату). »А діти були у тебе празниками?«

— Зъ сімیا живу, то и були; а ті?..—Тільки скинувъ дідъ очі на той кутокъ, дѣ їхъ житло.

»Заразъ їхъ покликати! Не подобає такъ робити.«

— Нехай уже зъ імі миръ говорить, батюшка,—обізвався дідъ; сотворить молитву та йдѣть; а то вони васъ зашляють.

»Ні, підожду; не по Божому роблять.«

Небожатко послали за дядькомъ. Не йде ні синъ, ні невістка; а тимъ часомъ дідъ згадує, якъ вінъ живъ изъ своєю старою, що одно на одного и разу не сказали й ти:

— И ви таки, шанючи васъ та й Бога, батющечка, жалуйте своѣ стару и не кажѣть на її ти; вона у васъ гърна, трудяща и поділюща; и молодіці похваляютьця, що вона обіходлива зъ парбдомъ: и совѣть и привѣть дасть, и звичай наші поважає... А тутъ, недалечко, у Нехворощахъ, у одному селі, есть попаяда молода; ии и гърби не можна великої дати; вона, неврѣку ии, и хороша, и хозяйлива,—да зъ людьми вдачі немає, якъ обійтися. Люде до її не прихляютьця; чи хороба яка, зилля якого треба (хай не здаѣтця!), чи якої порадѣ треба,—обійдуть її; и матушкою її велпчати не хочуть. Якъ її матушкою велпчати, коли вона ходить простоволѣса? голови не покріє! Се и наші дівчата одружяютьця, да, не уподобавши замужжя, очіпки зъ себе, та будуть волоссеми свѣтити; а коли ти ии укажешъ, вона на матушку ии здаѣтця... А старі тожъ обіжаютьця: прійдешъ, кажуть, лъ панахиди, принесешъ паляниці... ажъ соромно ии, простоволѣсу, матушкою звелпчати; да ще, якъ почне

кривийця: паляниці їй саломъ пахнуть!... Уже жъ вона не твоїй чета... Таке-то у насъ повелось не під-стать до нарба. Е папіді,—казано—якъ ясочки, якъ посланнеці Божі. Вийде, и замовить, и посадить, и совить дасть, и грамоті прокаже, и болящому поможе, и чарочкою не обійде. Се й людямъ у жадобу и Богу негнівно... А та ні цятіночки на миръ. Затежъ, якъ и батюшка її позове запомогти ёму що, услужить: вѣза поладнаѣть, або-що, то наїздитця! И зъ ворить невпиде, уже й розсипитьця.

»Эге, діду! буває. Спасібі; менѣ мої прихожанѣ поважують. Ти изъ першихъ; отъ и мою пасічку держишъ. Спасібі імъ: толокою сінце убралі.

— Дакъ и ви жъ, батюшка, не вѣ примірѣ другимъ...

»Гаятьця жъ твої діти!... А пійдіте скажіте, що, мовъ, батюшка кличе до христа приложитись.«

Пришли діти.

»Прикладайтесь до христа, а теперъ идіте до батька—покиньте свою непевну гаду.«

Вони стали брать суперѣки, а батюшка велівъ ще й повинитися супротивъ діда.—Батько мене не люблять,—невістка одказуе.—Дурко, дурко, каже дідъ: чимъ же я тебе зобідивъ? ти до мене така не прихильна. Звісно, я тамъ бильше радю, тамъ дітей кутокъ; а ви, спасібі Богу, маєте.

Синь у руку цілуе батька: »и мене, каже, не жалуєте, тату; до насъ обохъ ви, якось, не прихильєтесь; ми—одрізана скіба одъ хліба.«

Батько ажъ затрясся.

— Сіну, не гніви Бога! Чи сієі пучки одтять, чи другої,—однаково болітиме: такъ и ти мені дорогій. Згадай торішні рѣки, побиванне мое вкупі зъ старою за тебе?! Якъ тебе забрали у москалі, струсували мв усѣ село: зъ наємцямъ усѣ возились; сотъ чотирі убійл мв, або й бильшъ. Ні одного спокійного ночівля не мали мв, поки тебе не визволили. Я бігавъ за наємцямъ; старя слізьми згольовѣ обливала, замірала одъ жаху,—що, може, тимъ-часомъ якъ мв тутъ клопѣчємось, тебе вже постригли. Що придбали мв, усѣ за тебе постановили. Чи ти не згадуєшъ тихъ часівъ, якъ я зъ старою, уже черезъ два місяці—вискепавши наємця, прибігли до начальства и, підїзжаючи підъ село, якъ вона, побачивши тебе уже на муштрі, замаїла; послі—якъ вона раділа, плакала и приказувала?! »Я жъ,«

каже, «думала, синочку, що я тебе прикопала». Якъ вона за тобою побивалася! може собі й віку збавила... Дежъ ми тебе не жалуємо?!.. А тільки у васъ усякого дозвілля, а тамъ дітокъ кутокъ, та ще й дівчатка. *Сині принесуть, а дочки й ули рознесуть...* Не парікай, синочку; зрозумій мое правдиве слово».

Послі сего діти примирилися, батюшка молитву сотворивъ,—и сіли діти вкуші обідати.

Борзєнський повігъ
Черніговської губ.

А. Не-чуй-вітеръ.

II.

ПРО ГАДЮКЪ.

— Оцю нічъ снилась мині гадюка, да така здоровенна, що ма-буть вже и въ світі більшихъ немає: довга така—аршинъ зо два буде и товста да чорна. Лізе до мене да й сичить—хоче бъ то укуситъ. Я зляклась такъ що вже й душі въ собі не чую, ажъ тутъ якась жінка й каже мині: не бійся, каже, вхвати її за голову да й одломи. Дакъ я зразу кинулась до неї, та вхопила за голову и одломила. Дакъ отъ—якъ! Що то вонó значить сей сонъ?

— Дакъ ти, бабусю, кажешъ, що такú велику гадюку бачила що вже й на світі більшихъ немає? а я чувъ, що на світі е еще більші гадюки, ніжъ ти бачила, да тільки не въ насъ; а у насъ, нема й такихъ.

— »Иге-жь! чому нема! Е и въ насъ такі, та тільки їхъ ніхтó не бачить:—се вже-бъ то гадючі царіці. Якъ я ще була маленъкою, дакъ чула, що люде казали тоді—якъ одна дівчина, недалечко одъ нашого села, бачила такú гадюку. Я вже не знаю, чи правда сему, чи ні: якъ люде брехали, то и я буду брехать. Коли хочте, то слухайте, казатиму»

— Розкажі, розкажі, бабусю: будь ласкова!

— »Даць оть—то, кажу, недалёчко одь нашого села, зь Алтїновки (*), одна дівка й пішла шукать орїхів на Здвиженнї. Хочь уже тоді й не рїшня булї порї ходить по орїхи, да щось їй заманулось. Оть, пішла вона да трїхи й заблудїла, заїшла у пїщу да тамь блукїла—блукїла, щобь вийти вже якь на стїжку, а потїмь—бухь, да и впала вь яму. Яма така глибочїнна, що й свїту невидно. Упала вона туди, дївчїця—даць тамь гадюкь сила—силїнная, мабуть вони туди зо всїго свїту зїбрались на зїмовья! Такь усї зрау й кїпулись до неї, пїдняли голови да й снїчать. Злякїлась вона, вже й духу вь її не стало. Колижь дївчїця—одна така здоровїнна, да вся вь золотї—и лїзе до неї. Вона тоді собі: »оть—туть же вже, каже, немнїуча смерть буде!« Колижь та сама старїша гадюка прилїзла до неї да й каже,—такь—таки пенїче чоловікь и каже: »не бїйся, дївчїно, нїчого: безь мїне нїхто тобі нїчого не заподїе, я туть сама найстарїша, небїйся!« Оть дївка трїхи й звесїла, вже й смїлїша стала, и гадюки перестїли снїчать до неї. Зноу та золота гадюка и каже: »якь схочешь, небого, їсти, то—онь глянь, лїзть кїмїнь—ти й полизь їго.« Лїзнула вона того кїмїню—и їсти вже не хїче. Такь жила вона тамь цїлїсеньку зїму и вже такь привикла, що нїчого й небогтца. Спїршу, даць може зь тїждень вона не спала, усе боїлась, а далїй то сїде було собі да й заснї. Схїче було їсти—то вкїсїть орїха,—їхь було таки тамь чи мїло, гадюки собі понастягїли,—або лїзнїе кїмїню того—оть и нехїче; а води тамь и небулї, да вона й не хотїла чогось пїть. Оть, кажу, жила вона тамь якь—разь цїлїсеньку зїму. Коли, самє на Благовїщеннї, прилїзла та золота гадюка до неї та й каже:« а що, дївчїно, чи зь памї зостанїсся, чи мо' тобі хїчетьця до своїхь?« —Да воно бь то хотїлось відсїлї якь—небудь вийти—да якь їго вийти?—трїба вже мабуть туть зоставїтьця.—»Нї, каже гадюка: якь хочешь відсїлї вийти, то й вїйдешь.«—Якь же я вїйду?—»А осьь, становїсь на мїне.«—Я жь вась роздавлю, каже дївка: якь таки мпїи на вась становїтьця.—Вона, бачь, поважїла вже старїшу гадюку, щобь нїчого незаподїяла, и велїчала її вї. »Да небїйся, каже, становїсь«. Стїла вона, даць та гадюка якь пїдкїпе її вверхь—да й зноу до—дїлу. »А що, каже, щї ти тамь бачїла?«—Свїть, каже, бачїла.—»Ну, даць становїсь же ще.« Пїдкїнула її вдрїге,

(*) Село крїлевського повїту.

а втрѣте якъ підкинула,—то й викинула зъ тієї ями. Сáme якъ-разъ тоді роставъ ужé снігъ. Упала вона на землю, проміння бліснуло їй у вічі, а свіжеський вітєрь якъ подувъ—то и обхватило їй пámороки. Упала вона й лежить якъ неживá. Далій прокипулась, прочунала, да й думає собі: »Ну, щожъ теперъ робить? До-дому йти—не знайдú слідú, да й мóці таки не хватá!« Коли идє чоловікъ—зъ тогójъ-таки села, відкíля й вона, зъ Алтиновки, да ще й сусідъ:—глянувъ на її—то й не вгадавъ: така вона зробíлась жóвта та худá, не та, що була Мотря, а тільки снасть її. »Чогó се ти тутъ, каже, дівчино, сидишь?« Розказáла вона ёму усе, а далій и прóсить, щобъ провівъ її до-дому.—Щожъ, каже вінъ, робить мині зъ тобою! До-нести тебе я не здúжаю, а йти за мною ти сама не зможешъ. Підú та скажú твою батьку, щобъ вінъ запрягъ коняку, та прихавъ за тобою«. И пішовъ. Прийшовъ до її батька, да й каже ёму: »А нú лишъ, запрягай коняку, та идь за своєю дочкою«. Дивуєтця батько, да й самъ невірить своїмъ ушамъ, щó се вінъ чує, бо її вже давно й на світі не сподівáлись. Розказавъ сей чоловікъ усе, що вона ёму казала, и сказавъ, де вона сидить. Запрігъ батько коняку, поїхавъ и взявъ її відтіля. Рознеслась обь сёму по сáлашъ чúтка, прибігли люде, дивлятця на її—сидить вона собі, жóвта якъ воскъ,—звісно, нічого не пла й не íла. Одправили Господу Богу молебень, що вона зосталась жива, а голова звелівъ, щобъ після сёго ніхтó не посмигъ ходить на Здвiження по оріхи, абó що-небудь робить. А вона, небóга, й тiжня не прожила: на третій день и вмёрла; и хлiба не íла—звісно, одвiкла.

Семень Войтокъ.

III.

ПРО ЗОЗУЛЬ, ПОСМИТТЮХЪ И ГАДЮКЪ.

(Записано въ г. Миргороді, 15 червця 1862 року).

Була собі дівка, така хорóша, така! Та закохався въ неї пáрубокъ, тожъ козакъ гáрний. Отó, ходить до неї: люблятця; а далі—и побрались. Живуть собі. Пішли вже й діти: хлопчикъ та дівчинка.

Разъ, святкѣми, жінка й каже: А поїдьмо оцѣ, чоловіче, до того батька.

А батько її та живъ десь поодавъ.

— Добре, каже чоловікъ:—поїдьмо.

Поговорили—зробили. Забрали дітей, поїхали. — Ідуть собі, та ідуть,—дівлятця—річка. Чоловікъ и каже: Ну, якъ же ми переправимось черезъ цю річку: візьомъ її та не переїдешъ?.. Покійньо, каже, на цимъ боці коня, то ти (на жінку) зробишся зозулею, та, взявши на крила дітей, перелетишъ, а я зроблюся ужакою—перепливу.

Узявъ вінъ перекинувъ жінку,—стала зозулею. Посажавъ на крила дітокъ—полетіла. Перелетіла вона черезъ річку, та й сіла на тій боці. А вінъ тожъ—перекинувся ужакою—перепливъ.

Звісно, все вже те робивъ не чоловічою силою: духъ святий при хаті,—нечистий йому помагавъ. Опенівшись на тій боці, впиать вінъ и самъ перекинувся й жінку перекинувъ,—зробилися людьми, якъ и були, и пішли вже пішки до батька.

Приходять до батька,—раді їмъ всі, прераді. Сказано, не бачилися стілько. Пообідали. Після обіду жінка й чоловікъ спать полягали,—поснули; а дідъ зъ дівторою гуторить,—зъ унѣками, сказати. Та мабуть ужѣ щось помітивъ недобре, и питаєтця въ нихъ: Що це, каже, у васъ за батько такий?

— А хто його зна, кажуть:—оцѣ, якъ їхали, була річка, такъ переїхати й не можна; то вінъ на матірѣ: Леті, каже, ти зозулею, а я перекинусь ужакою—перепливу. И перекинувъ матірѣ зозулею, та насъ посажавъ на крила до неї—перелетіли; а самъ ужакою зробився—перепливъ.

— Такъ хіба вінъ гадюка? пита дідъ.

— Та хто його зна,—одмовили діти.

Дідъ заразъ пішовъ, вигостривъ ніжъ—и зарізавъ того чоловіка. Зарізавъ, та й закопавъ—на вгорді тамъ, чи де.

Прокинулася жінка: Де це чоловікъ? питаєтця.

— Не знаємъ... каже дідъ: пішовъ кудись...

Отъ, жде вона, жде—нема.

— Піду жъ и я, каже: вінъ, мабуть, додому поплентався, то я ще й нажену.

Попрощалась; забрала дітокъ—пішла. Ідуть-идуть—не видно чоловіка. Вона й питає у дітей: Куди батько пішовъ?

— Э, кажуть,—дідъ батька зарізавъ та й загрибъ на вгорді у яму.

— Завіщо?—пита.

— Та сказала, — каже хлопчикъ и показуе на дівчику: — що батько гадюкою перекидався; такъ дідъ и зарізавъ.

— Та брешешъ: то ти сказавъ, — одмагаєтця дівчинка.

— Та ні бо, ти.

Змагаютьця такъ собі: зверта одно на одного, та все йдуть. Несчүлися коли й до річки дійшли. Діходять до річки, жінка й каже: »За те жъ, каже, що віказали на батька, що вінъ гадюка; ти, дочко, лети посміттюхою, ти, сїну, лїзь гадюкою, а я, каже, полечу зозулею.

Полетїла вона зозулею, дочка — посміттюхою, а синъ полїзъ гадюкою. И ото вже расплодїлися ажъ по сі часї.

Увага. Опъ-то якъ, погляньте, народъ нашъ виводить початокъ зозуль, посміттюхъ, гадюкъ. Всякий, хто хочъ трохи дослухався, що люде говорять, коли самъ неохочий дознаватїся, може, чувъ, що зозуля не паруетця, якъ отъ другї птиці, не сама висїжуе дітокъ, ніколи собі не вє гніздечка и не несе туди яецъ, якъ другї, а підносить їхъ у чужї гнізда: одно очеретянци, друге кропивьянци, трете кудї інше; и ніколи не несе двохъ яецъ въ одно гніздó, — все нарізно. Тамъ їхъ птахи міжъ своїми й висїжують и годують тихъ зозуленїтокъ. А сама вона зъ весни на деревї, знай, *куку куку!* вище бъ то людамъ, кїлько віку жить! Перелетїла зъ гїльки на гїлку — *куку!* А тамъ вже хто небудь: «Зозуле, зозуле, скажи, кїлько мнї лїгъ жить?» Отъ вона й кїка поки ажъ мандрїкою объ Пєтрі не подавнтця! А за дітокъ їй и байдужє. — Оттакóю жъ то народъ нашъ, невгамонний до вигадокъ, вївївъ й жінку ту, немилосєрдну матіръ зозулю, що осудїла дїтєй своихъ: одного — знай стриба́ти по смїтнякахъ, та по дорогахъ, а другóго до сїду плавзати по землі...

Иванъ Руїна.

IV.

ЛИСТИ УКРАЇНКИ.

ДВІ СЛОВІ ОДЪ НАСЪ.

Неразь доводилось намъ читать, по московськихъ щоденникахъ, листи, які пишуть московські прості люде до своїхъ родичівъ, чи то до кого-иншого, а ще, здається, ніколи не було показано у печаті, якими листами подає обь собі вісті нашъ Український простий людъ.

Коженъ народъ має свій поглядъ на життя, на людей, на природу, посередь якихъ пробуває; кожне слово, коженъ предметъ, кожна година життя, оддається въ умі и серці увъ одного народу такъ, у другого инакъ: съ цього-то коженъ народъ вивідає свої думки, свій поглядъ—по-своєму, своїмъ власнимъ складомъ; тимъ-то й мова у кожного народу своя,—бо въ мові все життя народне, якъ небо въ воді, одбивається.

Правда, усі люде—брати рідні межя собою; и що можна сказати на одній мові, тежъ саме можна переказати и на другій: *тѣ жъ саме*, да тільки *не такъ—саме*; можна ходити и въ чужихъ чоботяхъ, и въ чужій одежі, коли до того дійдетця: да чи такъ же то вондъ буде лічати, якъ своє власне?

Недавно, оцѣ,—спасибі одному нашому приятелеві,—дойшли до нашихъ рукъ два листи нашої землячки, шпильної щирої українки, Марусі Т. Зъ правобочної України, одъ Каніва, зъ-по-надъ самого Дніпра, завела її доля ажъ надъ холодну Нѣву, у Питербурхъ; гарнуй и молоду квітку, вищесену, на—волі, яснимъ полуденнимъ небомъ, доля пересадила у камяню столицю, що збудовалась посередь Финського болота, підъ сіримъ неприязнимъ небомъ...

Прислухаймося жъ, якъ вивідається въ листахъ наша селянка черезъ годъ розлуки зъ своїмъ ріднимъ краємъ, изъ своєю родиною.

Маруся Т. прибула сюди неграмотною. Печатаємо листи її зъ тою жъ самою вимовою, яку изнашли въ нихъ, не переміняючи и не вигадючи ні одного слова.

Дуже подякуємо, якъ хто ще пришле намъ листи нашого коханого люду. *Ред.*

І-ИЙ ЛИСТЪ.

Здоровинькі були, моя ненько, моя рідна родинонько, моя свята Українонько! Будьте здорові изъ святимъ літичкомъ усі! Поздоровляю я васъ изъ Причистою,—бо Спаса минувъ; а якъ минувъ Спасъ, то минуло и святе літичко изъ своїмъ запашливымъ цвітомъ, изъ своїмъ тепленькимъ дұхомъ, изъ квіточками. Та вже жъ, мабуть, й житя пожали и въ копи поклали, и травицю покосили. Искажіть мнї, моя рідна родинонько, чи ви весиленько та здоровенько це літичко вжили, чи ні? Хочитця знати мнї... чи може такъ, якъ ми на чужій чужинї, що ни знаємъ, коли наставало святе літичко, а коли минуло; бо тутъ усе холодно та дощі йдуть, то намъ тїлько теждеръ и рай одчинивсь. О, Господи Боже мій, який рай! матиночко моя рідненькая, яка я тїперъ весиленькая! Про цей рай розказать... Ось постойте—лишинь, я вамъ усю свою пригодоньку розкажу про цей рай, який намъ Богъ давъ. Отъ—що.

То усє Григорій Миколаєвичъ низдужавъ, сердешний, а я була у чужихъ людей—училась платя шить; бо тїхъ нима людей, у котрїхъ я була зїною: (вони поїхали на Вкраїну изъ Богомъ,—добрі були, спасибі їмъ!). А мене Грицько Миколаєвичъ отдавъ до цапівъ нюкаєннїхъ, щобъ бїльше навчица, щобъ було съ чимъ їхать до-дому. Та я сама бїруся, щобъ ни дурно була у цєму бомотї, та й Гриць усє на мене здоровья убивъ, сердешний, до мене ходячи та за мою науку клопочучи. И частенько приходить до мене,—и гулять ходимо вкупі; бо я, одколи тутъ, та сама ип хожу, бо якъ би пішла, то бъ назадъ ни вирнуласть:—заблудила. Бо тутъ така проклята прїрва, що тїльки чортівъ загонить, а ни людей,—та й чортъ краю ип найде. А хотъ и підїмть, то що побачимъ?—Дорога каміна, стїни мурованї, хати вилїкі, що съ пїввирствї завздівшики буде одна; та пима ні двѡра ні кола, ні садочка, ні травици; то що жъ? куди ни глянь, то чужий край, чужї люди,—то на що подївнєся, чимъ порадуєся ради літа? А *голодній кумї, то и хлїбъ на умї,*

то такъ и мині: хочъ тутъ и золото є, то мині байдуже, а якъ би садочокъ та травиця, то й рай. Господи! частенько про свою Україну згадую, що такъ тамъ гарно та весело, та зелено,—Боже мій! А я тільки й побачила рай на Маковія,—та й рай, моя матінко! Я, на Маковія, устала раненько, прибралась гарненько,—такъ—якъ и дома,—та ип до церкви,—та и сіла шить, (бо тутъ и у виділю роблять). Сижу та на віконце поглядаю. Коли—гулькь: приходить Грицько та й каже: »Це ви робите?! А я думавъ, що ти у церкві. Я бъ хотівъ, щобъ до церкви піти:—ти бъ побачила, якъ тутъ святять воду«. А мині й на руку ковшъка, що я ізъ радощівъ ип знала, якъ и вдягтись. Мирщій удяглась й пішла. Ну, що жъ тамъ, моя родинонько, бачили, то ниможна я розказать. Що тамъ було людей, попівъ, чинцівъ, и найстаршихъ, то хвба тільки у Києві їхъ більшь є, та одного видуть підъ руки, а той хрестъ диржить на голові. А по самімъ переду, чотири другого хреста нислі:—двое нисли, а два палицями піддержували, щобъ ип хиливъ на—бікъ. Оце такъ діялось, якъ до води йшли. А на воді стоявъ величєний байдакъ, чрвонимъ сукномъ оббитий: такъ цопи, чинці и найстарші пани туди пішли та святили воду.

Такъ ми після цєго пішли на кладовище, туди, де першъ Батькова Тарасова Шевченкова могила була. А тамъ, а тамъ, моя родинонько! Боже мій, якій рай! и ип бачила такого. Які тамъ могилки, у ліску, у квіткахъ, и на кожному хресті вінки повішані.

На могилі Тарасовій теперъ стоїть чорний пликіватєнийкый рівний камінь, трохи вище чоловіка,—гарненько виточєний, ажъ вилискуєцъ; зверху золота банька и хрестякъ золотий. А зъ обохъ боківъ золотомъ повиводино слова; якъ зайти зъ нігъ, то читаєшь: *Іванъ и Михайло Богомоли*. Михайло вмеръ 20 квітня. Грицько казавъ, що вінъ бувъ студєнтъ, померъ за шість днівъ передъ тимъ, якъ підняли Тараса зъ могили провэдить на Україну; викопали рядомъ яму. и поручъ зъ Тарасомъ полежавъ пять день. А Іванъ, 30 роківъ, померъ 29 травня и лягъ у Тарасову могилу. Якъ станєшь въ головахъ, то читаєшь: *миръ праху чеснихъ тружениковъ науки* и Тарасове слово: »Нехай спочивають! Тільки їхъ и долі, що рано заснули.« Сердєшні, якъ мині їхъ жалъ! вони обидва молоді, одбились відъ роду, такъ якъ и я; скляпили очі и полягли на чужині. Нихай імъ перомъ земля! И дуже тутъ гарно: и церквця, и гай величєнийкый, и лугъ зеленєнийкый; а далі слобідка и край моря по-

чинає, и далеко-далеко виднієца море. И огороди є; у горобахъ чоґо тамъ нимає?! Чого душа забажає, то усе є: и бураки, и капуста, морквица, огірочки, стрючечки, квасоля, кантопля,—и усе, що згодне для господи:—тільки батька та матирі нимає. Якъ би родина, Господи, то можна и раємъ назвати, бо такъ гарно шо ниможна! Якъ ми прийшли, то я закричала: рай, рай!—и ходила,—ни знаю якъ любовалась тими квіточками; та цілий день любовались тимъ усімъ. Тамъ продають и намисто,—такъ мині Грияцько купиць разочоґъ блакитного, на память Батька Тараса. И такъ нагулялися, що на вилику силу до-дому приплуганілися.

Оце усе було на Маковія.—Ваша *Марія* изъ Грияцькомъ. Кланяємось усімъ: батькові, матирі, братамъ и сестрамъ. Нивістці изъ сїномъ и усєму родові, и нашому доброму приятелєві: дуже я дякую,—що мене не забуває.

Прощайте! Спасибі, що прислали білетъ (паспортъ.) Матінко моя! вибачайте, що такъ довго листу ни подавала.

А тилятки ни продавайте...

II-ИЙ ЛИСТЪ.

Здоровинькі були, мій таточку и матівько моя любі, ріднеснянкі! и братіки и систриці, и нивістонько Хтодосю зъ Романцемъ, и вся люба родино, моя ріднеснянка Україно!

На Спаса були ми у знакомихъ, у нашихъ людей, и обїдали, и дуже гарненько було. Спасибі імъ, добрі люди:—зовсімъ такий обїдъ, якъ у насъ на Спаса: и мидоґъ, и пирожечки, и усє. Господи, якъ гарнісінько та весілісінько було! И тутъ я усе розказала про свою науку и про тихъ цапівъ нюкаєніхъ, де я училась,—що які-то люди нипєвні! що понापиваюца, та бьуюца, та лаюца погано, що ни можна и сказати! Такъ я Грияцькові Миколаєвичові ни казала, бо вінъ сердешний усе пиздужавъ, и безъ моїхъ розговорівъ єму тяжко було; такъ я боялась, щобъ єго ни потурбувати та и ни казала, бо трудно єму було. А теперъ,—хвалять Бога милосердного,—здоровъ, такъ я усє розказала; а вінъ пішовъ та добре вилаявъ їхъ, а мине одибравъ одъ тіхъ людей.

Що ви мині білетъ прислали, спасибі вамъ що такъ скоренько, такъ-що саме на чєргу було, бо Григорій Миколаєвичъ у другихъ поставивъ мене,—такъ трєба.

Та ще Грицько сказавъ, що коли хочъ, то поїдьмо у монастирѣ, —тутъ видалечко; вирстовъ двадцять одъ гóрода е слобідка п тамъ монастирѣ, п зовеца Сергій, —то поїдьмо, —на машину сядимъ. За одинъ часъ тамъ будимъ. Такъ я до цѣго торгу й пішки, та й пішли до катаржного коника, що по сухій дорозі лігае такъ—саме, якъ той, що одъ Кліва по Дніпру:—що якъ сіли, то закричавъ та засвиставъ, та якъ полетівъ, то й птиця такъ ни полетить, моя родинонько!—и ни стамнались, якъ и перилетіли. А тутъ, а тутъ, моя ненько рідненька! О, Господи Боже мій, чо́го тутъ нима! поле велике, лісь здоровий, море широке далеко спніе—стілько очима ни сквишишь,—якъ небо блакитніе; и церкви хороші, и хати трошки похожи на наші, и люди убогі, и травица зиленіе, и жито половіе; такъ якъ глянь, то поле и море и лісь и скрізь рівно, хочъ бокомъ котись,—такъ, Господи, якъ хороше... просто, рай! Що хожу, що люблюсь—ни налюбуюся, що дивлюся—ни надивлюся; щó, Господи! усе знайшла... тілько, тілько одні родиноньки ни найшла, моя матінко, моя рідна родинонько, моя свята Українонько! Господи, якъ мині подобалось, що такъ гарно! И я така рада була, що Грицько, дивлячись на мене та й каже: «коли тобі подобалось, то останься тутъ: провітрьсь після цашного духу на вільнімъ повітрі; и будишь до церкви ходить молитися Богу за батька й неньку п усю родиноньку, шобъ були здорові, а для себе просить у Бога талану, и на поле ходитимешъ; а я буду приїздити одвідувать тебе.» Такъ я оце, якъ почувла, моя матінко, то ажъ прихристилась, що у такому раю зостануся! Такъ Грицько сторгувавсь зъ людьми за те, що я буду у їх (у чужихъ людей), то по гриввинку за сутки:—що свое істи, а тілько у їх почувати. То ми думали, що на тиждень я остануся, ажъ, хвалить Господа милосердного, що місяць пробула, та й ни хочиця у городъ їхати; бо Грицько привізъ на снідницю, на корсетъ, на квартируокъ, и полотенца на сорочечки. То я поки пошла та листи вамъ написала, такъ стільки прійшло: цілий місяць! Спасніи Богу и Грицьви! бо дуже весиленно прожила, такъ, ніпаче на Вкраїні побула и усе те бачила. Бо якъ сижу сама собі у кіенаті, у вечіри, то дівчатка ясь хлопцями идуть изъ грибовиці и співають, —и дуже мнї Україну напинають, що буває такъ, що й заплачу. И згадаю, щó ви тамъ, моя матінко, робите, що ви самі. А то—те у лузі а те (вѣ) пиреплузі, та й нікому й дома. Щось ви и за батька нагадали: може не здумають, борони Господи. Або може...

О, Боже мій милостивий! частенько те усє перидумаю, що ви написали, та й заплачу,—що яке вамъ горе... Охъ, Господи! сімі виликої переведеця-ні на що. То Горпинну оддасте, якъ добрі люди трапляюця; та уже пора бъ у добріхъ людей и Оникія жинить. Та що буде за козакъ, що дасця Горпинні під корито підвернуть; я бъ бувше нимъ, ни дався; та що й казати: Горпинна—козірь-дівка, хочъ куди! та підверне. Бо її и Гриць дуже хвалить, що, каже, якби її стільки поучить, якъ мине учить, то бъ вона *у іору плювала, а єв ротъ хватала*; а я такъ ни вмю. Та що! за це нічого: якъ Богъ давъ, такъ и буде. А ви оддавайте изъ Богомъ,—нихай Богъ помага,—аби було защо; а мині напишіть, коли буде висія:—то я заспіваю та й заплачу, бо жалько васъ, моя ньько, що нікому вамъ робити того діла, я бъ примогла (приміла) політила помогти вамъ робити того діла. Бо, хвалить Господа милосердного, мині нічого и Бога гнівить, мині добре,—минє и жалують; аби тільки Гриць здоровъ бувъ. А вамъ то, Господи, я знаю, якъ тамъ; та й щожъ робить. Горюйте, поки я навчусь, та прийдимъ, то тоді вамъ полегшає. Я буду васъ жалувать и шанувать,—аби тільки васъ живіхъ застать. Що жъ робить? Божа воля: такъ Господь давъ, щобъ намъ порізняця: вамъ поклопотаця, а мині на чужині побути, та побачить, якъ чужі люди живуть, та якъ жъ чужими людьми обвіртатись. А якъ Господь поможе прихати та зъхатись до-күпи, то й побачите, що такъ ніначе єв того світа вирнулає и усє те бачила, що у пеклі робиця: Така свята та Божа буде ваша дочка Марійка. Тоді усі здивуетесь, що де та ділась гордисть, де ті примхи, де дурний розумъ? Усє те осталоє вь чужіхъ людяхъ! Бо чужі люди зроблять зъ дурного розуєного, а злого—доброго. Тільки ви ни журітєсь, моя матінко, та й людей ни слухайте, хто що ни говоритимє, бо люди Божі собаки, то вони скажуть, що її на вирбі груші ростуть; та ні пакъ!—*ни єв ті взулась*. А ви на одного Бога надійтєсь. Та й просіть, щобъ Господь давъ здоровья Грицькові, та й мині памьять навчниця. А якъ би памьять добра, то бъ чоґо тільки ни можна навчнтєсь! А коли бъ ви знали, моя родинько, якъ весіло на світі житъ, якъ що умієшь. Що більшь умієшь, то такъ ніначе більше світа бачишь: Такъ само, якъ я більше читаю, то мовъ більше світа бачу; и такъ само усяґа наука. Я бъ усєґо навчилась, и охота є, та кибети нимає,—такъ-що Господи! що хочъ—Божа воля. Уже Грицько, сердешний, дуже турбуєця, щобъ изъ мене були люди, та

я й сама бирюсь що можна, та й вінъ, сердешний, біга, клопоче за мою науку и щобъ я нискучала міжъ цапами. Ось я типерь дѣл ажъ за двадцять верстъ; то вінъ приїздить щб—ниділі або сиредъ тижня прилтить та усѣго понавбѣе, якъ орель до дитни. Бодай добре було! Спасибі Богу и вамъ, и Грициві: міні ниможна сказати, що горе; поздоровъ Боже тільки Грицька, то бодай ни казати.

Ходимъ и гулять, и у царськимъ гайкуъ були (въ Стрільнинськимъ саду) и багато бачили квіточокъ, та ще дѣ—чого; та за це нічого говорить, бо я вчора що бачила! И на море хожу сорочки попрати; та я дукачикъ тамъ найшла, коло моря. И до церкви ходимъ, за васъ Бога молимъ, щобъ були здорові. Та разъ побачили, що продають сливи—ўгорки (*сенерки*), а Грицько спитавъ: «по чому дясятокъ?» Каже: «по два злоти». А я кажу: «одъ смерти!» И такъ—само и груши. А якъ борщу заманеца, то й карбованецъ убиреца,—та ще такий и ни буде, якъ дома. Ну, то бачите яке тутъ житя. Такъ—якъ подумаю, та ажъ серце заболить. Та що! *Хотіла баба вирви, та у—силу сама вирвалась;—чи буде, бабо, решито, чи ні, а обичайки ни стане.* Та, зъ опімъ словомъ, прощайте и зоставайтеся здорові усі! Вибачайте, що такъ довгенько ни писала, моя ненько; а типерь читайте здоровенькі, и розбирайте, а за свою ни скучайте; бо знати, що ви дуже журитесь, або якни клопітъ е, бо що—ночі я васъ бачу. Дуже міні жаль, що Улянка низдужа,—нихай її Господь милуе. А Горпині—нихай Богъ помага на усе добре. А Онпкій нихай здоровъ буде, бо я учора заплакала за ёго, якъ почувла, що у некрути братимуть:—дуже міні жалько ёго, сердешного. Та й усіхъ жалько:—тяжко скучаю.

Спасибі вамъ, моя ненько,—и нашому доброму приятелеві, и усій родині, и святій Україні. Спасибі, моя Матінко, мое серденько, моя ластівко, моя зозуленько, моя рідненькая! Мій Таточку, мое серденько, мій голубчику, мій ріднісінький! Мої братікп, мої соколики, мої орли спзокрили, мої рідні брати милі. Мої сестриці, мої перепляці, мої пташечки щebetливі, мої сестриці рідні милі! Моя шивісточко, мое серденько, моя орлячко, моя ріднісенька, кумо, мое серце Хтодосю! гляди мого сина—мого козака Романа, люблю мою дитину, мого хрищенника: я бъ до ёго політїла, якъ бї мала крила. Спасибі вамъ, моя родинонько, що я такъ зъ вами наговорила: такъ, нїпаче усіхъ побачила. Прощайте! Оставайтеся здорові. Кланяюся я усімъ: батькові, матері, Юхимові, Онякієві, кумі Хтодосі, Горпині—сестриці,

Уляні—сестриці, сину Романцеві, Ганнусі сестриці, Палажці—сестриці, Домасі сестриці, дядькові, дядниці з дітками, тітці Хроківні, и тітці Генисі, и усімъ, усімъ добримъ людямъ.

На Здвигеня, я була у церкві и усе бачила, якъ хреста воздвигали. Господи, Господи! якъ то хороше! такъ, піваче на небо душу нясли! Такъ якъ чинці заспівать, то мовъ тебе на крыла підіймають; такъ гарно, що ниможна и сказати! *Марійка.*

Прхильно кланююь тітці Павлюківні, *старшиниціві* Марусі, бабі Артемисі, бабі Протянчисі, свасі, сватові, и усімъ Пікарцямъ. И Зиліньсківі Мотрі—щобъ угірки родили, Якплині Кравцівні—спасибі їй, що батька Тараса шанувала—надъ нимъ співала; ми частенько її дякуемъ за те. И Гапці моїй подрузі, кумові Панікратові и Золотаренкові и Золотарівні. И поклоніця, моя нешко, мол рідненькая, усій родниці, и святі Україні. А ти, Гіршино, поклонися усі молоді чилидині, а ти, Онкию, поклонися козакамъ—парубкамъ и Горпининому жинивхові. А ти, кумасю—серце, поклонися молодімъ молодпцямъ, та й усімъ, та й прощайте! Оставайтесь здоровенькі.

Я учора за усіхъ Бога молила и на молебінъ давала щобъ здорові були; на папірець записала, и читали; серце мое звисидилось, якъ почувала, якъ називали мою родину;—бо я скоро поїду у городъ, у науку, бо й такъ забарплась. Спасибі вамъ, моя родину; не продавайте тилатки, бо ми дуже раді, що хоч на хазайство заклюпулось:—нихай буде хочъ бичокъ; а хто глядитиме и напуватиме, то ми такого гостинця привиземо, що ну! Спасибі вамъ, моя родину, живіть пзъ Богомъ! Ми, дякувать Богу, здоровенькі; тільки у мене зуби болять, та коси лізуть: кажуть, тутъ така вода и таке повітря. Ваша *Марійка.*

Пишіть и намъ скорешько. Гриць вамъ дуже, дуже кланяєця. Папишіть, чи мали який прибутокъ изъ садочку, чи ні? Вибачайте! *Марія.*

УКРАИНЦЫ ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Въ сентябрьской книжкѣ *Основы* 1861 года, мы сообщили свѣдѣнія объ Украинцахъ, переселенныхъ, съ мѣста родины, въ Оренбургскую и Саратовскую губ. Теперь, благодаря земляку нашему, А. Я. Макарову, мы имѣемъ краткія, полученныя официальнымъ путемъ, свѣдѣнія объ Украинцахъ, живущихъ въ Восточной Сибири.

Въ Нерчинскомъ округѣ, въ Татауровской волости, Украинцы составляютъ дѣло, *Николаевское*, селеніе. Они происходятъ отъ переселенцевъ изъ Харьковской губерніи, которые, въ концѣ минувшаго столѣтія, выселились первоначально на Кавказъ, а въ началѣ нынѣшняго—въ Восточную Сибирь, куда прибыли 1805 году, выбравъ предварительно, чрезъ своихъ довѣренныхъ, мѣста въ верховьяхъ рѣки Ингоды, гдѣ и устроили помянутое селеніе. Переселеніе ихъ сюда было добровольное, но по какимъ побудительнымъ причинамъ—это неизвѣстно, и они сами не помнятъ. Впослѣдствіи, когда поселеніе увеличилось, часть его образовала, въ 15 верстахъ выше Николаевского селенія, особый *выселокъ Тангинскій*, по имѣни рѣчки «Танга», которая тутъ протекаетъ. Этотъ выселокъ не имѣетъ значенія отдѣльнаго селенія и во всѣхъ общественныхъ и казенныхъ дѣлахъ самое селеніе и выселокъ составляютъ одно дѣло.

Въ настоящее время, въ Николаевскомъ селеніи, 145—ть дворовъ, жителей мужскаго пола—646, женскаго—616; въ Тангинскомъ выселкѣ—дворовъ 38, жителей муж. п.—149, ж. п.—165. Сверхъ того, по недостатку земель, а также и подругимъ причинамъ, выселилось, изъ Николаевского селенія, въ другія селенія вплоть до г. Читы, въ разное время, 48 семей, въ копѣхъ нынѣ, надо полагать, приблизительно, до 600 душъ обоого пола. Николаевское состоитъ почти исключительно изъ Малороссіянъ.

Въ обычаяхъ, одеждѣ и языкѣ, народъ сохранилъ много украинска-

го, но есть уже значительная примѣсь великорусскаго и мѣстнаго инородческаго.

Главное мѣстопребываніе ихъ находится, какъ выше сказано, въ верховьяхъ р. Ингоды, въ 175 верстахъ отъ областного г. Читы. Занимаются они хлѣбопашествомъ по-преимуществу; землю воздѣлываютъ плугомъ, частію сабанами на быкахъ (волахъ). Земледѣліе у нихъ въ хорошемъ положеніи, насколько это возможно по удаленности ихъ отъ всего, что способствуетъ къ улучшенію земледѣлія; но скотоводство не вполне удовлетворительно по недостатку сѣнокосныхъ мѣстъ—сравнительно съ другими селеніями. Жители закупаются еще, въ осеннее время, добычею звѣря и кедровыхъ орѣховъ; но эти двѣ промышленности не составляютъ для нихъ большой важности.

Мѣстность представляетъ *степь*, пережевленную въ различныхъ направленіяхъ увалами, на которыхъ мѣстами остался березнякъ, тщательно разрабатываемый подъ новыя пашни. Самое селеніе стоитъ въ 6 верстахъ отъ р. Ингоды, при озерѣ, и ничего живописнаго не представляетъ, равно — какъ и выселокъ Тапгинскій. «Къ особенностямъ народа» (сказано въ официальной бумагѣ), «нужно отнести то, что онъ трудолюбивъ; въ немъ *проглядываетъ* сомолюбіе, иногда доходящее до грубости; онъ трудно родится съ великорусскимъ населеніемъ, которое, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже этихъ малороссійскихъ потомковъ.»

ЕЩЕ О ДѢТСКИХЪ СЛОВАХЪ.

Въ 8 книжкѣ Основы 1861 года была помѣщена замѣтка г. Яценка о *дѣтскомъ языкѣ* и при ней собраніе дѣтскихъ словъ (всего 45). Онъ, какъ замѣтилъ и самъ г. Яценко, далеко не полногъ, и я сообщаю тысеръ нѣсколько дополненій къ нему. Г. Яценко говоритъ, что дѣтскихъ словъ не болѣе 60, но я знаю ихъ больше (у г. Яценка приведено 45, да у меня добавлено 38), а навѣрное есть много еще неизвѣстныхъ намъ обоемъ, и желательно, чтобы знающіе дополнили насъ.

Въ свой словарикъ я вношу и уменьшительныя отъ обыкновенныхъ словъ, но употребляемыя исключительно въ разговорахъ съ дѣтми, напр., *ручка*, *язѣ*, и т. п. Впрочемъ, такихъ есть нѣсколько и у г. Яценка, напр., *киця*, *дядя* (у насъ, въ Тарашѣ Кіевской губ. — *дядѣ*), *мама*, *моля*, и т. д.

А-дѣ-ти! } Такъ говорятъ дѣтямъ, когда онѣ играютъ въ прятки
А-кѣ-ку! } (прячутся и выглядываютъ изъ-за чего-нибудь).

Базя—овца.

Бале—бубликъ; а какъ дѣтямъ даютъ гостинцемъ чаще всего бубликъ, то базѣ значить еще вообще гостинець.

Бе—все нехорошее.

Биня—тоже что биня.

Боля—картофель.

Буба—значить ягода; у г. Шейковского—рака.

Бух—тоже что *бўсі*.

Бўзя—лицо, преимущественно, губы.

Бўцѣ—яблоко.

Гамъ-гамъ }
Гамати } ѣсть.

Гайти—гулять.

Гришка—грѣхъ.

Дя—благодарить; а какъ благодарность выражается наклоненіемъ головы, то *дя* значить еще кивнуть головой, поклониться.

Дядѣ—дядя.

Дибці, дѣбки—ходить.

Дзѣня—деньги; все что звенить.

Э-эсь э-эсі—каки.

Кѣйка—говядина.

Кѣдри-кудри (?)—вертѣть головой, чтобы развѣвался волосъ.

Кѣйка—вошь.

Кѣнци—кушаться.

Лѣзя—ложка.

Мѣня—корова.

Мѣся—миска.

Нѣзя—нога.

Пѣля—утѣнокъ.

Рѣва—1) плаксивое дитя; 2) олицетвореніе плача (?); когда дитя плачетъ, то ему говорятъ: *ось рѣва грушечки россѣпала—ніді позбирай*.

Рѣзя—розга.

Рѣця—рука.

Тѣсі—плескать въ ладоши.

Хи!—обожжешься.

Цѣні—тоже что пісі.

Чик-чик—слово, выражающее рѣзанье.

Язе—языкъ.

Въ-заключеніе, замѣчу еще, что всѣ эти слова имѣють одинъ общій характеръ: удареніе въ нихъ на *первомъ* слогѣ. Это тоже нужно принимать во вниманіе, и пр., при составленіи букварей.

И. Новицкій.

ВІСТІ.

Чесна душа нашого люду.

Ви узялись захищати намъ сільській, убогій людь одъ усякого нарікання и неправди, котра' наче цвіль историчня, ёго окриває пирид-бала ёму ймення »незрячої темноти,« то вамъ певно прийдеця до души случай, що мені трапився 23 септября сёго року.

Іхавши поштовимъ шляхомъ, що простягся зъ Никиполя до Катир-нослава, загубивъ я гроши. Грошей було більше тисячи карбованьцівъ. Йкось, підперізуючись на шляху, бо дуже холодно стало, упустивъ я гаманецъ и поїхавъ собі дальшъ; верстовъ зъ чотирі проїхавши. за-вернувъ у Захариньській трахтирь. Росташовавшись на годину, ог-лядівся я—ажъ грошей кат' ма! Що тутъ зъ сина робити? заразъ по-бігъ вёрхи лакей, щобъ пошукати грошей на шляху,—але я вже не сподівався їхъ бачити: де—таки на поштовому шляху знайти загублені гроши, та ще, якъ на те, у Катиринославі лучився ярмарокъ, то ба-гато людей пхалось шляхомъ ажъ геть-то! то татаре зъ яблукама, зъ виноградомъ; пилипони зъ овчинами, жиди зъ крамомъ,—де хто бігъ на поштовихъ,—а найбільше наши селяне сунули хурами зъ сілью. Не сподіваючись бачити грошей, лігъ я одпочти, звелівши кучеру ста-ти біля воріть да роспитуватьця у людей. Стоить кучерь; минули де-які німці на кургонахъ,—колп, баче кучерь, наближилось вісімъ хуръ чумацькихъ и почали чумаки випрягати волівъ... Підійшовъ кучерь.

— Здорові! Здрастуйте!.. А що? пита одинъ чумаць — чи не вашъ хлопець побігъ верхи?

— Эге жъ, нашъ.

— Мабуть загубили що... чи не барило зъ водою?

— Яке тамъ барило? каже кучерь пишаючись:—хиба ти не ба-лпвъ, у якому екипажі ми бігли,—хиба панъ возять барило у ридвані?

— Такъ може люльку панъ загубивъ?

— Яку тамъ въ чорта люльку! на що вамъ питатьця, коли не знайшли, — каже кучеръ одвертаючись: — гроші!..

— А якъ знайшли! — каже чумаць узявшись у—бѣка...

— Що?.. якъ?...

— А скажіть, у якому кашпуці ваши гроші?

— У шкуратяному гаманці, ще й ретязкомъ неречислені...

Гроші знайшлись! — гука кучеръ и біжить у кімнату — Жиди підняли галасъ: »гроші цоловікъ знайсовъ и віддає—ото дурний!..

Почувши сю шараварку, вийшовъ я зъ кімнати. — Хто знайшовъ гроші? питаю.

— Я, пане, одвітує молодій ще чоловікъ вклонившись пріязно и подаючи гаманецъ. — Це вашъ?

— Мій, спасибі тобі.

— Добре жь, перелічіть, чи усі гроші?

— Не хочу лічити; ти вважавъ за гріхъ. затаїти чужі гроші, певно до їхъ не доторкався..

— Правда! спасибі за шановне слово, пане!

— На жь оце тому, хто знайшовъ, пятдесятъ карбованцівъ.

— Спасибі! оце вже именно мої гроші, каже вклонившись чумаць

Гукнувъ я заразъ поставити могоричу; ніколи мені не було такъ весело тоді, якъ ми кричимо: »подай шампанскаго« — Посідали ми собі любенько на лаві. Відкіля ідете и якъ прозиваєтесь? — питають.

— Ми сами зъ Томаківки (каз. слобода), пане, сѣго жь таки Катирнославського повіту, навіть всі шестеро родичі, — мовля маленькій старенькій чоловікъ. Мене прозивають Ивахненко Иванъ; — а се, що знайшовъ гроші, синъ мій Митрофанъ.

— Якъ же ви знайшли гаманецъ?

— Ідемо ми, — каже Митрофанъ ухмиляючись, — коли я забачивъ біля шляху щось блищитця; уставъ, піднявъ гаманецъ, — коли заглянувъ у середину, ажъ тамъ грошей сила! сотенні и усяки... Го..го! братці, кажу: тутъ буде намъ усімъ. — А батько кажуть: »гріхъ отъ Бога затаїти чужі гроші: побачимо перше чи не будуть їхъ питати, а коли на шляху ніхто не питає, то въ губерні ще при барабані може оповістять, що такі великі гроші загублені и тоді треба їхъ віддати... а то гріхъ!»

Отъ воно що!

.....

Будьте ласкові, оповістіть про цей случай: хай де-хто увіритця, що на Україні багато людей, убогихъ грѣшми и значністю, котримъ правда Божа и честь вище злата.

»Отъ де, люде наша слава
Слава Українѣ!
Безъ золота, безъ камицю,
Безъ хитрої мови,
А голосна та правдива
Якъ Господа слово!

В. Косовцовъ.

7 октября 1862 р.
Волость Сингоръ.

ЛИСТЪ ЗЪ ГА—ЧА.

Давно вже збираюсь я написати до васъ, добродію, та все якось то не приходилось. А оце зібрався—пишучу.... Та не знаю, за що напередъ її вхопитьця: и за те бѣ треба и за друге. Та нехай щойнше трохи підобже, до другого часу, а теперечки перве-на-перве скажучу кілька слівъ за волю; бо за нашъ повітъ обѣ цимъ, здається, віхто, окрімъ якогось п. П. С-го (въ *Московскихъ Відомостяхъ 1861 р.*), ні слова печатного не сказавъ. А такъ—де вже не говорити? Куди не поткнись—тільки її мови:... «якъ воно далі буде? та що теперъ робитимемо? кудѣ ёго кинутесь?...»

Хай же вони собі рідятця на здоровье, а ми тимъ часомъ роскажемо, якъ люде стріпили волю и якъ у насъ вводятця уставні грамоти. Спершу, якъ тільки була объявлена воля, її скрізь по повіту привітали тихо, мирно, якъ и слідъ, — безъ всякої бучі. Въ однімъ тільки селі скоилось щось трохи не доладне... та й те, дяка Богові, швидко затіхло: прийнялись знову робити, якъ и робили, та толкуватись. Такъ добили ажъ до сего рѣку; а тутъ ужѣ, звісно, бувъ на о-бразку кінець уставні грамоти вводити. У насъ, бачите,—чи воно ужѣ така поведѣнція паскудна, чи Христосъ ёго зна,—оце, якъ що

робить,—не роблять ёго заздалегідь—покволому, а все доведуть аж до кінця часу,—якъ-то кажуть: шити, білїти—завтра великдень,—тоді й за роботу. Отожъ така сама доля випала и уставнїмъ грамотамъ въ нашїмъ повіті... Пришляїся їхъ ввѣдїти: ввѣдять и ввѣдять, та ще й досї не всі поввѣдили, а де-где ще й не робленї (не написанї). А ввѣдївши, тожъ хїба безъ клопоту обїїшлося?... Эге, якъ-разъ!... А все черѣзъ те, що крєпакї не гараздъ поняли Положенїе, а посередники... *панї якъ пани*, каже народъ... Врѣменно-повнїнї бойця їхъ, не вірять їмъ: вбачають у нихъ щось чинѣвше—страшнѣ... Своєму началовї (такъ крєпакї зовуть у насъ своїхъ старшинъ) тожъ не їмуть віри. «Злигався,—кажуть,—зъ панїми—паномъ (?) и дїше, за пана й руку тягне.» Онъ-то, бачите, черѣзъ що оце замьятнї зъ тїмї грамотами и клопоту не обберѣся... Та все-таки який посередникъ обїходѣтця зъ крєпакїми до-ладу, якъ и слїдъ би посередниковї: побалака зъ нїми по-прѣстому, розкаже, що трѣба, безъ крику,—то й вгамуютця и согласїтця підписати грамоту; а який базїка зъ нїми по-цїсьменному—звїсока, то вони, не второпавше, одъ ёго...

У нашїмъ повіті три посередники. Та на одїїй, кажуть, руцї палцї—та не однаковї,—такъ панї и посередники: на одїїмъ мїсцї—та різнї люде. Увѣ одного вже грамоти маю не всі поввѣжуванї, у другого—тожъ, а у третїго—лкъ закавано: то тамъ тїльки, то тамъ. И все жъ такі, скажу, це не відъ кого бїльше, якъ одъ самїхъ посередниківъ... Той, у котрого вчїстку маю не всі поввѣжуванї,—розкажуть,—приїде, зїзве громаду, та й витолковує її все по-нашому,—то баки рїжѣкъ вїпюха, та ще, колї не стїне, и у громади, у кого е, вїпросить, та все висловлює Положенїе,—отъ вони и згодїтця: однї тамъ на чинїть, другї—на одробїтокъ, третї—на вїкунї. И такъ у ёго вчїстку тїхо, ввѣдїтця грамоти; хочъ не безъ того—їнодї и супротївки не обїїжить, та все не такъ: бо вїнъ селянамъ—крєпакїмъ не такїї страшний, хочъ трохи не панъ якъ панъ: вони ёму, хочъ трохи, їмуть віри. А онъ той, послїднїй, що не поввѣжуванї грамоти,—хочъ їхъ, правда, у ёго вчїстку и найбільше,—не те щобъ же, сказати—нічого не робить,—ні: вїнъ и клопочїтця и робить, та робить якось инакъ: не вірять ёму крєпакї, та й не хотїть грамотъ підїїсувати. Уже чогѣ не роблять тому бїдному народовї: да нічого: «до слўшного часу,» та й до слўшного!... Уївся їмъ той слўшний часъ! А и тутъ нїхтѣ жъ такі, якъ самъ посередникъ, виноватїї: балака зъ крєпакїми дїже по-цїсьменнїй, по-цїськїїй... Зъ *бўрха*, знїєте, такъ де вже ёму зїрокъ зъ

неба не здіймати!... Хочъ вінъ и розумний чоловікъ и, правда, гарно,—якъ-то кажуть—на солодкімъ меду балака до громади,—такъ балака, що якъ би де-небудь въ високімъ будинку, зъ трѣхъ-аршинними вікнами,—де все те—а ні приступъ нашому братови,—зъ панночками, що якъ пави розряжені схожають,—то така річъ слухалася би й залюбки, ще й дивовалися бь: «якъ воно—сказали бь—и вродилося такє солодкомове!» Та то—въ будинку! а будинокъ зъ паннами та панночками—не сільська громада. Нашъ прости́й народъ, кільки ёму такъ не говоріть, одкаже на ваше солодкомовство послѣдцею:—*гарно речішъ та въ громаду не беруть!*—Бо й правда.... Чи вже жъ такі прѣстому селянінові,—не кажѣ вже—хуторянінові,—котрому, може, разівъ кілько доводилося балакати зъ паномъ, та говоріти такъ звисока, по-шісьмєному, — та ще якъ? ниніаще лекцію читати???

О, бодій васъ, п. посереднику, зъ вашими читаннями! Якъ-то ви високо літаєте!!.. Якъ ви не мудруєте, а все—тільки народъ мордуєте! Вамъ же й нічого: ви тільки, може, посєрдитесь, що васъ громада не поїме, покричить та... «усмирю!...» и поїдете, а народъ сердєшний за васъ й одвіча... Такє оцє пєдѣвичкє скєбілось: іхавъ губерніаторъ мнємоїздомъ, та й застановився у насъ у городі. Вчинили, якъ то кажуть, явку и посєрєдники. Г-рѣ иптає за грамоти—чи багато ще неввєденихъ? Одїпѣ посєрєдникъ одказавъ, що въ ёго—10, другий — 12 чи 15, а солодкомєвий-щось 80 чи щє (?!) (Кажуть, буцімъ у ёго вчѣстку и всїхъ грамотъ стїльки нема, а вінъ помилкою и мїлкопоміснї туди вбгавъ).—Чогє,—защитавъ г-рѣ,—стїльки?— Не хотїть крепакї землі братъ,—одвїтивъ посєрєдникъ. Звїсно, одвїтивъ по-панськїй—не по-нашому. Г-рѣ зведївъ зїзвѣти тихъ, що цураютьця землі. На другїй дєнь зїбрали зъ сєліня однєї панї (вона, здаєцца, и домѣ не живє) крепакївъ душъ 70. Почавъ іхъ знову посєрєдникъ уговєрювати, щєбъ згодїлись,—такъ нї: «до слущного чѣсу,» да и годї. Вмовляли ихъ, вмовляли: якъ горохомъ обѣ стїну,—та й за экзєкуцію.... А все жъ нічого не виби́ли:» Бєговї и Царєві повинємось, а землі братъ не хочємо: нї зъ чогє намъ платити; а робїть не будємо:» Якъ одпустили вже іхъ до дому, то, казали, буцімъ рєта въ те сєло послана, а становїй щє, у котєрого стѣнї те сєло, такє гїдкє казавъ,.... що цуръ ёму: колї бь бїльше не доводилось и чїти тєкого!.. Якъ у ёго й язїкъ у рєтї повернївся?.. Пїслѣ тєго вже, чи ввєдї—такї справдї въ сєло рєту, чи нї, и чи взяли людє землю—нічого не чувъ,—не знаю. Такъ отъ вамъ якє ліхо!

Не слухають наші посередники,—не кажѣ—всі,—щиро розумної ради високоповажного народолюбця в.-п. д. В. Куликѣ, котрий, розказуючи за перший мировий з'їздъ у Полтаві и за публіку, котра «вийшла зъ повнимъ серцемъ, тихо радіючи святій правді, «—запримічує, «що було бъ ще краще, якъ би п. п. посередники промовляли до селянина «тимъ словомъ, якъ вінъ звикъ чути на селі, а то вінъ, зъ того «канцелярського письма, не все гараздъ уторопає.» А далі той же народолюбець додає: «Найважливіше діло: віра у правду судову,—а ті «сі віри шнакь не можна здобутись у народа, якъ балакаючи до него—єго власною мовою и звичаємъ:» Не-то бо-то й що, добродійство: у тимъ солодкомовстві панськимъ посередниківъ зъ селянами усе й лихо криється...

Дуже великпй жалъ,—кажуть усі, хто бажа добра наро́дові,—що Положе́нне не переве́дено на на́шу мову;—це саме скажу й я.. та що робить?..... Хоча бъ же ви, панове посередники, зглянувшись на цю недоста́чу, або хочъ на наро́дъ, котрий крѣпавомъ (бода́й не верта́лось!) зьявля́ли,—занеха́вши отту́ пиху́—ва́ше нікѣмне солодко́мовство,—послу́хали до́брої ра́ди високошано́вного народолюбця и висло́влювали єму (наро́дові) зъ Положе́ння хочъ де́що, що потрѣбно зна́ти ко́жному крапако́ві, «єго власною мовою», якою, може, и ви вѣмовили перше слово,—висло́влювали такъ, щобъ вінъ васъ уторо́павъ и повіривъ у ту «пра́вду судову.» Бу́дьте певні, нічо́го бъ зъ тієї бри́дкої ко́лотвєчі не доводи́лося бъ и чу́ти. Та й спра́вді—чи не лєгше жъ такі́ одному́ чоловікові́ прила́дитьця до цілої гро́мади, чимъ цілу гро́маду прила́жувати до одно́го чоловіка?..

Мо́же п. посередникъ подума́, що я бажа́в єго обѣдети,—ні!—кри́й Бо́же! Ні́кого я не жада́ю обѣ́жати, а, бажа́ючи добра́ наро́дові, вка́завъ на єго, якъ би на фактъ, що й посередника́мъ нема́ ніяко́ї користи́, окро́мъ вре́дѣ наро́дові, бала́кати до него́—не єго́ мовою: кільки́ єму не ка́жить—дарѣмна пра́ця: вітеръ однесе́ ваші слова́ геть, а гро́мада усе́ вамъ бу́де однієі співа́ти... и, зна́й, клі́катимете ви собі на підмо́гу *ни́жню*, не гля́дя на те, що посередникъ—якъ на мою́ думку—пови́нєнь бу́ти захи́стомъ для́ крѣпаки́въ, боро́нити їхъ...

Изъ Прилуць, и другія письма, отлагаются, по-необходимости, до слѣдующаго номера.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 9-й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Абѣ-дѣ — гдѣ-бы-то-ни-было, гдѣ-нибудѣ.

Баюра (Волынь) — лужа, глубокая грязь.

Безгбдний — неблаговременный, не благопріятный (у *Сквороды*).

Бѣшкетъ — нарбѣить бѣшкету — надѣлаетъ бѣды, безпорядку, — вверхъ дномъ поставитъ.

Бѣлагъ — плоскій боченокъ.

Бирюковатій — люде бирюковаті зъ панамі — падутый, сердитый, недобѣрчивый.

Бришканія — заносчивые капризы; надменность.

Вагаані — ночы. Корякъ великій, корічя.

Валюкою-лѣжники справляти, валюкою діло — валяясь, лежа, лежмя, лѣлясь.

Вартовикъ — часовой; стражъ.

Велероссія, Великороссійці — Велико-россія, Великоруссы (у *Сквороды*).

Віник (ш) иряти (зуби) — выскалить (зубы).

До-голосу — вимѣхуючи рукою до-голосу — въ тактъ, согласно.

Вороній (сірякъ) — черный.

Всправжній — справжній — дѣйствительный.

Гада — мысль, дума.

Ганитъ — дурно отзываться о комъ; пренебрегать кѣмъ.

Гордощі — (ми.) — гордость.

Граблище — с. тавни граблищемъ — разставивъ ноги.

Гейканія — повелительное покрыванье: эй! гей.

Глуцкій — гибкій.

Говіръ — говоръ.

Голічерева — Брався й голічерева, й сторчака — не спитця, та й годі! ниць, голымъ брюкомъ.

Голішній — смѣлый, храбрый, молодець.

Гойдѣти, — гойдѣтися — качать, — ся, колыхатъ, — ся.

Денце — (ум.) дно.

Дзига — юла.

Ділиниця — раздѣлъ; дѣлежкѣ.

Довготелѣспій, — а, — высокий — длинный — вытянувшійся человекъ, — жевщица.

До коръ (докоряти) — укоръ, упрекъ.

Дѣти — ви. дѣки — доколя (у *Гаверинъ* зъ *Охтирки*).

Дуже — очень. слипкомъ.

Думкою — самъ-собі думкою — думая про себя.

Дуплинястий — толстый, пустой внутри.

Дуся — душевка.

Единность — единство (у *Сквороды*).

Жабуринія — На небі, мовъ жабу-ринія, поплыли скрізь білі хмари — водорасли, сплетілися вмість въ гни-лой водѣ; внутрєнность дыни, тыквы (переносно?).

Замарудити (мѣха у носі замарудити) — зашкетовать; на Волыні марудити тоже что дримати.

Загадарті—сказать, напомнить, по-
вѣсть.

Замгнути—сомкнуть (глаза во снѣ).

Замятій—замѣшательство, смута.

Замужья—замужество.

Запазушна (гладюка) — запазухой
находящаяся (у *Сковороды*).

Засябрувати — стать въ—завести—
сосѣдскія отношенія.

Затимъ, що—потому-что, такъ-какъ.

Захѣкаться — устать; часто дышать
отъ усталости.

Заялозний—засаленый.

Збутокъ—сбыть. См. *сходь*.

Звичайний—въжливый; обыкновен-
ный.

Звичка — привычка, обычай—обык-
новеніе (у *Ст. Писаревскаго*).

Здожепутъ—(множ.) догонять.

Зѣла—травы.

Змунитъ—солнце то засяе, то змунитъ—померкнетъ.

Змушати—издѣваться.

Зрахувати—расчитать; новати, смѣк-
нуть; опомниться.

Зрячий — Рапавці — народъ зря-
чий—смысленный, осмотрительный.

Зусілля—усилія; жертвы.

Ивжиръ—вишня ягоды.

Іспній, іспісінкый—истинный, вѣр-
ный, настоящій.

Катламъ—катлама—греческое ку-
шанье изъ копченого жиру.

Католупъ—палачь, живодѣрь.

Картацкый — жовто-гаряча кар-
тацька плѣхта. —

Казъ—(каже)—говорить.

Калтте—я—раскалнне.

Кветпя—иквется.

Коліщчаста запаска — тканье съ
узоромъ кружковъ, колесъ и проч.

Копитникъ — трава, употребляемая
въ щелокъ для стирки бѣлья.

Корецъ—ковшъ.

Кипгохранка — бібліотека (у *Ско-
вороды*).

Коржъ—лепѣшка.

Корки—подборы въ обуви.

Коць — коверъ.

Криси—(соломяный бриль зъ широ-
кими крисами)—поля шляпы.

Крюча—круча.

Кряжъ—корпусъ. туловище

Кудла—печесаная голова; сбятая въ
коможъ шерсть.

Кущина—(куца) короткая одежда.

Ленъ—потная грязь.

Ластитись—ласкаться.

Лідниця—ледникъ.

Ліска—одичин. мѣти, ліску—из-
городь.

Літній (чоловѣкъ) — возмужалый,
старый—выпоголѣтній (?)

Ляцїтися—любезничать, ухаживать
за женщиной, вызываться, засматри-
ваться.

Маѣрить—солнце маѣрить міжъ хма-
рами.

Мантулки — мелкіе лакомства—гос-
тищи—зъ базару: бублики; паянниці,
суслики и проч.

Мітусъ (складеній) — сложенный
корешками въ разныя стороны (о ко-
мышѣ).

Митель—щелокъ, въ которомъ сти-
рается бѣлье.

Млннъ—мельница.

Моторнїшій — матернїшій — коре-
настый (чел.), плотный, толстый, мате-
рой?

Муругий — коричневый (?)

Заболїти—быть въ силахъ что-либо
сдѣлать.

Майва,—Вїйва, (сочин.)—флагъ.

Навма (в) ня — на обумъ, куда—глаза—
глядяць.

Навидьки—сидя, сидма.

Навстобчкы—стойма.

Надозолїти — надобѣть сильно, па-
солить.

Наѣмецъ—наемщикъ

Напопуваній панъ—грузный, туч-
ный, плотный.

Наука—на-науку—для поставленія.

Невга(о)монїсть — неугомонность.

Негідъ—негодное, мерзкое; пороки.

Негода—непогода.

Недотѣпний—неспособный.

Непотрѣбний—негодный (Вкрасти
що я непотрѣбний) (у *Ст. Писаре-
скаго*).

Непарокомъ—начаянно, невзначай.

Нескїзько — перегадывши не-
скїзько — немного, нѣсколько, (пого-
да).

Нечупарний—неопратный, невзрач-
ный (?)

Нужа — вши,

Ню—якъ увїйти въ ню—какъ вой-
ти въ нее (у *Ст. Писаревскаго*).

Обичайка—деревяный кружокъ, на
который натягивается полотно (по-
лотѣнко) (середина) сита и решета.

Обіходливий—обходительный.

Облизня піймавъ — какъ несоловоя хлѣбалъ; только облизался.
 Одгрібатись (одъ кого) — отдѣлываться; увиливать.
 Одаіпортувати — отрапортовать.
 Окренѣти — скрѣплять.
 Окрилатіти — окрылиться (у Сквороды).
 Олѣся — Саша.
 Опарити — ошпарить.
 Опіратись — упираться, противиться.
 Осмічина — осинное дерево и лѣсъ.
 Осмикути — обдернуть.
 Остити — наскутить, опостылѣть.
 Острога — шпора; копые, употребляемое при рыбной ловлѣ.
 Отрути — см. струти.
 Отшмагати — отдуть кнутами.
 Отъ якъ — какъ-то.

Пазька—

Палѣжка — Паша, Пелагея.
 Палимбѣзъ — (увелич.) палка.
 Пашмурно — пасмурно.
 Пѣвл(ш)я — болотистый лугъ.
 Патруити — отравить.
 Переваги-ваги — сякъ-такъ, переваги-ваги, допхавсь на возі підъ село — плетясь, тащась, переваливаясь съ ноги на ногу; черезъ разныя препятствія переѣзжая.
 Перезнѣти — все узнать (у Сквороды).

Перопочіти — отдохнуть.
 Перекорітись — переѣвиться въ повиновеніи.

Перепись — копія, переписка (у Сквороды).

Перехилѣтись — переписать; наклониться черезъ что-либо.

Перістий — птій.

Піщотъ — тищуць. Нехай їмъ піщотъ на язикъ.

Півкіпка — (умен.) полукопна (23 к.).

Підобритись — подслужиться; подкупиться.

Підсіинеце — око — подбитый глазъ.

Піткѣння — (основа и піткѣння) — поперечныя нити, которыми перетякають основу — первоначальныя нити холста.

Плоскость, плоск(у)инь — Cannabis sativa (женское растеніе).

Плоску(і)инь — см. плоскость.

(Поднебесный) позоръ — зрѣлище (у Сквороды).

Покривсь — у двір до пана — скрылся, вошелъ во дворъ къ пану.

Покришка — крышка.
 Полотѣнко — (Обичайка и) поло-

тѣнко на решетѣ — самое полотно, сквозь которое что-нибудь просѣвается.

Помку — у — помку — въ памяти.
 Порвица — птица стала порвица въ полі. —

Пороша — только-что выпавшій снѣгъ.

Поти — им. покѣ — пока (у Гасришъ зъ Охтѣрки). —

Потѣлиця — затылокъ.

Похміль, род. п. — похмілю (у Ст. Писаревскаго) — похмѣлье.

Предузвілля —

Принѣжувати — заманивать; приучать.

Припу(о)тень — дикій голубь, крупной породы.

Прискіпатись — приараться.

Проскубти — прощипать.

Простудитись — остьтъ къ кону (къ жещишъ и т. п.), (у Сквороды).

Простяглись ділі — потянули — пошли — дальше.

Прѣтягъ — длинный слогъ, удареніе И. Коваль, (зъ Зетимородки).

Прѣтягомъ — разстояніемъ.

Прядива — (собрать.) — всѣ растенія, употребляемыя въ пряжу: пенька, ленъ и т. под. (?)

Пустоказати пусто — вздоръ, пустяки говорить

Вбѣго — бѣдно.

Рѣхва — оковка кругомъ маточни.

Рішѣнець — рѣшенье; опредѣленіе; намѣреніе.

Ромѣнь — простая, полевая ромашка.

Роскарѣчитись — разставить (ноги).

Роскиненый — раскинутый,

Роскоштувати — раскусить, — войти во вкусъ,

Ротипѣ — (ум.) — ротикъ.

Ручій — Рашавці — нарѣзъ ручій — ловкій: Удалой (?) ШЦ — къ.

Ручъ — обіручъ, у ліву, у праву

ручъ — обѣими руками, сѣва, справа, въ лѣвую, въ правую сторону.

Свѣччнті — наставлятъ, толковать, поучать (?)

Семерѣжка — сермяжка.

Семіряка — сермяга (у Ст. Писаревскаго).

Скабка — скоба; скабка въ оці — учеть въ глазу.

Скиба — ломоть.

Скиплина —

Скупицѣй — скупецъ.

<p>Славянь, им. п. ед. ч.; род. п. — Славяня—славянинъ, —а (у <i>Сковороды</i>). Слопѣць—родъ западни. Слупъ—стоѣль. Смажиний—жареный. Списокъ—копія (у <i>Сковороды</i>). Співачъ—свиавльникъ. Спирягти—спечь, исжарить. Спустъ—три ведра выкуренной вод- ки (спускъ). Стать — разрядъ, состояніе (у <i>Ско- вороды</i>). Старовина — растение. Стипутись—подняться на ноги; трю- нуться, двинутся съ мѣста. Стовбунъ — горшокъ съ прямыми краями) (? Стрибулькавата — горá — отлогая, не очень крутая (?). Стрѣчка (півстрѣчка)—строчка, (пол- строчки) (у <i>Ст. Писаревскаго</i>). Струити — отравить, Супербки — противорѣчіе, возраже- ніе. Сутужно—трудно, тяжело. Сходъ—Нема сходу й нашому то- варові—сбытъ (товару).</p> <p>Тагані—тринюги — треножникъ на которомъ чумаки варят кашу. Таранъ—родъ вяленой рыбы. Тѣні—Теревѣні по тѣні—вербові ко- леса—вадоръ. Тетервѣкъ — тетеревъ (у <i>Сково- роды</i>). Трусость — дрожь (у <i>Сковороды</i>). Трута — зілля — Ядовитое растеніе. Турготити (у вікно, — дребезжать, стучать (въ окно),</p> <p>Уживати — пользоваться, упорѣб- лять (у <i>Сковороды</i>.)</p>	<p>Уточити — напустить (посредствомъ крана.)</p> <p>Халепа — папастъ; бѣда. Халѣва — голенище. Харко — Захаръ. Харковъ (городъ) — Zacharopolis (у <i>Сковороды</i>.) Харко — Харитонъ. Хвищъ — Хистъ — способность, удача. Хлопцювати — быть въ отрочес- комъ возрастѣ. Хлѣста — сѣчка розгами. Хмизъ зъ халяйства. — Хрещѣнийъ — крестникъ. Хтодѣся — Θεодосія.</p> <p>Цуратись — (<i>Лайтесь та не цу- райтесь</i>, послѣвница)—отараняться отъ кого. Цюкати — рубить. Чигати — подстергать хищически, въ-засадѣ:</p> <p>Швайкала —юла, проходимоць, что вездѣ шляется между людьми. Шипотинникъ — наушникъ (?). Шкарѣбѣть — вверхъ ногами. Шку (ско) рѣпка — хлѣбная корка. {Рябці — }вилы шулікъ — {Половики}коршунъ.</p> <p>Юхнѣть — Бѣнѣть. Юда — Иуда.</p> <p>Языкъ ламать — работать языкомъ; наобъщать (у <i>Ст. Писаревскаго</i>.)</p>
---	--

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЇ УКРАИНЫ».

ХІ: Чумацкая *мажа* (большой возъ, въ которомъ чумаки раз-
возятъ соль и рыбу); съ рисункѣ *г. Трутовскаго*.

ХІІ. Портретъ одного селянина Полтавской губ.; срисованъ
г. Трутовскимъ, награвированъ В. В. Верещагинымъ.

Л. Ж.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ВЪ ИЗДАНІИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ 1863 ГОДУ.

Въ будущемъ 1863 году Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ издаваться ежемѣсячно книжками отъ 15 до 30-ти печатныхъ листовъ. Въ составъ его войдутъ слѣдующіе предметы:

I. Правительственныя распоряженія, какъ-то: Высочайшія повелѣнія и Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія, распоряженія министерства и приказы по министерству.

II. Официальныя статьи и извѣстія. Этотъ отдѣлъ будетъ составлять текущую лѣтопись дѣятельности министерства и всѣхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Сюда войдутъ извѣстія о дѣйствіяхъ министерства, извлеченія изъ отчетовъ, представляемыхъ министерству отъ попечителей округовъ и начальствъ учебныхъ заведеній, извѣстія объ учебной и ученой дѣятельности академій наукъ, ученаго комитета, главнаго правленія училищъ, университетовъ, лицеевъ, гимназій и другихъ подвѣдомственныхъ министерству учебныхъ и учебныхъ заведеній, наконецъ извлеченія изъ отчетовъ лицъ, командируемыхъ министерствомъ какъ по дѣламъ службы, такъ и для усовершенствованія въ наукахъ или приготовленія къ профессорской и преподавательской должности.

III. Педагогическая и дидактика. Независимо отъ общихъ теоретическихкихъ статей по всѣмъ отраслямъ педагогики и дидактики,

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ особенно стараться о собираніи и распространеніи точныхъ свѣдѣній объ исторіи и современномъ состояніи нашего общественнаго образованія. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ историческіе очерки учебныхъ заведеній, преимущественно подвѣдомственныхъ министерству, и вообще мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ и частными лицами для распространенія образованія; критическія описанія шинъ существующихъ учебныхъ заведеній, способовъ преподаванія и приѣмовъ воспитанія, въ нихъ употребляемыхъ, съ указаніемъ по возможности на ихъ достоинства и недостатки и на средства для устраненія этихъ недостатковъ. При нынѣшнихъ преобразованіяхъ по учебной части особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ объ отношеніи учебныхъ заведеній къ обществу и содѣйствіи общества правительству въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Очевидно, что подобный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не иначе, какъ только посредствомъ тщательнаго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ и особенныхъ условій, въ какихъ находятся каждая мѣстность и каждый классъ общества. Поэтому редація, пригласивъ къ сотрудничеству многихъ лицъ, имѣющихъ возможность дать въ этомъ отношеніи полезныя указанія, отправила нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ въ разныя мѣстности Россіи, поручивъ имъ собирать свѣдѣнія о народномъ образованіи и объ учебныхъ заведеніяхъ, и преимущественно о томъ, въ какой мѣрѣ они удовлетворяютъ нуждамъ общественнымъ.

Считая главною своею задачею разработывать свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Россіи, редація вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ слѣдить за развитіемъ правительственной и общественной дѣятельности по народному образованію и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Съ этою цѣлію редація отправила нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ за границу и надѣется въ будущемъ году сообщить нѣсколько любопытныхъ корреспонденцій объ учебныхъ заведеніяхъ и народномъ образованіи въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и Англіи.

IV. Науки. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ научныя изслѣдованія и статьи, преимущественно такія, которыя могутъ непосредственно служить матеріаломъ и пособіемъ для преподавателей.

V. Бритика и библіографія. Въ Журналѣ Министерства будутъ помѣщаться критическіе разборы и рецензіи сочиненій педагогическаго содержанія и учебниковъ; кромѣ того Журналъ будетъ давать своимъ читателямъ краткіе отчеты объ особенно важныхъ ученыхъ трудахъ русскихъ и иностранныхъ.

VI. Извѣстія и смѣсь. Сюда войдутъ: педагогическая лѣтопись какъ русская, такъ и заграничная, мелкія статьи педагогическаго содержанія, извѣстія о вновь выходящихъ сочиненіяхъ и т. п.

Кромѣ того, при Журналѣ будутъ издаваться особыя Приложенія, состоящія изъ ученыхъ и педагогическихъ трудовъ оригинальныхъ и переводныхъ. Эти приложенія будутъ разсылаться бесплатно всѣмъ подписавшимся на журналъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала съ приложеніями, *двѣнадцать рублей* безъ пересылки или доставки и *тринадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ* съ пересылкою или доставкою. Подписка принимается въ Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, у Пяти угловъ въ домѣ Буренина, въ Газетной Экспедиціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

НАСТОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

ДЛЯ СПРАВОКЪ

ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ

(СПРАВОЧНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКSIKONЪ.)

СОСТАВЛЕННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ф. Толля.

Все большее пробужденіе во всѣхъ слояхъ нашего общества интереса къ знанію, все большее распространеніе чтенія газетъ и журналовъ, наконецъ все большее осмысленіе жизни общества наукою, которая все глубже проникаетъ во всѣ изгибы общественнаго быта, указывая на недостатки существующаго, на мѣры къ усовершенствованію и способы улучшенія,—все это вызываетъ потребность въ словарь, который, съ одной стороны, давалъ бы ясное и доступное понятіе о всѣхъ предметахъ, изъ сферы науки ежедневно переносимыхъ или могущихъ быть перенесенными въ будничную жизнь, а съ другой—указывалъ бы на сочиненія, изъ коихъ о тѣхъ же предметахъ можно почерпнуть болѣе обширныя свѣдѣнія.

Что потребность въ такомъ словарѣ существуетъ въ нашемъ обществѣ, доказательствомъ служатъ неоднократныя объявленія у насъ объ *энциклопедическихъ словаряхъ* и появленіе *словарей иностранныхъ словъ*, которые всѣ находятъ подписчиковъ и читателей, не смотря на то, что *словари иностранныхъ словъ* только отчасти удовлетворяютъ сказанной потребности, *энциклопедическіе же словари* или по непрактической обширности плана (какъ напр. Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара) не могутъ быть осуществлены, или же по неудовлетворительности своего состава не могутъ исполнить своего назначенія. Вотъ причины, побуждающія насъ издать Настольный Словарь,

который служилъ бы предварительною справочною книгою для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, при чтеніи журнала или газеты встрѣчающаго имена лицъ, которыхъ значеніе въ исторіи, годъ рожденія и смерти желать бы знать, или названія учреждений, которыхъ годъ основанія и упраздненія забыть, или названія городовъ, которыхъ положеніе, число жителей и значеніе ему неизвѣстны, или терминовъ, котораго опредѣленіе загадочно для него. Съ этою главною, существенною цѣлью мы вознамѣрились соединить еще другую—чтобы образованный человѣкъ, который неудовольствуется предварительною справкою, а захочетъ ближе и подробнѣе познакомиться съ предметомъ, возбудившимъ его любознательность, нашелъ въ нашемъ словарѣ возможно полныя указанія на лучшія сочиненія (буде есть—отечественныя, а въ противномъ случаѣ иностранныя), специально посвященныя этимъ предметамъ и преимущественно общедоступныя.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ: 1) что словарь нашъ назначается для большинства читающей публики, 2) что специалисты по своимъ исключительнымъ предметамъ не найдутъ въ нашемъ изданіи ничего для себя особенно новаго, но зато по другимъ, специально имъ мало знакомымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и дѣятельностей, найдутъ то, что на первый разъ можетъ удовлетворить возбужденную въ нихъ потребность ознакомиться съ предметомъ; наконецъ 3) что дилетанты, начинающіе заниматься какою нибудь наукою или искусствомъ, и люди любознательные, занимающіеся понемногу всѣмъ, найдутъ въ словарѣ нашемъ указанія на популярныя или научныя сочиненія, изъ коихъ могутъ познакомиться съ различными предметами, возбудившими ихъ любопытство.

Мы не будемъ исчислять предметовъ, входящихъ въ составъ нашего словаря: довольно сказать, что мы старались совокупить въ немъ всѣ безъ исключенія отрасли знанія, поскольку, повторяемъ, эти знанія стали, становятся или готовы стать элементами общественнаго ежедневнаго быта, на сколько термины, имена и названія, входящія въ составъ наукъ, искусствъ и ремеселъ, могутъ встрѣтиться и понадобиться неспециалисту.

Задавшись такою задачею, мы почли существенными для ея успѣшнаго исполненія слѣдующія условія:

1) Возможную полноту списка словъ, определеніе которыхъ будетъ находиться въ нашемъ словарѣ. Подъ такою полнотою мы разумѣемъ отнюдь не всецѣльность всѣхъ наукъ, но полноту того мате-

ріала изъ каждой науки, въ которомъ надобность можетъ встрѣтиться неспеціалисту въ этой наукѣ.

2) Возможную краткость, сжатость и ясность изложенія какъ опредѣленій, такъ и фактовъ, событій, описаній и проч.

3) Возможное обиліе бібліографическихъ указаній на сочиненія, по возможности отечественныя и по преимуществу общедоступныя. Наконецъ. —

4) Возможную *дешевизну* изданія, способную сдѣлать его доступнымъ и для тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ знанія не много, средствъ еще менѣе, но любознательности—бездна.

Такъ—какъ послѣднее условіе, т. е. дешевизна изданія, зависитъ отчасти и отъ нѣкотораго обезпеченія сбыта, то издатели, желая знать, въ какой мѣрѣ они могутъ рассчитывать на сочувствіе публики къ этому труду, рѣшились издавать словарь выпусками и открыть на него *подписку*.

Всѣхъ выпусковъ будетъ 12, которые выѣстъ составятъ *три тома* въ 150—180 листовъ большаго 8-дольнаго формата, мелкой, но четкой печати въ два столбца.

Подписная цѣна за всѣ 12 выпусковъ «Настольнаго Словаря» съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—7 рублей, а безъ пересылки 5 р. 50 к.

Подписчики, немогущіе сразу внести всей подписной суммы, вносятъ при подпискѣ 3 рубля, обязуясь притомъ доплатить остальные деньги къ слѣдующимъ двумъ срокамъ, а именно: 2 р. къ 1-му іюня и два къ 1-му декабря 1863 года.

Подписка, какъ отъ столичныхъ жителей, такъ и иногородныхъ, принимается *исключительно* въ конторѣ редакціи журнала Учитель, въ С.-Петербургѣ, на Кошновардейскомъ бульварѣ, въ домѣ п. № 15.

Первый выпускъ «Настольнаго Словаря» выйдетъ въ январѣ 1863 года, остальные же будутъ выходить, по возможности, *ежемесячно*; такъ что все изданіе будетъ закончено къ концу того же года, или въ началѣ 1864 года.

Редакція ж. Учитель принимаетъ на себя полную ответственность передъ публикою за выходъ словаря въ свѣтъ.

По напечатаніи всего словаря продажная цѣна ему будетъ назначена не менѣе 8 рублей, къ которымъ придется прилагать на пересылку по-крайней мѣрѣ за 15 фунтовъ.

НАРОДНАЯ БЕСѢДА.

НА 1863 ГОДЪ.

Въ будущемъ 1863 году Народная Бесѣда будетъ издаваться на прежнихъ условіяхъ, но съ нѣкоторымъ пополненіемъ.

Каждая книжка будетъ состоять изъ пяти отдѣловъ:

I. Отдѣлъ—Правительственныя распоряженія. Объясненіе Положеній объ устройствѣ крестьянскаго быта. Указанія.— Этотъ отдѣлъ имѣетъ цѣлю ознакомленіе, въ особенности поселятъ, съ ихъ правами и обязанностями, то есть съ законами.

II. Словесность. Повѣсти, рассказы, пѣсни, стихотворенія.— Признавая необходимымъ только одно—общечеловѣчное развитіе и воспитаніе, одинаково нужное для всехъ сословій, Редакція избѣгаетъ всякой односторонности, и не исключаетъ никакой формы и никакого содержанія произведенія, лишь бы цѣль его была правдива и исполненіе художественно.

III. Науки. Естествознаніе, хозяйство, землеописаніе, бытоописаніе, ремесла, искусства и проч.

Изъ статей, въ ходящихъ въ этотъ отдѣлъ, постепенно составятся, пригодныя для школъ и обученія вообще. руководства по разнымъ предметамъ науки, какъ—то: исторіи, землеописанія, естествознанія, хозяйства и проч.

IV. Народное здравіе. Указаніе средствъ къ сохраненію и поправленію здоровья. (Подробности см. ниже).

V. Смѣсь. Открытія, изобрѣтенія случавъ, разныя извѣстія— вообще мелкія статьи. Въ этотъ отдѣлъ входятъ между прочимъ слѣдующія постоянныя статьи:

1. Школы воскресныя и другія народныя. Свѣдѣнія о числѣ учащихся, о преподавателяхъ, о предметахъ и средствахъ преподаванія и объ учебныхъ пособіяхъ.

2) Переписка. Редакція обязуется отвѣчать на всѣ основатель-

ные вопросы, касающіеся народнаго образованія и школъ, и помѣщать замѣтки и письма о народномъ бытѣ вообще.

3) *Книги*. Указаніе книгъ, предназначаемыхъ для народа, и краткій разборъ ихъ.

Каждый отдѣлъ **Народной Бесѣды** имѣетъ свою померацию страницъ, и для большаго удобства употребленія въ школахъ, можетъ шиваться отдѣльно.

Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и чертежи.

Программа журнала съ будущаго года пополняется однимъ отдѣломъ—**Народное Здравіе**. Статьи по этому предмету доселѣ помѣщались или въ общемъ отдѣлѣ наукъ, или въ смѣсн. Съ будущаго же года отдѣлъ этотъ будетъ виденъ не отрывочно, а послѣдовательно и въ такой полнотѣ, что дастъ каждому читателю возможность изучать способы сохраненія и поправленія здоровья. Сюда войдутъ статьи:

.О сложеніи тѣла и настоящихъ его потребностяхъ.—О средствахъ къ укрѣпленію слабаго сложенія и разстроеннаго здоровья.—О воспитаніи дѣтей.—О пищѣ и питъѣ и о способахъ исправлять дурную и добывать здоровую пищу.—Объ одеждѣ и жилищѣ.—О чистотѣ и способахъ удаленія вредныхъ нечистотъ.—О трудѣ и отдыхѣ.—О причинахъ разныхъ болѣзней.—О вліяніи почвы, воды, воздуха, тепла, холода и всего, что окружаетъ человѣка.—О вліяніи разныхъ занятій и ремеслъ на здоровье, и о средствахъ поправлять вредныя вліянія.—О вредныхъ привычкахъ и разумныхъ, основательныхъ обычаяхъ.—О предохраненіи отъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней.—О здоровьѣ нравственномъ.—О душевныхъ болѣзняхъ и ихъ причинахъ.—О содержаніи больныхъ.—О домашнихъ врачебныхъ средствахъ и объ устройствѣ врачебнаго пособія въ деревняхъ.—О спасеніи отъ нечаянныхъ несчастныхъ случаевъ.—О содержаніи и сохраненіи здоровья домашнихъ животныхъ и проч. (Все, что относится до здоровья растений, будетъ входить въ тотъ отдѣлъ, гдѣ помѣщаются статьи о хозяйствѣ).

Сверхъ-того въ теченіи будущаго года подписчики бесплатно получатъ, въ видѣ особаго приложенія, хорошіи **Домашній лечебникъ**.

Редакцію отдѣла **Народное здравіе** будетъз авѣдывать **В. В. Дериксръ** (Василшчъ).

Въ прошломъ году мы уже сказали:

«Порѣшное дѣло—что грамотность необходима всѣмъ и каждому: теперь, когда всѣмъ дано человѣческое право свободы, мы видимъ, какъ дорого оплачиваются темные люди за свое непонятіе,—за свою безграмотность. Пришла пора каждому твердо знать свое **право** и свою **обязанность**; а этого не узнаешь съ чужихъ словъ, по наслышкѣ: умѣй самъ прочесть и понять то, что о тебѣ и для тебя написано.

«Съ новымъ правомъ свободы—всѣ обязанности, все хозяйство и весь бытъ человека совѣмъ измѣняются: все должно улучшаться и вестись разумнѣе. Не только что поле хозяина будетъ иначе обрабатываться, животина не по прежнему содержаться, домъ в усадьба перемѣнятъ свой видъ убогой,—но и вся семья его будетъ иначе жить и воспитываться.

«Какъ именно обрабатывать поле и держать хозяйство; какъ обращаться съ домашними животными; какъ устроить свой домъ; какъ вести и воспитать семью свою; какъ и надъ чѣмъ трудиться, чтобы жить въ довольствѣ,—все это надо знать, всему выучиться. Вольнымъ людямъ надо жить на свѣтѣ не кое—какъ, а по правилу твердому и разумному. Для этого нужна наука; а начало всякой науки—грамота, научающая правильно и твердому разумѣнію слова.»

Грамота съ Божьею помощью уже пошла въ ходъ. Всѣ, даже темные люди поняли, какъ нужна она, и школы часъ отъ часу множатся. Настала пора въ самомъ дѣлѣ науку подавать. **Народная Бесѣда** съ своей стороны будетъ стараться помогать этому дѣлу, объяснять науку въ общепонятномъ видѣ и сообщать всякія полезныя свѣденія, на сколько средствъ хватитъ. Но, книга—мертвое слово; воплотить это слово въ живое дѣло—подвигъ людей мыслящихъ и любящихъ добро. Къ нимъ мы и обращаемся, ихъ содѣйствія просимъ.

Ревностное основаніе школъ по епархіямъ; успѣхъ дѣйствиі мировыхъ учрежденій; примѣры безкорыстія владѣльцевъ, и видимыя успѣха всѣхъ грамотныхъ людей—подаютъ благія и вѣрныя надежды: дѣло разума и добра идетъ впередъ твердо.

Народная Бесѣда издается книжками, каждая по 10 печатныхъ листовъ, то есть по 160 страницъ, и болѣе. Годовая цѣна за **шесть книжекъ** 2 руб. сер. съ пересылкою во всѣ почтовые

конторы. За доставку на домъ въ Петербургъ, по городской почтѣ, прилагается 30 коп. сер.

Жители Петербурга подписываются въ книжныхъ магазинахъ: **Сеньковскаго** и **Комп.** (въ Большой-Морской, д. № 20) и **Серно-Соловьевича** (На невомъ проспектѣ, въ д. Петроавлодской церкви, № 24) и у прочихъ книгопродавцевъ.

Иногородныхъ просимъ обращаться прямо въ редакцію.

Подписка иногородныхъ производится такъ:

«Прошу выслать **Народную Бесѣду** на 1863 годъ: *такой-то* губернии, уѣзда, въ городъ или на станцію, или въ почтовую контору), на имя *такого-то*. — Прилагается 2 рубля (или 00 рублей, за 00 экземпляровъ).»

Написывать: въ Редакцію **Народной Бесѣды**, въ Петербургъ.

Иногородные, желающіе, чтобы журналъ доставлялся имъ по почтѣ на домъ, гдѣ это возможно, могутъ приплачивать по 30 копѣекъ за годовой экземпляръ въ мѣстную почтовую контору.

Редакція отвѣчаетъ за исправную высылку только тѣхъ экземпляровъ на которые подписка получена прямо въ Редакцію **Народной Бесѣды**.

Статьи и письма—на имя редактора надписываются: **Александрѣ Фомичу Погоскому**, въ Редакцію **Народной Бесѣды**, въ Петербургъ.

Вознагражденіе сотрудникамъ за напечатанныя статьи назначается сравнительно такое же, какъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ.

Редакторъ **Народной Бесѣды** издаетъ съ Высочайшаго соизволенія, съ 1858 г., **Солдатскую Бесѣду**. Такъ какъ нравственныя и умственныя потребности войска и народа въ сущности одни и тѣ же, то съ 1862 года послѣдній журналъ принялъ размѣры и содержаніе **Народной Бесѣды**, съ необходимыми военно-спеціальными пополненіями.

Редакторъ **А. Погоскій**.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества одобренію, представленной Господиномъ Военнымъ Министромъ записки редактора **Солдатской Бесѣды** Погоскаго: «о приспособленіи твердо-грамотныхъ

нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ отъ службы, къ должности учителей Сельскихъ Школъ подъ руководствомъ священниковъ» — въ Солдатской Весѣдѣ и Народной Весѣдѣ 1863 г. будутъ объяснены способы *правильнаго* обученія грамотѣ и первоначальнымъ познаніямъ.

Такое обученіе, не требуя лишнихъ затратъ, поможетъ солдату сознательно уразумѣть свой священный долгъ службы, и дастъ ему средство въ отставкѣ быть полезнымъ и почтеннымъ членомъ общества. Честная служба солдата должна быть полезной школой гражданина.

Къ Солдатской Весѣдѣ и Народной Весѣдѣ 1863 года будутъ приложены краткія, необходимыя для первоначальнаго обученія, руководства.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

въ 1862 году.

ВЫХОДИТЬ СЕМЬСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 15 ДО 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ
ВЪ КАЖДОЙ.

Въ 1863 году, **шестомъ** со времени своего основанія, «Военный Сборникъ» будетъ продолжаемъ по прежней программѣ и на прежнихъ основаніяхъ. Постояннымъ читателямъ этого журнала извѣстно, что онъ имѣетъ цѣлю: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всемъ частямъ военнаго дѣла, служить посредникомъ между публикою и тѣми изъ гг. офицеровъ, которые желаютъ,

путемъ гласности, сообщать свои мысли и наблюденія, извлеченныи изъ опыта, и наконецъ быть проводникомъ всего современнаго движенія по военной части.

Съ 1862 года, къ этой обширной задачѣ «Военнаго Сборника» прибавилась новая, весьма важная по своему значенію и по своимъ послѣдствіямъ: журналъ началъ знакомить публику со всѣми предположеніями нашего Военнаго Министерства относительно преобразованій, уже предпринятыхъ или предпринимаемыхъ для блага арміи. Рядъ статей, до сихъ поръ напечатанныхъ по этому предмету, можетъ достаточно ознакомить читателей, въ какомъ духѣ и въ какихъ размѣрахъ будутъ и впредь обсуждаемы вопросы, столь близко касающіеся интересовъ всего военнаго сословія.

Видѣвъ съ тѣмъ, Редакція «Военнаго Сборника», считаетъ се лишнимъ заявить, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8 марта 1862 года, журналъ этотъ, какъ и другія періодическія изданія правительственныхъ учреждений, освобожденъ отъ разсмотрѣнія общей цензуры и издается подъ личною отвѣтственностію своего Редактора и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

Редакція уже не разъ высказывала свое убѣжденіе, что успѣія ея, какъ бы они ни были велики и добросовѣстны, останутся безплодными въ достиженіи предположенной цѣли, если стремленія ея не будутъ поддерживаться сочувствіемъ нашего военнаго сословія. Это убѣжденіе повторяетъ она и теперь, призывая всѣхъ просвѣщенныхъ членовъ русской военной семьи къ дружному содѣйствію общему дѣлу, особенно по тѣмъ современнымъ вопросамъ, которые затронуты предположеніями Военнаго Министерства. Съ такимъ сочувствіемъ и съ такимъ содѣйствіемъ неразрывно связано всякое улучшение «Военнаго Сборника».

Съ своей стороны Редакція «Военнаго Сборника», всегда, съ истиннымъ удовольствіемъ готова идти навстрѣчу желаніямъ своихъ читателей, всегда готова по своимъ силамъ и средствамъ содѣйствовать всестороннему осуществленію обширной программы журнала.

Программа «Военнаго Сборника», Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1863 году.

I. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ приказовъ Военнаго Министра, главнокомандующихъ арміями, Генераль-Инспек-

тора по инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, начальника Штаба по Военно-Учебнымъ заведеніямъ и командировъ корпусовъ. б) Извлечения изъ циркулярныхъ объявленій департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченияхъ этихъ будутъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній.

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, относящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенноти пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артиллеріи, о соответствующихъ современному состоянію военнаго искусства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соответствующіе карты и планы.

По военной администраціи—все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствию войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальныя журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разказы изъ военнаго быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлечения изъ журналовъ комиссіи улучшеній

по военной части. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенныя. в) Выдержки изъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. г) Библиографическія свѣдѣнія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. .) Всѣ нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Страницы «Военнаго Сборника» открыты, попрежнему, для всѣхъ, желающихъ своими познаніями и наблюденіями содѣйствовать общей пользѣ военной семьи. Только при такомъ дружномъ содѣйствіи и возможно достиженіе важной цѣли органа военныхъ интересовъ—распространенія въ войскахъ рациональныхъ свѣдѣній о военномъ дѣлѣ. Редакція надѣется, что на призывъ ея откликнется, какъ было до сихъ поръ, всѣ свѣдующіе и образованные офицеры, служащіе и служившіе.

Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ Редакцію Сборника». Въ случаѣ одобренія статьи, она будетъ напечатана при первой возможности; въ случаѣ же неодобренія—возвращается автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу, *безъ всякихъ объясненій*. Редакція принимаетъ на себя обратную пересылку только тѣхъ статей, которыя хотя и не могли быть напечатаны, но представляютъ въ какомъ либо отношеніи трудъ замѣчательный. Въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ необходимо обозначать источники, откуда онѣ взяты. Чертежи, прилагаемые къ статьямъ, Редакція проситъ составлять, по возможности, въ форматѣ осьмушки или четверти печатнаго листа.

Вмѣстѣ съ симъ Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ присылающихъ къ ней статьи для печати подписывать имена свои и адреса *четко и ясно*. По желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только *одному* редактору. Статьи и письма *неподписанныя* Редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», опредѣлено: за переводы отъ 12 до 20 руб. сер. съ печатнаго листа, за извлеченія и компіляціи до 30 р. с., а за оригинальныя статьи до 50 р. с. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получить бесплатно до 25 отдѣльныхъ оттисковъ *своей* статьи, помѣчая о томъ на самой статьѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается:

Въ **С.-Петербургѣ**, въ конторь Редакціи «Военнаго Сборника,» на *Литейной, домъ Денфера, № 13* и

Въ конторь при книжномъ магазинѣ *Давыдова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ арсенала Николаевскаго Дворца.*

«Военный Сборникъ» выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 15 до 20 листовъ въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или за двѣнадцать книжекъ, *шесть рублей серебромъ.*

Изгородные подписчики, служащіе въ войскахъ, прилагаютъ за пересылку *пятьдесятъ копѣекъ серебромъ.* Тѣ изъ городскихъ подписчиковъ, которые пожелаютъ, *чтобы журналъ доставлялся имъ на домъ, платятъ за доставку рубль пятьдесятъ копѣекъ серебромъ.*

Редакція «Военнаго Сборника» покорнѣе проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «Военный Сборникъ,» съ тою цѣлью, чтобы книжки журнала могли быть доставляемы на имя каждаго подписчика, черезъ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта, въ наглухо заклеенныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «Военный Сборникъ» за 1859 годъ, съ *картою Италіи*, и за 1860, 1861 и 1862 годы, съ *приложеніями: «Тактика» Грисейна* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Полана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ Редакцію.

Главный Редакторъ «Военнаго Сборника,»

Генеральнаго Штаба Генераль-Майоръ **МЕНЬКОВЪ.**